

Ник
ПЕРУМОВ

Гибель Богов—2
КНИГА ШЕСТАЯ
ПРОШЕДШАЯ ВЕЧНОСТЬ

Annotation

Вечность прошла. Что делать тебе теперь, Хедин Познавший Тьму? Соратников всё меньше, врагов всё больше. Мироздание, которое ты стремился хранить и оберегать, всё неустойчивее. Дальние Силы, Спаситель, Молодые боги и боги Древние, возвысившиеся смертные маги – все они вышли против тебя в открытую, действуя по принципу «разделяй и властвуй». Явились на свет сущности, о которых эоны лет никто не слышал, возвращаются из небытия те, о ком, кажется, давно забыто, словно и впрямь близок конец времён. Что остаётся тебе, Хедин? Только смертные. Их вера, их надежда, их горячая кровь. Но всё на свете имеет свою цену – и чем придётся расплачиваться тебе, когда мир и вправду рухнет?

- [Содержание](#)
 -
 -
 - [Синописис,](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Содержание

Ник Перумов

Гибель Богов-2. Книга шестая

Прошедшая вечность

Оформление серии И. Саукова

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использована работа художника В. Бондаря

Серия «Ник Перумов»

© Перумов Н. Д., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Синописис, или Что было раньше?

После окончания событий, описанных в романе «Война мага», Новым Богам Упорядоченного, Хедину и Ракоту казалось, что наступила долгожданная передышка. Два мира – Мельин и Эвиал – были спасены, слившись так, что на их месте возник новый мир. Спаситель, явившийся в Эвиал, был отброшен, хоть и не побеждён. Пленённая в Западной Тьме волшебница Сигрлинн, возлюбленная Хедина, вырвалась на свободу. Пал коварный Архимаг Игнациус, заманивший было Хедина и Ракота в ловушку, пал и гениальный, но безумный чародей Эвенгар Салладорский, мечтавший достичь божественности. Предавшая Хедина эльфка-вампириша Эйвилль погибла тоже, оставив в руках Нового Бога ценнейший артефакт, залог Дальних, данный ей как доказательство серьёзности их намерений.

Боевой маг Долины Клара Хюммель сумела вытащить из Эвиала одного из хранителей кристаллов магии, дракона Сфайрата. Ей удалось отыскать тихую гавань, мир под названием Кимма, где они и зажили как муж и жена, успев родить четверых детей, ибо время там текло быстрее, чем, к примеру, в Обетованном или даже в Мельине.

Затишье, однако, оказалось недолгим. Планы Хаоса и Дальних Сил были сорваны, но полного поражения они не потерпели. Подмастерья Хедина вынуждены были вступать в бой во многих местах, удерживая равновесие.

Линия Клары Хюммель

Мирная жизнь Клары Хюммель оказалась нарушена, когда к ней в гости пожаловал странный местный маг, назвавшийся Гентом Гойлзом. Он намекнул, что догадывается о её истинном происхождении; и, хотя на первый взгляд визит его не нёс никакой непосредственной угрозы, Клара забеспокоилась.

Её беспокойство оказалось не напрасным.

В этом же мире оказался эльф-вампи́р Ан-Авагар, из гнезда уже упомянутой Эйвилль; он служил Хедину, однако службу эту понимал весьма своеобразно, скорее как индульгенцию на кровавые злодеяния.

Пытаясь разобраться, что за зло творится в окрестностях родного посёлка, дети Клары и Сфайрата угодили в древнюю ловушку, расставленную неизвестно кем, но явно на «сильных магов». Непонятным для Клары образом этот капкан оказался связан с совсем иным, находящимся в Межреальности и установленным гномами-подмастерьями Хедина, рассчитывавшими «захватить живьём хоть одного Дальнего».

Одновременно уже упомянутый вампир Ан-Авагар, помимо всего прочего, вызвал нашествие подъятых из могил мертвяков на посёлок, где жила Клара с семьёй. Выбирая, броситься ли сразу на поиски детей или вернуться к дому и помочь беззащитным перед мертвяками селянам, Клара поссорилась со Сфайратом, и он один пустился в погоню.

Кларе удалось отразить нападение мёртвых – причём помощь неожиданно для себя оказал и сам вампир, начавший проявлять к Кларе совсем не вампирский интерес; она смогла добраться до ловушки, где были заперты её дети. Однако волшебница не сумела бы пробиться к ним, если бы не помощь со стороны странного, но могущественного чародея, назвавшегося Кором Двейном.

Детей Кларе удалось отбить, но при этом она вступила в бой с гномами-подмастерьями Хедина, что изо всех сил спешили к сработавшей ловушке, будучи убеждены, что «захватили Дальнего».

Кор Двейн уверяет её, что теперь она враждует с Новым Богом Хедином, который «подобного не прощает».

В то же самое время девочка Ирма, оказавшаяся в невольных ученицах у Клары Хюммель, попадает в замок к странным магам, «брату и сестре» Кора Двейна по имени Скьёльд и Соллей. Соллей берётся обучать Ирму магии – Клара до этого открыла в девочке немалый талант.

Освободив детей, Клара должна теперь разыскать мужа, дракона Сфайрата, и объясниться с ним.

Вернувшись с детьми в Поколь, Клара обнаружила селение почти полностью разорённым. Страж-кот Шоня, однако, уцелел и сумел сохранить в неприкосновенности дом Клары и Сфайрата. Людям из этих мест помогли перебраться в другие деревни маги Беллеоры, ближайшего большого города.

Клара с детьми и Шоней отправились на поиски Сфайрата.

В Межреальности, однако, их перехватил отряд подмастерьев Хедина под водительством гнома Керрета, того самого, что едва не пленил детей Клары в расставленной «на Дальнего» ловушке. Керрет потребовал от Клары «сдаться»; она отказалась, однако сумела вытянуть

гнома в переговоры. Никто не знает, чем бы закончилась их беседа, но по какой-то случайности вспыхнула схватка.

Зося, младшая дочь Клары, была тяжело, почти смертельно ранена.

Кларе удалось удержать её на самом краю смерти, однако долго так продолжаться не могло. К счастью, Чаргос, старший сын Клары, смог вовремя привести помощь.

На подмогу подоспел чародей Скъёльд, названный брат волшебника Кора Двейна и чародейки Соллей. Ему удалось спасти Зосю; Клара с детьми оказались в замке Кора Двейна. Хозяин не один раз пытался убедить Клару «встать с ним плечом к плечу» и сражаться «за свободу всего Упорядоченного, ибо боги не имеют права повелевать смертными», но Клара всякий раз отказывалась.

Тем не менее, ощущая себя в долгу перед спасшими её ребёнком чародеями, Клара добровольно решила выполнить их задание. Детей она спрятала на нашей Земле, в закрытом от магии пространстве, где их никак не смогли бы разыскать.

Сама же Клара отправилась в некий мир, где – по слову Кора Двейна – ей предстояло задержать слуг Хедина и добиться, чтобы порталы в этом мире оставались бы открытыми как можно дольше – через них перебрасывались подкрепления на войну.

Кларе удавалось достаточно долго сдерживать подмастерьев Познавшего Тьму, однако в конце концов ей пришлось оставить защиту портала. Она ощущала в глубине этого совершенно обычного и ничем не примечательного мира странные сгустки силы, порождавшие странное эхо.

Клара попыталась понять, что же это такое; и даже успела выяснить, что таинственные сгустки образуют нечто вроде линии чудовищного разлома, грозившего не только обратить во прах сам мир, но и рассечь саму Межреальность вокруг него.

Однако в этот миг то ли сработали охранные чары этих диковинных артефактов, то ли вернулись странно искажёнными заклятия самой Клары – и она получила тяжкие магические повреждения. Бесчувственную, её взяли в плен подмастерья Хедина и попытались доставить в Обетованное.

Лекари-эльфы прилагали все усилия, чтобы спасти Клару, однако она умирала.

Именно такой, умирающей, её и нашёл не кто иной, как вампир Ан-Авагар.

Недолго думая, он выкрал её, чувствуя неизбежность её гибели и поклявшись спасти – любой ценой.

Линия гарпии Гелерры

Полк гарпии Гелерры сражался в Хьёрварде, где неведомые противники бросили в бой мало что понимающих, но жадных до драки быкоглавцев, к которым присоединились низкорослые карлики-чародеи из дикого, неизвестного никому мира, где их вербовал какой-то странный, но явно очень могущественный маг.

Разбивая воздвигнутый чужими волшебниками щит, Гелерра угодила под непонятное воздействие, лишившее её чувств и перебросившее неведомым образом далеко в Межреальность.

Там она столкнулась с чародеем Скъёльдом, заявившим, что он якобы «спас» её, удержав от падения «в бездну, где кроются корни Мирового Древа». Скъёльд задал гарпии только один вопрос: что выбирает она – свободу или служение? Гелерра гордо ответила, что долг её – служение великому богу Хедину. Чародей, как и обещал, дал ей свободу, однако Гелерра оказалась не в каком-то из миров и даже не в Межреальности, а в странном призрачном месте, похожем на крону исполинского древа, где её, беспомощную, несло сильнейшим магическим потоком, мало-помалу превращая в демона.

В конце концов, охваченную отчаянием, разуверившуюся Гелерру вынесло в некий мир, но уже не крылатой гарпией-адатой, а жутким чудовищем.

Там она столкнулась с неведомым врагом, охотником на демонов, и едва не погибла от его чар. Спасла её чародейка Соллей, оказавшаяся в нужном месте и в нужное время. Спасла и взяла с собой. В замке Соллей и Скъёльд принялись за «излечение» гарпии, как они называли это, утверждая, что они «в долгу» перед Гелеррой и помогают ей просто так.

Попутно Соллей осторожно, не заходя слишком далеко, расспрашивала Гелерру о Хедине и её службе, утверждая, что они с братьями – исключительно «за свободу» и не потребуют с адаты никакой службы взамен. Более того, Соллей уверяла, что, борясь с их врагами-Дальними, она тем самым «споспешествует великому Хедину». Особенно волшебницу интересовал зелёный кристалл, залог Эйвиль, полученный вампиршей от Дальних и найденный потом Гелеррой в Межреальности.

Гелерра никому ничего не обещала, однако её всё чаще посещали мысли, совсем не свойственные верному ученику Познавшего Тьму.

Соллей и Кор Двейн добились успеха – они полностью излечили адату,

вернув ей прежний облик и навсегда изгнав овладевшего ею демона. На крыльях Гелерры вновь отрастали прекрасные белые маховые перья, коими она так гордилась и утрату которых оплакивала столь горестно.

Она ощущала себя покинутой и преданной богом Хедином. Несмотря на все её чувства к нему, он не пришёл к ней на помощь, оставил в беде. Гарпия же считала, что Познавший Тьму непременно должен был «чувствовать», что с ней стряслось.

Нельзя не добавить, что к выводам этим ей помогли прийти маги Кор Двейн и его названная сестра Соллей.

После того как адата вновь обрела способность летать, она – как и Клара – решила «вернуть долг» спасшим её чародеям. Кору Двейну требовался зелёный кристалл, залог Дальних, ставший добычей Гелерры, а она уже потом отдала его Хедину.

Не чувствуя себя более связанной с Познавшим Тьму и успокаивая себя тем, что Кор Двейн тоже якобы воюет с Дальними, кои враги и Хедину, Гелерра отправилась к Обетованному.

По пути, уже на ближних подступах, ей встретилось воинство Тьмы, ведомое Ракотом Восставшим, что вновь принял титул Владыки Мрака. Гарпия решила, что Ракот обратился против Хедина; по её мнению, лучшего момента, чтобы добыть кристалл, уже бы не представилось.

Защищавшие Упорядоченное от натиска быкоглавцев ученики Хедина ничего не заподозрили. Для них это была счастливо вырвавшаяся из плена адата Гелерра, вернейшая из верных. Они пропустили гарпию.

В доме Хедина Гелерре посчастливилось добыть заветный кристалл и невредимой выбраться обратно.

Линия Матфея Исидорти

Матфей Исидорти, обычный смертный человек, молодой клирик монастыря Сил Святых в самом обычном мире Упорядоченного, был одержим тягой к постижению тайного и магического. Больше всего его привлекали истории о загадочных демонах и способах повелевать ими – и наконец в руки Матфею попали старинные запретные книги, как раз посвящённые этому.

Молодой клирик оставил монастырь и, после долгого пути, достиг мест, где, согласно анонимному автору, появлялись демоны; там адепт, не обделённый смелостью, мог надеяться познать их и даже подчинить себе.

Матфею сопутствовала удача. Он отразил атаки демонов, хотя

схватка с третьим из них забросила его в неведомое подземелье, откуда не было выхода. Призрак, назвавшийся убитым им демоном, предсказал, что, дескать, несмотря на победу Матфея, он тоже обречён, поскольку должен умереть в подземелье от голода и жажды; сам же демон, мол, вынужден убивать потому, что таковым сотворили его Новые Боги.

Тем не менее Матфею удалось вырваться из ловушки – удивительное смещение пространства забросило его в совсем другие места родного мира, где его ждало столкновение с Гелеррой, почти утратившей сознание и терзаемой ужасным голодом, который, как ей казалось, может утолить лишь человеческая плоть. В схватке они оба были близки к смерти: Гелерра – от вызванного рунами Матфея пламени, Матфей – от клыков и когтей «демона»; в этот момент, однако, появились двое спасителей, мужчина и девушка. Девушка-чародейка спасла Гелерру, мужчина – Матфея. Ни гарпия, ни клирик не видели в деталях своих спасителей.

Они были просто спасены.

Как и Гелерра, Матфей нашёл приют в замке Кора Двейна. Сам хозяин стал наставником молодого клирика в магических науках. Помимо этого, Двейн доверил своему новому подопечному опекать очень важную пленницу, заточённую в защищённой могущественными чарами темнице, – Царицу Теней. Кор Двейн рассказал Матфею, кто она такая и что в заключении находится также и за то, что ради забавы с сородичами – так называемыми Новыми Магами – наводила орды чудовищ на ни в чём не повинных поселян Северного Хьёрварда.

Красота Царицы поразила бедолагу Матфея в самое сердце. Он не понимал, зачем Кор Двейн взвалил на него ещё и эти обязанности, но...

Приказ есть приказ.

И Матфей старался его выполнить настолько хорошо, насколько мог. Очень скоро, однако, он оказался совершенно очарован соблазнительной Царицей, и потребовалось совсем немного времени, чтобы они сделались любовниками.

Тем не менее окончательно голову Матфей не потерял, сообразив, что здесь, в темнице, Царица Ночи в полной его власти и достаточно туманных намёков на возможную помощь в будущем, чтобы добиваться от неё близости.

Однако же он всё равно взялся за расшифровку охранных чар Кора Двейна. Он не сомневался, что получит немалую награду, если сумеет освободить Царицу Ночи и доставить её к родне. Правда, оставалось

решить, как ему обезопасить себя, если та же Царица решит отомстить за вынужденные ласки.

Матфей тянул время.

И пока оно тянулось, он стал свидетелем визита в замок Кора Двейна неких очень важных гостей, кои, как выразился сам чародей, «помогали в осуществлении их большого плана».

В замок прибыли четверо мужчин, скрывавших лица под капюшонами; четверо, наделённых огромными силами.

Самому себе неведомым способом Матфею удалось услышать ведшийся посредством мыслеречи разговор меж гостями и хозяевами, в котором гости именовали Кора Двейна, Скьёльда и Соллей своими «слугами», а Кор Двейн, словно не замечая, убеждал их в необходимости получения некоего «обещанного», без которого план быть исполнен не мог.

Гости должны были получить некую «долю» непонятно чего, причём «без Хедина и Ракота». Матфей также узнал, что именно Кор Двейн и его родня ответственны за появление в Упорядоченном Четвёртого Источника Магии (в дополнение к Урду, Кипящему Котлу и Источнику Мимира) и за небывалый переток силы к Древним Богам, давно влачившим весьма скромное существование.

Неведомые «гости» пообещали, хоть и нехотя, доставить «обещанное». После этого столь же таинственный «план» будет выполнен.

Линия Древнего Бога Одина и валькирии Райны, его дочери

После окончания эвильских событий, когда Старый Хрофт и Райна встретились, бог Óдин начал свою собственную игру. Вместе с Райной он откапывает давно забытые железные обломки, помнящие ещё дни славы Асгарда, и альвийская оружейница Айвли выковывает для Хрофта и Райны новые мечи. Óдин убеждён, что, хотя асы пали на Боргильдовом поле, тени их пребывают во владениях великого Демогоргона, и он сможет так или иначе, но выручить их. Заручившись помощью Яргохора, Водителя Мёртвых, и разыскав волка Фенрира, сына Локи, Óдин с Райной отправляются в опасный путь.

Пробиться в домен Соборного Духа оказалось очень нелегко, однако на помощь Старому Хрофту неожиданно явились Дальние и уже знакомый нам маг Скьёльд, уверяющий, что он, мол, «с роднёй» горячо сочувствует делу Древнего Бога и готов помочь всем, чем только возможно.

Он действительно помог. Несмотря на противодействие – демонов,

чудовищ, бестелесных призраков, – Старому Хрофту удалось пробить для валькирии Райны дорогу в пределы Демогоргона. Ей удалось разыскать асов и вывести их тени из царства смерти, однако это были лишь тени, безвольные и словно бы спящие. Самому же Óдину, Фенриру и Яргохору пришлось выдержать бой с подмастерьями Хедина.

Вернувшись на равнины Иды вместе с тенями асов, Старый Хрофт сумел провести ритуал, возрождающий их в прежней истинной плоти.

Хедину пришлось срочно отправиться к Асгарду, теперь уже отстроенному по-настоящему из дерева, камня, стали и золота; Познавший Тьму стал свидетелем последних стадий обряда, закончившегося появлением из альвийского меча, вручённого Óдину оружейницей Айвли, нового ясеня Иггдрасиля, во всём подобного тому, что высился когда-то над изначальным Асгардом, Асгардом Древних Богов, что правили Хьёрвардом.

У подножия ясеня забил новый Источник Магии, родившийся из тёмной пуповины, что вела от покинутого Мимиром Источника Мудрости к неведомой маго-механической системе в глубинах Упорядоченного. Кто устроил всё это, оставалось загадкой.

Видя нарастающий катаклизм, Хедин решил отступить от возрождённого Асгарда. Сигрлинн, не согласная с ним и требовавшая решительной войны со Старым Хрофтом до полного его низвержения, покинула Познавшего Тьму.

Встретив во владениях Демогоргона душу своей матери, Райна вместе с Ракотом двинулась в обратный путь по Упорядоченному. Валькирия была преисполнена решимости вернуть матери тело – так же, как Óдин должен был вернуть плоть всем спасённым ею асам. Однако по дороге домой валькирия вдруг ощутила странные эманации, «как до Боргильдовой Битвы», словно бы Древние Боги начали обретать силы вновь.

Спустившись в незнакомый мир, Ракот и Райна оказались лицом к лицу с загадочным Древним, обретающим силы, помимо прочего, и в массовых жертвоприношениях. Вступив с ним в схватку, Ракот, к собственному изумлению, обнаружил, что Древний куда могущественнее, чем кажется, а силы самого Ракота словно бы претерпели ущерб. После кровавой битвы им удалось пресечь зло Древнего, и Ракот поспешил к Обетованному уведомить Хедина; Райна же отправилась в Асгард.

В Асгарде бог Óдин принимал гостя. Явившийся посланник Дальних склонял Óдина к открытой войне против Хедина и Ракота во главе рати Древних Богов.

«Приведи мне эту рать, и я возглавлю её» – были последние слова Старого Хрофта.

Но прежде чем обещанная рать достигла Асгарда, к его стенам подоспели отряды Сигрлинн – Ночные Всадницы и рыцари Ордена Прекрасной Дамы.

На защиту Асгарда встала даже такая неожиданная союзница, как Мать Ведьм Гульвейг, но и ей не удалось остановить чародейку Сигрлинн.

Разбив врата крепости асов, Сигрлинн, приняв облик огненного вихря, ворвалась внутрь и под ветвями возрождённого Иггдрасиля сошлась лицом к лицу со Старым Хрофтом.

Сигрлинн обвинила его в измене и ударе в спину Познавшего Тьму; Старый Хрофт возразил, что никого не предавал, а лишь спасал своих сородичей, сделав то, что должен был сделать давным-давно.

Сигрлинн не приняла его объяснений.

Их рукопашная схватка была в самом разгаре, когда с неба низринулись зелёные кристаллы Дальних, открывая порталы, откуда хлынул поток Древних Богов, собранных, наверное, со всего Упорядоченного.

Дальние сдержали слово, приведя Óдину обещанное тому воинство. И, кроме того, попытались пленить саму Сигрлинн. Им бы это удалось, если бы не Райна. Валькирия втащила теряющую силы чародейку в раскрывшийся портал – сама не очень понимая, почему она так поступает.

Линия Сильвии Нагваль

Последняя из Красного Арка, дочь Хозяина Смертного Ливня Сильвия Нагваль после битвы на Утонувшем Крабе смогла выбраться из слившихся миров Эвиала и Мельина. Свободная от всех долгов и обязательств, она решила вернуться в Долину Магов – это место казалось ей наиболее соответствующим её способностям.

Без приключений добравшись до Долины, Сильвия быстро оказалась в числе воспитанниц местной Академии, скрыв свои истинные магические способности. Во время одной из своих вылазок далеко за пределы Долины она заметила отряд во главе со старой знакомой, валькирией Райной, что вёл куда-то целый сонм душ умерших.

Любопытство Сильвии оказалось сильнее всех прочих соображений.

Она последовала за Райной и её спутниками.

Погоня привела её на дорогу мёртвых богов, дорогу, которой следовали к домену великого Демогоргона Древние Боги, павшие от руки Ямерта и его родни, когда те, прозываемые Молодыми Богами (а сами они звали себя «любимыми детьми Творца»), огнём и мечом утверждали свою власть над Упорядоченным.

Здесь были очень сильны эманации Хаоса.

И Хаос сумел овладеть Сильвией.

По дороге ей встретился и очень, очень необычный спутник, назвавшийся «службой Спасителя». Он и впрямь походил на Спасителя, но только лишь внешне. Он предрёк, что они с Сильвией ещё встретятся, ибо «их миры в опасности», и то, что они якобы задумали, лучше всего делать вместе.

Сильвия не поняла туманных речей. Она прогнала незваного гостя, и тот удалился без гнева, попрощавшись и оставив её одну.

В Долине Магов Сильвию ждал неласковый приём. Ирэн Мескотт почувствовала Хаос в крови Сильвии и попыталась её «очистить». Сильвии удалось вырваться и бежать в окрестные леса; после этого, устроив восстание гоблинов-слуг и ошеломив чародеев Долины мощью дарованной Хаосом магии, Сильвия была вполне демократически избрана главой Совета Долины – и потребовала создания ни много ни мало Империи...

Получив вожделенную власть, Сильвия немедленно начала действовать. Захватить ближайший мирок под названием Джерто, уничтожить глупо-жестоких королей, установить порядок, справедливые подати, извести разбой, а взамен получать из этого мира много потребного Долине, и прежде всего золото.

Маги Долины, утверждала Сильвия, должны править и получать, а не «зарабатывать» или «наёмничать».

Однако на пути новоявленной правительницы Долины встал старый целитель Динтра. Он же – последний истинный Ученик Хедина, тан Хаген, владыка Хединсея.

Сильвия очертя голову ринулась в схватку – и потерпела полное поражение. Даже Хаос оказался бессилён против Хагена. Ученик Хедина мог бы убить Сильвию, но... оставил ей жизнь с условием, что она станет бить «не кого попало, а кого надо». Захватить Джерто Хедин разрешил, однако следующей целью назвал мир Читающих.

Устроив, насколько это было возможно, подготовку к походу на Джерто, Сильвия решила проникнуть в пустой дом Архимага Игнациуса.

С помощью Хаоса в крови ей относительно легко удалось преодолеть охранные чары и оказаться внутри. Там, в кабинете Архимага, её добычей стал манускрипт под интригующим названием «Теоретические основы и практическая реализация совокупности заклинаний для пленения божественных сущностей любой силы».

Сильвия быстро поняла, какое богатство попало к ней в руки.

Разумеется, Динтре она об этом рассказывать не стала. На следующий день её ждало выступление в её первый поход.

Линия Ирмы Нарви

Ирма Нарви, девочка-сирота из того же мира, где нашла временный приют себе и своей семье Клара Хюммель, служила простой подавальщицей в трактире Свамме-гнома, в селении Поколь, по соседству с домом самой чародейки. Случайно обнаружив у Ирмы немалые способности к волшебству, Клара начала учить девочку.

Однако уроки эти обернулись не в добро, а во зло. Ирма угодила в ловушку, расставленную гномами-подмастерьями Хедина вместе с детьми Клары Хюммель, откуда её спасла волшебница Соллей, названная сестра чародея Кора Двейна. Спасла и помогла вернуться домой; однако там, мстя за все пережитые ранее унижения, Ирма наполовину сожгла родное селение.

Волшебница Соллей помогла ей скрыться, забрав с собой в замок, где обитала сама с названными братьями. Ирма сделалась теперь уже её ученицей.

Соллей открыла Ирме, что она не просто безродная сиротка, что её отцом был некий чародей по имени Гренн Нарви и девочка унаследовала его силу.

После недолгого обучения Ирме, однако, пришлось вместе с наставницей Соллей выступить против подмастерьев бога Хедина. Чародейка, сперва называвшая Ирму «сестрёнкой» и утверждавшая, что в их замке «нет господ и госпож», перестала возражать, когда Ирма вернулась к привычной для неё почтительности.

В далёком мире Ирме предстояло «защищать порталы», через которые якобы перебрасывались подкрепления, необходимые для войны, что вели Соллей, Кор Двейн и Скъёльд против Познавшего Тьму; но не только. Соллей оставила в глубине земной тверди какие-то странные «закладки»,

могущественные чары, которые тоже надлежало охранять, «пока не наступит время». Соллей оставила магические капканы, куда Ирме надлежало завести подмастерьев Хедина; однако сама девочка решила, что непременно выяснит, что это за «закладки». Ирма заподозрила, что наставница попросту бросила её здесь, и решила во что бы то ни стало дознаться, что это за таинственные чары, – чтобы было чем торговаться за собственную шкуру, если дело обернётся совсем плохо.

Линия Ракота Восставшего, Владыки Мрака

Ракот вновь подчинил себе источник Кипящий Котёл и Тьму как изначальную субстанцию, возрождая свои Тёмные Легионы. Создав новую армию, он повёл её на помощь осаждённому Обетованному, которое штурмовали армии быкоглавцев и иных племён, пошедших на службу Кору Двейну, Соллей и Скьёльду. По пути к цели Ракот встретил Гелерру, однако ничего не заподозрил.

Его Тёмные Легионы ударили в спину войскам, осаждавшим их с Хедином дом.

Линия Хедина, Познавшего Тьму

Сознавая, что появление нового, Четвёртого Источника Магии необратимо нарушает баланс сил Упорядоченного, Хедин, Познавший Тьму, пошёл на немыслимое.

Сбросив телесную оболочку, он разделился как бы на три незримых ипостаси. Его истинная суть, средоточие того, что составляло его личность, отправилась напрямик к логову Неназываемого.

Хедин видел, что потоки новосотворённой пустоты ломают иные несчастливые миры, срывая с них так называемые царства мёртвых, где собирались души умерших. Потоки этих душ устремлялись к Неназываемому и поглощались им.

Хедин проник и за последний барьер, откуда уже не было возврата, в самое логово Неназываемого. Он увидел, что поглощённые Неназываемым души обретают вторую жизнь в виде его жутких слуг, козлоногих.

Познавший Тьму постарался задержать падение поглощённых душ, собирая их вокруг себя.

Однако он знал, что должен вернуться. И там, в бездне Неназываемого,

Познавший Тьму нашёл выход.

Он словно бы скопировал собственную личность. Один Хедин навсегда оставался за чертой, за порогом Неназываемого. Другого неведомые силы перенесли обратно.

Для того чтобы остановить развал всего Упорядоченного, Хедину пришлось пойти на крайнюю меру – обратиться к вере смертных, мощному, но обоюдоострому оружию. Познавший Тьму спас низвергающийся в бездну Неназываемого мир, и с этого началось его возвращение...

Пролог

Ракот Восставший, Владыка Мрака

Армия Мрака растянулась, широким охватом надвигаясь на сверкающую голубым и зелёным глобулу Обетованного. Капля в океане Межреальности, драгоценность, созданная Молодыми Богами, когда они и в самом деле были молоды, когда торжествовали победу и, наверное, действительно могли творить.

Над ласково журчащими ручейками Обетованного, над его вечнозелёными лугами с неувядающим разноцветьем, над шумливыми лесами и элегантными, взметнувшимися подобно острым клинкам скалами сейчас поднимался чёрный дым.

Сквозь жирные, медленно ползущие клубы то тут то там прорывалось яростное пламя, буйное, ярко-оранжевое, ненасытное; плоть Межреальности вздрагивала, словно в ужасе, вспоминая, наверное, то самое Восстание Ракота, иногда ещё именуемое «Вторым» – когда его

армии точно так же подошли к Обетованному, осадив саму цитадель Молодых Богов.

Названный брат Хедина стоял, скрестив на груди руки, – стоял на спине своего крылатого черночешуйчатого зверя, а под ним проносились его полки, вновь, как и эоны назад, готовые к решительному натиску.

Он сотворил их, вызвал из Тьмы, дал воплотиться. Их было далеко не так много, как в дни расцвета его могущества: это обрели облик самые доступные, «свободные» эманации Мрака, подчиняясь новому-старому хозяину Кипящего Котла.

Ожившая память о некогда грозных чудовищах, влачившихся по мрачным мирам; призраки тёмных колдунов, слишком дерзко черпавших силы из запретных источников; из глубоких пропастей, от самых корней миров, позабывших о самом их существовании, явились додревние монстры, «дождавшиеся хозяина», – всё это Владыка Тьмы поставил себе на службу, воззвал к ним, собрал и направил.

Их было далеко не так много, как хотелось бы Восставшему. Предстояло ещё очень много работы.

На самой границе цитадели Новых Богов, прямо напротив полков Ракота, развернулось сейчас противостоящее ему воинство – быкоглавцы и низенькие коротышки-маги в коричневых плащах; странные, немного похожие на эльфов воины, высокие и стройные, в лёгкой броне; рыцари, по виду похожие на людей, в тяжёлых кованых доспехах, под зелёными знамёнами с непонятными серебристыми письменами на них; низкие и коренастые воители, похожие на гномов, но, конечно же, совершенно не гномы; и ещё кучки самых разных и людей, и нелюдей.

Они так и не смогли взять штурмом Обетованное, где упрямо отбивались подмастерья Хедина; однако и не побежали, несмотря на ударившие им в спину полки Владыки Мрака.

«Кто ими командует? – задавался вопросом Ракот, проносясь над шеренгами своих. – Почему не прекращает явно провалившееся наступление?» Даже на первый взгляд было ясно, что его Тёмные Легионы, даже обладая лишь частью былой мощи, значительно превосходят противника числом. Полуграмотный десятник деревенской стражи и тот понял бы, что дело проиграно, надо отойти, собрать силы, измыслить что-то другое; но быкоглавцы и их союзники стояли угрюмо, неколебимо, готовые, что называется, «умереть, но не отступить».

Это могло вызывать лишь уважение. Чем же их увлекли на эту битву, чем воспламенили, что посулили?..

Но на эти вопросы он, Ракот, ответит позже. А пока – вперёд!

Полумесяц Легионов дрогнул, качнулся, потёк вперёд. Воины, почти неотличимые от людей, и воины, совершенно с ними несхожие, облечённые плотью и бестелесные, чудовища, ползающие, бегающие, летающие, – всё это сдвинулось, шагнуло, зашелестело бесчисленными крыльями.

Первая змеящаяся молния, иссиня-чёрная, словно лента мягчайшего шёлка, вспорола воздух, сорвавшись с увенчанного черепами посоха в костяной руке существа, когда-то давно, наверное, бывшего тёмным чародеем.

Прянула прямо в сомкнутые ряды быкоглавцев – однако, не успев коснуться никого из них, распалась облаком серого, словно зола, снега, столкнувшись с незримым щитом; воздух перед строем обороняющихся замерцал, заискрился – там в свою очередь сгущались чары.

Ракот хищно усмехнулся. Наконец-то настоящее дело! Настоящая битва, когда он не скован ничем и никем, когда никаких запретов, сила против силы, и горе тем, кто встал у него на пути!

Его клинок взмыл, отдавая приказ, и своего повелителя увидело сейчас всё тёмное воинство.

И перед, и над полками быкоглавцев змеились чёрные разряды, шипя, неслись сгустки мрака, волоча за собой дымные хвосты; плоть Межреальности задрожала и содрогнулась, вынырнули исполинские щупальца, словно здесь поднялись к поверхности громадные кракены, хозяева морских пучин.

Кое-где над полем боя поползли языки густого серого тумана, раздались замогильные стоны: существа, обитавшие на заброшенных погостах и глодавшие полуистлевшие кости, подбирались к вражеским рядам.

Застучали копыта костяных скакунов, бестелесная кавалерия устремилась вперёд, наставив копы, над островерхими воронёными шлемами взмыла стая чернооперённых стрел.

Кто может устоять пред натиском Владыки Мрака, когда его самые страшные противники давным-давно пали, а противостоят ему сейчас лишь какие-то смертные колдуны?

Однако быкоглавцы не дрогнули и не побежали; что держало их в строю, страх ли, что-то иное? Не заколебались и коротышки-чародеи, в поте лица отбивавшие нацеленные в них чары. Не осталась стоять на месте тяжёлая рыцарская конница, зелёные знамёна затрепетали, разворачиваясь

над двинувшимися шеренгами, закованными в изукрашенную рунами сталь.

Летучий зверь Ракота заложил крутую петлю, понёсся над самыми головами Тёмного Воинства. Чёрный меч описал дугу, повинаясь воле хозяина, мгновенно удлинился, вытянулся, острие коснулось «земли», то есть плоти Межреальности, там, где она уже начинала меняться, становясь Обетованным.

Высоко-высоко над головами воинства взмыли фонтаны тёмного огня. Волны его покатились во все стороны, окатывая солдат Ракота и соскальзывая с доспехов тяжёлыми маслянистыми каплями; быкоглавцы встретили губительный вал с мрачным упрямством; малышки-маги попытались что-то сделать, Ракот ощущал судорожные содрогания чужой волшбы, которую его пламенный вал опрокидывал и размётывал играючи.

Закричали те, до кого уже дотянулись языки чёрного огня – слизывая плоть с костей, а миг спустя, с малой задержкой – сжигая в невесомый прах и сами кости. Жуткую секунду оголившиеся скелеты стояли, замерев, сжимая бесполезное оружие, прежде чем развеяться, разлететься легчайшим пеплом.

В брешь врывалась тёмная пехота, сдвинув щиты, сколоченные из множества костей каждый; били иззубренными наконечниками чёрного обсидиана копейщики, тянули щупальца дошагавшие четвероногие чудища, чьи спины, покрытые кольчатыми попонами, вздымались, словно холмы, над морем сражающихся.

Падали коротышки-маги – коричневые плащи плохо защищали от вражьей стали, или кости, или камня, или – тем более – самих Мрака и Тьмы, принявших форму оружия. Распадались сети защитных заклятий, меч и пика, стрела и секира находили дорожку, быкоглавцы погибали десятками и сотнями.

Ракот нёсся, острие его меча рассекало сгустившуюся «землю» Межреальности, оставляя за собой кровавую рану, источавшую тёмный огонь. Он видел, как рухнул строй его противников, как тёмные клинья Мрака режут подавшауюся назад массу врагов; губы растянула хищная усмешка: так было в те славные времена, когда он был тем, кем и должен быть, – Ракотом Восставшим, Истинным Магом, не боящимся ничего, никакой участи, никакого исхода, а не тем осторожным, постоянно бьющим себя по рукам Законом Равновесия Новым Богом!..

Полноте, да какой смысл в этакой божественности, когда ты ничего не можешь?!

Он стремительно приближался к тому месту, где рыцари под зелёными

знамёнами устремились наперерез его собственным всадникам.

С обеих сторон летели стрелы, над роскошными плюмажами рыцарей взвились огнешары, обманчиво-яркие и праздничные, словно ярмарочные фейерверки. Ракот ощущал, словно боль в собственном плече, словно булавоочные уколы, – многочисленные талисманы, амулеты и обереги, разного рода магическую защиту, помогавшую рыцарям сейчас удержаться под самым настоящим ливнем тёмных заклятий; вот под копытами боевых коней всклубился плотный серый туман, замелькали в нём извивающиеся, мокро-блестящие тела, твари с погостов попытались вцепиться острейшими зубами в конские бабки – но лишь опрокидывались с короткими предсмертными взвизгами; а кавалерия промчалась давя упавших и втоптывая во прах тяжёлыми копытами.

В следующий миг две лавины столкнулись, копья врезались в щиты, взмыли и рухнули мечи с секирами, ударили булавы и шестопёры. Засверкало и заискрилось на рыцарской броне, магия сражалась, до последнего защищая своих хозяев. Костяные скакуны воинов Ракота вставляли на дыбы, норовя ударить шипастыми боевыми подковами, какие никогда не наденешь обычному коню; длинные пики ломались о подставленные рыцарские щиты, чёрная сталь разлеталась брызгами, ломались и дробились кости, тёмные шлемы и кирасы не выдерживали, и рыцарские булавы вдребезги разносили черепа своих врагов.

Клин вражьей конницы смял, разбросал и разметал чёрных всадников Ракота, подобно стенобитному тарану проломил их шеренги, оказавшись сразу же перед второй линией, где сгрудились всяческие страшилища, о двух, четырёх, шести и более ногах с лапами.

Великаны с бивнями и пучками щупалец вокруг зубастых пастей, с горящими красным буркалами двинулись было на выручку, однако самую малость опоздали. Скакавший во главе клина рыцарь, уже раненый, падающий на шею коня, вдруг сорвал шлем одним движением, выкрикнул что-то вроде: «Свет победит!» – и голова его тотчас разлетелась в кровавую кашу; Ракот ощутил мгновенный болезненный спазм, раненый привёл в действие какой-то простой, но мощный талисман, в один миг отнявший у него жизнь. Обезглавленное тело, однако, удержалось в седле, из развороченной шеи фонтанами била кровь, тотчас вспыхивая на воздухе; огонь, яркий и живой, мгновенно охватил и мёртвого рыцаря, и его отчаянно заржавшего коня.

Так, живой кометой, они и врезались в ряды тёмного воинства.

Ракот не успел – огненная полусфера росла и ширилась, обволакивая его воинов, что сгорали молча, без криков и стонов: Тьма не умеет кричать.

Магическое пламя в равной степени сжигало и телесное, и бесплотное – призраки распадались золой точно так же, как обращались в пепел подъятые Тьмой костяки. Взлетали в воздух, кувыркаясь и разваливаясь на части, обугленные туши монстров; в рядах Ракотова воинства зияла широкая брешь, в которую и устремились рыцари.

За ними валом валили пешцы – низкие и коренастые крепыши, чем-то напоминавшие гномов, только безбородые.

Их-то что сюда привело?!

Первая линия Тёмного воинства раздалась в стороны, клин рыцарей промчался насквозь, вырываясь на открытое пространство.

И прямо перед ними, на дымящейся тверди Межреальности, встал, выпрямляясь во весь рост, сам Ракот Восставший.

Конечно, на это пришлось пойти слишком рано. В былые времена он и пальцем бы не пошевелил – Владыка Мрака обязан появиться в самом конце, в решающий момент, великолепный и грозный, в плаще из клубящихся грозových туч, опоясанный багровыми молниями...

Но и сейчас названный брат Хедина выглядел более чем внушительно. Он сделался выше ростом, багровые одеяния затрепетали, чёрный меч, сейчас длиннее самого длинного рыцарского копья, с шипением рассёк воздух, описывая широкий круг над головой Восставшего.

Кто эти всадники, кто привёл их сюда, кто убедил, что они должны умереть именно здесь? – вопрос для брата, Познавшего Тьму, не для Ракота. Он должен войти в Обетованное, и он войдёт!

Первые ряды рыцарей не остановили бег своих коней, напротив – завидев Ракота, дружно их пришпорили. Кто-то из всадников даже начал что-то вроде гимна, но успел пропеть всего несколько слов – зловеще шелестящее лезвие настигло певца, прошло, разрубив его надвое, и, даже не почувствовав сопротивления, устремилось дальше, довершая страшный круг, оставляя перед Ракотом жуткое месиво рассечённых человеческих и конских тел.

Людская кровь обильно хлынула из ран и немедленно вспыхнула.

«Знакомо», – подумал Ракот. Жизненная сила погибших сопряжена с неким заклятием, не нужная мёртвым мощь немедля высвобождается.

Навстречу Владыке Тьмы рванулась клубящаяся огненная стена. Удар был такой, словно в грудь Ракоту грянул двухпудовый кузнечный молот; от любого смертного или бессмертного, ну, кроме лишь брата Хедина да сестры Сигрлинн, не осталось бы даже пепла.

Плоть Межреальности треснула, огонь потёк по разломам вглубь. Сам Владыка Тьмы пошатнулся, но устоял, и клинок его, довершая второй круг,

снёс и изрубил тех, кто не успел вздёргнуть коней на дыбы перед верной смертью.

Таких было немного.

Ракот стоял на самом краю настоящего кратера, склоны его полыхали. За дымом разворачивались и пятились уцелевшие рыцари, их подпирала пехота. Кто-то очень быстро и грамотно разобрался в случившемся, остановив бессмысленную атаку.

Восставший обернулся к своему воинству. Ничего не случилось, потери ничего не значат, сомкнуть ряды, заполнить прореху!

Легионы повиновались.

Ракот не успел ещё призвать орков, тех самых, что звали его Отцом и кого он отводил в своё время от каннибализма. Они были убеждены, что у них нет души; правда, у самого Владыки Тьмы на этот счёт имелись большие сомнения.

Нет души – нет и жизни.

Душа есть у всего живого, только в разной форме.

Тёмное воинство послушно выполнило приказ. Пока есть воля Ракота, пока он – хозяин Кипящего Котла, Тьма будет выполнять его распоряжения. Она кажется безвольной и податливой, но на самом деле...

Восставший вновь ступил на спину своего летучего зверя. Битва разгоралась по всему фронту, где-то наступали его отряды, где-то вперёд шли быкоглавцы с союзниками; и пока они заняты друг другом, он, Ракот, должен найти здешних заправил, тех, кто привёл сюда эту обречённую армию.

А что она обречена, он не сомневался.

Его Легионы не неисчислимы. Оружие и магия способны убавлять их число быстрее, чем Тьма и Кипящий Котёл – восстанавливать, а непреклонность воли самого Ракота – воплощать в способное сражаться воинство.

Так было в те дни, когда Молодые Боги подступали к стенам его последней цитадели...

Летучий зверь Ракота вновь нёсся над рядами противостоящей ему армии. Многочисленна, да, но случалось ему видеть воинства и куда крупнее.

Окраины Обетованного затягивал низко стелющийся дым. Ракот пронёсся над лагерями осаждавших, глазом опытного полководца замечая, что разбиты они совсем недавно и разом, словно быкоглавцы и их союзники свалились сюда с неба – то есть, скорее всего, прошли через порталы.

Кто-то очень умелый заправлял всем этим вторжением. Даже Молодые Боги, тесня Ракота к его последней цитадели, наступали от мира к миру, даже им не под силу оказалось прыгнуть сквозь неведомое и разом очутиться в сердце его тогдашних владений.

Летучего зверя заметили, с земли, из дымных клубов, взметнулись огненные шары, полетели стрелы – Ракот обращал на это внимания не более, чем на тучу мотыльков, толкущихся около огня. Вот уже засверкал впереди дворец Молодых Богов, так и простоявший пустым многие века. Познавший Тьму считал нужным поддерживать всё в порядке, но сам заходил в него редко.

Ага, вот и защитники – хитро-то как устроил братец! Владыка Мрака оценил туго свёрнутые пути, стягивавшие атакующих к нескольким узким местам, где сейчас и держались подмастерья Хедина. Вот, видно – сражаются: баррикада, вокруг неё всё выжжено, поваленные деревья, обугленные, наполовину сгоревшие, и быкоглавцы со своими коротышками-магами, отступившие на время.

За баррикадой прыгали, размахивая руками, двое половинчиков.

– Владыка Ракот! Владыка! Ура-а!..

– Помощь идёт! – загремел Ракот, не опускаясь на землю. – Держитесь, молодцы!

Заложил вираж и устремился дальше.

В самом сердце Обетованного всё тихо, всё пусто, идеальный порядок. Ну конечно, как могли подмастерья названного брата уйти, оставив хоть что-то неприбранным?..

Журчит, как обычно, священный Урд в каменной своей чаше, пляшут песчинки на дне, поднимается лёгкий парок...

И тут всё хорошо.

Даже странно, если уж атакующие смогли притащить сюда эту армаду, почему не попытались атаковать сверху? Или снизу? Или брат, Познавший Тьму, свернул Межреальность тугими рукавами со всех сторон, так что откуда наступать – теперь совершенно безразлично?

Так или иначе, пора возвращаться. Битву ещё надо выиграть.

* * *

Сражение кипело, и, когда Ракот вновь промчался над шеренгами и своих, и чужих, всё продолжалось, как и бессчётное число раз до этого. Тёмные Легионы давили мерно и методично, как хорошо смазанная

машина; к воинству Ракота примкнули лишь единицы смертных воителей, из тех миров, где память о его Восстании сохранилась, несмотря ни на что.

Льётся горячая кровь живых, быкоглавцы медленно пятятся, подавляемые обрушивающейся на них массой. Тьма тоже терпит урон, Ракот ощущал множественные болезненные уколы невидимых игл – всякий раз, когда клинок врага находил дорожку, поражая одного из воинов Мрака.

Восставший поморщился, мысленно торопя своего зверя. Плащ вновь распустился, затрепетал, подобно знамени, чёрный меч взмыл в небеса, и Легионы воспряли. Твёрдая как сталь воля того, кто их ведёт, – вот и всё, что требуется им для победы.

Ну, и чтобы резервы магии у неприятеля оказались бы ниже, чем у них. Ракот убедился в этом на собственном горьком опыте.

Полумесяц тёмного воинства охватывал армию быкоглавцев, и теперь она уже могла лишь пятиться. Стройными квадратами надвигались пикинёры, и шлемы как влитые сидели на обнажённых черепах; первые ряды ударяли как одна рука, чёрные наконечники из зачарованного металла пробивали щиты и доспехи.

То тут, то там быкоглавцам удавались короткие отчаянные контратаки, прямо в пустые глазницы наступающих летели сонмы огнешаров, трескалась и проваливалась под их ногами, копытами и лапами твердь Межреальности. Высокие и стройные воины, проскальзывая между рядами массивных быкоглавых сотоварищей, бросались вперёд под прикрытием огненных завес, их длинные клинки с лёгкостью рубили поддавшийся натиску пламени мрак, и солдаты Ракота падали, обращаясь в горящий пепел.

Однако это была агония. Новые и новые ряды вставали поверх павших, одна тёмная волна сменяла другую, ходящие под плотью Межреальности кракены опутывали щупальцами и рвали на части десятки и десятки быкоглавцев; и Ракот невольно поразились стойкости своих противников. В былые времена армии Света давно бы уже побежали, особенно если на поле боя не появился бы Ямерт самолично.

Владыка Тьмы вновь воздел меч, и вновь Легионы послушно отозвались на его призыв. Ещё немного, последний натиск – и всё. Быкоглавцам останется или бросить оружие, или искать спасения в бегстве. Хотя едва ли они смогли бы далеко убежать через Межреальность, где простые смертные могут находиться лишь соизволением магов или богов, иначе их ждёт быстрая и неминуемая смерть от самого банального удушья.

Неведомые командиры этой армии должны понимать, что деваться им некуда, они меж двух огней, и единственное, что осталось разумного,

кроме геройской гибели, – это открыть порталы и уходить.

И вот тогда он, Ракот Восставший, последует через эти порталы за ними. Если, конечно, ему не придёт в голову ничего лучшего.

...Однако как же упорно они бьются! Его Легионы не знают ни страха, ни устали; а живые противники Тёмного Воинства – что с ними?

«Клянусь Кипящим Котлом – если бы нашёлся их предводитель, я скрестил бы с ним мечи!..»

Слова у Восставшего не расходились с делом.

Летучий зверь взмыл высоко над полем боя, и все, от края и до края, услышали глас Владыки Тьмы:

– Поединок! Хватит крови, пусть всё решит поединок! Я вызываю тебя, кто бы здесь ни распоряжался! Хватит зряшных смертей, вам не победить сегодня! Выходи, сойди со мной в честном бою, и, слово Ракота Восставшего, я дам твоим бойцам уйти невозбранно!..

Новому Богу не трудно сделать так, чтобы слова его поняли все до единого в рядах противостоящей армии.

Повинуясь его воле, Легионы сделали шаг назад, оцетиниваясь копьями и не позволяя быкоглавцам ворваться в их ряды. Нехотя, словно под бичами, отступили и чудовища; щупальца кракенов опустились обратно под иллюзорную землю Межреальности.

– Выходи! И не думай, что сражаешься с неодолимым. Мрак бьётся честно, силы наши будут равны! – продолжал греметь Ракот.

Пусть придёт, пусть покажет себя...

На смертное поле медленно опускалась тишина, и только стонали раненые.

– Никого?! – рыкнул Владыка Тьмы. – Никто из вас не бросит мне вызов?

Быкоглавцы деловито сдвигали ряды, с необычным для их роста и комплекции проворством подбирали своих, оставшихся на ничейной земле.

А потом среди них возникло какое-то странное шевеление, шеренги расступались, давая проход кому-то незримому.

– Наконец-то! – летающий зверь ринулся к земле, плащ Ракота воспарил, сброшенный и подхваченный внезапным порывом невозможного здесь ветра.

Тёмный дым в волосах или волосы – тёмный дым?

Пламя в очах или очи – теперь из огня?

Расступись, дай дорогу, Тьма устремилась вперёд.

Кто бы ты ни был, я дам тебе честный бой, посулил сам себе Ракот.

Вот – раздалась последняя шеренга, и вперёд выступил – кто это?

Низенькая фигурка, плотно завернувшись в коричневый плащ.

Ростом, наверное, с половинчика – кто-то из этих магов, что так азартно швырялись в него, Ракота, огнешарами?

– Это ты распоряжаешься здесь?

Голову коротышки скрывал низко надвинутый капюшон. Ладони, потемневшие, в старческих пятнах, обхватили оголовье причудливо выгнутого посоха, вырезанного из цельного древесного корня.

– Я... – прошелестело в ответ, Ракот даже не мог понять, кто перед ним – мужчина или женщина.

– Хорошо. Слово Мрака нерушимо. Я дам тебе поединок, и твои собратья смогут вернуться по домам. Вам нечего тут делать, это не ваша война. Кто привёл вас сюда, кто погнал на смерть?

Коричневая грубая ткань капюшона не дрогнула. Змеиным шорохом полз еле слышный шёпот.

– Мы бьёмс-ся за С-свет, великий Тёмный. Мы вечные враги с-с тобой. Так было, так будет. Ты обещал, что мои братья и с-сёстры невозбранно уйдут, но не с-сказал, должны ли мы для этого одолеть тебя?

– Одолеть меня?! – расхохотался Ракот. – Одолеть меня, ох, насмешил, честное слово!.. Нет, храбрый мой противник, достаточно того, что ты принял мой вызов. Как только мы... закончим, открывайте ваши порталы и уходите! Вы достаточно наказаны своими потерями.

– Но что, – продолжал шипеть коротышка в капюшоне, – что будет, если я возьму верх? С-согласись, великий Тёмный, нам с-следует это знать!

– Если *ты* одолеешь меня, – усмехнулся Восставший, – то я дам тебе место по правую руку и сделаю вожатым моих Легионов!..

– С-с-спасибо за чес-сть, великий Тёмный, но наш путь – путь С-света, и с-с него мы не с-сойдём...

– Кто «вы»? Кто вы такие? Кто привёл вас сюда? – резко бросил Ракот. – Зачем напали на Обетованное?

– С-с-с, с-сколько вопрос-сов, великий Тёмный... – с оттенком насмешки прошипела-просвистела фигурка из-под капюшона, словно из глубокой пещеры. – Но ты пос-свал нас-с с-сражаться или с-слушать ответы на вопрос-сы?

– Поединок – после ответа, безымянный. Кстати, негоже выходить на ристалище, скрывая лицо и собственное прозвание!

– С-с-с, наверное, это у вас-с так, у богов и с-сильных... а мы – прос-сты... ты пос-свал с-сражаться, великий Тёмный, так давай прис-ступим...

– Что ж, приступим, – пожал могучими плечами Ракот. – Я обещал тебе равный бой, поэтому...

– Не с-стоит, великий Тёмный, нам не нужны твои милос-сти. С-сражайся так, как хочешь, и тем, чем хочешь... – Коротышка отшагнул и вскинул наперевес свой корявый посох. Оголовье в виде иссиня-чёрного черепа, очень напоминавшего череп нерождённого дракончика, смотрело прямо в грудь Восставшему.

– Будь по-твоему, безымянный, – в груди Ракота kloкотал гнев, достойный Владыки Тьмы. Чёрный меч, послушно укоротившись, тоже поднялся в позицию; алый плащ Ракот обмотал вокруг левой руки, хотя его противник не имел ничего колющего или режущего.

Воинства замерли. Кружащие в небе темнокрылые существа, охотники и разведчики при армии Тьмы, спустились пониже, словно боясь что-то упустить.

– Твой удар пусть будет первым, – великодушно заявил брат Хедина.

– С-с-с... – просвистело существо. – Пус-сть так...

Ракот не сомневался в себе. За плечами лежали бесчисленные поединки в облике черноволосого и голубоглазого варвара, когда Новый Бог, добровольно себя ограничивая, сражался и побеждал – безумных колдунов, спятивших чародеек, шаманов, заигравшихся в кровавые ритуалы, сошедших с ума и сведших с ума тех Древних, которым они служили. Короли и правители, жрецы, предводители магических орденов – пути многих скрестились с его собственным, и все они оборвались.

Однако коротышка этот поистине бесстрашен. Вышел сразиться один на один, сознавая, что уже, скорее всего, не вернётся, разве что по моей милости, – мелькнула мысль за миг до того, как существо в низко надвинутом капюшоне вдруг сделало одно быстрое и неразличимое движение, выбросив посох вперёд; глазницы черепа вспыхнули ярким, травянисто-зелёным огнём.

В огне этом словно крылась квинтэссенция всего противоположного Тьме и Мраку, всего, что таил в себе Кипящий Котёл.

Свет, дающий жизнь, но не яростный, жгучий и иссушающий, а нежный, дарующий живительное тепло.

Жизнь, что в равной степени нуждается и в дне, и в ночи; которая вмещает в себя и то, и другое.

Смерть, что есть лишь великое Начало.

И, наконец, сама Тьма, укрощённая, поставленная на службу Жизни.

...Разбирать заклятия на составляющие всегда было уделом брата Хедина. Ракот привык встречать нацеленные в него удары клинком своего чёрного меча, принимая зачарованной сталью то, что составляло саму суть брошенных чар.

И сейчас он ответил как всегда, и клинок возмущённо загудел, россыпь голубых и синеватых рун вспыхнула на тёмном железе. Древняя магия, принимающая разные формы, столкнулась с не менее древней силой, той самой, что заставляет ростки раскалывать корнями неподатливый камень.

В глазах Ракота взвихрился зелёный хоровод, он невольно отступил на шаг, едва успев отразить ещё один удар, направленный теперь в ноги, чёрный меч рухнул, рассекая и дробя чужие чары.

И Владыка Тьмы отступил ещё на шаг.

Это не смертный маг, это даже не какой-нибудь «перворождённый эльф, изменённый муками и чародействами» с удивительно долгим веком, это...

Ракот отступил и в третий раз, пытаясь разглядеть лицо или хотя бы глаза под низким капюшоном.

– Кто ты?! – вырвалось у него.

Коротышка не ответил. Ловко закрутил посох перед собой, чертя им замысловатые петли и восьмёрки, словно в уличной драке. Из глазниц драконьего черепа изливалось изумрудно-зеленоватое сияние, оно обволакивало Ракота, обжигало глаза, заставляя их наполняться слезами.

Это лилась потоком чистая беспримесная магия, лишь в самой малой степени обрамлённая некими чарами.

– Постой! – вскричал Восставший. – Постой, зачем это тебе?

Мириады зелёных лучей вонзились в плоть Межреальности, и она стала поддаваться, расходиться, раскрываться, словно могильный ров.

Ракот проваливался, словно Междумирье более не могло удержать его на себе.

Тьма всклубилась у него за плечами, багровые молнии грянули в разные стороны; где-то далеко-далеко, в неведомой глубине Упорядоченного из Кипящего Котла вверх рванулся султан тёмного пламени, бездну сотрясал рёв.

Чёрный меч Восставшего с размаху вонзился в теряющую плотность, тающую подобно весеннему снегу твердь Межреальности. Лезвие провалилось, почти не встречая сопротивления, но Владыке Мрака этого хватило, чтобы вырваться из готовой вот-вот захлопнуться ловушки.

Вид его сделался поистине страшен. Чёрные волосы до плеч исчезли, вместо них тянулись длинные пряди серого дыма, дрогнули черты лица, расплавляясь и истаявая, заменяясь сотканной из дыма же маской-забралом островерхого шлема. Могучие мышцы исчезали под тёмной бронёй, и чёрный меч рубил крест-накрест, рассекая самую плоть брошенных против

него заклинаний; однако они не дробились, не крошились, не ломались – напротив, мгновенно вцеплялись в сталь, обвивались вокруг, словно гибкие стебли.

– За... чем... э... то... те... бе?..

Слова едва находили дорогу с губ Владыки Тьмы.

Его противник уже ничего не ответил – отскочил, отмахиваясь посохом. Коричневый плащ дымился в нескольких местах, пламенели разрезы, оставленные чёрным лезвием.

– Обман... ты – один обман... – прохрипел Восставший.

Его противник не отвечал. Зелёное пламя перекинулось из глазниц черепа на самую кость, занялось уже и дерево посоха.

– Тебе не победить, – Ракот обретал прежнюю уверенность. С плеч его рвалось алое пламя, чёрный меч описал широкую дугу, сшибся с подставленным посохом, и отполированное дерево разлетелось вдребезги. Дракониный череп, кувыркаясь, взмыл высоко вверх, таща за собой всё ширящийся хвост зелёных искр.

– Что теперь? – острие смотрело в грудь коротышке, уронившего руки и низко склонившему голову.

– Теперь, с-с-с... теперь мы уйдём, – последовал ответ, и существо бросилось прямо на Восставшего.

Чёрный клинок встретил его в воздухе, пронзил тщедушное тело насквозь, выставил острие из спины; однако на нём не было крови.

Глаза Ракота расширились – создание, наколотое на меч, стремительно распадалось, утрачивая даже отдалённое сходство с человеком, оборачиваясь клубком коричнево-зеленоватых не то змей, донельзя похожих на лианы, не то лиан, донельзя похожих на змей.

Обрывки плаща отлетели прочь, а живой клубок стремительно рванулся вверх по клинку; отростки резали сами себя о лезвие, отпадали, мгновенно обращаясь тёмной пузырящейся слизью, но вместо них стремительно вырастали новые. Они множились с такой скоростью, что, даже теряя половину, всё равно неудержимо устремлялись к Ракоту.

Владыку Тьмы нелегко было застать врасплох, вот и сейчас его облик внезапно подёрнулся серым дымом, стал утрачивать чёткость, он словно бы тонул в облаках, поднимающихся над чревом Тёмного Источника.

Никакие чары смертных волшебников не властны над Хозяином Кипящего Котла, собери их хоть со всего Упорядоченного. Развоплощающийся Ракот должен был проскользнуть сквозь живые путы, подобно дыму сквозь свитые из обычных вервий сети; но вместо этого клубок щупалец-лиан лишь вцепился в него ещё крепче, в свою очередь

утрачивая телесность.

Ракот яростно отшвырнул меч вместе с угнездившимся на нём чудищем; вдоль вцепившихся в него отростков прокатились волны тёмного пламени, чужая плоть зашипела и запузырилась, сгорая в этом потоке силы.

Меч Владыки Мрака вонзился в землю; неведомая тварь пыталась удержаться, цепляясь за эфес, но щупальца сгорали одно за другим, и сам живой клубок стремительно таял, словно лёд под струей горячей воды.

Вот уже рукоять меча совсем очистилась, вот тёмный огонь заплясал вокруг, дожигая то, что не успело ещё сгореть.

– А теперь мы падём вместе, – услышал Восставший слабый, задыхающийся, словно бы предсмертный хрип.

И тут скрепы Межреальности разъялись под ними окончательно.

Словно помогло собственное пламя Ракота.

Владыка Тьмы исчез прочь с глаз застывших на смертном поле армий.

И вместе с ним канул в бездну его меч.

Яргохор, Водитель Мёртвых

Врата царства Хель пали, разрублен мечом Водителя Мёртвых её трон, и весь сонм обитавших там душ следовал за новым своим повелителем.

Они текли сплошной рекой мимо логова Гарма, и дальше, к Гнипахеллиру, но дальше их ждали отнюдь не населённые живыми края. Яргохор поворачивал в небеса, ступая по незримой тверди так же легко, как и по обычной земле; Дикий Гон шествовал к звёздному своду и тому, что за ним, к широким и бесконечным дорогам Межреальности.

Дикий Гон следовал за своим вожаком, Водителем Мёртвых Яргохором, без раздумий и колебаний. Мёртвые не умеют ни думать, ни, тем более, колебаться, а Яргохор, которого в прошлом бытии звали Ястиром, одним из Молодых Богов, не оглядывался, ему этого не требовалось.

Он знал, чувствовал всё великое множество шедших за ним, покорных ему, вырвавшихся из заточения призраков. Всё пережитое ими в застенках Хель, весь ужас и отчаяние медленного гниения там и распада, весь кошмар безнадёжности – всё это обращалось в ненависть, холодную, всеобщую и неизбывную.

Идеальные воины, идеальные бойцы – неуязвимые для обычной стали, не знающие страха, не ведающие сомнений. И только он, Яргохор, сможет в полной мере использовать эту мощь.

Река душ, вырвавшихся из застенков, резала Упорядоченное, словно серый клинок. Поток казался бесконечным, тысячи лет Хель собирала в своих залах «недостойных Валгаллы», и набрались их великие множества. Всего один мир, всего один – а какая сила, какая силища, навек запертая, заключённая в этих «душах», субстанциях, субстратах, из коих ещё только предстоит вырасти поистине великому!..

Теперь он, Яргохор, сможет отомстить поистине всем; всем, кто бросил и предал его, кто обрёк на века жалкого прозябания в северных тундрах Хьёрварда, где он лишь уныло влачился туда-обратно по тёмному тракту. Он отомстит своей родне, первой отвернувшейся от него, он отомстит тем, кто пришёл следом, потому что никто не помог освободиться, никто не помог освободиться, никто не желал разглядеть в нём не Яргохора, не жуткое чудище, увлакивающее мёртвых в Хель, а Ястира, каким он был до Первого Дня Гнева.

Все забыли, как он сделался Водителем Мёртвых, никому не было до этого дела; никто о нём даже и не вспомнил.

Что ж, память у него хорошая, как и положено провожающему мертвецов в их последний путь. Но только теперь, сокрушив барьеры царства Хель, он понял, что истинное предназначение Водителя Мёртвых не только вести души к месту их упокоения, но и в должное время вызволять оттуда.

Хьёрвард остался позади, впереди расстилалось бескрайнее Упорядоченное, со множеством миров и вместилищами мёртвых при них. В его, Яргохора, власти обойти их все, собрать великое воинство, какого ещё не знала вселенная с самого момента её сотворения.

Он пойдёт куда дальше, чем его бывшая родня, которая так и не смогла ничего сделать со времён своего падения. Где они теперь – надменный Ямерт, заносчивый Ямбрен, спесивый Ялмог, кичливая Явлата, надутый Ялвэн, загордившаяся Ятана, тихоня-себе-на-уме Ялини? Где все остальные? Где ушедший от мира Яэт, подвизавшийся вроде как «надзирателем» царства Хель, оставшегося после Боргильдовой Битвы без правительницы?

Что осталось от их былой славы и величия? – ничего, даже воспоминаний. И он, Яргохор, не собирался усаживать их обратно на троны, вовсе нет. Он сумел освободиться от тяготевшего проклятия, он сумел подчинить себе мертвецов, и его армия – это именно его армия, а не Ямерта или Ямбрена.

Но ему нужно больше воинов, намного больше.

...Дикий Гон шествовал сквозь Упорядоченное.

Воинство цвета сумерек – призраки, обретшие свободу и форму воинов, – ошестинившееся чёрными пиками, алебардами, гизармами и глефами, оно возникало в небесах очередного мира и спускалось вниз, почти к самой поверхности, маршируя по воздуху, словно по твёрдой земле.

Внизу, в городках и селениях, во дворцах и в лачугах живые их обитатели в ужасе запирали двери, захлопывали ставни, хватали какое ни есть оружие и дружно бормотали все молитвы, какие только знали.

Дикий Гон проносился над погостами – и могилы выворачивало наизнанку, дробя доски гробов и ломая каменные плиты, вышвыривая оттуда истлевшие кости или даже только что погребённых покойников.

Водителя Мёртвых не интересовали скелеты или полусгнившие трупы, ему требовались души – но, как он чуял, вырвать их из других «царств мёртвых» будет куда легче, если разрушено место последнего упокоения тела.

...Первое из таких царств лежало перед ним, вход – через огневующее жерло вулкана, сквозь чёрные, заполненные пламенной лавой подземные каверны.

Водитель Мёртвых шагал первым, держа наготове чёрный меч, и слабые призраки этих мест с писком исчезали, страшась его вида.

Потом дорогу им преградила местная стража – трёхглавый великанский пёс со змеями вместо шерсти, охранявший высокие каменные врата с каким-то гордым, но глупым, на взгляд Яргохора, девизом.

Чудовище надвинулось, из пастей капала ядовитая слюна; Яргохор не отступил, не отступил и пёс, недолго думая, прыгнул, сам насадив себя на клинок Водителя Мёртвых.

Хлынувшие вперёд призраки вцепились в ещё живую плоть монстра, рвали, кромсали, терзали, вмиг оставив лишь окровавленный костяк.

Яргохор улыбнулся под высоким шлемом. Улыбнулся про себя, ибо лица у него не было, одна темнота.

Его воины облепили ворота, исполинские створки зашатались, громадные петли вырывались из древнего камня; Яргохор переступил порог чужих владений.

...Он побеждал везде и всюду. Местные «владыки» не могли противостоять его клинку; очень скоро Водитель Мёртвых повёл к выходу ещё один сонм призраков, его воинство возросло более чем вдвое.

И дальше, в других мирах, всё выходило так же: рушились тёмные своды, охранявшие покои мёртвых многорукие девы, стоглазые гидры и прочие страхи гibli, пронзённые мечами и пиками Дикого Гона.

Битвы были стремительны и кончались всегда одинаково. Засидевшиеся на своих тронах «владыки мёртвых» не умели сражаться, они привыкли иметь дело с одними лишь покорными душами; Яргохор повергал их, пронзал им сердца, и жертвы поднимались вновь, лишённые воли, готовые служить ему.

Армия мёртвых росла, скоро она покажет себя и в настоящем сражении, доселе все стычки были лишь лёгкой прогулкой.

Нескончаемая река призраков со стороны начинала казаться исполинским и жутким существом, единым из множества. Власть Водителя Мёртвых была велика, однако её следовало сделать ещё крепче, и помочь тут могли только Источники Магии.

Светлый Урд был недоступен; к тёмному Кипящему Котлу едва ли удалось бы прорваться просто так; оставался третий источник, Источник Мимира. Конечно, у него должен иметься хранитель, но с ним, полагал Яргохор, он сумеет справиться.

...Источник был уже совсем рядом, когда впереди, на самой границе его мира, замаячила крошечная человеческая фигурка.

Далеко не старый ещё человек, в простом, даже грубом хитоне и сандалиях, тёмная бородка, волосы до плеч. Он скорбно смотрел на приближающуюся армию мёртвых, и пальцы его сжимали отполированное до блеска дерево простого посоха.

Он ждал.

...Яргохор не удивился, заметив неожиданного гостя. Спаситель – ну, значит, Спаситель. Его, Ястира, и его Дикий Гон уже никому не остановить.

Они сближались – армия мёртвых во главе с гигантом в тёмной броне, и Спаситель в сером старом хитоне. Яргохор не имел никаких распрей со внезапно пожаловавшим гостем, они никогда не сталкивались, больше того, пока Яргохор был Ястиром, о Спасителе вообще никто не слышал. А потом, таская мёртвых через Гнипахеллир и угрюмо влачась обратно... потом до него докатывались какие-то слабые отзвуки, издалека, порой он чувствовал, что много-много душ разом покинули посмертную юдоль. Но у Яргохора было своё дело, простое и повторяющееся, и что ему до каких-то дальних трагедий?

Сейчас же Спаситель преграждал ему дорогу, и не просто преграждал: стягивал к себе все пути, явно не желая, чтобы его обходили; оставалось лишь наступать прямо в лоб.

Огромная армия мёртвых разворачивалась в боевой порядок. Яргохор застыл в самом её центре, ожидая, пока займут позиции полки на левом и правом крыле. Если Спаситель хочет боя – он его получит, Ястир не

собирался ничем делиться.

Чёрный меч поднялся для удара, но Спаситель лишь скорбно покачал головой, дав посоху упасть и широко разведя в стороны безоружные руки.

В сознании Яргохора внезапно вспыхнул целый ураган стремительно менявшихся образов – миры молодые, расцветающие под недавно вспыхнувшими солнцами, и миры старые, покрытые льдами, словно сединой, где светила утратили связь с потоками великой силы. Миры, пульсирующие жизнью, и миры мёртвые, опустевшие, где лишь ветер выл над бесконечными кладбищами, над бесконечными полями костяков.

Миры, от которых распространяется жизнь, свет, счастье, – и миры, источающие ядовитые миазмы, подобно разлагающемуся труп.

Души смертных и бессмертных, закованные в тюрьмах обречённой плоти, следующие по проклятому и краткому кругу – Дерево во владениях Демогоргона – мир, живой или умирающий – жизнь, сколь угодно краткая или долгая, и заточение в «царстве мёртвых».

«Мне нет до этого дела, – без слов ответил Яргохор. – Пусть хоть все миры обратятся в ничто, подвластные мне души останутся со мной. Месть моя свершится, и, если ты хочешь меня разжалобить...»

Спаситель этого явно не хотел, он просто показывал, никак не обнаруживая, что воспринял сказанное Водителем Мёртвых.

Умерших миров будет становиться всё больше, и даже Он, Спаситель, упокаиватель и могильщик, не будет успевать хоронить всех мертвецов.

И когда придёт последний день, последний рассвет, когда едва светящее солнце глянет на отравленные миазмами поля, когда начнут рушиться сами барьеры и стены Упорядоченного, а в бреши хлынет дикий огненный Хаос, – кто встанет у него на пути?

«Это не моё дело, – холодно отозвался Ястир. – Я пришёл мстить, и я буду мстить; разговоры закончены».

Чёрный меч устремился прямо в грудь Спасителю, тот мягко отстранился, остриё пронеслось мимо.

До слуха Яргохора донёсся словно шелест бесчисленных крыл, как будто сюда мчались стаи неисчислимых стрекоз и были уж совсем близко.

Водитель Мёртвых отдал безмолвный приказ, и его воинство сдвинуло ряды, словно обычные живые копейщики и щитonosцы.

Спаситель оказался вдруг рядом с Яргохором, ладони его легли на тёмную броню, и Ястир зашатался.

...Руки Спасителя обжигали разом и огнём, и леденящим холодом. Странная, чужая воля проникала сквозь доспехи, парализовывала сознание, заставляла мутиться мысли; Яргохор успел, однако, воззвать к своим

призракам, и те послушно потекли ему на выручку, низко склонив чёрные острия пик.

Спаситель грозно вскинул одну руку – и бесплотные воины Водителя Мёртвых зашатались, роняя оружие; власть Его над неживым воинством была сильнее, нежели у Яргохора.

Не так значительно, но всё-таки сильнее. Проклятие, и уже не успеть добраться до Источника Мимира...

Ястир боролся. Его собственная тёмная воля оттолкнула вторгающееся чужое сознание, картины затянутых смертным льдом миров уступали место совсем иному – мирам, через которые маршировало его призрачное воинство.

Они горели от полюса и до полюса, и всё живое обращалось во прах, не в силах устоять перед призраками Водителя Мёртвых. У каждого из павших он, Яргохор, исторгал душу, и она становилась ещё одним воином в его армии.

Спаситель усилил натиск. Лёд напал на яростное пламя, языки его шипели и умирали под синевато-прозрачными глыбами. Фигуры крылатых исполинов в белоснежных одеяниях поднимались над горизонтом, и смертные воители, воздев хоругви с Его ликом, ободрённые, устремлялись в схватку.

«Постой же, ты, который думает, что так легко сломает меня, пережившего День Гнева!»

...Там, на тёмных путях Гнипахеллира, Яргохору порой встречались случайные путники; они расставались с душами, Водитель Мёртвых исторгал их, присоединяя к очередному каравану.

И сейчас он, не думая, кто перед ним, попытался сделать то же самое. Спаситель не страшился никакого оружия, даже магического, он не дрогнул, когда чёрное лезвие коснулось его плоти (а может, лишь искусной её иллюзии); и Яргохор попытался сделать то же самое, что он проделывал множество раз с теми самыми смертными, что имели глупость или неосторожность забрести слишком глубоко в мрачные поля Гнипахеллира.

«Раз у тебя, Спаситель, человеческая форма, значит, где-то в глубине прячется и сознание, способное изобразить человека, смертного, понятного и близкого остальным. А раз так, должно быть там что-то, подвластное и ему, Водителю Мёртвых!..»

И ему показалось, что он нащупал нечто подобное – череду не то воспоминаний, не то предвидений: ребёнок, играющий среди друзей, юноша, втолковывающий что-то внимающим ему бородачам; молодой человек, вещающий перед толпами; и он же, влекомый на казнь.

Это повторялось раз за разом, и было похоже, только похоже, на память настоящей души.

Чёрный клинок потянул всё это на себя.

Но вместо увиденного в Яргохора хлынул лишь холод, мороз и лёд недвижмости. Картины рассыпались мириадами острых осколков, и вместо них оставалось нечто, названия чему не знал даже Ястир, некогда один из Молодых Богов.

...Он пытался бороться, но и силы, и чары, и магия умирали, не в силах покинуть глубин его же сознания. Он пытался сдвинуться с места, но вокруг царили лишь смерть и разрушение, что-то иное – не Хаос и не Порядок, не Свет и не Тьма – пожирало всё на своём пути.

Жаркий ужас, подобный тому, что пришлось испытать после Дня Гнева, когда перестал быть Молодой Бог Ястир, а появился Водитель Мёртвых Яргохор, затопил предводителя Дикого Гона; из пламени возникло строгое и скорбное лицо Спасителя, взгляд его прожигал, суля в то же время спасение и избавление.

Глаза Ястира закрылись, тьма, его собственная субстанция, внезапно ополчившись, залила взоры.

...Мёртвые воины-призраки терпеливо и равнодушно ждали. Им было всё равно, кто возьмёт верх.

Познавшим Тьму.

Когда-то, до срока, были непобедимы отряды Ночной Империи. Когда-то не знали поражений бесстрашные воины Хагена. Ему же, Хедину, сейчас необходимо, чтобы поднятые его словом люди прошли до самого конца без единой неудачи.

Так уходит Вечность, и он, Познавший Тьму, знал это. Когда-то давным-давно Старый Хрофт рассказывал ему о Рагнарёке, в пору, когда Хедин уже знал, кто его собеседник. Они знали, что их время пройдёт. У Хедина и Ракота была целая вечность творить то, что они считали правильным. Вечность прошла.

Познавший Тьму стоял неподвижно, скрестив на груди руки, перебирая в памяти потерянных друзей, особенно тех, которые не знали, что скромный худощавый чародей в выдавшем виды коричневом плаще – есть Новый Бог Хедин.

У Богов нет друзей. У волшебников – они случаются.

Особенно если, как Ракот, бродить по мирам инкогнито. В былые времена по Северному Хьёрварду хаживал некий маг по имени Рагнвальд, которого любила Кера, страстная и ревнивая, как и полагается Огненной Деве. Да, она любила его, по-своему, но любила. И стоило ли так вживаться в роль циничного странствующего чародея? Уж не завидовал ли он тогда Ракоту?

Впрочем, не важно. Самое лучшее средство от излишних размышлений, как говаривал гном Арбаз, один из подмастерьев Нового Бога, – это или хорошее пиво, или хорошая драка. А лучше всего – и то и другое вместе.

...Он выбрался из бездны Неназываемого. Огромной ценой, но выбрался; вытянул в безопасные области Упорядоченного вот этот самый мир, что сейчас под ногами.

Сигрлинн, сражаясь с Отцом Дружин в возрождённом Асгарде, подле вредоносного Четвёртого Источника, сама того не желая, сделала доброе дело – безостановочно черпала льющуюся из него силу, творя убийственные заклятья, пережигала её, восстанавливая баланс потоков магии. Четвёртый Источник теперь меньше расшатывал вселенную; можно было только поразиться стойкости Старого Хрофта, устоявшего перед эдаким натиском.

Что-то творилось с Древними Богами по всему Упорядоченному, они зашевелились, вылезая из тёмных логовищ, обретая новые силы или вспоминая то, чем владели некогда, и это тоже нельзя было сбрасывать со счетов.

Но самое главное – вызванный прорывом Четвёртого Источника магический хаос, расшатавший клетку Неназываемого, потихоньку угасал, и Познавший Тьму сейчас напряжённо искал этому причины.

Две его ипостаси, Наблюдающий и Действующий, инструменты, созданные во время спуска в пасть чудовища, с которыми ему предстояло окончательно объединиться возле священного Урда, послушно доложили, что потоки новосотворённой пустоты, зонами скармливаемой Неназываемому, вновь начали течь если и не как раньше, то, во всяком случае, более упорядоченно, не срывая с места укоренённые в Межреальности миры.

Неназываемый, не подчиняющийся никаким законам, – если не «хаос воплощённый», то нечто, к нему близкое, – вдруг сам сделался... упорядоченным.

«Нет, не так, конечно. Не обманывай себя, Познавший Тьму, – подумал Хедин. – Слишком хочется думать, что худшее позади, что опасность миновала, и особенно трудно признать, что ты не знаешь, привела ли к чему-то жертва самим собою там, в бездне Неназываемого».

Сейчас ему казалось, что это именно так. Что именно он, двойник – а может, истинный Хедин? – оставленный в пасти вечно голодного зверя, что-то смог сделать и изменить. Неведомо как, но смог.

Тем не менее вся система, так долго сдерживавшая чудовище, вновь застыла в хрупком равновесии. Четвёртый Источник не то чтобы иссяк, но сила теперь не была из него фонтаном, а сочилась тонкой струйкой. Урд, Кипящий Котёл и Источник Мимира, повинаясь сложнейшим, давным-давно наложенным заветам, постепенно брали верх, поток пустоты вновь становился ровным, упорядоченным, плавно обтекающим миры, а не срывающим их с места.

Правда, всё это благолепие грозило рухнуть в любой миг, от малейшего магического возмущения. Даже ему, Хедину, когда-то устраивавшему всю систему сдерживания Неназываемого, требовалась особая осторожность.

Зверь в бездне чуть притих, но отнюдь не успокоился. Баланс Источников должен быть восстановлен, однако это, быть может, самое простое из предстоящих дел. Затишье в шторме; краткое или нет, его нужно использовать. И для этого все средства хороши. Хедин зябко повёл плечами. Вера и любовь смертных – она словно сладкий яд.

Все права на ошибку уже использованы. Пришла пора просто побеждать.

Граница пересечена, обратной дороги нет.

Вера и любовь смертных – она словно сладкий яд.

Нельзя сказать, что Познавшему Тьму чувство это было совсем уж незнакомо. То тут, то там в пределах Упорядоченного возникали их с Ракотом храмы. Но... у них нет Церкви, как у Спасителя. Жрецы Хедина-Милостивца и Ракота-Заступника – скорее тайный орден, чем всевеликая вера. А здесь...

У ног Познавшего Тьму лежал спасённый мир. Банально, но именно так – спасённый от падения в бездну Неназываемого. Вера в него здесь стала абсолютной. Собственно, это даже не было верой, это было знанием. Его видели тысячи тысяч. Явленные им чудеса лицезрело ещё больше.

Храмы воздвигались – во множестве, а в них – его изображения. Сонмы владеющих кистью спешили зарисовать его, сохранить его облик; и для веры как таковой уже не оставалось места.

Пора было уходить; его ждал брат Ракот, ударивший в спину штурмующим Обетованное быкоглавцам.

Тихие шаги за спиной. Запахло лугом, весной, цветущим полем.

– Великий бог Хедин...

Соломенноволосая богиня этого мира, с золотистым серпом за узорчатым поясом. Большие васильковые глаза, бело-зелёное платье до колен, открывающее босые ноги.

Познавший Тьму обернулся.

Она перестала быть великаншей. Женщина, дева, разом и юная, и древняя, как сами времена года, как само небо, как вечнорождающая пашня.

– Великий бог Хедин...

Она низко склонилась перед ним. Солнечные волосы заплетены в косу с синей, под цвет глаз, ленточкой – бесхитростным подношением кого-то из тех, кому она помогла в бесчисленных делах повседневности.

– Внемлю тебе, Тейсида.

Древние этого мира любили торжественный слог.

Холм под ногами Познавшего Тьму был не просто холмом; в толще его скрывалось древнее святилище, посвящённое как раз соломенноволосой и голубоглазой Тейсиде, Подательнице Урожаев.

Когда-то давным-давно здесь поклонялись ей, быть может, самые первые племена, что перевалили через горы и пришли на эти благодатные равнины, в её царство.

Поклонялись и воздвигли храм. Странно только, что сделали они его подземным – уж кто-кто, а Тейсида к подземельям никакого отношения не имела.

– Спасибо, что почтил место сие, Великий.

Древняя застыла, словно не смея приблизиться. Тонкие пальцы сжались на рукояти золотого серпа за широким узорчатым поясом.

– Оно ведь посвящено тебе, Светлая?

Она кивнула, осторожно улыбнувшись.

– А почему всё-таки подземелья? – не удержался Хедин от вопроса.

– Тогда это были опасные места, Великий. Мои тёмные братья и сёстры, увы, никак не желали понять то, что понимает любой хищник: нельзя истреблять всю добычу за один присест, иначе умрёшь с голоду.

– И они нападали на поклонявшихся тебе?

Тейсида вновь кивнула.

– Нападали, Великий. Мне приходилось помогать тем, кто молил меня о защите. Поэтому подземелья. А где подземелья, там и тьма. Так мне пришлось стать грозной, – лёгкая улыбка, хоть и с оттенком печали. – Племена относили сюда, в святилище, рожениц. Я помогала тоже. Тех, кому помочь не могла, – забирала себе.

– Ты собирала себе их души? Души детей, умерших при рождении? И их матерей, скончавшихся родами?

Она кивнула, виновато прикусывая губу.

– Я знаю, это неправильно, Великий бог. Души должны вернуться в великую реку, в великий круговорот, в вечный цикл жизни. Но мне было так их жалко...

– И ты создала своё собственное Царство Мёртвых?

Взор Тейсиды опустился совсем низко.

– Нет, о Великий. Прошу тебя, не гневайся на меня. Или гневайся, но выслушай.

Познавший Тьму вскинул руку.

– Не буду гневаться, Светлая. Ты поступила так по доброте, а не алкая власти, почестей или преклонения. Но дай им теперь свободу, этим душам.

– Всё будет по слову Великого Хедина. – Её покорность казалась чрезмерной.

– У тебя прекрасные леса, добрая Тейсида.

– О! – она улыбнулась. – Похвала Великого Хедина стоит многого. И слово твоё, Великий, для меня закон. Но я хотела просить совсем о другом...

– О чём же?

– Великий Хедин... – потупилась Тейсида. – Моя просьба, наверное, покажется смешной и неуместной, но... Великий Хедин...

– Прошу тебя, Светлая, не злоупотребляй этим эпитетом. Мне он не

очень нравится.

– Не гневайся на меня, Великий, – Тейсида смущалась и краснела. – Но я хотела сказать... Ты спас нас, удержал от падения в бездну. Все возглашают тебе хвалы. И простые смертные, и мои собратья, такие же Древние.

– Мне не нужны славословия, – сухо сказал Познавший Тьму.

– Я знаю! Знаю! Но дело в том... что мои родичи уже начали делить власть. Они уже спорят, кто «больше помог великому Хедину». А это значит – будет война, Великий. В который уже раз.

Познавший Тьму безмолвствовал.

– Тёмные и Светлые, и Серые, и Бесцветные – все повылазили, все оживились. Так не должно быть, Великий. Они в который раз зальют мир кровью тех, кто падёт на полях сражений, и тех, кого зарежут на чёрных жертвенниках.

– Чего же ты хочешь от меня, Тейсида? – угрюмо осведомился Познавший Тьму. – Я не пасу народы жезлом железным.

– Всё может быть иначе, всё должно быть иначе! Ты, ты должен править нами, Великий! Ты могуч и мудр, ты благ и справедлив...

Хедин поморщился, словно у него вдруг разболелись зубы. Никакие зубы у него, конечно, отродясь не болели, но...

– Ты должен править Упорядоченным. На высоком троне, в сиянии и славе; постой, Великий, прошу тебя, не перебивай! Я знаю, ты скажешь, что ты один, а Вселенная огромна; но испокон веку боги, собираясь править, заводили себе много детей, выполнявших их волю. Стань богом-отцом, Великий, правь нами сам или дай нам своё потомство, что будет таким же сильным и справедливым! И это – единственный путь; в тебя верят, за тобой идут. Не станет тебя – вновь начнутся распри и кровь! Нами должен владеть настоящий бог! Не такой, как мы, не рождённый от плоти мира, но возникший в невообразимой глубине Упорядоченного! Даже у меня сразу же кружится голова, стоит задуматься об этой необъятности...

– И этот истинный бог – я? – глухо спросил Хедин.

– Да, – тряхнула головой Тейсида. – Ты, Великий. Тебе править. Пусть имя твоё прогремит от края до края Упорядоченного. Пусть храмы тебе воздвигнутся повсюду! Дай мирам и народам закон, строгий, но справедливый! Правь нами и пошли детей своих помогать тебе! Нужен истинный хозяин! Один, настоящий! – Она умоляюще сжала руки перед грудью.

Воцарилось молчание. Хедин замер, глядя в подёрнутую дымкой даль, и Тейсида замерла тоже, не сводя с него васильковых глаз.

– Светлая Тейсида, – проговорил наконец Познавший Тьму, – всегда, едва лишь появляется «истинный хозяин», убытки и потери от него неизменно начинают превышать...

– Значит, он неистинен, – покачала она головой.

Познавший Тьму вздохнул.

– Многое мог бы я тебе возразить, Светлая, но не вижу смысла. Мой долг – хранить Упорядоченное, а не восседать на тронах. Не думать за других, не указывать, но лишь подсказывать и направлять. Сейчас – и только сейчас – я пошёл на то, чтобы собрать множество верящих в меня. Но лишь потому, что нам предстоит поистине небывалая битва, а не оттого, что решил влезть на какой-то там престол.

– Великий Хедин не прав, – Тейсида опустила голову.

«Кажется, сейчас заплачет», – подумал Хедин безнадежно.

С женскими слезами не способен справиться никакой бог.

Спасти мир – это пожалуйста, нырнуть в бездну Неназываемого – сколько угодно, но сделать так, чтобы прекрасная дева не рыдала...

Нет, это выше его сил.

«Как же я понимаю порой Ракота. Чёрный меч на плечо – и бегом-бегом поражать новое чудовище!...»

А со спасёнными красавицами пусть разбирается кто другой.

– Для начала надо выиграть битву, Светлая. А о престолах и прочем мы подумаем потом.

* * *

«Война – единственно достойное занятие мужчины».

Хедин помнил себя тогдашнего, когда всё было просто и ясно. Или это теперь так казалось ему? Ему сегодняшнему, Новому Богу, «хозяину Сущего», как напыщенно именовали его порой подмастерья? Казалось, что всё просто и ясно, хотя на самом деле было совершенно не так.

Времена изменились. Что осталось прежним, так это избыток врагов и явная нехватка друзей. Правда, у него имелся План Хедина, а это, как говаривали гномы, уже полдела.

Планы никуда не делись и сейчас, правда, куда более смутные и неопределённые. Слишком много изломов и поворотов «а если так, то мы эдак». Планы – это хорошо. Но ещё лучше, когда просто знаешь, чего нужно достичь.

У смертных в самых разных мирах, на самых разных языках частенько

звучит фраза «вызываю огонь на себя».

Хедину предстоит проделать то же самое.

Мир, где властвовала Тейсида с сородичами-Древними, пережившими всё – явление Молодых Богов, Восстания Ракота, падение Ямерта, натиск Неназываемого, – дал Познавшему Тьму воинов. Простых смертных, людей, сильванов, перьеруких. Нерейд, тритонов, и прочий морской народ пришлось оставить – им не преодолеть Межреальность.

Рати собирались на огромной равнине, там, где Хедин впервые показался им. Здесь предстояло открыть врата в Межреальность и потом ещё как следует попотеть, прокладывая короткие тропы, иначе воинству придётся маршировать многие месяцы, прежде чем оно доберётся до Обетованного.

Конечно, в изобилии уже явились новоявленные «жрецы» Познавшего Тьму и толкователи «поданных великим богом Хедином знамений». Это неизбежно, это в людской природе. Старый Хрофт молодец, он всегда принимал смертных и бессмертных такими, как они есть, не требуя ничего и ничего не ожидая. Не очаровываясь и не разочаровываясь.

Бог Хедин забирал у мира множество мужей и жён, всех, кто пожелал сражаться. Он не думал о том, сколько из них не вернётся, – зато много размышлял о том посмертии, что будет их ждать.

Ибо бог тогда лишь бог, когда заботится не об одной земной юдоли верящих в него.

Времени оставалось не так много – до того момента, как качнутся обратно потревоженные Весы и маятник начнёт обратный ход.

– Прости, Великий, что нарушаю твоё уединение...

Вот ещё один. Кирвад, мелкий лесной божок, приведший, однако, целый сонм сильванов, кентавров и прочих обитателей чащоб.

Смуглый, с козлиными, как у фавна, ногами и копытами, с круглыми, завёрнутыми бараньими рогами, в доспехах из зачарованной коры священных деревьев, Кирвад встал на одно колено.

– Воинство готово. Тейсида Светлая благословляет уходящих и остающихся. Все ждут лишь твоего слова, Великий.

Новый Бог кивнул.

– Большие врата откроются, едва я ступлю на равнину, Кирвад. Отправляйся, оповести остальных. Я прибуду вскорости.

Лесной бог поклонился и исчез.

Зелёная долина исчезла. От края до края, от гор до гор, теряясь в дымке у горизонта, колыхалась масса людских и не только голов; голов, плеч, шлемов, знамён, штандартов. Здесь были те, кто откликнулся на зов Познавшего Тьму, кто готов был сложить голову, спасая даже не свой мир – но всё Упорядоченное.

Предложите смертным дело, которое они сочтут святым – и они опрокинут даже богов.

Вот и Древние, те, что вняли призыву Тейсиды. Явились далеко не все – большинство так и осталось прятаться в своих чащобах, речных омурах, болотных топях или на дне морском. Они не верили ничему и всего боялись.

Старина Ямерт умел внушить уважение, чего уж там.

Сейчас им нужны были слова. Слова бога. Слова, что останутся на скрижалях, что будут занесены во всякоразличные Писания, слова, что станут молитвой – если останется кому её возносить.

Что ж, Хедин, Познавший Тьму, когда-то ты был ловок в речах.

И он заговорил.

О великом океане Межреальности, о песчинках живых миров. О надвинувшемся на них смертоносном хаосе и о том, что только они, собравшиеся сейчас на этом поле, смогут остановить беду. О том, что участь павших будет сказочна. О том, что песни и саги об их деяниях переживут века, а дети, внуки и правнуки будут гордиться ими.

Он умел говорить, Хедин, Познавший Тьму, и произносил такие речи не в первый раз. Ночная Империя не выбиралась в Межреальность, просто не успела, её уделом оставался Хьёрвард, но разница заключалась лишь в количестве обращённых на Хедина глаз.

Правда, ещё одно отличие таки было.

Рати Ночной Империи водили его истинные ученики. Не подмастерья, а настоящие ученики, чьё Зерно Судьбы вручил ему в руки Шар Судеб в замке Всех Древних. Тогда Хедин оставался именно что Хедином, Познавшим Тьму, Истинным Магом, вершителем судеб, проникающим в тайны мироздания. А люди – что люди! «Я даю им то, чего они хотят. Славные битвы, разгульные пиры, достойная смерть, что будет воспета скальдами. Жизнь их ведь всё равно конечна. Я помогаю им умереть счастливыми».

Хорошее объяснение для тогдашнего Хедина. А для нынешнего?..

Слова закончились, и над всей долиной, от края до края, простёрла свои крылья тишина. Молчали люди, молчали сильваны, молчали не столь многочисленные кентавры, молчали перьерукие.

– Кто верит в меня – за мной, – негромко, но, опять же, так, чтобы услышали все и каждый, проговорил хозяин Упорядоченного.

Над долиной взметнулись радужные врата – его воинству открывалась дорога в Межреальность.

* * *

Тейсида Светлая осталась позади. Ей хранить новоукоренённый мир, заниматься вечным, привычным делом богини – покровительницы изобилия и деторождения.

Армии уходили прочь. И шли напрямик – к Обетованному. Там Хедин примет окончательное решение. Направиться ли к Асгарду возрождённому, где под корнями нового Иггдрасиля бил, нарушая всё равновесие сущего, Четвёртый Источник Силы в Упорядоченном, или отвечать на какой-нибудь новый удар.

Коричневокрылый сокол взмыл над вступившим в Межреальность воинством. Он проносился над отрядами копейщиков и щитоносцев, над мечниками и стрелками; над всадниками и обозниками, над всей великой армией – великой по меркам породившего её мира, крошечным отрядом по меркам, скажем, Восстания Ракота.

Люди и не-люди дивились многокрасочности, буйству всего, что заполняло Междумирье. Их смертным глазам представала широкая торная дорога, однако окружало её нечто невообразимое – исполинские, длинные стебли всех цветов радуги, колышущиеся на неосязаемом ветру; скользящие сверху и снизу тени неведомых существ, слегка похожих на летучих китов; медленно движущиеся исполинские вихри, воронки, вбиравшие в себя пространство. Межреальность вокруг жила собственной жизнью, и её обитатели достаточно хорошо понимали, что с пути Хедина сейчас лучше убраться. Даже хищные растения, далеко раскидывавшие ловчие плети, сейчас торопились втянуть их и притвориться самыми обычными кустиками, пусть и совершенно нелепых расцветок.

Коричневого сокола сейчас видело всё войско – от головы до хвоста. Сотням тысяч непросто вытягиваться одной-единственной ниткой, и Хедин разделял дороги, стягивая их в единый кокон невидимыми узами.

Не так-то легко вести армию чрез Междумирье, где для смертных нет ни пищи, ни воды, и даже воздух – только стараниями его, Хедина. Все припасы приходится тащить с собой, особенно когда марш предстоит долгий. Титул Познавшего Тьму не давал власти над Кипящим Котлом, это

удел Ракота, его легионам продвигаться сквозь Межреальность куда легче, особенно когда это нематериальные порождения Тьмы.

Воинство Нового Бога не скрывалось. Если кто-то захочет их остановить – что ж, тем лучше.

Он проложил путь прямо до Обетованного, однако, как и следовало ожидать, ровной дороги не получилось.

Сила взвихрилась, закрутилась воронкой, стягиваясь в тонкую нить и вонзаясь в небесную сферу, заключающую в себя недалёкий мир.

...Это был обычный мир, безымянный, один из множества. В таких, как правило, ничего не происходит – или уж если происходит, то кровавый кошмар наподобие Войны Ангелов. Плоский, то есть, скорее всего, не закрытый, магический. Со своим царством мёртвых, повисшим на нём, словно серая запятая. Словно мешок старьевщика, куда сваливают ненужное, сломанное, отработавшее.

Отжившее.

Этому миру досталось изрядно во время недавней вселенской бури, однако он удержался, корни его оказались крепки. Правда, и цена спасения – непомерна.

Непомерна – во всяком случае, так казалось Познавшему Тьму.

Приближаясь, он ощущал не только стремительный ток магии, но и её короткие, судорожные толчки – словно это не мир лежал перед ним, а обнажённое человеческое сердце во вскрытой серпом жреца груди.

Там, внизу, творилось что-то небывалое, по крайней мере Хедин ещё ни разу не сталкивался с подобным.

Наступило время катаклизмов и катастроф. Рушащаяся клетка Неназываемого, сдвинувшиеся потоки магии, а вдобавок ещё и проложенный для войска путь – неудивительно, что под ногами творится Тьма знает что.

Оживают ли там Древние Боги? Требуют себе кровавых жертв? Очнулись ли от долгого сна голодные чудища былых времён? Или что-то ещё?

Что ж, это предусматривал План Хедина. Армия должна расти.

* * *

Коричневокрылый сокол скользнул сквозь бездны Междумирья. Он не нуждался в воздухе для полёта, но воинство должно видеть своего предводителя и осознавать его могущество.

Сейчас марш возглавил Кирвад. Он будет «поспешать медленно» и явится к Обетованному в назначенный срок, если он, Хедин, задержится.

Потому что обнаруженный катаклизм Хедин должен увидеть сам, собственными глазами.

Небо перед Познавшим Тьму послушно разомкнулось и вновь сошлось у него за спиной. Обычное голубое небо, по которому бегают местное солнышко – с поверхности оно кажется величиной с мелкую монету, если держать её в пальцах вытянутой руки.

Внизу раскинулись моря и горы, леса и равнины, пустыни и джунгли – всё как во множестве других таких же миров, раскиданных по Упорядоченному.

Всё как везде. И всё совершенно не как везде.

Новый Бог ощутил это мгновенно, едва пронзив голубую небесную сферу.

Живодарящая сила пульсирует и бьётся лихорадочно, прерывисто. На севере и юге, на холодных оконечностях плоского мира, растут, поднимаются выше и выше тёмные, почти чёрные клубящиеся тучи, заполняют небо от земли и до самой хрустальной тверди. Щупальца облаков растягиваются на сотни и тысячи миль, простираются над океаном, жадно тянутся к беспечно раскинувшимся континентам; и в тучах ощущается движение, там что-то прячется, скрывается до срока, что-то чуждое, голодное, алчущее...

Пронзающая мир магия утратила всегдашнее своё плавное, размеренное течение. Сделалась хаотичной, острые её струи устремлялись во всех направлениях, безо всякого порядка, метались, сплетались и вновь расплетались, словно змеи в садке.

Коричневокрылый сокол снижался широкими кругами, нарочито медленно. Он смотрел, слушал и внимал.

Река. Огромная, широченная, вобравшая в себя множество притоков с обширной равнины, простиравшейся, насколько мог окинуть взор. Обычная река, река-кормилица и труженица – берега усеяны рыбацкими деревушками, видны многочисленные пристани, и по самой речной глади тянутся суда, гребные и под парусом, медленно влекутся громоздкие плоты и беляны, какими сплавляют лес из верховий.

Всё мирно. Всё как обычно. Вот раскинулось внизу селение, от речной пристани разбегаются в разные стороны желтоватые песчаные улочки, замер на деревенском торжище небольшой храм Спасителя с нацеленной в небеса перечёркнутой стрелой; люди...

Люди выскакивают из домов, бросают все дела и бегут прямо к нему.

Бегут с полей, с огородов, от пристани. Лодки кое-как притыкаются к берегу, и люди тоже бегут.

Вверх по течению реки, от устья, поднимаясь всё выше и выше, катилась крутая волна. Впрочем, уже не волна, настоящий вал, стена воды, вздымающаяся под самые небеса. Она катилась медленно, не спеша, словно сознавая своё всеисилие над этими смешными человеческими скорлупками, дерзнувшими испоганить речное русло.

Река повернула вспять. В толще взбесившейся воды мелькали изломанные в щепу судёнышки, брёвна, ещё какой-то сор, играючи слизнутый разъярённой стихией с освоенных человеком берегов.

Древний бог, или богиня, или нимфа, или кто вообще распоряжался этой рекой, – сошёл с ума?

Сила ярилась и бушевала, однако теперь в нарастающем хаосе Хедин ощущал и нечто вроде центра – спокойствие, словно в оке бури, царило вокруг бревенчатого храма Спасителя.

Вниз!

Коричневокрылый сокол сорвался с небес, камнем падая прямо на гребень волны. Кто бы ни чинил здесь такие непотребства, он за них ответит!

Как будто ощущая приближение Познавшего Тьму, волна разом выросла чуть ли не вдвое. Слух полнил яростный рёв, словно тут бушевала разом сотня исполинских водопадов; крылья потока растекались всё шире, выплёскивались на берег, с лёгкостью снося всё на своём пути – риги, амбары, сенные и лодочные сараи.

Ещё немного – и она слизнёт всю деревню.

Сокол пронёсся над самым гребнем водного чудовища, пена омочила перья. Небо стремительно темнело, облачные рукава с полюсов, преодолев колоссальные расстояния, дотянулись и до этих мест, мгновенно поглотив солнечный свет.

Ступни Хедина твёрдо встали на светлом речном песке.

За спиной – бревенчатые избы рыбаков, сушатся сети на шестах, пахнет рыбой. Взвизгнув, к Новому Богу бросилась и прижалась к ногам кудлатая смешная дворняжка, глаза заполнены ужасом.

«Имей веру с гречишное зерно, – говорили книги Спасителя. – Имей веру с гречишное зерно, и тебе покорится сущее и не-сущее».

Что ж, придётся без гречишного зерна.

Сила вокруг Познавшего Тьму поневоле успокаивалась, упорядочивалась. В своё время Истинному Магу Хедину хорошо удавались огненные заклятия, и сейчас, когда равновесие здесь рухнуло, он едва

удерживался от соблазна пустить в ход пламя.

Хедину – распорядителю Упорядоченного хватило бы мощи и вовсе испарить взбесившуюся реку.

Однако он искал, искал виновника, того бога, духа, чародея, что учинил всё это. Может быть, того же, кто обратил в хаос потоки магии в этом мире.

Встретить силу силой – нехитрая штука.

Но нет, никто не прятался в толще волны, никто не тащил её к себе из предгорий, никто не толкал от устья. Никакому Древнему не пришло в голову учинить тут этакое стихийное безумство просто так, без цели и смысла.

Сила послушно потекла вокруг раскинутых рук Познавшего Тьму. Легко, легко – чуть медленнее – ещё медленнее – с откровенным трудом.

Что бы ни наступало сейчас, сдаваться оно не собиралось.

Воля Бога Упорядоченного – такой же его инструмент, как топор плотника или веретено пряжи. Текучая сила, животворная магия подчиняется ей так же, как простому смертному подчиняются его руки или ноги.

Никакой Древний не остановил бы эту волну; стиснутая, сжатая, пронзённая незримыми спицами силы, вода катилась вперёд неудержимо. Но сейчас перед нею встал Познавший Тьму – и каркас водного чудовища лопался, направляющие расточались, воля Хедина разъединяла чужое и чуждое – за исчезающе короткие мгновения времени смертных, – пока громада волны не обрушилась потоками, не хлынула во все стороны сотнями и тысячами ручейков и ручьев, уже не способных причинить кому-то вред.

Волна рушилась, страшная водяная стена с грохотом оседала, оставляя после себя груды обломков, некогда бывших плотами и лодками, пристанями и лавками, сараями и даже домами. Стихия подчинялась Новому Богу, но нехотя, ему приходилось пробиваться сквозь жёсткую, колючую, непокорную силу – как будто суёшь голую руку в усеянный шипами терновник.

За спиной кричали люди, а дворняжка у ног вдруг встала на задние лапы, упёршись передними в колени Хедину, с явным намерением лизнуть его, а потом с самым деловитым видом уселась подле и принялась чесаться.

А Познавший Тьму стоял, вслушиваясь в отзвуки рассеивающейся силы – незнакомой, преломлённой странным, диковинным образом. Конечно, далеко не все сущности Упорядоченного меняют ток силы одним-единственным, на века затверженным способом, но и на обычную волшбу

Древних это не походило тоже.

Далеко-далеко, над самым горизонтом, по-прежнему тонушим в тёмных тучах, засверкала вдруг белоснежная искорка.

Крупца белого пламени на фоне мрачных облаков, беременных громами, стремительно неслась прямо на него.

Крики за спиной стихли, однако Хедин чувствовал высыпавших на окраины селения людей – они тоже все глядели на приближающуюся снежно-белую искру.

Дворняжка вдруг бросила чесаться, вскочила, оскалилась, зарычала, глядя на летящий лоскут бесцветного пламени, в который успела обратиться искра.

Голоса за спиной Хедина нестройно затянули какое-то песнопение, что-то вроде молитвы – наверное, Спасителю.

Ещё несколько мгновений – и Хедин смог разглядеть внутри пламенного кокона воздушно-прозрачное, свитое из нитей белого огня существо с парой огромных крыльев за спиной.

Ангелы.

Спутники и соратники Спасителя. В отличие от подмастерьев Познавшего Тьму, возникали они только и исключительно в спасаемых мирах, не составляя постоянную свиту. И странствовал Спаситель всегда один – так, как явился им с Ракотом подле могилы Мерлина.

И значило это только одно – он, Хедин, оказался в мире, где всюду кипело то самое Спасение. Спасение, которое он привык считать просто пожиранием живых душ, поглощением их неведомой бездной Спасителя.

Наверное, здесь, невдалеке от границ сферы Неназываемого, людские горе, отчаяние и ужас обретали особую силу.

Ангел резко, словно подбита камнем птица, нырнул вниз, устремляясь прямо на Познавшего Тьму. Пение за спиной сделалось ещё менее стройным, кричали женщины, плакали дети; дворняжка рычала – похоже, ангел ей совершенно не нравился.

Хедин вглядывался в пришельца – в его воздушные, бестелесные черты, в равной степени и мужские, и женские. Ангел явно был андрогином, существом без пола, разом и бесплотный, и наделённый плотью особого рода, словно тело его слагалось из другой материи, нежели всё остальное в Упорядоченном.

Охватывавший его кокон пламени угасал; с новой силой задул ветер, швыряя брызги в лицо Познавшего Тьму; тёмные тучи клубились прямо над головой, и казалось – они вот-вот рухнут наземь, придавив всех неподъёмной тяжестью.

Лицо и руки, босые ступни ангела казались чуть темнее его абсолютно белоснежных одеяний; исполинские крылья медленно складывались с пугающей, абсолютной аккуратностью – перо к перу, хотя никаких настоящих перьев там, конечно, не было.

Хедин смотрел в глаза явившемуся существу, ожидая увидеть там или пустоту, или бездну (что, если рассудить, почти одно и то же) – но вместо этого столкнулся с совершенно человеческим, разумным, осмысленным взглядом.

Глаза были единственным, что жило в этом полупризрачном теле.

Их разделяла дюжина шагов.

Дворняжка рычала, поглядывая на Нового Бога, словно ожидая команды.

– Зачем ты помешал? – спокойно, с лёгкой досадой, осведомился вдруг ангел. Голос его казался странным, как и лицо, – не мужской и не женский, слишком высок для первого и слишком низок для второго.

Зазвучал язык Поколения Истинных Магов. Язык, на котором их обучали птицеголовые наставники, когда явившиеся в мир только готовились принять на себя Замок Всех Древних.

– Кто ты и по какому праву спрашиваешь? – последовал надменный ответ. – Кто дерзает задавать вопросы Хедину, Познавшему Тьму, Богу Упорядоченного?

Иногда полезно вспомнить все эти формулы. И ещё полезно не выказывать удивления тому, что посланцу Спасителя известен старый язык Поколения.

Ангел слегка наклонил голову, точно с любопытством.

– Хедин, Познавший Тьму, – сказал он без всякого выражения. – Зачем ты помешал мне? Души всех этих несчастных должны быть спасены. Должны найти приют в Нём. Что может быть выше этой участи? Отчего ты встал на моём пути?

– Ты очень любишь задавать вопросы, крылатый. Ты так и не назвал мне своего прозвания, однако, словно хозяин у слуги, требуешь ответов.

– Я длань Его, – ангел глядел прямо на Познавшего Тьму. Живым, горячим, пронзительным взглядом, так не вязавшимся с его обликом или словами. – У меня нет имени. Когда-то оно было, в моей смертной жизни, ну а теперь оно больше не нужно. Мы вознаграждены Спасителем за верность Ему и всегда пребываем с Ним; появляемся, когда потребны, и исчезаем, исполнив свой долг. Только в отличие от тебя и прочих, смертных с бессмертными, вернее мнящих себя таковыми, мы знаем, что никакой смерти нет для тех, кто принял Его.

– И потому вы послали эту волну? – осведомился Новый Бог. Упускать такой случай нельзя – они с Ракотом никогда ещё не оказывались в самом начале «спасения» целого мира. – Послали волну, чтобы смыть вот эту несчастную деревушку?

Собачонка одобрительно твякнула, словно понимая, о чём речь.

– Никто не посылал никаких волн, Хедин, Познавший Тьму, – ангел совершенно по-человечески покачал головой. – Мир распадается, его корни гибнут, текущая через него сила более не признаёт никаких законов и творит великие бедствия. Поэтому Он явился сюда, дабы спасти верных, дать шанс закостеневшим в неверии, вот и всё.

– И что случилось бы с теми, кто только что молился и плакал за моей спиной? Которых смыло бы этой волной, что поднялась якобы сама по себе?

– Их земное бытие бы закончилось, – без запинки ответил ангел. – Их души воспарили бы к сказочным полям, к райским кущам, где нет ни смерти, ни боли, ни горя.

– То есть в местное царство мёртвых?

Хедин знал, что это не так, но ему надо было искать уязвимые места.

– Конечно же нет, – удивился ангел, как показалось, искренне. – Царства мёртвых, как и удел так называемого Соборного Духа, есть места несказанных мучений, страданий и вечного отчаяния. Именно от этой участи души смертных Он и спасает.

– Красивые слова, – пожал плечами Хедин. – Но передай своему хозяину – я, Познавший Тьму, здесь. И больше здесь никто не умрёт в муках и ужасе, захлёбываясь под волной.

Ангел помолчал, по-прежнему рассматривая Нового Бога пристально и с интересом.

– Тебе неведома мощь Спасителя, Хедин, Познавший Тьму. Ты никогда не искал Его слова. Никогда не принимал к источнику Его мудрости. Ты упорствовал в отрицании. Не в моей власти тебе помочь. Поможет только Он, в своём несказанном милосердии.

– Доселе вполне обходился без его милосердия и дальше надеюсь обойтись, – сухо сказал Хедин.

– Он убивает смерть, – ангел глядел в упор горящими глазами. – Он убивает смерть и открывает врата совершенно иному бытию. Бытию без...

– Да-да, без горя, боли и так далее, – перебил Познавший Тьму. – Мы теряем время, посланец Спасителя. Передай ему – пусть убирается отсюда и забирает с собой всех вас, с крыльями или без оных.

– Ты жесток и безжалостен, Истинный Маг, – покачал головой ангел. –

В тебе нет сострадания к малым сим. Ты думаешь лишь о себе. Мы же – спасаем.

– Уходи, – повторил Хедин. – И не думай, что на сей раз вам всё сойдёт с рук.

Ангел улыбнулся.

– Меня не могут задеть твои слова, неразумный.

– Не важно. Убирайтесь отсюда. Немедленно.

И вновь улыбка, даже кажущаяся искренней.

– Нас невозможно испугать. Нам нечего страшиться. Мы не подчиняемся никому, кроме...

– Тогда, – перебил Хедин, для пущего эффекта вскидывая руку, – изыди!

Толчок воли – и сила изменила течение своё.

В призрачные извивы света, слагавшие плоть ангела, словно ударила тёмная волна. Взметнулись крылья, точно пытаясь удержать невесомое тело, белые перья ломались и улетали, подхваченные порывом внезапного ветра. Улыбка ангела исчезла, глаза широко раскрылись – и Познавший Тьму ощутил, как навстречу ему пробивается нечто леденяще-холодное, словно снег с горных вершин.

Новый Бог – совсем не то же самое, что Истинный Маг. Силы их и впрямь несравнимы, тёмная мощь щедро вливалась в заклятие, однако сотканный из белого пламени ангел гнулся, трепетал, словно вымпел под ветром, терял перья из невольно прираскрывшихся крыл, но держался и даже сделал шаг вперёд. Затем ещё и ещё.

Ледяная глыба надвигалась. Глыба, стена, поднимавшаяся всё выше и выше, оборачивающаяся зеркалом, словно сотканным из множества невесомых, бестелесных существ, какими обычно рисуют призраков.

Души. И, наверное, собранные уже в этом мире.

Дворняжка скалилась и рычала, шерсть встала дыбом. Она тоже не собиралась ни отступать, ни сдаваться.

Конечно, биться тут с этим единственным слугой Спасителя не имело большого смысла. Сколько таких ангелов, сборщиков душ, идут сейчас следом за разрушительными волнами или потоками лавы, пожарами, землетрясениями или ураганами? Или за Древними, давно обезумевшими от страха перед Ямертом, а сейчас обернувшимися кровожадными чудовищами?

Разве этим должен заниматься истинный Хедин? Затыкать прорехи по одной, пытаться успеть всюду? Ведь ясно, что не получится, да и не нужно – смертные, не способные сами о себе позаботиться, становятся

домашними любимцами богов. Такое случилось и ни к чему хорошему не приводило.

Поэтому иди дальше, Познавший Тьму, ищи корень зла, выкорчёвывай его! Не теряй времени даром!.. Потери и жертвы будут всегда, это неизбежно!..

Потому что ангел частично прав. Жизнь смертного в Упорядоченном зачастую несправедливо коротка, полна лишений и мук, погибает он нередко преждевременно, а душе его уготовано, право же, не самое приятное из посмертий.

...Утратившая стройность течения сила спасаемого мира взвихрилась вокруг, и Хедин вдруг ощутил, что пятится.

В тёмных тучах одна за другой вспыхивали новые и новые искры. Сюда спешил целый сонм ангелов. Весть разлетелась стремительно, обгоняя, казалось, саму мысль.

А ведь когда Ракот сшибся со Спасителем в Эвиале, там не было никаких ангелов. Там была лестница, и Он нисходил по ней, да так, что всей мощи Ракота не хватило Его остановить.

Спаситель меняется, и хватки его меняются тоже.

Собачка вдруг взгавкнула, подскочила – справа и слева затопали ноги, поднялись заточенные колы, несколько настоящих копий, секиры: из деревни бежал народ.

Да, они бежали – рыбаки, судя по запаху от поношенных портов и курток, артель плотников с топорами, огородники с граблями и тяпками, охотники со зверовыми рогатинами и луками...

– Эгей! Волшебник!

Хедину потребовалось меньше мгновения, чтобы оживить в себе их язык.

– Держись, чародей, мы с тобой!

Смелые люди, сильные люди – они не бросились наутёк от неведомых призраков и крылатых ангелов. Конечно, для них Познавший Тьму – средних лет мужчина в простом коричневом плаще до пят – представлял обычным магом, каких, наверное, знал этот мир.

Отдать команду? Призвать его воинство?

– Я Хедин, Познавший Тьму! – крикнул он присоединившимся к нему людям. Грубоватые, обветренные лица, глубокие морщины, натруженные руки, сжимающие немудрёное оружие. – Держитесь ближе! Я его изгоню!..

– Дружно! – гаркнул седобородый рыбак постарше, оказавшийся рядом. – Дружно, братцы, напирай!..

Напирай? Но что могут топоры и копья против орды привидений?..

Однако с каждым шагом сгрудившихся вокруг Хедина людей бушующий вокруг хаос словно бы утихал. Призрачная стена покрывалась изморозью трещин, теперь уже напирал сам Познавший Тьму, давил, словно плечом на тяжеленную створку незримых врат.

Вокруг них выл ветер, рвал спускающиеся с небес щупальца тёмных облаков. Летучее воинство ангелов приближалось, но люди возле Нового Бога не дрогнули и не побежали.

– Спасибо тебе, чародей, – коротко бросил бородатый рыбак. – Спасибо, а то мы уж думали – всё, конец, конец лютой... всех, всех бы ведь смыло... баб, ребятню...

Он говорил ещё что-то, но Хедин уже не слушал. Рой ангелов слился в единую сияющую белым огнём стену, крылья, тела, руки, лица сплетались, соединялись, перетекали одни в другие. Сущности, окружённые, словно тучей, сонмом человеческих душ, уже расставшихся с земной юдолью.

Проскальзывая меж мельчайшими частицами воздуха, к Познавшему Тьму и его неожиданным соратникам устремились мириады тончайших, незримых ледяных нитей.

Мир вокруг стонал, исхлёстываемый бичами рвущей его на куски, взбесившейся силы. Ледяные струи тянулись к Хедину, и это была магия. Непривычная, незнакомая, странная магия, где вместо силы – не может быть – нет, точно! – нет, невозможно!..

– Маг! – выкрикнул бородач рядом. Зубы оскалены, глаза налились кровью. Он понял, как и все остальные, что случится, если неведомое дотянется до них.

Души сделались оружием. Новый Бог чувствовал это так же, как простой смертный ощущает колыхание ветра, касание травы или даже взмах птичьего крыла, мазнувший по щеке охотника. Он знал, что это, но не знал – на что оно способно.

Так или иначе...

В сгустившихся тучах, что почти задевали головы, мелькнула молния, другая, они сплетались в парящий там лик, похожий на лик того самого создания – «человека» или «бога», – что благословил их с Ракотом у могилы Мерлина.

Почему же сейчас Он атакует?..

Рой ангелов меж тем обрушился на Познавшего Тьму со всех сторон, ледяные нити тянулись и тянулись сквозь замедлившееся время, и Хедин вдруг вновь ощутил себя словно на бастионах Хединсея.

Огонь. Пламя вырвалось прямо из влажной земли, из-под ног его крошечного отряда, ничтожного по сравнению с оставшимся в

Межреальности войском; вырвалось, взвилось, заклубилось, весело загудело.

Души сделались магией. Значит, магией мы их и встретим.

Неведомость, непознаваемость и почти непобедимость Спасителя давно не давали покоя Хедину и Ракоту, однако сейчас Познавший Тьму имел дело всё-таки не с Ним самим.

Как хорошо чистое пламя, пламя первородное, Пламя Неуничтожимое! Тех, кто вручил Хедину сотворённый из него меч, тоже звали ангелами, но насколько же они не схожи с явившимися сюда!

Оружие мягко лежало в руках, почти уютно, ожидая – словно кошка, обманчиво прикрывшая глаза.

И ещё – Новый Бог ощущал, как вставшие рядом с ним простые смертные будто подпирают его чары собственными колами и пиками. Одна лишь свирепая их решимость сражаться делала куда больше, чем иные заклятия.

Истинно сказано: вера смертных – великая сила.

Свитый из молний лик Спасителя в небесах, стена белого ангельского пламени, кольцом опоясывающая Познавшего Тьму и вставших рядом с Хедином рыбаков.

И – его собственное кольцо, тоже пламенное, но уже не мертвяще-ледяное, но жгуче-алое, цвета живой крови.

Сила против силы. Грудь на грудь, глаза в глаза. Ракоту бы понравилось!..

Ведь Спаситель, неуязвимый в схватке с братом, тогда всё равно принуждён был отступить и искать иной путь в намеченный к «спасению» мир.

В груди поднималась ненависть, давняя, забытая, годящаяся уж скорее Ракоту. В бездну Неназываемого рушатся миры, едва удалось – и огромной ценой! – заткнуть эту прореху, а Он, повелевающий колоссальной мощью, «спасает» миры, которым ничто не грозит!

Зачем же было это благословение у могилы Мерлина, Спаситель?! Или Ты лгал тогда?

Алое и белое столкнулись, земля под ногами заходила ходуном. Потоки магии закружились в безумных водоворотах, дневной свет померк, исчез, всё вокруг окрасилось алым, словно утонуло в разлитой вокруг крови.

На какое-то время Хедин потерял чувство и времени, и пространства. Перестал ощущать Спасительских ангелов, вообще мир вокруг. И только из дальней дали, из-за всех мыслимых и немыслимых пределов, воздвигнутых

Творцом, донеслось – собственным голосом Познавшего Тьму:

– Нет бездны без дна, нет конца без начала. Нет безнадёжности и отчаяния. Великий круг глубже, чем я думал, брат.

Брат? «Великий круг»? Но неужели?..

Да, это его собственный голос. И его слова – слова того Хедина, что скрылся в чреве Неназываемого. Близнец Познавшего Тьму, пустота, словно форма, заполненная силой, – возникший там, на границе всепожирающей пропасти, где ломаются и гибнут все ведомые законы мироздания; двойника сейчас невозможно увидеть или услышать, он уходит всё глубже и глубже в ту самую «бездну без дна» – и вещает оттуда?!

Полноте, да мыслимо ли это?

– Держись, чародей! – гаркнул в ухо Познавшему Тьму всё тот же бородач, судя по всему – рыбацкий старшина. – Дави их, гадов, а уж мы подопрём!

«Подопрёте, да, – подумал Хедин. – Вы и сами не знаете, что значит ваша сила...»

– Со мной, вместе! – крикнул он в ответ. – Как махну – шагай, все разом!

– Слышали чародея?! – подхватил старшина. – Пики – наставили! Наставили, я сказал! Чай, не ухваты держим!

Вокруг бушевало алое пламя, удерживая стену белого огня. Поединок, как встарь, – такими баловались Истинные Маги, ещё не сделавшись Поколением. И вот всё возвращается, потому что...

«Не трать даром время, Хедин».

Бесплотный и пронизанный леденящим холодом голос, даже не голос, а глас.

«Твой долг, твоё дело – противостоять Неизбежности. Только тогда она докажет, что по-настоящему Неизбежна».

Сухой смешок, словно зашуршали наползающие друг на друга льдинки весеннего ледохода.

Кто бы это ни говорил, чьи бы слова ни звучали – Хедин, Познавший Тьму, не сойдёт с этого места.

Вернее, он сойдёт, но только вместе с теми, кто сейчас стоит с ним рядом.

Познавший Тьму резко взмахнул рукой. Сбившиеся вокруг него рыбаки и прочие деревенские угрюмо и решительно шагнули вперёд, прямо на огненную стену.

Алое кольцо вздрогнуло и расширилось, тесня холодный белый

пламень. Пламень не-жизни и не-смерти, того, для чего у Хедина не хватало сейчас ни слов, ни названий.

– Напира-ай! – это рыбацкий старшой. – Разом шагай, робяты!

«Робяты» шагнули. Разом, как велено.

Алое и белое столкнулись, от темени до пяток человеческое тело Нового Бога пронзило острой ветвящейся болью, но круг заметно расширился.

– Ещё! – выкрикнул Познавший Тьму.

Ещё шаг и ещё.

Сшибаются в яростной схватке языки алого и белого, словно внезапно ожив и обретя сознание. Завеса поблёкла перед взором Хедина, он увидел сплётшиеся единой крылатой сетью полчища ангелов, сейчас напоминающие рои мошкары подле огня.

Но это здесь. А в других местах этого мира? Или они притянули к себе все Спасителевы рати? Или там продолжается светопреставление? Там правят бал шторма и пожары, и такие же волны, как остановленная Хедином, сеют смерть и разрушение?

Хватит обороняться. За огненным кольцом не отсидишься.

– За мной! – в руке Познавшего Тьму ожил пламенный меч, и алая завеса послушно распахнулась, являя медленно отступающую перед их натиском стену белого огня. И за ней – мириады ангелов, трепещущие крылья, росчерки ледяного света, гигантский невод, накрывший сражающихся, словно неведому зверушку.

Ничего, они ещё узнают, как умеет кусаться эта зверушка...

Вокруг Познавшего Тьму плотным кольцом сбились рыбаки; они видели врага, но и помыслить не могли, чтобы с ним сразиться. И, увы, не смогли бы, не окажись рядом Хедина.

– Покажись! Яви себя! – крикнул он прямо в сплетение мертвенной белизны.

Нет, всё-таки в *modus operandi* Ракота что-то есть.

Конечно же, никто не покажется и не явит себя. Спаситель сам решает, когда и кому показываться, и на вызовы не отвечает.

Ему и без этого многое удаётся.

Познавший Тьму внезапно ощутил своеобразное «удушьё», навроде того, что ему пришлось испытать в ловушке Архимага Игнациуса. Удушье, от которого не погибнешь, конечно, но и не сможешь ничего сделать. Словно бы несущая Хедина волна сейчас угасала, растекаясь безобидной пеной, подобно прибою, набегаящему на песчаный пляж.

Мир не то закрывался сам, не то его закрывали извне.

Хедин не замедлил шага и не опустил пламенный клинок; за ним шли люди, нельзя останавливаться, нельзя явить и доли неуверенности.

На клинке Хедина трепетали кроваво-красные звёздочки, Пламя Неуничтожимое не подвластно законам этого мира, оно терпеливо ждало и ждёт; и кто знает, что мыслил Творец, оставляя его в сущем? Справится ли оно – сейчас?

Однако Спаситель торопится.

Сквозь обречённый мир текло всё меньше и меньше силы, и Хедин сознавал почему – Спаситель всё замыкал на себя, все потоки магии; правда, как Ему это удавалось, по-прежнему было загадкой.

Но – таки удавалось. Всё тоньше и слабее ручейки магии, и не только обычной, той, что можно «пустить на огнешары», но и дарующей жизнь. Той, что присутствует даже в закрытых мирах.

Ощущение и осознание этого обрушились на Хедина разом, резко и внезапно. Оскудение того самого «живоносного потока», о котором ему и его братьям с сёстрами твердили ещё птицеглавые наставники на самой заре Поколения.

Никогда ещё Познавшему Тьму не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

...А ведь ничего подобного в Эвиале Он не учинял. Спаситель – отнюдь не безмозглый механизм, тупо следующий наезженной колеей. К каждому миру Он подбирает свои ключи; и почему же Ему на сей раз потребовались столь крутые меры? И чем это место отличается от всех иных?

Однако, чтобы справиться с Познавшим Тьму, нужно что-то похитрее, чем просто «отвести силу».

– Навались! – хрипло скомандовал старшина рыбаков, и Хедин широко размахнулся клинком, что сейчас казался сотканным из тёмного, словно старое вино, пламени.

Лезвие столкнулось с белой завесой; миг спустя в неё ударили рогадины и пики других бойцов. И – пробили!..

Стена рвалась с тугим ледяным хрустом, словно каблук сапога дробил первый ледок на придорожных лужах; её пронзали и обычные копья людей, и огненный клинок Познавшего Тьму.

Клинок пронзал, но рука Хедина быстро немела, плоть, в которую он облачился, не выдерживала. Всё-таки это плоть, а не «одна видимость», не сложная наведённая иллюзия; от меча древних созданий, делящих имя, но не суть, с ангелами Спасителя, на пальцы и запястье Познавшего Тьму сползало кольцо пламени, кожа стремительно чернела.

Старшина рыбацкого селения только зашипел сквозь стиснутые зубы:

– Маг!..

– Вперёд! – Хедин перебросил меч в левую руку, правую окутывал тёмный дым. – Вперёд, не бойтесь за меня!

Разрыв в белой завесе становился всё шире, в лица им бил яростный ледяной ветер. В уши рвался и лез навязчивый миллионоголосый шёпот:

– Всё кончено... конец настал... настал... теперь уже поздно... ни к чему... незачем... бесполезно...

– Вперёд! Только вперёд! Плечом к плечу! Пики нагнуть! – простые смертные, рыбаки с мастеровыми, огородники, пастухи, плотники валом валили за Познавшим Тьму, белая завеса исчезла, разорванная в клочья, и теперь вокруг них оставались только ангелы.

Великое их множество в единый миг, слитно, словно единый организм, разомкнуло ряды, белое пламя угасло, и сверкающие мечи ангельского воинства начали сечь вольно покотившийся вперёд алый огонь Познавшего Тьму.

Зря Ты решил посостязаться в этом, Спаситель. Даже если Ты лишишь этот мир магии, ты забыл, что Новый Бог Хедин – не колдун и не ярмарочный фокусник!..

Над головами Познавшего Тьму и вставших рядом с ним раскручивалась исполинская воронка из дивных крылатых созданий; их клинки длиной поспорили бы с копьями – ангельское оружие словно бы ничего не весило.

– Назад! – в голосе Хедина всё явственнее слышались уже совсем не человеческие нотки. – Назад, прочь, убирайтесь к вашему хозяину, шакалы!..

Конечно, ангелы не могли никуда убраться – у них отсутствовала собственная свободная воля. Они не более чем руки Спасителя или, быть может, пальцы.

Воронка обрушилась на Хедина вихрем слепящего белого света, острыми, режущими лезвиями, а на его смертных соратников – ещё и удушьем.

Да-да, самым настоящим удушьем.

Незримые врата, через которые жизнь течёт в этот мир, стремительно закрывались.

Спаситель и впрямь очень сильно торопился.

Вот брызнула первая кровь, кого-то зацепил ангельский меч, и над полем сражения вновь ползёт, подобно отравному туману, вкрадчивый шёпот:

– Вы умножаете муки свои и души обрекаете на вечную гибель; в ключья изорваны будут они, и рассеются, подобно утренней мгле под солнечными лучами; но Он, в несказанной милости своей, не хочет для вас подобной участи!.. Чужие страдания заставляют слёзы литься из очей Его, и Он погружается в горе; лишь по доброте своей Он обращает к вам слова сии!..

Но всё это и впрямь пора было заканчивать. Окуталась дымом и левая рука Познавшего Тьму, и выронил пику уже кто-то из растерявшихся соратников.

Там, где только что стоял чародей с огненным клинком, немолодой худощавый человек в простом коричневом плаще, закружился тёмный вихрь, словно отражение уходящей в поднебесье воронки ангельских воинств. Острым когтём, или, быть может, клювом мелькнула в чёрных извивах алая капля чародейского меча.

Сияющие клинки ангелов врезались в эти тёмные волны и – стали ломаться, один за другим, во множестве, сверкающие осколки так и брызнули в разные стороны.

Яркие, сияющие – обломки летели, кувыркаясь, словно и самом деле солнечные лучи, безжалостно сломанные о мрачную, твёрдую, словно камень, тьму.

От крика ангелов, угодивших в чёрные жернова, казалось, сейчас расплачутся сами скалы. Крылатых созданий втягивало в недра мрачного вихря, сияющие крылья трепетали, ломались, белоснежные перья оседали, словно снег, если их не успевал поглотить алый огонь.

Но и создания Спасителя не уступали без боя. Багровое пламя, порождённое неведомым чародеем, опадало, рассечённое во множестве мест, его языки втягивались обратно под землю.

Чёрная воронка, опрокинутая, острием нацеленная в небеса, росла, расширялась – так богатырь плечами расталкивает навалившихся на него врагов. Она продавливала пытавшийся остановить её ангельский сонм, и сами ангелы исчезали, едва оказавшись в её смертельных объятиях.

...Так это выглядело со стороны.

Познавший Тьму сбросил человеческую плоть, она не выдержала. Тёмный вихрь – это из старого, времён ещё Джибулистана, его эскапад с Сигрлинн. Это суть Великого Предела, того, что есть средоточие смысла Истинных Магов.

«Тяжёлое да тёмное вниз, а лёгкое да светлое вверх пошло...» – как утверждали хроники, читанные Хедином ещё в пору его ученичества.

Мечи ангелов ломались, но животворная сила, пронзающая этот

безымянный мир, всё равно истаивала и пропадала, уходила, словно вода в раскалённый песок. Бойцы Познавшего Тьму падали один за другим, кто ничком, кто навзничь, кто на колени, хватаясь за сдавленное горло. Им чуть легче, чем остальным под этим небом, – Хедин ощущал, как делится с ними сейчас тем, что хотелось назвать «божественностью», тем, что жило в нём, делая его самого источником дарующей жизнь силы.

Но что сейчас творится на равнинах этого мира, страшно было даже представить. Спаситель не рисковал и не медлил. Словно опытный палач, он накинул удавку-гарроту и уже почти затянул петлю.

Что Его подручные вещали насчёт «умножения страданий»? Для погибающих есть какая-то разница в том, как именно они погибли?

...Нельзя сказать, что Хедин прорывался сквозь ангельские рати подобно сакраментальному ножу сквозь масло. Белые клинки дробились и крошились, однако Познавший Тьму ощущал каждый из них, словно глубоко вонзающийся шип. Великий Предел, грань между светом и тьмой, тяжким и лёгким, текучим и недвижным, грань, на которой нет ничего, кроме сути Истинных Магов, справится с тем, что противостоит ей впрямую, но надо не только отбиваться или защищать себя; тем более что «ангелов» Он творит, похоже, в неограниченных количествах.

Сталкиваясь с ними, стряхивая осколки нацеленных в него мечей, Хедин ощущал их холод. Холод и что-то ещё, за ним стоящее, что и составляло их естество, их собственную суть. Познавший Тьму тянулся к ней, преодолевая боль и не думая сейчас о последствиях, – все законы всех равновесий уже рухнули в бездну. У него оставалось совсем немного времени, прежде чем с неведомой стороны придёт неожиданный ответ.

Там холод и мгла, да, но там и что-то ещё. Неуловимое, ускользающее, скрытое льдистым туманом и жемчужной дымкой. Словно каждый ангел есть вход, дверь, дорога в неведомое и таинственное.

Туда, куда уходит душа.

Манифестации этого могут разниться. Они могут казаться страшными или прекрасными, убийственными или благословенными – зависит от лицезреющего.

Но она была, эта дорога, был этот путь, которым Он и впрямь уводил души. В Себя, будучи великой пустотой или ещё чем-то.

Проще всего думать, что твой враг – просто ненасытный упырь, живущий, чтобы пожирать души, и пожирающий, чтобы жить.

Хедин ощущал эти бесконечные, уводящие в неизвестность тоннели за каждым ангелом, чьи белооперённые крылья, так похожие на Гелеррины, размолоты ураганом. Словно каждый из исчезающих слуг Спасителя

являл ему крошечный кусочек исполинской головоломки; эти «пути в никуда», само собой, не возникли случайно.

За ними скрывалась тайна Спасителя, тайна, упрямо ускользавшая от Новых Богов.

...Земля, и русло реки, и рыбацкая деревня остались глубоко внизу. Чёрная спираль вихря пробилла облака, унося на себе к небесам весь рой сражающихся ангелов. Они не отступали, они не ведали страха смерти, да и самой смерти, похоже, для них не существовало.

Они не давали Хедину прорваться, он ощущал готовый захлопнуться незримый капкан, ощущал, как тают силы остающегося позади мира; подобно ныряльщику, погрузившемуся на глубину, он ощущал, как горят оставшиеся без воздуха лёгкие.

Как Спасителю удалось такое? Или исполнились некие пророчества, давшие Ему власть над потоками магии? Имеет ли Он такую власть только здесь, в непосредственной окрестности мира, или же стоит Ему пожелать, и любой мир рухнет на колени, задыхаясь от губельного удушья?

...Но всё-таки, скорее всего, не может. Иначе не шёл бы Он к цели столь долгими и извилистыми путями.

Или – обожгло вдруг Познавшего Тьму – это уже взялся за дело Закон Равновесия, столь пренебрежительно им отброшенный?

Нет, нет, прочь сомнения! Остаётся только одно – рассечь незримую удавку, весь мир не может расставаться с жизнью вот так просто, когда всякое существо на его поверхности, в морях или в воздушных океанах сгинет без следа и в мучениях!..

«Это сотворил ты, Хедин, Познавший Тьму...»

Уже знакомый шепчущий голос. Бесполезно бросать ему вызов, он не явится на бой.

Мир оставался позади. Надвигалась Межреальность с её свободой, дикими, вольно катящимися потоками силы – потоками, на которые, как считалось, невозможно накинуть узду.

Оказалось, что это не так.

Но где он, этот узел?! Где петля – и, самое главное, где затянувшие её руки?!

Ведь силы Познавшего Тьму тоже не беспредельны. Накапливались боль и усталость, и даже сбросив плоть, суть Истинного Мага – то есть Нового Бога, конечно, – невозможно сделаться всемогущим и неуязвимым.

...Но и здесь, в Межреальности, ему никак не удавалось нащупать животворный поток силы. Познавший Тьму очутился словно внутри исполинского пузыря, в котором бился, подобно мотыльку в банке,

угодивший в ловушку мир.

Ангелы исчезали, последние из уцелевших, изо всех сил работая крыльями, устремились прочь, к некоей точке в отдалении – и Хедин бросился в погоню. Не важно, ждала его там западня или нет, требовались бой и схватка, требовалось дотянуться до незримой гарроты; поэтому пусть думают, что он послушно следует, куда они пытаются его заманить.

Кирваду и войску придётся подождать ещё какое-то время.

Теперь он скользил высоко-высоко над гибнущим миром, по самой кромке Межреальности – обычное буйство её странной жизни сейчас тоже угасало, и здешние обитатели корчились, лишённые того, что заменяло им воздух.

Спаситель ничего не оставлял на волю случая.

Но где же Он сам?!

– Покажись!

Напрасно. Призыв – слабость, в молчании – истинная сила.

Вот точка, где скрылись последние из уцелевших ангелов, ничем не примечательная: гладь Междумирья, его сплётшиеся тропы, его хищные цветы, сейчас поникшие, посеревшие, распадающиеся тонкой пылью; что же здесь особенного, где тут потайная дверь?..

Последний из ангелов задерживается, белые крылья вдруг запахиваются, словно плащ, и сама фигура бесплотного посланца Спасителя замирает, выпрямляется, не торопясь скрещивает руки на груди...

И Познавший Тьму узнал печального, молчаливого странника в старых поношенных сандалиях и издававшей виды накидке, того самого, что благословил когда-то их с Ракотом.

Он стоял, глядя на Хедина – то есть на приближающийся чёрный вихрь, в сердце которого билась алая капля Пламени Неуничтожимого, – со спокойной грустью, чуть склонив худощавое лицо, обрамлённое длинными прямыми волосами.

Непонятно было – в Нём ли самом исчезли крылатые ангелы, или это только казалось Хедину, привыкшему всюду искать потайные ходы и секретные двери?

...Чёрный вихрь замедлился, Познавший Тьму даже не мог вернуться обратно к привычному виду – меч древних набрал страшную мощь, он пылал мрачным жаром, словно истинное Пламя Неуничтожимое, словно память о дыхании Творца, истинного, единого и вечного.

Такое не удержишь человеческими руками.

А всё остальное, не исключая и застывшего перед Познавшим Тьму

печального странника, есть порождение мысли Творца и его плана.

Спаситель стоял, не шевелясь и не произнося ни единого слова, лишь смотрел с молчаливой жалостью.

Казалось, перед Новым Богом очутился простой смертный. Хедин ничего не ощущал в застывшей безмолвной фигуре – просто человек в запыхлённых сандалиях, прошагавший, наверное, не одну лигу под жарким солнцем.

Но позади у них лежал сейчас целый мир, задыхающийся, на грани гибели. И потому не важно, кто перед Познавшим Тьму или что; клинок Пламени Неуничтожимого должен разить. Не стоящего перед ним – но того, кто отнимает жизнь и дыхание у великого множества живых существ, и разумных, и нет.

Багровое лезвие ударило, словно обретя свои собственные волю и сознание; а Новый Бог Хедин внезапно ощутил на себе восьмизрачковый взгляд; он тут, Дух Познания, без него, конечно же, эта схватка не могла обойтись.

Смотри, смотри, если не нашёл себе другого занятия; смерть целого мира для тебя, Дракон, лишь забавная сценка. Сколько их было, сколько их будет – Хедин наизусть помнил всё, что мог сказать ему Орлангур.

Спаситель не пошевелился, когда меч тёмного пурпура рубанул Его наискось. Он лишь смотрел в упор на Хедина – или в то место чёрного вихря, где, наверное, считал, должны пребывать его глаза.

Хрусткий лёд пополз вверх по алому клинку, тая, шипя и испаряясь. Время остановило свой бег.

А в сознание Познавшего Тьму хлынул поток бессвязных на первый взгляд видений.

Вот череда согбленных спин – люди длинной цепочкой плетутся к низкому тёмному входу, видимо, в катакомбы, где их ждёт страшная участь, «хуже смерти», как любят писать в магических трактатах. Ибо там, во тьме, таятся сущности, рвущие плоть и выпивающие душу, и только так, великими жертвами, можно удержать их под землёй.

Вот дымящиеся на окровавленном жертвеннике куски мяса – вырванное из груди человеческое сердце.

А в глубине храма по мрамору растеклась зеленоватая чешуйчатая тварь – кто-то из Древних Богов, принимающий кровавые подношения и, опять же, поглощающий души.

Души, души, души – во множестве; они текут к ненасытным пастям чудовищ, пришедших из тьмы веков; к высоко вознёсшимся чародеям, возомнившим себя равными богам; к облепленному, словно мухами,

чёрными шевелящимися точками демонов Великому Древу, домену Соборного Духа, сокрытого Демогоргона; стоп, откуда он, Хедин, знает, что чёрная сыпь на исполинском сером призраке дерева – это именно демоны?!

Упорядоченное теряет души, пытался уверить его Спаситель. Оно теряет их в том виде, как они были созданы, квинтэссенцией живого существа; души становятся добычей, едой, строительным материалом, топливом. Мудрые привыкли верить, что они – неуничтожимы, ну, или почти неуничтожимы. Но даже многочисленные «царства мёртвых» при самых разных мирах, что инкапсулировали души, вырывали их из великого потока перерождений, и где порой всё заканчивалось распадом, прахом, превращением в ничто, не наносили, получается, такого урона.

Да, именно «урона», утверждали видения Спасителя. Души распадалась, обращались в нечто совершенно иное, во множество форм и обликов, и поглотившие их творили потом великое зло.

Но – приходил Спаситель, и всё изменялось. Души уходили к Нему, насовсем. Потом Он двигался к другому миру, проделывая то же самое. Души оставались в Нём.

И это было, как Он считал, правильно.

Последнее, не будучи сказано или произнесено, возникло словно само собой. Спаситель не использовал слов, Он ни к кому не обращался с речами, лишь воплощаясь в разных мирах.

...Меч Хедина рассёк пустоту. Спаситель был здесь – и в то же время где-то бесконечно далеко. Он уходил, а Познавший Тьму наяву видел пыльную дорогу, оливковые рощи и синеющее совсем рядом море. Оставался лишь след пустоты, великой пустоты Его, куда уходили души, бесконечной дороги, за которой...

Ещё один мир? Мир с пыльной дорогой, оливковыми рощами и жарким солнцем над головой печального путника?

Каждый ангел, каждый слуга Спасителя был дорогой туда, дверьми, вратами. Вратами в непредставимое даже Новым Богом.

Но сейчас Он уходил. Пыльная дорога словно накладывалась поверх миражей Межреальности; Спаситель удалялся, но...

Оставалась брошенная им удавка.

Мир, где Хедин, Познавший Тьму, дерзнул встать на Его пути, должен заплатить, и притом самую высокую цену.

Может, оно всё и не так; может, с точки зрения Спасителя, именно таким способом можно «спасти» очередные мириады живых душ; не важно. Хедин был здесь, чтобы разрубить Им затянутый узел, всё остальное – вторично.

Дорога Спасителя уходила в неведомое, куда за ним не мог последовать даже Новый Бог; но, даже если б и смог, сперва требовалось отыскать петлю, брошенную на магические потоки.

Но почему именно «петлю»? От того, что это самое простое, легче всего вообразимое? Ну-ка, Познавший Тьму, ты ведь знаешь, как устроены закрытые миры; и если Он проделал тут нечто подобное...

Межреальность послушно раскрывалась, Хедин искал потоки животворной силы и не находил их – а Междумирье вокруг умирало, со всеми своими обитателями, оказавшимися в смертельной западне.

Дальше, дальше, ещё дальше!

Однако – уже близко до оставленного им воинства; что, если и они очутились в том же мешке?

Мысль обожгла; чёрный вихрь прожигал ткань Межреальности, рвал умирающее, рассеивал успевшее умереть; добивал обречённое. Так скальпель лекаря отделяет поражённое гангреной, чтобы спасти раненого; Хедин искал границу пузыря, потому что не мог же Он остановить вообще всю магию в пределах всего Упорядоченного!..

И вот, наконец, она – граница; подобно зверю, издавек чующему долгожданный водопой, Познавший Тьму ощущал движение силы; она текла, невозбранно, свободно, вольно; и только сейчас он понял, сколько же пришлось отдать ему самому.

Ему, Новому Богу, которому, казалось бы, ничто не могло грозить ни в закрытом мире, ни даже в мире, отрезанном от любого присутствия магии!..

Вихрь ощутимо замедлялся, подобно усталому бегуну, что едва передвигает ноги. Ну вот – заветная черта уже позади...

Хедина окатил поток животворной силы, пронзил, накрыл с головой.

Ловушка осталась позади, и вокруг уже привычная живая Межреальность. Новый Бог Хедин может вернуться к себе прежнему, и ничто не будет напоминать, что совсем недавно его плоть горела и плавилась, не выдерживая жара Пламени Неуничтожимого.

Но что же заставило потоки силы изменить течение своё?

Познавший Тьму знал, что времени у него совсем немного.

Он растягивался стремительным лучом, устремляясь к тому месту, где течение магии разделялось, где в её струи словно бы рухнул исполинский валун.

Отыскать оказалось нетрудно, особенно тому, кто ощущает токи силы всем существом и собственной сутью; да и спрятать такое просто невозможно.

Спаситель знал, что Хедин кинется оттаскивать этот камень. Выигрывал время? – едва ли. Оружие ему нипочём. Скорее просто хотел показать, на что Он и в самом деле способен.

Но это имеет смысл, если дальше следуют переговоры. Если их нет, то все демонстрации бессмысленны. А переговоры Спаситель не вёл и не ведёт.

Конечно, никакого «камня» в действительности не оказалось. Вместо «валуна» – вздыбившаяся складка Междумирья. Свёрнуто, стянуто так, что действительно режет струи великой живой реки, разводя их в стороны; Познавший Тьму никогда не видел ничего подобного. Немного – очень немного – напоминает окрестности закрытых от магии миров; что ж, даже богу приходится учиться новому, порой – на ходу.

Быть может, он и измыслил бы элегантно, тонкое заклятие. Разложил бы препятствие на компоненты, подобрал бы ключ для каждого излома, но сейчас времени на это уже не осталось.

За спиной бога Хедина умирал целый мир, а впереди зловеще маячил отброшенный Закон Равновесия.

У Познавшего Тьму всегда был выбор. В самом начале пути, когда жизнь казалась простой и ясной и он знал, на чьей стороне достойно стоять; и потом, когда всё сделалось куда сложнее, когда текли причудливые, изощрённые беседы с Отцом Дружин, Старым Хрофтом, в его лесном убежище; когда воздвигались первые шпили Ночной Империи и первые ученики Истинного Мага Хедина шли на приступ вражьих твердынь.

Выбор был всегда, в этом крылась суть Поколения, но, сделавшись Новым Богом, он утратил эту свободу. Её заменил долг, «тяжёлый, словно гора». И он, Хедин, даже не мог закончить эту пословицу подобно простым смертным: «...но смерть легче легчайшего пуха».

Пик из вздыбленной, вывернутой Межреальности, тем не менее упрямо противился всем усилиям Познавшего Тьму, словно и в самом деле воздвигнутый из крепчайшего камня.

Мир умирал в мучительном удушье, а Хедин, Познавший Тьму, никак не мог подобрать годные чары; терял и терял время, позволяя себе бессмысленную злость.

Но стоп, зачем же так, напрямую? Свёртка эта специально предназначена рассеивать и отводить силу; но всё возведённое обязано на что-то опираться. Опирается на что-то и этот чудовищный клык, впившийся в плоть текущих потоков, рвущий их на части и направляющий новыми путями.

Он есть часть Межреальности и, значит, обязан подчиняться её же законам. А это значит, что...

Подчиняясь его воле, пронзающие Междумирье пути и тропы, словно извивающиеся змеи, стягивались к неуступчивой преграде, тянулись к её основанию, упрямо пробиваясь всё ниже.

Уходя вглубь, подкапываясь, подрывая незримые фундаменты возведённого Им, расталкивая, раздвигая неподатливое «нечто», составлявшее саму суть Упорядоченного.

Повелевать тканью Межреальности тяжело даже тому, кто увенчан пышным титулом Нового Бога. Его «сила» имеет свои пределы; не всемогуща даже мысль, становящаяся действием, но сейчас он, подобно кроту, рыл и рыл, подтачивая основание возведённого Спасителем «утёса».

Однако серый клык, вознёсшийся высоко над головой Познавшего Тьму, внезапно зашатался. Слагавшие его туго свёрнутые и стянутые складки пространства вибрировали, распрямляясь, словно согнутые в дугу сабли из драгоценного булата.

Междумирье вздрогнуло, по нему прокатилась судорога боли, всё шире и шире захватывая пространство вокруг, да так, что на месте прямых дорог оказывались бездонные пропасти, какие сгодились бы отражать врага на подступах к Кипящему Котлу.

Познавший Тьму отступил – сооружённое Спасителем разваливалось, раскручивалось, развоплощалось, обращая при этом вокруг себя в ничто обширные области Межреальности. В ткани Упорядоченного расползлась зияющая рваная рана.

Это были не пустота, не Тьма, не бездна Неназываемого, не Хаос, нет, что-то совершенно иное, новое, невиданное.

Даже в Неназываемом, как убедился сам Хедин, что-то существовало, те же поглощённые им души; здесь не было воистину ничего, словно незримые зубы вырвали клочок плоти из тела вселенной. Каверну заполняла только невидимая сила, она, подобно воде, прорвавшей запруду, торопилась сейчас вернуться в задышающийся мир. Пустота приняла её, молча и равнодушно, но Познавший Тьму не мог сейчас сдвинуться с места, вглядываясь и вглядываясь в расступившееся пространство.

Рана глубока, но для исполинского Упорядоченного – конечно же ничто, если только не начнёт расширяться, как начал в своё время Неназываемый.

Хедин ждал, пытаясь прощупать, что же застыло сейчас в этом провале, пытаясь почувствовать, увидеть – и не находя ни слов, ни образов.

Неведомое нечто, то, что между сущим и не-сущим, между

Упорядоченным и Хаосом. Спаситель сотворил поистине небывалое, и счастье ещё, что эта внезапно открывшаяся пуста инертна.

Сколько таких ран сможет выдержать Упорядоченное? Упорядоченное, где и так сошли с ума магические потоки, где целые миры швыряло в пасть Неназываемого, и самому Хедину пришлось в меру сил исправлять случившееся?

Пустота тяжела, она словно меч, вонзившийся в ствол; дерево затянет рану, однако и свою цену заплатит тоже.

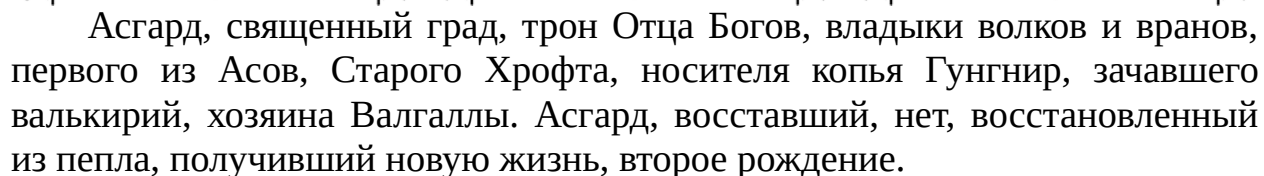
Познавший Тьму долго всматривался в возникший разрыв; на первый взгляд нет ничего опасного, нет силы и воли, что заставили бы это расширяться, поглощать и рушить Межреальность; само Междумирье постепенно оплетёт его своими путями, корнями, тропами и чащами. Остаться тут надолго Новому Богу нельзя – войско ждало, и ждала цель всего похода, ждал воплощения рискованный план, куда более дерзкий и амбициозный, чем даже самый первый, что начался, когда в руки Истинного Мага Хедина легло Зерно Судьбы его последнего ученика, Хагена.

Но самое главное – мир, удостоенный визита Спасителя, остался жив, несмотря ни на какие пророчества и предсказания. Никто не знает, сколько миров пало на Его пути, скольким удалось избежать этой участи; сегодня к избегшим присоединился ещё один.

А ещё Познавший Тьму с режущей, почти болезненной ясностью понимал теперь – остановить Его могли только смертные, готовые сражаться до последнего. «Сила» как таковая, даже если это – мощь Пламени Неуничтожимого, для Него – ничто.

И значит, воинству Познавшего Тьму может предстоять ещё одна битва.

О́дин, Отец Дружин; Райна, Разбивающая Щиты

У возрождённого Иггдрасиля, подле открывшегося Источника Магии, в тяжком раздумье застыл сам Отец Богов.

Схватка далась Старому Хрофту недёшево – ожоги тут и там, кое-где почерневшая кожа лопнула, и из ран сочилась кровь; чародейки умеют разить.

«Ты предал Хедина», – до сих пор звучали в ушах Отца Дружин гневные слова Сигрлинн.

Нет, он никого не предавал, молча спорил с волшебницей старый Ас. Впрочем, недаром пели скальды, что, «молва людская словно снег, вот выпал – а его уж нет». Гневные слова спутницы Хедина – лишь гневные слова; а вот слово, данное им, Одином, посланцу Дальних, его, Старого

Хрофта, обещание встать во главе рати Древних Богов, когда таковая поступится в его двери, – совсем другое дело.

Отец Дружин помнил, чем кончилось дело в Боргильдовой Битве. Он не мог больше играть с судьбой и слепой мощью, что, верил он, до сих пор пребывала где-то в Упорядоченном.

Расскажи это Познавшему Тьму – улыбнётся понимающе, но не внемлет. Для молодого мага Хедина вселенная – арена, где бьются сущности, наделённые сознанием, волей, строящие планы и стремящиеся к осмысленным целям; но владыка Асгарда слишком хорошо помнил молодой мир, на плоти которого зародился он сам, от искры божественного дыхания, от эманации истинного Творца.

Молодой мир, тёмный, жестокий, где все одержимы одной-единственной мыслью – выжить. Победить, одолеть, сломать шею врагу, выпить тёплую кровь и идти дальше, захватывать новое и новое для своего потомства.

Оттуда, из седой древности, пришли иные из его, Óдина, чар, не ведавшие жалости и требовавшие кровавых жертв.

Ему предстояло вернуть к жизни асинь и асов, выведенных ими с Райной из серой мглы владений Демогоргона. Вернуть им их память, их ярость, их страсть, их лукавство, их любовь, их ревность, их... их всё.

Дочка должна была увести их в безопасное место, и Старый Хрофт надеялся, что она-таки послушалась, несмотря на знаменитое своё упрямство.

А потом? – бросилась спасать Сигрлинн от давних её обожателей, Дальних... что-то они совсем осмелели в последнее время. Валькирия, конечно, выберется, не в таких бывала переделках, и уж раз сумела уцелеть, единственная из всех, сумела скрыться от всевидящего ока Молодых Богов, пока длилось изгнание самого Отца Дружин, – то не пропадёт и сейчас.

И, кто знает, может, ей удастся хоть как-то вразумить прекрасную, но, по мнению Старого Хрофта, донельзя взбалмошную волшебницу. И что только Хедин в ней нашёл? Он, Óдин, любил многих дев, но, пока Фригг пребывала в царстве Демогоргона, не связал себя ни с одной, в отличие от Познавшего Тьму. Сейчас, будем надеяться, дочь и в самом деле сумеет утишить ярость чародейки. Едва не сорвала такой замысел!.. Теперь будет полегче – потому что и сам Хедин, когда Сигрлинн нет поблизости, всегда спокойнее и говорить с ним всяко проще.

Так, во всяком случае, думалось Отцу Дружин.

Размышления его прервало осторожное, почти вежливое ворчание.

– Всеотец, – волк Фенрир припал на передние лапы, отдавая дань уважения старому асу. – Какова будет твоя воля, великий Óдин?

– Что случилось с тобой, сын Локи? – поразился Хрофт, едва взглянув на некогда великанского зверя. – Где твой рост и стать? Кто так обратил тебя?

Фенрир яростно зарычал, оскаливая клыки.

– Она! Это всё она, проклятая колдунья! Придавила каким-то заклинанием... а то бы я... а то б я ей...

– Конечно, племянник, – в голосе и взгляде Старого Хрофта не таилось и тени усмешки. – Придёт день, и ты воздашь ей за всё. Но сейчас...

– Асы невинны, Ас Воронов, – подобрался волк, словно перед тронот Отца Богов во всей его прежней красе. – Твоя дочь, валькирия Рандгрид, укрыла их в не тронутых битвой покоях. Они и посейчас там.

Отец Дружин кивнул.

– Благодарю, племянник. Нам предстоит вернуть им утраченное, не только жизни, но и то, что делало их асами.

– Да, Великий, – смирение давалось волку нелегко, но он очень старался. – Что повелит мне могучий хозяин Асгарда?

– Знаешь, – задумчиво сказал Óдин, – клянусь собственными священными браслетами, когда ты рвал цепи, никому не повинаясь, кроме лишь своей ярости...

– Да, дядюшка. Но тот Фенрир был глуповат, хоть и очень силён. Я поумнел, владыка, слишком долго прожил в полном одиночестве. И я хочу вернуть себя прежнего, но без былых безумств.

Отец Дружин кивнул.

– Тогда выйди к собравшимся у наших врат, найди их предводителя и вели ему следовать сюда.

Волк молча кивнул, развернулся и в несколько прыжков скрылся за стенами.

* * *

– Приветствую тебя в Асгарде, в Зале Золотых Щитов, гость. Мнится мне, что я уже видел тебя здесь, не правда ли? Лик твой во всём подобен солнечному Ямерту, да упокоит сущее его мятежный дух, если ещё не упокоило.

Старый Хрофт восседал на высоком троне. Валгалла, её главный зал, пиршественный чертог. Золотыми щитами выложена крыша, сияет,

подобно солнцу; рядом с Отцом Дружин застыл изваянием Фенрир, единственный, кто сейчас составлял свиту владыки Асгарда.

Перед ними, оставив позади ряды пустых столов, застыл, гордо вскинув красивую голову, посланец Дальних. Он явился в том же облике, что и в тот день, когда они ударили по рукам со Старым Хрофтом и могучий Игг дал нерушимую клятву «выступить в поход, коль рать Древних Богов явится к вратам Асгарда».

– Ещё не упокоило, могучий Ас, – невозмутимо ответствовал посланец. Одевания его – свободно ниспадавшие волны белого шёлка с проблеском золота – словно подчёркивали чистоту солнечного света. – В этом можешь не сомневаться. Я не похищал его личину, я честно получил её по обмену. И могу повестить тебя: рекомый Ямерт, как и его родня, по-прежнему странствует по пределам Упорядоченного.

– Рад за него, – отрывисто сказал Отец Дружин. – Но ты ведь здесь, посланец, не для того, чтобы вести речь о павшем вожде Молодых Богов?

– Нет, – покачал головой тот. – Я здесь, чтобы сказать: затребованная тобой рать Древних здесь, великий Ас, и готова к походу. Я надеюсь, что владыка Асгарда не уронит своей чести и не отступится от данного...

– Не уроню и не отступлюсь, – лицо Старого Хрофта сделалось совершенно каменным. – Ты желал, чтобы я повёл эту армию против Хедина и Ракота, Новых Богов, ибо они мешают вашим планам обратить всё Упорядоченное в нового Творца?

– Ты в точности запомнил сказанное мною, Великий, – склонил голову посланец. – Ты оказал мне высокую честь, преклонив слух к моим речам.

– Оставь лесть, посланец, – усмехнулся Отец Дружин. – Ты не оставил мне выбора, но я чту данное тебе обещание.

Наступило молчание. Фенрир обратился в статую рядом с высоким тронном, волчий взгляд буравил чистый и прекрасный лик гостя.

– Но... тогда... разве не пришло время восстать с твоего трона, великий Ас? Покинуть твои высокие покои, взглянуть на тех, кому предстоит умирать с твоим именем на устах, и... повести их вперёд?

– Ты нетерпелив, гость, – нахмурился владыка Асгарда, и Фенрир тотчас негромко, но выразительно заворчал. – Всему своё время. Ты достаточно долго собирал это воинство, краткая беседа наша не принесёт угрозы твоим планам. Ты много и красиво говорил в прошлый раз о великом Творце и о том, что всему в сущем суждено умереть, как и самому сущему...

– Могучий Ас, – перебил Старого Хрофта посланец. – Я всё сказал тебе в свой предыдущий приход. Повторяться бессмысленно и глупо. Я

ничего не смогу добавить. Прошу тебя, выполни своё обещание, свою клятву, и, если пожелаешь, по пути к полю битвы я охотно побеседую с тобой о предназначении тех, от кого я явился сегодня.

Отец Дружин не шелохнулся.

– У меня есть ещё один долг, гость. Мои сородичи, асы, выведенные мной обратно в мир живых. Телесно они воплощены, но сущности их так и не вернулись...

Посланец какое-то время безмолвствовал, словно к чему-то прислушиваясь.

– Возвращение воплощённых из царства Демогоргона невозможно, – покачал он наконец головой. – Прости, великий бог, я знаю, ты не это желал бы услышать...

– Утверждали, что оттуда вообще невозможно вернуться, – невозмутимо отозвался Старый Хрофт. – Однако мне и дочери это удалось. Быть может, мне удастся и то, что ты называешь недостижимым.

– Но тогда ты не исполнишь данную клятву! – подобрался гость.

– Отнюдь. Поведай мне, где сейчас Хедин, Познавший Тьму? – властно потребовал Один. – Вам это известно?

– Нам известно всё, – последовал надменный ответ. – Собрав великое воинство из смертных и бессмертных, кого ему удалось обмануть, Познавший Тьму движется навстречу своему названному брату Ракоту Восставшему.

– Очень хорошо, – Отец Дружин с достоинством склонил голову. – Но Упорядоченное велико, а пути Новых Богов не ведает никто, кроме них самих. Как мне отыскать того, с кем мне предназначено сразиться? Где же именно должны встретиться Хедин и Ракот?

– Мы укажем тебе путь, – последовал немедленный ответ. – Нам многое открыто и многое ведомо.

– Неужто твой народ способен в единый миг окинуть взором всю вселенную, всё сущее от края до края? – Старый Хрофт поднял бровь. – Никому не дано было такого, даже Молодым Богам в пору их расцвета.

Посланец вскинул подбородок ещё выше, скрестил руки на груди.

– Нам многое открыто и многое ведомо, – повторил он.

– Скрытен коль гость,
Скуп на слова,
Тайну хранит,
Сам на битву зовя, –
Мудрый размыслит,

Взвесит неспешно,
Стоит ли братья
За кованный меч, –

с усмешкой отозвался хозяин Валгаллы. – Так пели скальды, когда эти чертоги были полны эйнхериев, героев, павших со славой. Мне кажется, в их висах крылось немало истины.

– Не всё можно открыть и ближайшему из близких, – посланец Древних не сдавался.

– Есть свой закон у каждого. – Отец Дружин повёл плечом. – Но я запомню, гость.

– Твоё слово...

– Будет исполнено. – Старый Хрофт легко поднялся с трона. – Но у меня, как у хозяина Асгарда, есть долг и перед моими родичами. Из двух долгов я не откажусь ни от одного, но отдавать их стану по собственному разумению.

– Темны слова твои, великий Óдин. Мне недоступен их смысл.

– Я отправлюсь в поход. Но со мной пойдут и асы, моя родня. И не ранее, чем я исполню начальный обряд, что позволит их сущностям начать возвращение. Увы, это не свершится в один миг; но и оставить сородичей здесь, в пустом Асгарде я не могу.

– Неужели трижды прославленный Óдин станет уклоняться...

– Не зови меня трижды прославленным, гость, – нахмурился Старый Хрофт. – У меня много имён, но это – не моё. И с тем, кто его носил, не хочу иметь ничего общего. Даже случайно.

– Хорошо, хорошо, – посланник с трудом сдерживал раздражение. – Но сдвинься тогда с места, могучий Хрофт! Не сиди сиднем!

– Кто же собирается сидеть сиднем? – удивился Отец Дружин, вставая. – Идём, племянник. Пора начинать.

* * *

Фенрир трусил следом за Асом Воронов, а тот шагал себе упруго и молодо, словно и не было недавней битвы, а ожоги уже и вовсе не ощущались.

– Будь готов привести асов, – предупредил волка Отец Дружин.

– Буду готов, – откликнулся тот. – Дозволишь ли спросить, Ас

Воронов?

– Куда делась вся дерзость, – вздохнул Óдин. – Дозволяю.

– Что мы должны сейчас сделать?

– Разве ты не слышал?

– Слышал, Великий. Но мне неизвестно...

Тяжёлая длань в тех самых священных браслетах легла на плечо волку – даже уменьшенный колдовством, Фенрир в холке был ростом со Старого Хрофта.

– Мне тоже.

Волк мотнул мохнатой головой, воззрился на хозяина Асгарда.

– Как, Великий? – хрипло прорычал он, стараясь, чтобы получился шёпот. – Ты не ведаешь как?..

– Не ведаю, – кивнул Óдин. – Но когда-то я не знал и священных рун, Фенрир.

– Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзённый копьём,
посвящённый Óдину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых^[1], –

напомнил он волку.

Тот поёжился.

– А копьём обязательно, Великий?

Отец Дружин только усмехнулся.

– Увидишь.

Посланец Дальних следовал за ними в почтительном отдалении. Как и положено уважающему обычай гостю, он давал хозяевам указать путь.

Вот и широкий двор Асгарда, вот и новый Иггдрасиль. Бурлит вода в безымянном Источнике, у него нет красивого вместилища, он вырывался на свободу прямо из-под корней могучего дерева, вырывался и вольно растекался окрест, находя дорогу меж каменных обломков.

Далеко его влага, однако, не уходила – оборачивалась лёгким, прозрачным туманом, истаивала, словно спеша слиться с великими

потоками Упорядоченного.

Волк замер, глядя на текучую воду, чуть склонив голову.

– Великая мощь... – прохрипел он, оборачиваясь к Отцу Дружин. – Великая мощь и великий страх. Я зверь, я чувствую.

– Воин не жалуется на остроту своего меча, – отозвался Ас Воронов. – А гадающий – что руны стёрлись.

Фенрир прикусил язык.

– Великий Óдин, могу ли я помочь? – осведомился меж тем присоединившийся к ним посланец. – Или, напротив, могу ли я случайно помешать? Быть может, мне удалиться?

– Как пожелаешь, гость. – Старый Хрофт даже не повернулся. В руках у него вновь появилась та самая ветвь священного ясеня, послужившая оружием в схватке с Сигрлинн. – Смотри. Никому не повторить того, что я сотворю, ибо нет второго Хрофта в пределах Упорядоченного.

Он повёл сотканной из молний палицей над бурлящей водой Источника; жемчужные росчерки разрядов проскакивали меж ними один за другим. Вспенилось ещё сильнее, закружились водовороты, сгустился пар.

Волк вновь рыкнул, попятился, тревожно глядя на Отца Дружин. Тот молча и невозмутимо водил ветвью Иггдрасиля над Источником, молнии били всё чаще, ярость их нарастала.

Сощурил залитые слепящим светом глаза и посланец Дальних и тоже отступил на шаг.

– Разумно ли, великий?..

– Молчи! – рыкнул Фенрир, повинувшись краткому жесту Старого Хрофта.

Трое, застывшие у растревоженного Источника, ощущали медленно пробуждающуюся мощь, чужую, странную, не укрощённую и, быть может, даже и вовсе не укротимую. Точнее, ощущали Отец Дружин и его племянник-волк, а что чувствовал посланник Дальних, не смог бы сказать никто.

Шерсть вставала дыбом на загривке Фенрира, молнии плели причудливую сеть, кипела вода, всё гуще валил пар.

Старый Хрофт, владыка Асгадра, отец асинь и асов, замер, сделавшись подобным вырезанной из дерева фигуре на карнизе его собственного тронного зала.

Источник извергает силу. Чистую магию, беспримесную, порождённую – нет! – словно в чистой воде рука вдруг натывается на что-то склизкое, распадающееся под пальцами, мерзкое, так, что первое желание – отдёргнуться.

Нечто подобное крылось и здесь, в магии, исходящей от рваной раны под корнями Иггдрасиля. Точно здесь лилась кровь Упорядоченного, а сам Источник являл собой разрыв одной из потаённых жил вселенной.

Старый Хрофт пытался проникнуть внутренним взором сквозь саму плоть Асгарда, вдоль того пути, которым проникала сюда магия, прежде чем излиться стремительно испаряющейся влагой.

Он словно пытался глядеть на яркое солнце. Открывавшаяся в Источник жила скользила, норовила убежать и скрыться, точно ящерица под камнями. Так ли было, когда он, Один, стоял подле Источника Мимира, вглядываясь в танец песчинок на дне каменной чаши? То же ли он ощущал, замерев подле священного Урда в самом Обетованном?

Похоже – и не похоже. Нечто большее крылось там – хотелось сказать «в глубине», но к Источникам Магии это понятие неприменимо, истекавшее из них не «поднималось вверх», скорее «собиралось со всех сторон».

Да, нечто большее. Присутствие его не заподозрил бы никто, может, даже и Хедин бы не смог. Надо было быть древним владыкой Асгарда, побывавшим у всех трёх Источников задолго до того дня, как Молодые Боги вступили в Упорядоченное, чтобы это почувствовать.

Магия Четвёртого Источника не была чиста, как в трёх остальных. Сперва это казалось не столь заметным. Но сейчас, как видно, поднялось что-то ещё, примесь, загрязнение, муть, невесть откуда взявшаяся, невесть где зародившаяся.

Плохо. Отец Дружин понятия не имел, откуда могла взяться в изначально чистом потоке эта скверна. Её не так много, от неё можно избавиться, но Источник уже не тот.

В нём по-прежнему очень много изначальной силы: потоки, водопады, океаны. И значит, из неё можно сотворить нужное.

Древний Бог вспоминал. Ему требовалось сделать это как можно скорее, пока правильной силы хватает и нет нужды отделять чистое от нечистого; ему предстояло вспомнить до мельчайших подробностей, какими были асы и асиньи, без прикрас. Отважный, но простоватый Тор, молчаливый и мудрый Хеймдалль, смелый, хитрый, а порой и коварный Локи... и остальные. Фригг с её ревностью, Сиф, любившую повеселиться, тихую Идун – всех-всех-всех.

Но это будут лишь его воспоминания, отражения былого в памяти Старого Хрофта, сколько угодно точной, но – лишь его. Воспоминания помогут сплести незримый каркас, основу, на которую – куда более трудное дело! – предстоит наложить истинную суть его сородичей.

Отцу Дружин предстояло вернуться в прошлое, прожить его вновь, уловить в нём смутные тени давно канувших, казалось бы, в небытие деяний и подвигов; если бы Хель не сгнула, право же, Ас Воронов попросил бы у неё помощи. Мёртвые помнят всё, и всё помнит их хозяйка – вернее, помнила. А теперь Хель нет, и её-то они с Райной не нашли даже во владениях Демогоргона...

Нет ни Хель, ни Йормунганда. Из детей Локи остался один Фенрир, да и тот теперь лишь тень себя прежнего. Тих, почтителен... а когда-то и впрямь, наверное, смог бы разорвать всех обитателей Асгарда.

Хотя кто знает, может, волк не так уж не прав, когда вспоминает о Последней Битве, в которой ему предсказано сразиться с самим Óдином и одолеть его?

Туман над Источником поднимался всё выше, скрывая Старого Хрофта с головой, застилая взоры, уводя из возрождённого Асгарда куда-то далеко-далеко, откуда доносился слабый, едва слышный голос:

– Один, великий Ас!..

В густой мгле, где успел исчезнуть двор со врезавшимися в каменные плиты исполинскими кристаллами, ему навстречу двигалась тёмная размытая фигура, разом будучи и почти что рядом, и донельзя далеко.

Отец Дружин вгляделся, он ожидал чего-то подобного.

– Я знал, что надолго ты меня одного не оставишь, Мать Ведьм.

– Меня трудновато теперь узнать, Отец Богов.

– Отчего же, Гульвейг? Тебя ведь так просто не убьёшь. Да и дочь моя успела тебе помочь, разве не так?

– Всё так, – согласилась тень. – Но в этот раз всё... по-особенному.

– Зачем ты здесь, Мать Ведьм? Почему ты преследуешь меня?

– Потому что ты двинулся в прошлое, в домен моего хозяина.

– Никто не властен над прошлым, Гульвейг. Оно свершилось и закончилось.

– Но ты ведь решил его переиначить, так, Отец Богов?

Тень оставалась тенью, смутным контуром среди белёсой мглы.

– У меня нет ни сил, ни времени на игру в загадки, Гульвейг Бессмертная. Кто бы ни дал тебе это могущество, надеюсь, он понимал, что творит. И, если ты жива...

– Я не жива и не мертва, великий Óдин. Это моё проклятие. Долго ещё бродить мне по тёмным дорогам, пока...

– Гульвейг! Уж не думаешь ли ты меня разжалобить?

Тень помолчала.

– Нет, великий бог. Но всякой женщине приятны сочувствие и жалость

настоящего воина, пусть даже в чём-то противника.

– В чём-то!.. У вас с вашим хозяином презабавная манера изъясняться. Но более я не намерен перебрасываться с тобой пустыми сло...

– Мои слова не пусты, великий Один. Меня несёт к тебе обратно потоком силы, я ощущаю, насколько она отлична от извергаемой другими источниками. Будь осторожен, Отец Богов!

– Благодарю за совет, Мать Ведьм, но мне пора.

– Ты ищешь Хель, – вдруг сказала тень. – Сам не знаешь об этом, но ищешь, потому что помочь тебе может только она. Вернуть асам самость – как я тебя понимаю, знал бы ты, владыка Асгарда!..

– Прощай, Гульвейг. Живая или мёртвая, ты всё равно не оставляешь меня в покое.

– До встречи, Ас Воронов. Ты увидишь, что я тебе ещё пригожусь, – если, конечно, ты хочешь уцелеть в грядущем великом изменении.

– Сколько я живу, Мать Ведьм, я только и слышу о великих изменениях. Я пережил не одно из них. Этим меня не испугать. Прощай.

Тень отступила, на сей раз не стремясь оставить за собой последнее слово.

Вокруг Старого Хрофта расстился теперь один только непроглядный туман; заклятие работало, и он вновь ощущал себя словно в тот незабываемый день, когда приносил себя в жертву самому себе же.

Но сегодня от владыки Асгарда требовалось ещё больше.

Старый Хрофт точно погружался в пучину, подобно задержавшему дыхание ныряльщику, и, хотя на самом деле вода не окружала его, дышать становилось всё труднее. Слишком много силы даже для Древнего Бога, в ней тоже, выходит, можно захлебнуться...

И тем не менее он шёл, он – Игг, отец валькирий, указующий волкам и вранам, водитель эйнхериев, носитель неотразимого Гунгнира. Пусть всё это в прошлом, но, поклялся он собственными священными браслетами, оно вернётся!

Отец Дружин сознавал, что на самом деле он не сдвигается с места, на самом деле он так и стоит, замерев, на самом краю Источника; но сознание его устремлялось всё дальше и дальше от величественных стен возрождённого Асгарда.

Вниз по той самой жиле, что протянулась из неведомой дали прямо к его высокому залу.

Он должен собрать как можно больше силы, чистой и истинной, дать плоть своим воспоминаниям – ибо как ещё отыскать «самость» асов, хозяин Валгаллы не знал.

Воспоминания не будут идеальными, но они будут. И затем могучие чары будут стягивать, возвращать Тору и Локи, Тюру и Сиф их память, рассеянную по всему Упорядоченному. Она ведь не могла никуда исчезнуть, быть может, она кроется в недрах их собственных душ, вернувшихся из-под власти Демогоргона, быть может, мельчайшими песчинками разнесена по сущему – но она есть.

Точно так же, как не смогли исчезнуть «души» асов; хотя у Древних Богов и нет никакой души, есть лишь искры изначального Пламени. Пламени, которое никуда не может деться из Упорядоченного; Пламени Неуничтожимого, что оставляет по себе долгую память, не исчезающую, несмотря ни на какой ход времени.

Ему, Старому Хрофту, остаётся лишь отыскать его.

* * *

Волк Фенрир замер рядом со столь же неподвижным владыкой Асгарда, в глазах его блистал странный свет, словно он тоже глядел в невозвратное прошлое. Впрочем, так ли уж невозвратное?..

Посланец Дальних нетерпеливо переступил с ноги на ногу, кашлянул, нервно потёр висок.

Волк презрительно покосился на него.

– Для посланца тех, кто есть олицетворение высочайшего порядка, ты обнаруживаешь слишком много чувств.

– С воплощением в живую плоть приходит и многое, лишь ей свойственное, – сварливо отозвался посланец. – Поведай мне лучше, волк, как скоро твой повелитель намерен исполнить обещанное?

– Зная, кто вещает твоими устами, я могу только удивиться тому, что слышу.

– Я лишь говорю на вашем языке, волк, и вам понятными смыслами. На моём месте посланец одной с вами крови был бы рассержен и недоволен. Я не испытываю подобных чувств, но являю их вам.

Волк оскалился.

– Старший брат отца моего и владыка всех асов исполнит слово. Кто сомневается в этом, оскорбляет мой род и мой дом.

Посланец лишь недовольно дёрнул плечом.

– Время уходит, а мы сражаемся не за собственное благополучие, в отличие от вас, смертных или бессмертных. Вы всюду ищете выгоду, а когда не можете разглядеть – преисполняетесь подозрительности.

– Жди, посланец! – прорычал волк. – Ты во владениях Аса Воронов!

– Как будто вы дадите мне хоть на миг забыть об этом.

Фенрир не удостоил его ответом.

Пар между тем достиг уже золотой кровли Валгаллы. Едва можно было разглядеть зелёные кристаллы, вонзившиеся в камень двора; чётко видима оставалась лишь фигура Старого Хрофта, словно она одна была реальной в этой мгле.

* * *

Взгляд Отца Дружин уже не пытался пробиться дальше вглубь, вдоль протянувшейся к источнику жилы. Куда бы она ни вела, кто бы ни сотворил её – с этим врагом он разберётся позже.

Сила нечиста, вот что самое главное.

Никому не повторить работу Творца, можно только приблизиться к ней; и создавшие Четвёртый Источник приблизились почти идеально. Почти – но всё-таки не совсем, повторить изначальное невозможно, хотя Познавший Тьму и тщился доказать всё время, что это не так.

Но для целей владыки Асгарда этого хватит. Если единственный ветер, что готов нести твой драккар, – это ветер гибельной бури или даже урагана, будь готов им воспользоваться, несмотря ни на что.

Он опустил глубоко, силы вокруг достаточно, даже слишком; пора начинать.

Айвли, наверное, будет довольна. В конце концов, новый Иггдрасиль вырос из меча, сработанного её искусством.

Сотканная из жемчужных молний палица, совсем недавно бывшая ветвью возрождённого ясеня, упёрлась в грудь Старому Хрофту. Повинуясь его воле, плавясь в собранной им мощи, изменялся и заострялся её конец, сделавшись под конец острым, словно сам Гунгнир.

Сперва он почти не почувствовал боли, просто что-то сильно надавило на грудь. Надавило и стало вдвигаться, становясь частью него, нестерпимо горячее, раскалённое, словно только что вынутый из горна кусок железа.

Жар растекался по телу, перед глазами Старого Хрофта вновь возникали видения – как возводились стены самого первого, истинного Асгарда, как асиньи и асы входили в первый раз под высокие своды Валгаллы, как начинались их приключения, как гримтурсены явились в суровый Йотунхейм, как присоединился к асам хитроумный Локи...

Нельзя сказать, что эти видения были как-то по-особенному

мучительны или тягостны – ну, кроме разве что сцен ревности, что устраивала Асу Воронов его Фригг, и, надо признать, за дело. Нет, зачастую они были даже веселы, а то и вовсе смешны – злоключения Локи, Тор, частенько попадавший впросак, несмотря на всю свою силу, перепалки между ревнивыми асиньями и скромная Идун, всякий раз старавшаяся всех помирить и успокоить.

Память не просто оживала, она словно бы отделялась от Старого Хрофта, и волны накатывающей силы подхватывали её, унося прочь.

Равновесие нарушено, но тебе, Древний Бог, не привыкать идти против всех и всяческих законов. Ты долго ждал, но ожидание того стоило – убийцы твоей родни пали, а сами асы вырвались из заточения. Отец Дружин даже не мог бы сказать сейчас, желал бы он полного и окончательного уничтожения Молодых Богов, что по-прежнему бродят где-то в Упорядоченном, – ведь, в конце концов, он смог выручить асов.

Заострившийся меж тем конец палицы вонзался всё глубже в грудь Старого Хрофта; два раза один и тот же трюк не сделаешь, но сейчас он и не собирался открывать священных рун.

Огонь растекался по жилам владыки Асгарда, в открытую рану врывался поток магии, с ним смешивалась толчками выбивавшаяся на свободу кровь. Хорошо, что Райна этого не видит, хотя валькирии и не положено проявлять дочерних чувств.

Стоять становилось всё тяжелее, Отец Дружин сам не заметил, как опустился на одно колено; алые струйки смешиваются с жемчужными росчерками молний.

Он вернёт асам их самих, потому что иначе всё вообще не имеет смысла.

* * *

– Что он делает?! – резко вскинулся посланник Дальних.

Фенрир сорвался с места; волк почуял кровь первым, и крик посланца раздался уже ему в спину. Проклятый туман, почему ничего не видно? Где хозяин Асгарда? Ведь только что в нескольких шагах виднелась во мгле его фигура, широкие плечи, гордая осанка, а теперь – куда он подевался? Под лапами хлюпает вода, вода не простая – принявшая форму сила, и запах пролитой крови – повсюду.

Этот запах волк узнал бы из тысячи тысяч. Когда-то он страстно мечтал вновь ощутить его, чтобы запустить зубы в ненавистного врага,

лишившего его свободы; и не важно, что потом будет только всеобщая гибель. Но когда свобода вдруг пришла сама, от руки того же Отца Дружин, а за ней – долгое изгнание, жалкое существование в вечном страхе – всё изменилось. Не в одночасье, не одномоментно, но – изменилось.

...А сейчас Ас Воронов, «пленитель Фенрира», как ещё прозывали его, хоть и не часто, истекал кровью где-то совсем рядом, а он, его племянник, пусть и названный, он, волк, не мог его отыскать! Что сказал бы отец?..

Источник – вот он, вот он, Иггдрасиль. А великого Аса нет!..

Фенрир ощутил присутствие совсем рядом, неприятно близко. Чужак, Дальний, прикрывшийся также ненавистной личиной. Что ему тут на...

– Бежал, – услышал волк презрительное. Если посланец и изображал свойственные смертным чувства специально, то получалось у него это очень похоже. – Бежал и скрылся!

– Кто... бежал? – донёсся вдруг из тумана знакомый голос, и Фенрир аж подскочил, весьма несолидно для такого зверя, пусть даже и уменьшенного чародейством. – Зачем... ты... оскорбляешь... меня, гость?

От запаха крови у волка мутилось в голове. Это не простая кровь, это кровь Древнего Бога, смешавшаяся с магией; что он наделал, Ас Воронов?!

– В тебе... слишком много... злости и презрения... посол. Не такими представлял я Дальних...

Старый Хрофт сделал ещё шаг к ним из непроглядной мглы и тяжело опустился на корень великого ясеня. У Фенрира шерсть встала дыбом – грудь Отца Богов разворочена, кровь так и льётся, а вместе с ней уходит и жизнь.

Великий волк взвыл, тяжело и протяжно, так, что гулким эхом отозвались невидимые в тумане зелёные кристаллы. Отец Дружин застыл было на корне Иггдрасиля, неловко скорчившись, а потом стал заваливаться набок. Волк, как мог, подпёр старого аса плечом, язык его прошёлся по ране.

Кровь богов, кровь асов, к которым он, grimтурс по рождению, вроде бы не имел никакого отношения. Кровь извечных врагов его рода, кровь того, кого ему суждено разорвать в день Последней Битвы...

– Дядя! – прохрипел Фенрир. – Дядя, нет!... Что ты сделал?!

– То... что... должен... был... – Глаза О́дина закатились, голова со стуком ударились о ствол могучего дерева.

– Нет-нет-нет, – зарычал волк, и это «нет» у него получилось почти неразлично от ярости и горя. – Как же мы?.. что же мы?.. Зачем же всё тогда?..

– Гм, странно, – холодно молвил посланник, вставая рядом с сыном

Локи. – Он не должен был убивать себя.

– Он не убил, он принёс себя в жертву, – в глотке Фенрира клокотало.

– В жертву? Но это же бессмысленно, – пожал плечами Дальний.

Волк не ответил – слишком был занят, лихорадочно зализывая рану.

Я ведь тоже не просто волк, отчаянно проносилось в его голове. Я сын Локи, а он был великим чародеем, мастером огня; а я сам прожил невесть сколько, не имя никакой еды, кроме магии; так неужто я сейчас не смогу помочь?

И он лизал, лизал рану, не замечая, как начинает предостерегающе дымиться его собственная шерсть.

* * *

Воительница Райна, она же валькирия Рандгрид, «Разбивающая Щиты», едва успела втащить в портал полубесчувственную Сигрлинн. Чародейка выглядела, мягко говоря, скверно: чудесное белое платье обратилось в почерневшие лохмотья, прожжено во множестве мест, даже волосы вспыхнули зелёным пламенем.

Тьма портала стиснула их, завертела, словно великан игрушкой, Райне казалось, что она разом и сжимается в точку, и надувается, точно шар, готовая вот-вот лопнуть; но пальцы её, тисками сдавившие ладонь волшебницы, так и не разжались.

Райна не могла понять, падают они или возносятся – кажется, и то и другое разом. И непроглядная чернота вокруг, хорошо ещё, есть чем дышать...

В ушах стоял свист ветра, а кожей Райна ничего не ощущала. Движение и полный покой, всё вместе. Да, в хорошенькое место зашвырнул их портал чародейки – а ведь она явно готовила его как раз на такой вот момент, чтобы спастись, чтобы скрыться...

Как всегда, кончилось всё разом, в один миг, просто тьма сменилась светом, а полёт (или падение) прекратился.

И первое, что ощутила валькирия, – зверский, нечеловеческий холод, хлынувший со всех сторон, словно вода.

Под ногами – снег, сапоги провалились выше щиколотки. Над головой зеленоватые тучи, неяркий свет, а вокруг – бескрайняя белая равнина, где лишь изредка возносятся исполинские зеленоватые же монолиты скал.

«Что это? Где мы? Это здесь предполагалось укрыться от врага?»

Волшебница тяжело стонала, уткнувшись лицом в снег, и над ней

поднимался пар, словно она была горяча, подобно стальному острию копья, только что с кузнечной наковальни, которое бросили закаливаться в холод.

Валькирия перевела дух, ёжась под ледяным ветром.

– Вол... волшебница Сигрлинн...

Райна склонилась над ней, осторожно попыталась перевернуть лицом вверх. С отцом они бились насмерть, кто знает, может, ранена; а потом ещё и эти сети Дальних...

Сигрлинн казалась совершенно невесомой, словно всё тело её сделалось одной видимостью; однако так и есть – ранена; в левом боку, войдя точно между рёбрами, торчал острый осколок зелёного кристалла, сейчас почерневший, словно от крови.

Проклятье. Райне приходилось иметь дело с достаточным числом ран, чтобы сразу понять: простой смертный не протянул бы и дня.

Волшебница словно бы впала в беспамятство, глаза закатились.

Валькирия выругалась, вспомнив невольно свои наёмнические времена. Сплюнула зло, присела на корточки возле раненой и взялась за дело.

«В конце концов она дочь Óдина или кто?»

Ибо силы тут хватает: куда бы ни собиралась попасть чародейка Сигрлинн, в том, что касалось магии, место было подходящим.

Райна заговорила, медленно, нараспев; слова эти не спасли бы смертного воина, но, возможно, помогут чародейке, которая вообще, наверное, не из плоти и крови, хотя кажется совсем наоборот.

К тому же в последнее время ожило столько всего из прошлого, даже воительница Райна уступала место валькирии Рандгрид. Может, пришла пора вспомнить и былые наговоры?

– Я скажу слова завета,
Я скажу слова, что с силой! –

старые висы, из древних времён, они словно сами всплывали в памяти. Дни великого Асгарда, Валгаллы, асинь и асов, сестёр-валькирий... и её самой.

Затворись, смертельна рана,
Затянись, оденься плотью.
Больше кровь уже не сможет
Отыскать к тебе дорогу.

Духи неба, духи снега,
Повинуйтесь все вы слову!
Разомкните злые чары,
Прочь с собою унесите!

Духи неба, духи снега – здесь, в потоках силы, водилось немало бестелесных существ, носимых её порывами с места на место, словно паучков осенью. Райна чувствовала их, притягивала к себе, подчиняя собственной воле. Жизнь – и тут воительница ошибиться не могла – стремительно покидала Сигрлинн, а что случится потом и как преобразится та, что была Истинным Магом, валькирия не могла даже представить.

В морозном воздухе возникло слабое, едва различимое глазом движение. И в самом деле – духи; словно дрожание аэра над раскалёнными камнями летним полднем. И снег шевелится тоже, словно под ним снуют какие-то существа.

Сигрлинн застыла на спине, глаза закрыты, дыхания нет. Но, в конце концов, она Истинный Маг; если вспомнить рассказы отца, её так просто не убить.

Но и попал в неё совсем не обычный наконечник копья.

Однако духи были уже здесь. Эфирные создания толпились вокруг, молчаливые, ждущие; воля валькирии связала их на краткое время, и Райна чувствовала, насколько небезобидны эти существа, если их не держать в узде.

Валькирия держала, она приказывала и повелевала. И духи слушались – на почерневшую и выглядящую исключительно гнусно рану Сигрлинн легли невесомые снежные повязки, по ним сразу же стали расползаться гнилостные зеленовато-жёлтые пятна – вытягивался «яд и гной», хотя откуда они могли там появиться так быстро?

«Надо же, висы обрели былую силу. Древние Боги возвращаются сами и возвращают своё», – мельком подумала Райна.

Волшебница вдруг содрогнулась и застонала, тяжело, с надрывом. Точно у простой смертной, изо рта потекла кровь, такая же красная. Воздух вокруг неё дрожал, снег клубился крохотными вихрями, и рана на глазах затягивалась; однако не похоже было, что чародейке это хоть как-то помогало.

Райна начинала застывать. Если бы не жар, исходивший от тела Сигрлинн, валькирии было бы несдобровать. Нет, мороз не убьёт её так просто, но может ввергнуть в долгий, очень долгий сон...

Воительница протянула руки к бледному лицу чародейки. Горячо... как горячо... и впрямь как печка. Гляди-ка, рана затворилась, крови нет, только шрам остался.

– Пробудись, – шепнула Райна, сама не веря, что подействует, однако ресницы Сигрлинн внезапно затрепетали, она потянулась, с приоткрывшихся губ сорвался стон.

– Где... мы...

– Очнулась!.. – вырвалось у валькирии, и она ощутила, как на губах возникает призрачная тень улыбки. В конце концов, двое всегда лучше, чем одна.

– Где... мы? – уже настойчивее повторила Сигрлинн. Райна поспешила вернуть себе достойный Разбивающей Щиты холодный вид.

– Где мы – тебе лучше знать, волшебница. Это был твой портал.

– Помоги... кха... мне...

Райна приподняла чародейку; та обвела безрадостные окрестности полубезумным взглядом.

– Это... нхе... то...

Потрясающее открытие, зло подумала Райна. Право же, для этого не требуется быть ни Истинным Магом, ни спутницей Познавшего Тьму.

– Конечно, не то. – От дыхания валькирии шёл пар. – Мы в снежной пустыне, всё, что я вижу, – какие-то зелёные грома...

– Кха-ак ты скха-азала? – передёрнулась Сигрлинн, глаза её расширились.

– Зелёные скалы тут недалеко. Проклятье, с некоторых пор я этот цвет просто ненавижу.

Огромные глаза чародейки призакрылись, воздух с шипением вырывался меж плотно сжатых губ.

– Мой пх-ортал... он-хи их-сказили ег-хо...

Да уж, исказили, это точно.

– И как нам теперь отсюда выбираться? – поинтересовалась Райна. Конечно, ни она, ни Сигрлинн не простые смертные, что не протянули бы в ледяной морозной пустыне без тёплой одежды и суток.

Волшебница не ответила, откинулась, не открывая глаз и тяжело дыша.

– Кирия, – валькирия заговорила чуть твёрже, хотя и вежливее. – Мы можем отсюда выбраться? Через такой же портал?

Сигрлинн не отвечала, снег вокруг неё таял, и валькирии пришлось, разметав его остатки, уложить волшебницу на собственный плащ, пусть даже под ним голые камни.

– Кирия? – чародейка эта могла схватиться с отцом, но, в конце концов,

она и в самом деле спутница Нового Бога Хедина, если не его законная супруга. Воительница умела подчиняться, в конце концов, звала же она, валькирия, над которой не властно само время, так же, кирией, то есть госпожой, чародейку Клару Хюммель, хотя та с её тремястами человеческими годами была по сравнению с Райной просто мошкой-однодневкой.

– Нет. – Глаза Сигрлинн оставались закрыты, но голос звучал твёрже. – Даже Истинные Маги или Новые Боги не обладают способностью мгновенно оказаться там, где пожелают. Порталы требуют подготовки, глубокой и тщательной. Я... использовала заранее составленное, начертанное, запечатлённое. – Глубокий вздох. – Чем они в меня попали?

– Осколок зелёного кристалла, – Райна подняла его, покрытый кровью. – На излёте, в последний миг...

– В последний миг... – Сигрлинн открыла глаза и болезненно скривилась. – В прошлый раз я была удачливее. Или Дальние были тогда не столь злобны, а их оружие – не столь для меня ядовито, как сейчас.

Райна не стала уточнять, что это был за «прошлый раз».

– Кирия, нам надо выбраться отсюда, – повторила она ещё настойчивее.

– Само собой; мирок здешний, конечно, заражён Дальними, но не думаю, что будет так уж трудно достичь Межреальности, – дёрнула плечом чародейка. Ей явно становилось лучше. – Нам даже не понадобятся порталы. Силы здесь хватает.

Кажется, она обрела прежнюю уверенность.

– Почему ты спасла меня? Я билась с твоим родителем.

– Великий Хедин никогда не был врагом моего отца, – негромко, но твёрдо возразила валькирия. – Ты... являясь... супругой...

– Я не жена Хедину, – Сигрлинн уже пыталась встать, морщилась и охала. – Значит, ты кинулась под сеть Дальних только потому, что не хотела углубления ссоры между Асгардом и Обетованным?

– Кирия, уместен ли сейчас этот спор? Я поступила, как должно валькирии. Тебя пытались пленить, а всякий, родившийся под копьём Аса Воронов, знает, что плен хуже смерти.

– Спор уместен, – Сигрлинн поднялась, кряхтя. – Ничего, ноги ещё ходят... Не люблю неясностей, воительница. Друг есть друг, враг есть враг. Мне кажется, у вас, Древних Богов, то же самое. И тут такое...

– Вы честно бились с отцом. В ваш поединок я бы не вмешалась.

– Даже если бы Старому Хрофту грозила смерть от моей руки? – прищурилась Сигрлинн.

– Это поединок, – как можно холоднее ответствовала Райна. – Он свят. Его исход решают высшие силы.

– Ох уж эти мне жестоковыйные валькирии, «чьи сердца холоднее льда и жёстче кованой брони», – проворчала Сигрлинн. Она уже почти совершенно оправилась; мороз чародейка словно бы и не замечала. – Священное право поединка!..

– Прости, кирия, если слова мои не пришлись тебе по нраву, – сдержанно поклонилась Райна. – Ты говоришь, что отсюда можно легко выбраться?

– Да, – волшебница озиралась по сторонам. – Но сперва... спасибо тебе, храбрая валькирия, Рандгрід, Разбивающая Щиты. Моя участь была бы... незавидной, накрой меня та сеть. И не вытаци ты этот проклятый осколок. Силы великие, в каком я виде!

Провела ладонью от горла вниз, и вот, нате вам – белоснежное платье вновь чисто и прекрасно, сияет неземным светом, словно и не было никакого сражения.

– Так-то лучше, – заметила чародейка. – Да, воительница, отсюда можно легко выбраться и, поверь, нам не понадобится никаких порталов. Сможешь сама?

Хм! Райна гордо задрала нос. Сможет ли она!.. Она, исходившая вдоль и поперёк всё Упорядоченное, когда этой надменной чародейки ещё и на свете не было!

– Вижу, вижу, – усмехнулась Сигрлинн. – Тогда в путь, доблестная валькирия! И... уж коль ты спасла меня, то не поможешь ли ты мне втолковать кое-какие несложные вещи твоему могучему, но, гм, несколько упрямому отцу?

– Спор ваш – он лишь меж вами. Почтительная дочь внимает слову родителя.

– Ой, хватит, хватит! – поморщилась Сигрлинн. – Не играй в послушную девочку, валькирия. Ты видела куда больше веков Упорядоченного, чем я; должна понимать, что такое баланс и равновесие. Ты слышала наш разговор со Старым Хрофтом; согласишься, я явилась к Асгарду не просто так, не по пустой прихоти, не из злонамеренного желания навредить именно вам.

Райна покачала головой.

– Я слышала тебя, кирия. Я не могу судить, тебе, наверное, открыто больше, чем мне; но больше открыто и моему родителю. Их дружбе с Хедином, Познавшим Тьму, много-много веков; едва ли Ас Воронов из пустой блажи решил, как ты сказала, «предать» его.

– Не из пустой блажи, а, быть может, и в самом деле стараясь вернуть павшую родню и во имя этого перейдя границы дозволенного, – возразила Сигрлинн. – Впрочем, это не важно. Надо заткнуть эту дыру, этот «Четвёртый Источник», надо, чтобы Дальние убрались куда подальше...

– Тогда почему же мы по-прежнему тут прохлаждаемся?

– Гм, тут и впрямь не жарко, – Сигрлинн словно бы только что заметила, что валькирия постукивает зубами от стужи. – Что ж, в путь.

«В путь» – но ничего не изменилось. Райна тоже напряглась, готовая шагнуть, как привыкла, прямо в небо – благо силы тут имелось предостаточно – и тоже ничего. Валькирия и чародейка остались, где стояли, недоумённо воззрившись друг на друга.

Глаза Сигрлинн опасно сузились. Она не простирала рук, не бормотала заклинаний, просто чуть-чуть сощурилась, но Райна мигом ощутила вскипевшую вокруг волшебницы силу.

– Странно... – сквозь зубы прошипела она.

Да, странно. Валькирия тоже ощущала – вот оно, небо, вот она, Межреальность, сразу за низким куполом с ползущими по нему зеленоватыми облаками; совсем рядом, всё как обычно, но ступить на привычную тропу меж мирами не получается, мешает какая-то упругая незримая завеса, вдруг превращающая близкое в невообразимо далёкое.

«Близок локоть, а не укусишь».

Чародейка застыла, нахмурившись, глаза гневно сверкали. Сила уже не просто кипела вокруг неё, она бурлила, взмётывалась незримыми протуберанцами, ударяла в небесную сферу, преградившую Райне и Сигрлинн дорогу в Междумирье.

– Закрытый мир, кирия? Мы провалились в закрытый мир и не заметили?

– Нет. – Сигрлинн зажмурилась, раскинула руки, волосы взметнулись, раздуваемые неосязаемым больше ни для кого ветром. – Мир не закрыт. И он... закрыт. И он... – она хмурилась всё сильнее. – И это вообще не похоже на мир, – закончила она сумрачно.

– Не похоже на мир, кирия?

– Не похоже, воительница. Я не могу ощутить чётко – но это словно бы кусок его, лишь часть исполинского целого, и каким законам оно подчинено...

Высокий лоб волшебницы рассекли морщины.

– Дай мне время, – бросила она резко, почти грубо. – Сдаётся мне, скоро к нам пожалуют гости.

– Гости? Тут хватает духов...

– Нет, не эти; с ними ты справишься, воительница. Я имею в виду здешних хозяев, настоящих хозяев... – Выражение её лица становилось всё мрачнее и грознее. – Конечно, рассовывать всюду, где появишься, эти идиотские кристаллы самого дурацкого зелёного оттенка... не знаю даже, как это назвать.

– Дальние?

– Кто же ещё? – фыркнула Сирглинн. – Они, по-моему, гордились бы, коль знали, что это такое. Мол, всюду ставлю столб межевой свой. А теперь – дай мне немного времени, Разбивающая Щиты.

Райна молча кивнула, привычно поправила доспех. Альвийский меч, как всегда, плотно лежит в руке; она готова к бою.

Осталось только дожидаться врага.

– Я разберусь... – бормотала меж тем Сигрлинн. – Я должна. Я смогу...

И да, вокруг неё бушевал сейчас настоящий шторм, сила ярилась, скручиваемая могучей волей чародейки.

Валькирия встряхнулась, встала спина к спине с волшебницей; если кто-то собирается на них посягнуть, то пусть идут. Она, в конце концов, устала ждать и замёрзла.

Сигрлинн перешла на неведомый Райне певучий и сложный язык, фонемы которого, наверное, не воспроизвела бы даже её, дочери Аса Воронов, гортань.

Но вокруг всё мертво и спокойно, местные духи, исполнив повеление валькирии, убрались куда подальше, и неудивительно – такой ураган силы они едва бы выдержали, здесь сейчас для них настоящие жернова.

Пустой мир; обычно даже в ледяных пустынях хоть какая-то жизнь, да имеется, а тут вообще ничего. Только острые зеленоватые скалы, присыпанные снегом, да белые равнины меж ними, и больше ничего.

Любого врага она увидит за целую лигу, а бесплотного – почует; и пусть кто-нибудь попробует справиться с ними двумя!.. На что способна Сигрлинн, Райна уже успела увидеть.

И, наверное, они смогут продержаться здесь очень долго – в конце концов, выжил же братец Фенрир на своей цепи, питаясь одной магией!

Сигрлинн замерла, словно статуэтка, почти невидимая на фоне снега в своём белом платье; слилась с ним, растворилась в пространстве; Райна ощущала лишь тугие толчки силы, волшебница посылала целые шторма и ураганы в разные стороны. Что именно она творила, пыталась ли расчистить дорогу или, может, открывала портал – валькирия не знала.

Она теряла ощущение времени, но меч в руке не дрожал и взгляд

оставался по-прежнему острым; она готова.

Что это будет? Надвигающиеся со всех сторон орды чудовищ? Или, если волшебница права и они угодили в курятник Дальних, сплетённые из зелёного огня ловчие сети?

Или снег вдруг встанет на дыбы прямо у неё под ногами, откроется бездна, пытаясь поглотить их разом?

– Смотри в оба, Райна! – прошипела она сама себе.

А потом дальний край неба вдруг замерцал ядовито-зелёными сполохами, словно там вспыхнуло полярное сияние. Оно быстро росло, поднимаясь всё выше, и облака расточались, исчезая, стоило свету дотянуться до них. Сияние становилось всё ярче, острые колющие лучи раздражали глаза, и валькирия невольно сощурилась, полочнее перехватывая эфес.

Кажется, дождалась.

– Смотри в оба! – гаркнула за спиной Сигрлинн.

Надо же, какое совпадение. Смотрю, смотрю, не в два даже, а в три.

Ну, идите же наконец! Мой меч скучает!

...Ей кажется или горизонт стал ощутимо подниматься? Нет, не кажется; точно поднимается! Небо исчезало в яростном зелёном сиянии; вот начали заметно крениться дальние скалы; и никаких врагов, которых можно было бы рубить или пронзать!

– Кирия! – не выдержала Райна.

– Вижу! – прорычала чародейка. – За мной, Рандгрид, бежим!

Райна не спрашивала куда. Просто развернулась и бросилась следом за трепещущим белым платьем волшебницы.

Края горизонта задирались всё выше, но прямо перед бегущими возникала блистающая серебром дорожка, разлётывая снег, обнажая серый мрачный гранит.

«Здесь всё поддельное, – вдруг подумала на бегу Райна. – И небеса, и снег, и камень. А настоящее – только вот эти зелёные громады; они, и больше ничего».

Но пока что гранит – или что тут вместо него? – выдерживал их; или – о, уже нет! Райна и Сигрлинн бежали над раскрывающейся пропастью, земная твердь становилась прозрачной, и там, внизу, смутно угадывались исполинские кристаллические массы, соединённые друг с другом в каком-то невообразимо сложном механизме.

Там медленно проворачивались изумрудные оси и на них насаженные маховики; а над всем этим тянулась узкая сверкающая нить дорожки, проложенной магией Сигрлинн.

Чародейка могла, как помнила Райна, принять не только человеческий облик; наверное, сумела бы и сейчас обернуться стремительным огненным вихрем, но нет, не бросала свою спутницу.

Долг платежом красен.

– Скорее! – выкрикнула волшебница, задыхаясь.

Райна оглянулась – над головами уже почти закрылся исполинский мешок, оставался лишь крошечный клочок неба (или что тут вместо него?); Сигрлинн бежала прямо на вздыбившуюся перед ними стену; зелёные скалы нацелились прямо им в лица, точно исполинские наконечники копий.

– Как крикну – прыгай! Прямо вверх!

Несложно.

Вот и небо исчезло, совсем. Мешок захлопнулся, зелёный свет померк, оставалось только яркое серебристое сияние от проложенной Сигрлинн дорожки.

Путь их обрывался у самой стены; снег с неё уже осыпался, обвалился тонкий слой фальшивого гранита, и осталось лишь блестящее, словно вулканическое стекло, отполированное зелёное нечто.

Кристалл Дальних.

Сигрлинн что-то выкрикнула, так, что у Райны мигом заложило уши и едва не сшибло с ног. Дорожка исчезала, рассыпалась в ничто, оставалась только пропасть, и...

– Прыгай!

Райна прыгнула.

Мир вокруг неё разламывался, утрачивал чёткость, распадался, дрожал маревом пустынного миража. Всё вокруг было ненастоящим, кроме, наверное, воздуха, которым можно было дышать, да привычной земной тяги.

Сверкающая дорожка Сигрлинн обернулась туго свернувшимся вокруг чародейки и валькирии коконом; он устремился вверх, туда, где уже сомкнулась немыслимым образом изогнувшаяся твердь.

Кокон ударил в преграду, словно наконечник стрелы в стальную кирасу. Райна не выдержала, на миг зажмурилась, ожидая жестокого удара, боли, может быть – последней, но их всего лишь хорошенько встряхнуло, кокон окутался призрачным зеленоватым пламенем; вокруг громоздились исполинские зелёные кристаллы, соединённые в настолько пугающие, причудливые конструкции, что дух захватывало.

Сигрлинн рядом упала на одно колено, дышит тяжело. Райне вдруг почудилось, что сами контуры тела волшебницы тают и размываются, она словно бы с трудом удерживала человеческий облик, сквозь который так и

норовил прорваться огненный вихрь, наверное, её подлинная суть.

Кристаллические громады были повсюду, справа и слева, наверху и внизу, заполняя собой всё пространство. Здесь не с кем сражаться, кроме, может, тех самых духов, если те выйдут из повиновения.

Среди этого застывшего зелёного хаоса мчалась серебряная стрела, вернее, только её остриё, заключившее в себя воительницу и волшебницу.

Плечи Сигрлинн ссутулились, руки бессильно поникли. Она замерла на одном колене, и плоть её становилась всё более прозрачной, как и та фальшивая твердь, по которой они бежали совсем недавно.

Райна прикусила губу. Мешать творящему волшбу – последнее дело, но слишком уж обессиленной казалась чародейка.

– Кирия...

Серебристый кокон явно замедлялся. Чудовищное сплетение зелёных конструкторов, и никакого просвета, нигде.

Всё, они остановились; хорошо ещё, не падают, хотя притяжение никуда не делось; просто прекратилось движение.

– Кирия, – Райна осторожно коснулась плеча волшебницы и мигом отдёргнулась – обожглась, словно тронув железную раскалённую печку.

– Не... вырвались, – прохрипела Сигрлинн, по-прежнему стоя на одном колене. – Слишком... глубоко... нас забросило.

Серебристый кокон медленно-медленно подплыл к колоссальной горизонтальной оси, протянувшейся куда-то в бесконечность. Всё вокруг залито приглушённым серым светом, и вокруг – только хаос зелёных кристаллов, вернее, кристаллиц – настолько они велики.

– Где мы, кирия? – не удержалась Райна. – Это ведь не просто мир...

– Нет, – волшебница тяжело дышала; серебряный кокон коснулся зелёного монолита и растворился; чародейка и валькирия остались стоять на гладкой отполированной поверхности. – Это вообще не мир.

– А... а что же? – поразила воительница.

– Не знаю, – Сигрлинн мрачно озиралась. – Не могу понять... не почувствовать...

Воительница втянула ноздрями воздух. Он по-прежнему полон силы, с ней ничего не случилось; так почему же могущественная Сигрлинн ничего не может сделать?

– Чем я могу служить, кирия?

– Хватит... принижать себя, гордая воительница. – Волшебница поднялась с заметным трудом. – Мы где-то в чреве у Дальних; я бывала у них в плену, но не видела ничего подобного. Не представляю, где мы. Здесь нет ни путей, ни направлений...

– Но есть верх и низ, – напомнила валькирия. – И я могу дышать.

– Потому что я об этом позаботилась. – Сигрлинн кривилась, потирала бок, где совсем недавно зияла рана от вонзившегося зелёного осколка. – Здесь нет привычного тебе воздуха, Разбивающая Щиты. А тяга... тяга меняется. Тебе кажется, что низ – он там, – волшебника ткнула пальцем себе под ноги, – но это тоже не так. Через несколько шагов он уже будет сбоку. А там, может, и над головой. Мне приходится прикладывать немалые усилия, чтобы придать этому хаосу хоть какое-то подобие порядка.

– Дальние – разве они не есть воплощённый порядок? – Райна вспоминала разговоры с отцом.

– Я тоже так думала. – Сигрлинн озиралась. – Но вот здесь всё такое... такое... тут разом и хаос, и порядок – всё вместе.

– И всё зелёное, аж глаза болят, – проворчала валькирия. – Почему обязательно зелёный? Почему кристаллы?

– Кристалл – якобы самое упорядоченное, что существует, – отозвалась волшебница, не переставая оглядываться. – А зелёный... вот честно скажу – за все годы и века моей распри с Дальними я это так и не уразумела. А теперь, Разбивающая Щиты, пожалуйста, помолчи какое-то время. Мне надо понять, как отсюда выбираться.

Райна коротко, отрывисто кивнула.

Здесь нечем дышать. Здесь нет, оказывается, «нормального» верха и низа. Это вообще не привычный воительнице «мир». Вот же занесло...

– Конструкция, – наконец проговорила чародейка. – Исполинская, такая громадная, что, как в сказках, «ни конца, ни края». Конструкция, упорядочивающая сама себя, всё больше и больше. Стягивающаяся, смыкающаяся... – Она вдруг поёжилась. – Никогда не подозревала о её существовании. Никто не подозревал, даже Хедин, не говоря уж, прости Орлангур, о Ракоте...

Они неподвижно застыли на стеклянisto-гладкой зеленоватой поверхности кристалла. Идти некуда, что делать – совершенно непонятно.

Валькирия бросила буравить взглядом спину Сигрлинн. Что бы ни задумала эта спасённая ею чародейка, своя голова на плечах тоже имеется. И опыт – дочери Старого Хрофта, девы-воительницы Асгарда, сражавшейся в бессчётных битвах.

Валькириям положено подхватывать души павших героев, нестись на крыльях ветра в Валгаллу, чтобы достойные как можно скорее собрались под крышей Зала Золотых Щитов. Она должна ощущать тонкие пути, преодолевать бури и незримые водовороты; и сейчас Райна, как встарь, попыталась представить, как отыскивает дорогу среди этих чудовищных

осей и шестерён, как взмывает, подхваченная ветрами магии, как устремляется сквозь кристаллический хаос прочь, туда, где свободно пролегли тропы Межреальности. Давным-давно она не прибегала к этому; но теперь, когда стены Асгарда поднялись вновь и мощь возвращается к Древним Богам, быть может, у неё получится...

Райна не замечала, как развернулась, с неподдельным любопытством уставившись на неё, сама Сигрлинн. Она уже отрывалась от поверхности, воспаряла над ней, разворачивая незримые крылья. Здесь нет верха и низа, значит, всё равно куда лететь! – лишь бы это вело к границе зелёного хаоса.

Она была, эта граница, где-то далеко-далеко, но была! Однако перед нею... порядок, сделавшийся хаосом, сгущался, становился совершенно непроходимым, и там... там что-то творилось, закрывающее пути, затворяющее их, перемалывающее привычное пространство-время...

Мельницы, вдруг подумалось Райне. Мельницы богов.

Но главное, что дорога отсюда есть! И выход тоже! Осталось только...

Жестокий удар прямо в лицо, словно незримой палицей, в глазах всё вспыхнуло, а сознание, напротив, померкло от боли.

...Сигрлинн поймала её в последний момент, когда валькирия уже готова была сорваться в пропасть. Здесь нет верха и низа, здесь земная тяга выделяет удивительные фортели, но падать от этого не менее больно и последствия не легче.

Райна не успела ни закрыться, ни отстраниться. Меж прижатых к лицу ладоней быстро бежали карминовые струйки; чародейка выругалась вполголоса на непонятном языке, с силой отвела руки валькирии от раны, зашипела злобно, увидев последствия.

– Сейчас... – пробормотала она, быстро проделывая какие-то пассы. – Сейчас...

Сила лилась свободно, и первое, что ощутила воительница, был расползающийся по лицу холод, быстро изгоняющий боль. Сквозь алую муть едва виделось напряжённое и резкое лицо Сигрлинн.

Ледяные клещи сдавили Райне виски, помогая, однако, сознанию проясниться.

– Что ты увидела? – на сей раз это понятное.

– Выход... – прохрипела воительница, с трудом выталкивая слова из разбитых губ. – Есть дорога... наружу. Я... валькирия, я... чую...

– Чуешь? – недоверчиво сощурилась Сигрлинн. – Лежи, лежи, сейчас будет легче, я уже залечиваю. Нас, конечно, отыщут...

– Уже заметили, – невнятно проговорила Райна, чувствуя, как в разбитом лице хрящи и кости собираются по кусочкам, срastaются и

встают обратно на места.

– Я должна понять, что это за место, что тут происходит, – ладони Сигрлинн, узкие, с тонкими белыми пальцами, так и порхали над головой воительницы.

– Ч-чрево... Чрево Дальних...

– Слишком обще. Где это? Как связано с Упорядоченным? Грозит ему чем-то или нет? Где сами Дальние? Ты вот – ты нарвалась на преграду?

– Нет... это был удар... как копьём... только широким и тупым... Нас заметили...

– Едва ли они не знали, что мы здесь, с самого начала. – Волшебница выпрямилась. – Ну, вот и всё, Разбивающая Щиты! Опять – как новенькая; а то, прости, лик твой был всё одно что тот же разбитый щит.

– Благодарю, кирия. – И точно, боль ушла, оставив лишь лёгкую холодную онемелость.

– Не стоит, – отрывисто кивнула волшебница. – Как у вас, валькирий, с голодовками? С воздержанием от еды и питья?

– Выдержу, – Райна поднялась. – Я готова, кирия. Могу указать направление, которым отсюда выбираться.

– Не сразу, Разбивающая Щиты, не сразу. Мы не уйдём, прежде чем я не пойму творящегося тут.

– Что для этого нужно сделать, кирия?

Сигрлинн помолчала, раздражённо поджав губы, а потом вздохнула, развела руками:

– Не ведаю, валькирия. Пока что не ведаю.

* * *

Старый Хрофт погружался всё глубже в густой сизый туман, пронзённая грудь пылала и вздрагивала, каждый вздох – словно проводишь нагой ладонью по-над кузнечным горном. Его память уже отделилась, уже одевалась плотью, воплощалась, готовясь вернуться сознанием асов и асинь, уже не бессловесных зомби, но таких, какими они и были при жизни. Рассеянное по великому пространству Упорядоченного собиралось обратно.

Оно собиралось, а сам Ас Воронов тонул.

Ему казалось, что далеко-далеко наверху осталась поверхность Источника; через его горловину начался этот путь.

Словно змея, вьётся и вьётся незримая обычному глазу жила, уходя всё

дальше и дальше в недра Упорядоченного, скользя сквозь Междумирье и почти не задевая его. Подобно корню, она разбрасывала в стороны множество отростков, постепенно истончающихся до волоса, жадно оплетая не только купы растущих в Межреальности живых «кустов» и «лесов» (каковые не были, конечно, ни кустами, ни лесами – их прозвали так исключительно за внешнее сходство), но и – стоп, неужели?! – целые миры. Или это только кажется ему, Хрофту, ослеплённому болью?..

Нет, не кажется. И боль вовсе не ослепляет, совсем напротив; принесённая жертва дивно обостряет зрение. Взгляд Старого Хрофта скользил вдоль протянувшихся далеко-далеко ответвлений жилы, добирался до истоков, откуда она жадно насасывала магию; но там, в самой глуби, где таилось её истинное начало, крылось нечто и вовсе невозможное, непредставимое, куда Отец Дружин сейчас и пытался пробиться. Он сделал то, зачем явился сюда, и жертва не напрасна – асы возвращаются, Фенрир уже должен бы заняться ими, встретить должным образом – но вот он сам, Ас Воронов, занырнул, похоже, слишком глубоко.

Что ж, это, во всяком случае, справедливо. Лучше так, чтобы скальды сказали:

Жизнь отдал,
Честь не утратив,
Но будет жить
Слава героя.

Нашли бы, что сказать, в общем. Жаль только Райну, его Рандгрид. Так близко подойти к победе, встретиться, отыскать друг друга и сразу же вновь потерять...

Но он должен узнать, куда ведёт эта жила и где берёт начало. Асгарду Возрождённому не надо чужого, и если священный Урд бьёт в Обетованном, то так тому и быть. А под корнями Иггдрасиля пробьётся другой Источник. Источник, который не будет угрожать всему Упорядоченному.

Силы во вселенной много, хватит на всех, если знаешь, как правильно проложить ей путь.

А он, Ас Воронов, идёт в свой последний поход. Жаль только, что нет достойного врага помериться силами, и противник тут – он сам, его собственная слабость. Он должен увидеть, узнать как можно больше и не дать этому знанию остаться с ним навечно.

Глубже, глубже, и с ним только его самая верная спутница – боль.
Прости, Фенрир, прости, племянник – не от твоих клыков настанет
моя смерть.
Прости...

* * *

– Зря стараешься, – холодно промолвил волку посланник Дальних, стоя скрестив руки на груди. – Зря время теряешь. Хозяин Асгарда оказался трусом; он признал себя неспособным выполнить слово и сбежал, сбежал в смерть. Постыдно и недостойно великого аса. Позорно.

Фенрир не ответил, всё так же неистово зализывая рану в груди Отца Дружин. Сотканная из жемчужных молний палица выпала из мощной длани, застыла в луже крови, шипя, словно рассерженная кошка.

– Хватит, хватит, – поморщился посланец. – Я чувствую, твой... хозяин – да, хозяин! – что-то сумел сделать там, в последний момент. Быть может, у нас ещё найдётся предводитель для воинства Древних Богов.

Волк не отвечал, не ответил даже на прямое оскорбление. Сказать ему, Роковому Зверю, которому пророчества отводили участь Проклятия Óдина, что Старый Хрофт – его хозяин?! Немыслимо, невозможно!.. Оскорбителя надлежало разорвать, разорвать немедленно, прямо там, где стоит!..

Но Фенрир словно бы ничего не услышал, не повернул головы, не повёл ухом; мохнатая грудь прижималась к неподвижному Отцу Богов, длинный розовый язык так и мелькал.

Посланник Дальних пожал плечами и зашагал прочь, к вратам Асгарда, где ждало собранное им и его собратьями воинство.

...Волк не останавливался, глаза его горели жутким огнём, словно и в самом деле настал день Рагнарёка. Он лизал и лизал неподвижную грудь Старого Хрофта и замер, только когда бока его коснулась твёрдая длань в стальных наручьях, изукрашенных языками оранжевого пламени.

Рядом с Фенриром стоял Локи.

* * *

– Едва ли нам дадут тут долго прохлаждаться. – Сигрлинн вновь начала плести какое-то заклятие, долгое, донельзя сложное, и валькирия, смутно ощутив лишь самое его начало, тут же бросила безнадёжное

занятие – пытаться понять, что же задумала чародейка.

– Знать бы, почему мы вообще тут можем стоять, – проворчала Райна, невольно потирая только что залеченную переносицу. – Если надо, бьют они метко.

– Именно что. – Волшебница творила перед собой в воздухе нечто призрачное, серебристое, меж изящными пальцами протянулись паутинной тонкости нити. – Но коль так – грех не использовать... Дай руку, Рандгрид!

Райна повиновалась.

– И показывай дорогу. – Вокруг них всклубилось уже знакомое жемчужно-тонкое сияние.

– Как?

– Просто представь, как она тебе открылась. – Сигрлинн по-прежнему держала валькирию за руку. – Я сделаю остальное.

Райна честно попыталась. Ей казалось, что ничего не получается, что без летящего впереди неё незримого дара дочерей Аса Воронов ей никогда не увидеть пути, ведущего прочь из темницы.

– Молодец, – проговорила чародейка, стоя рядом с ней и плотно зажмурившись. – Держись теперь так! Удерживай!..

Их кокон пришёл в движение; лабиринт зелёных кристаллов, протянувшийся куда-то в тёмную бесконечность, оставался позади.

«Неужели всё вот так просто?» – Райна каждый миг ждала ослепляющего удара в лицо, невольно нагибая голову и прикрываясь плечом, хотя это бы, конечно, не спасло.

Позади оставались несчитанные лиги тёмного пространства, плотно набитого зелёными стеклянными громадами. Они заполняли всё вокруг, разбухали, росли, так что серебристому кокону было всё труднее и труднее находить себе путь.

В ушах Райны неуклонно рос, ширился, поглощая всё внутри сознания, неумолчный шум, скрежет, громохание, словно впереди и впрямь молили исполинские жернова.

Напор силы становился всё мощнее. Её ветер грозил перерасти в ураган, но пока что Сигрлинн справлялась, напротив, сама всё ускоряла и ускоряла бег их кораблика по невидимым волнам.

– Только тут... такое... и проделаешь!..

Райна кивнула. Да, в обычном пространстве Межреальности на подобное просто не хватит силы. Здесь же они проносились над изумрудными громадами, под изумрудными громадами, вдоль изумрудных громад; гладкие, отполированные неведомыми руками поверхности, а под ними...

Смутные фигуры, пейзажи, уходящие так глубоко, насколько мог проникнуть взгляд. Очертания каких-то стен, башен, шпилей, какие только можно вообразить. Взор Райны ловил то застывшие в камне города, то величественные храмы на фоне гор, то мирные деревушки – и почему-то они впечатывались в память, словно она целый день провела, разглядывая их во всех подробностях.

Селения, города, горы, бухты, корабли... моря, застывшие, обратившиеся в зелёный камень.

Она заметила их только сейчас, смутные тени под зеркально гладкой поверхностью обрели вдруг ослепительную чёткость. Дальше – или глубже – в лабиринте зелёных исполинов ничего уже нельзя было разглядеть.

– Ты видишь, кирия?!

– Вижу, – Сигрлинн отозвалась с заметным трудом, сдавленно, словно ей что-то мешало разом и говорить, и удерживать несущее их вперёд заклинание.

– Миры, кирия! Целые миры!..

– Целые миры... уже окаменевшие и теперь растворяющиеся в зелёном, обращающиеся в кристалл... – эхом откликнулась чародейка. Лицо её исказилось. – Мы в чреве Дальних, Рандгрид. Здесь Упорядоченное становится кристаллом, по-настоящему *упорядоченным*...

Вот откуда здесь сила, ошеломлённо подумала Райна. Без неё зелёные кристаллы просто не смогут расти.

Конечно, всё это – лишь беглый взгляд в нечто, смелое рассуждение, и никто не знает, как оно на самом деле. Для этого, понимала валькирия, нужно остановиться и долго, осторожно, методично проникать поисковыми заклятиями в глубь зелёных монолитов; им с Сигрлинн просто очень хочется думать, чтобы Дальние оказались самыми злодейскими злодеями, какие только могут быть.

Миры окаменели. Целиком ли или их раздробило на части? И те фигуры, что виднеются на улицах, дорогах, полях, человеческие и не очень – как они умерли? Что с их душами? Остались здесь, в зелёной тюрьме, или отправились к Великому Орлу?

Да, чем ближе к «выходу», или «границе», тем яснее становились эти картины, тем больше в них деталей; и, что самое ужасное, тем лучше они запоминались, во всех подробностях.

Люди и не-люди, звери и чудовища, страшные и не очень, домашние и дикие, – все они сделались добычей зелёной темницы.

– Но как? Но когда? – услышала Райна. Валькирия обернулась – глаза волшебницы пылали, точно уголья в камине; казалось, струйки пламени

сейчас потекут, подобно слезам, сорвутся огненными каплями, подхваченные ветром магии. Сигрлинн говорила на понятном воительнице языке, языке Асгарда.

– Вы не замечали, кирия? Не замечали, как исчезают миры? – Райна вдруг поняла, что почти кричит.

Сигрлинн покачала головой, не глядя на воительницу.

– Хитро... как хитро... – шептала она, не сводя глаз с мелькавших в глубинах зелёного кристалла картин.

– Что «хитро»? Вы ничего не замечали?!

Чародейка застыла белоснежной статуэткой, ничего не отвечая. Молчание получилось весьма красноречивым.

– Они подбирали мир тут, мир там... – продолжала Райна, подхваченная странным и злым вдохновением. – Это не бездна Неназываемого. Это не Спаситель с его катастрофами. Это Дальние, зелёная чума. И о ней никто ничего не знал?!

Сигрлинн не отвечала, только вокруг неё неистово билась, словно сердце мчащегося во весь опор скакуна, аура силы. Вдувалась парусом и вновь опадала, стягивалась в точку и вдруг разворачивалась длинейшими незримыми полотнищами; чародейка плела немислимо сложные заклятия, преобразуя вокруг них саму эту убийственную реальность, где не выжить было бы даже Райне.

– Это Дальние. И о них никто не знал... – вполголоса, для себя самой повторила Райна, глядя на проносящееся мимо кладбище широко раскрытыми глазами.

Они срывали миры с древа Упорядоченного, подобно воронам, склёвывающим ягоды с куста. Ягодка здесь, ягодка там – сперва и не заметишь, а когда заметишь – будет уже поздно, ничего не останется.

И здесь не с кем сражаться, кроме самого лишь пространства, умирающей тени Междумирья. Оно втянуто меж давящих всё и вся изумрудных валов, истирается в труху, в песок, в пыль и даже ещё во что-то более мелкое. Дальние не размениваются на пустяки, а если размениваются – будь уверена, валькирия, всё это лишь для отвода глаз.

Но неужто их так просто выпустят отсюда? Ударили один раз – и отступились?

Она бросила быстрый взгляд на чародейку. Лицо Сигрлинн покрывал пот.

«Этого же не может быть, – подумала валькирия. – Её плоть – ничто, видимость, подделка; я видела твою истинную суть, чародейка, никогда не забуду тот огненный вихрь!.. Зачем ты притворяешься?»

Последнее она невольно произнесла вслух.

Сигрлинн дёрнулась, словно её обожгли хлыстом.

– Я... не... притворяюсь, – просипела она. – Мы... принимаем форму... со всем содержимым. Сейчас... не время...

Райна знала, что «сейчас не время». Она напряглась, ожидая готового вот-вот обрушиться удара, пытаясь угадать, не пропустить, увернуться.

Валькирия не пропустила и даже приняла незримое вскинутым наперевес клинком. Чутьё Древней, дочери О́дина, не подвело, но этого оказалось слишком мало.

...Сметённый обрушившейся на них мощью, замерцал и погас серебристый кокон. Сигрлинн захлебнулась коротким криком; чародейку и воительницу закрутил тёмный вихрь; Райна провалилась в чёрное беспмятство.

Сильвия Нагваль; Хаген, ученик Хедина

Тяжёлые плащ, камзол, порты – расшитые золотой нитью, разубранные самоцветами, излюбленное одеяние достопочтенного лекаря Динтры – валялись скомканные в углу. Круглое помещение без окон, стены грубой каменной кладки, узкая и низкая дверца – чёрное кованое железо ГНОМОВ.

Коричневые стойки с оружием, самым разнообразным. Мечи простые, полуторные эстоки, бастарды, двуручные чудовища в человеческий рост; секиры и топоры, бердыши, пики, алебарды, гизармы, совни; и очень необычная глефа, с выбросными лезвиями на обоих концах древка.

Щиты, доспехи кольчатые и пластинчатые, зеркала, кирасы, поножи, наручи, шлемы всех видов – здесь хватило бы вооружить с ног до головы добрую дюжину латников.

И посреди всего этого, сумрачно глядя на тускло поблёскивающую сталь, застыл высокий седой человек, неуловимо похожий на старого, но по-прежнему смертельно опасного волка-одиночку.

Его волосы не проредили годы; но зато лицо иссекло шрамами. Впалые щёки, белоснежные крепкие зубы.

– Я готов, Учитель. – Хаген, тан Хединсея, рождённый когда-то очень, очень давно в Восточном Хьёрварде, говорил, обращаясь к розоватому кристаллу, уютно устроившемуся в его левой ладони. Правая лежала на рукояти обнажённого ножа тёмной стали.

Внутри кристалла слабо светился крошечный огонёк, напоминавший сейчас угодившего в банку светлячка.

– Я готов, Учитель. Сильвия Нагваль выполняет твою волю, и выполняет весьма ретиво.

Огонёк замерцал, словно отвечая, однако седые брови последнего Ученика внезапно сдвинулись.

– Учитель?

Кристалл вздрогнул, искорка света в нём судорожно заметалась, словно и впрямь пленный светляк.

– Учитель? – голос Хагена сделался холоден и напряжён, брови сошлись, губы сжались в злую ухмылку.

– Кажется, они очень торопятся, – сообщил он молчаливым пикам и

алебардам. – Так торопятся, что совсем уже не стесняются...

Подбросил и вновь поймал розовый кристалл.

* * *

Целитель Динтра, толстый, одышливый и неторопливый, соблюдая достоинство и опираясь на внушительного вида чёрный посох, шествовал улицами Долины. Ему поспешно и почтительно кланялись – новая распорядительница Совета Долины, госпожа Нагваль выказывала целителю особое уважение, прислушиваясь к мудрым советам.

Долина напоминала сейчас разворошённый муравейник, спешили туда-сюда озабоченные маги, торопились слуги, пахари-арендаторы – дело находилось всем.

Мир под названием Джерто пал к ногам Сильвии Нагваль, последней из Красного Арка, а теперь – «досточтимой распорядительницы Совета Долины», – словно перезревший плод. Пять ударных отрядов, возглавляемых двойками магов из гильдии Эвис Эмплады, одновременно, на рассвете, обезглавили все пять имевшихся во всём Джерто королевств. Маги-погодники и иллюзионисты обеспечили эффектные и красочные представления перед сбежавшимся на площади народом.

И людям было объявлено, что отныне жизнь их меняется, могучие чародеи из Долины Магов будут следить, чтобы со всеми поступали по справедливости: бедные не умирали бы в муках от голода, лорды не чинили бы произвол и купцы не драли бы последний грош за гнилой товар. Королей не станет, а будут советы из достойных; если же и они не оправдают доверия, так расправа у господ чародеев короткая.

Народ было приуныл, но, едва ему зачитали список отменяемых или снижаемых податей, весьма повеселел.

Во всём Джерто не нашлось и сотни тех, кто, несмотря ни на что, решил бороться с захватчиками, но с ними Гильдия Боевых Магов разберётся в будущем, если, конечно, их не переловят сами пахари и горожане, которым станет жить куда лучше при новой власти.

Врачеватель Динтра никуда не торопился. Он шёл в Совет.

* * *

– Госпожа распорядительница, прибыл досточтимый целитель...

– Просите! – Сильвия резко поднялась.

Паж в беретике и сером с янтарём камзолчике поклонился, распахивая двери, в которые величественно вплыл необъятный живот досточтимого целителя, обтянутый парчой и бархатом. Стукнул о пол чёрный посох.

– Ступай, милый, ступай себе, – барственно обронил целитель, не поворачивая головы к юному пажу. Мальчишка торопливо отсалютовал и пулей вылетел за дверь, забыв даже испросить разрешения у Сильвии.

«Розог бы ему», – мстительно подумала дочь Хозяина Ливня. Впрочем, паренька можно понять. Как бы ни были хороши заклęcia, скрывавшие истинный облик старого лекаря, что-то всё равно оставалось, и юный паж это чувствовал.

– Можешь сесть, – сухо сказал Динтра. Закряхтел, опуская массивное раздобревшее тело в широкое кресло.

«Славно притворяешься. Но я-то знаю, каков ты, когда без маскарада. Старый волк, волк-оборотень. Смертельно опасный, кого боится даже Хаос во мне. Слуга или посланец кого-то из великих... нет, скорее именно посланец. Слуги так себя не ведут, даже самые доверенные».

Сильвия молча села, пытаясь сохранить остатки достоинства.

– В этом Джерто у тебя неплохо получилось. – Динтра глядел прямо в глаза девушке, и взор у него был прежний, волчий. Как тогда, когда он держал меч у её горла, а остриё прокалывало кожу.

– Благодарю, – в тон приветствию, так же сухо отозвалась Сильвия. И – замолчала. Пусть говорит пришелец.

– Справились быстро, без лишней крови и ненужной суеты...

«Чего он тянет? Это все и так знают. Испытывает меня? Ждёт, как я отвечу? Не буду я ему отвечать! Слушаться буду, а стелиться – ни за что!»

– Соппротивление слабое, кучка героев – или дураков, что зачастую одно и то же – особых неприятностей не доставит...

«Угу, не доставит. Знал бы ты, с каким удовольствием я б их всех перевешала. Просто чтобы забыть унижение от тебя...»

– Пришла пора приступить к следующей стадии плана. – Целитель шевельнулся в жалобно заскрипевшем кресле. Маскировка его была почти идеальна. – Отправиться в тот мир, который я тебе показывал.

«А собственно говоря, чего я бешусь? – вдруг подумала Сильвия. – Я проиграла не войну, даже не сражение – так, мелкую стычку. И проиграла кому!.. Если будешь грызть себе локти и лезть на стену, милая, никогда ничего не добьёшься. Ты его должна полюбить, полюбить по-настоящему, всякий обман он раскроет мигом, нечего и пытаться... Раскроет и...»

«... и убьёт» – закончил кто-то в её сознании холодным, рассудительным голосом.

Лекарь откровенно наблюдал за ней, утвердив локти на боковинах кресла и соединив кончики пальцев. Ни дать ни взять – пожилой профессор, ведущий персональное собеседование с подающей надежды аспиранткой.

– Да, господин Динтра, – Сильвия опустила глаза. – Я помню. Мой отряд, пять десятков магов и я сама, мы должны отправиться в показанный вами мир. Отправиться и...

– И сделать так, чтобы с шаров, принадлежащих Читающим Заклятия, никто, кроме нас, не смог бы ничего считать, – внушительно закончил целитель.

– Но, высокочтимый господин, как вам угодно, чтобы я это осуществила? – Хаос оживился внутри. Глупый он, однако, ему лишь бы разрушать. – Желательно, чтобы там вообще бы ничего не осталось?

– Если не будет иного выхода, – жёстко сказал Динтра, и глаза его сделались поистине волчьими. – Но я предпочёл бы увидеть... э-э-э... результат, подобный Джерто. Шары могут мне понадобиться.

– Но мир, даже самый мелкий, всё равно огромен, – Сильвия осторожно пробиралась сквозь разговор, словно по тонкому льду. – Пять десятков магов может не хватить, тем более что боевых там – всего десяток. Нужны карты; про Джерто мы знали всё, а об этом мире – не знаем совершенно ничего, даже дороги туда не знаем... Куда бить, какой там враг, какова его природа, сколько воинов, какое оружие...

– Н-да, тебе, Нагваль, можно только посочувствовать, – усмехнулся целитель.

– Но, высокочтимый... разве не в ваших интересах сделать так, чтобы моей миссии сопутствовал успех?

– Разумеется, в моих. – Динтра глядел на неё в упор, неотрывно. – Поверь мне, Нагваль, я с куда большей охотой отправился бы туда сам. Но порядок вещей именно таков, как он есть. Что же до карт... – Он ловко извлёк из недр плаща давешний свиток. – Бери. Здесь всё.

Сильвия молча приняла свиток, не развернув. В кабинете досточтимой распорядительницы Совета Долины наступила странная тишина.

– Если это испытание, – глухо сказала наконец девушка, – то, право же, господин Динтра, не самым лучшим методом. Если вы сомневаетесь, что я могу сжечь в пепел всех этих ваших «читающих», то зря. Сожгу и не поморщусь.

Динтра не перебивал, слушал, слегка кивая, словно соглашался.

– Если вы сомневаетесь, что я справлюсь, оказавшись в совершенно незнакомом мире, в компании с полусотней чародеев, из которых хорошо если пятеро хоть что-то понимают в войне, – то тоже зря. Я справлюсь. Может, незелегантно, но эффекиивно. Как уже сказала, просто сожгу. Вы же не установили категорического запрета на разрушение этих ваших «шаров».

– Продолжай.

Его что, это забавляет? Нет, Сильвия, не злись, не злись, не давай Хаосу воли, ни в коем случае не злись!

– Я хочу предстать, – вдруг выпалила она.

– Чего? – Кажется, ей удалось его удивить. – Предстать? Где предстать? Зачем предстать?

Сильвия не улыбнулась.

– Перед теми, кто послал вас сюда, высокочтимый. Я хочу служить им, так же, как служите вы.

– И кому же я служу, Нагваль?

– Не ведаю, – она пожала плечами. – Но кому-то очень, очень могущественному. Никто в Долине не сотворит подобных маскирующих чар, даже мессир Архимаг, не говоря уж о сгинувшей Радуге. Так вот, – она бестрепетно воззрилась на Динтру. – Я хочу служить им. Как... как вы, досточтимый.

– Ты не понимаешь, Нагваль. – Взгляд волчьих глаз сделался ледяным. – Ты думаешь – «прибьюсь к кому поможественнее, и будут мне всякие вкуности», так?

– Так. – Врать этому человеку смысла не имело. – Но что ж с того? А вы сами, многопочтенный? Вы – не «прибились»? И на «вкуности» не рассчитывали?

Динтра неожиданно улыбнулся, и это была совершенно не та улыбка старого добродушного лекаря, которую знали все в Долине от мала до велика. Так мог бы улыбаться вождь, стоя перед готовой к долгожданному бою дружиной.

– Я не прибивался, Нагваль. Мой путь был предначертан, и я иду по нему с самого рождения, но об этом мы с тобой говорить не будем.

– Отчего же, господин Динтра? – негромко ответила она. – Я ведь тоже не выбирала ни родителей, ни дороги. Её выбрали за меня...

– Чушь, – резко бросил целитель. – Ты приняла в себя Хаос. Ты выбрала.

– А разве можно было избежать?

– Конечно, – Динтра пожал плечами. – Хаос не настолько

могуществен, иначе от всего Упорядоченного уже давно бы ничего не осталось. Он никем не может овладеть насильно – только если тот, на кого он нацелился, уже согласен. А ты была согласна, Нагваль.

– И что же, господин Динтра? Что с того? Вы не убили меня сразу...

– Потому что даже Хаос можно обратить себе на пользу, – перебил её целитель. – Если, конечно, знать как. Однако, Нагваль, тебе время собираться. Играть в правительницу Долины, конечно, очень весело и приятно, но пора и честь знать.

– Мы готовы, – она пожала плечами. – Свиток...

– Укажет тебе дорогу, – вновь перебил лекарь. – На твоё счастье, там не так много настоящих крепостей, которые придётся штурмовать. Советую начать с главной, куда тебя выведет пергамент.

Это было уже кое-что. Сильвия деловито кивнула.

– Численность гарнизона, его состав, вооружение – мне всего этого знать не полагается?

– Этого я и сам не знаю, – нехотя сказал целитель. – Не забывай, Читающие Заклятия на то и Читающие, чтобы не подпускать к себе чужие чары или прознатчиков. Ты не подумала об этом, Нагваль?

Сильвия мысленно обозвала себя дурой.

– Вот почему тебе предстоит свалиться на них, как тот самый снег на голову. Внезапно, без разведки, без дозоров, почти ничего о них не зная. Но при этом и они о тебе знать ничего не будут. Ошеломить их дерзостью, даже, я бы сказал, – наглостью; ошарашить, чтобы они растерялись, чтобы от страха забыли б даже собственные имена, буде у них таковые имеются.

– Вы не знаете этого наверняка, досточтимый господин?

– Нет, – покачал головой Динтра. – И никто не знает, Сильвия.

Впервые за весь разговор он назвал её по имени.

– А... а вы? Вы пойдёте с нами? – вырвалось вдруг у неё.

– Нет, – целитель глядел на неё сурово и мрачно. – У меня... открылись срочные дела. К тому же целителей у тебя тут хватает. Как нетрудно понять, явиться там в моём... ином облике, скажем так, не представляется возможным.

«В ином облике. В ином. Он не сказал – в истинном. Запомним».

– Тебе предстоит показать, на что ты способна по-настоящему, – Динтра поднимался из глубины кресла, словно мифический зверь Ка-Торр из болотного логова. – Исполни это, и... и ты будешь «представлена». Только не думай, что тебя ожидают тут какие-то привилегии или что-то ещё. В тебе Хаос, а он – всеобщий враг.

«Он служит врагам Хаоса, это ясно. Что ж... тогда, может, и впрямь

пока не стоит спешить...»

– Да, и ещё одно, – целитель встал, шагнул к порогу, но приостановился. – Не исключаю, тебе станут задавать всякие ненужные вопросы, требовать обоснований и прочего. В силу исключительности обстоятельств помогу тебе и в этом. Начнут... э-э-э... выражать сомнения в разумности всего предприятия – сошлись на документ Игнациуса. Свиток покажет. Спросят, откуда взяла, – говори, от меня. Все знают, что старик Коппер, скажем так, имел привычку время от времени беседовать со мной о высоких материях.

«Ты всё продумал, волк. Решил, что загнал меня, что я никуда уже не денусь. Что ж, думай так, мне оно даже выгоднее. А уж кто я на самом деле – дичь или охотник, мы ещё посмотрим».

– Благодарю, – сказала она вслух. – Благодарю вас, высокочтимый господин Динтра. Мечтаю в один прекрасный день почтительнейше обратиться к вам вашим истинным именем.

– Моё истинное имя – Динтра, – сухо отрезал лекарь. – Ничего, двери я за собой закрою сам.

* * *

– Господа маги, – Сильвия стояла в середине неширокого круга. – Первое дело – с Джерто – мы закончили более чем удачно. Теперь предстоит второе, несколько неожиданное...

«Всё-таки великая вещь – успех. Смотрят на тебя, Сильвия, уже совершенно по-иному. Одна только Эвис Эмплада мечет глазами молнии, но это мы уж как-нибудь перетерпим».

Боевые маги глядят веселее других, в конце концов, они все – наёмники, и подобные дела, навроде убийства в постели королей и правителей, им должны быть привычны. А вот всякие погодники с иллюзионистами – держатся так себе, и это скверно.

– Благодаря нам у простых людей Джерто теперь будет новая, лучшая жизнь, – продолжала Сильвия. – Никому не нужны зряшные убийства, но тираны и деспоты не заслуживают снисхождения, ибо каждый день их правления оборачивается смертями невинных.

«Так, двое приосанились, расправили плечи... Немного, но всё же!»

– Но сейчас, как я сказала, у нас совершенно особое дело. Чужая крепость в неведомом мире, в мире, где...

«Нет, я не скажу им, что там умеют читать сотворённые заклятия. Для

магов Долины такое дорожке золота и истинного серебра-мифрила, они вполне могут захотеть прибрать это богатство к рукам, а это едва ли понравится Динтре с его хозяевами».

– Где пристально следят за нашими последними успехами. Следят с нескрываемой завистью.

Эвис Эмплада нервно дёрнула щекой, положила руку на эфес, вскинула другую.

– Госпожа распорядительница! Никто в Долине никогда ни о чём подобном даже и не слыхивал. И мессир Архимаг тоже никогда об этом не упоминал, а уж он-то, будьте уверены, об окрестных мирах знал всё, и даже больше.

«Ишь ты, какая смелая. Просто „госпожа распорядительница“, без „... Совета“, без имени. Тебя-то, Эвис, я сломаю играючи, на тебя-то у нас с Хаосом сил хватит...»

По правилам, накрепко вбитым в юную Сильвию ещё дедом – командором Красного Арка, ей сейчас полагалось ввинтить дерзкую магичку физиономией в землю, заставить глотать собственную кровь, чтобы никто и помыслить не смог о мятеже.

По старым правилам...

– Мессир Архимаг был мудр и велик, – ласково проговорила Сильвия, подходя к набычившейся Эвис. – Под его защитой Долина жила мирно и спокойно. Его сила была такова, что не требовалось беспокоиться о каких-то завистниках и соперниках. Однако я – не мессир. Приходится думать и о подобных вещах. А что же до доказательств... не стану ждать ваших вопросов, господи маги, прошу, полюбуйте, – и она эффектным жестом развернула свиток.

...Сильвия не сомневалась в Динтре. Кто бы ни скрывался под его личиной, как бы ни звали на самом деле Старого Волка, как стала она прозывать своего победителя, – они играли честно. Угрозы были угрозами, обещания – обещаниями. И то и другое они выполняли. Дочь Хозяина Ливня была уверена, что свиток её не подведёт и не ошиблась.

– Рука мессира Игнациуса, – раздался голос кого-то из более старших чародеев. – И его печать...

– Такое не подделаешь, – тотчас подхватил другой.

«Интересные дела. Мессир Архимаг занимался разработкой ловушки для богов, а тут кто-то играючи подделывает его документ? Надо тоже запомнить...»

Эвис Эмплада – глаза горят, ноздри раздуваются – подошла ближе всех.

– Я должна это видеть, госпожа распорядительница.

– Смотри, Эвис, – равнодушно отозвалась Сильвия.

Глава Гильдии Боевых Магов смотрела долго, морщилась, хмурилась, кусала губу.

«Далеко тебе до Клары Хюммель, девушка. Ну да, ты куда старше меня, а всё равно – девушка. Не жила ты под Смертным Ливнем, который водил мой отец...»

Отчего-то Сильвии казалось, что чародейка Хюммель не купилась бы на столь нехитрую уловку.

«Или они просто все очень хотят поверить? Поверить, что их одолела не просто соплячка из ниоткуда, какие всё время прибредают к порогу их знаменитой Академии, а некто, *имеющий право*, с какими-то особыми, тайными отношениями с Архимагом, великим и ужасным? Ну да, наверное. Мне ведь тоже легче думать, что меня одолел посланец неведомых и грозных сил, противников Хаоса, хранителей равновесия вселенной...»

– Да, – наконец тяжело выдохнула Эвис. – Мессир Архимаг считал, что это... может быть проблемой. Чем скорее мы с ней покончим, тем лучше.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Сильвия. Улыбнулась совершенно искренне, ей даже не пришлось притворяться. – Тогда в дорогу, господа маги.

* * *

Хаген, тан Хединсея, ученик Хедина, Познавшего Тьму, оставил Долину почти сразу же после разговора с её самозванной правительницей.

Его никто не видел – ни гоблины, ни слуги, ни арендаторы. Вернее, видели высокого воина в чёрном кольчужном доспехе, и каждому он показался знакомым – командир полусотни алебардистов-наёмников, а может, старшой в охране купеческого каравана, что хаживали проложенными силою магов тропами через Межреальность до ближайших миров.

Каждый увидел своё, каждый ничуть не удивился и каждый очень быстро об этом забыл.

Личину Динтры Хаген оставил позади вместе с ворохом вычурных, безумно дорогих и столь же безумно неудобных одеяний.

Он вёл за собой коня, могучего вороного жеребца; благородный скакун гневался, будучи нагружен седельными сумами, словно какой-то

презренный вьючный мул.

– Так надо, дружище, – звучал язык Восточного Хьёрварда, древний, во многом уже успевший измениться.

Жеребец обиженно фыркнул.

Поля, и фермы, и неширокий круг лесов остались позади, ученику Хедина распахивала свои объятия Межреальность.

Учитель не отозвался. Розоватый кристалл – самое надёжное средство дотянуться до него – оставался глух и нем, словно зажив своей собственной жизнью и не повинуюсь более Хагену.

Но Познавший Тьму предвидел и такое.

– Оставляй всё и немедленно в дорогу. Сам ощутишь куда. Давать наставления – только зря всё запутывать.

Губы Хагена плотно сжаты, брови нахмурены. Если замолчал розовый кристалл – это плохо, очень плохо. Сила пошла вразнос, пусть даже он сам, рождённый простой смертной, ничего не ощутил.

Сила пошла вразнос, это да, но также вмешался и кто-то ещё, очень могущественный, не уступающий, пожалуй, Истинным Магам. Кто-то смог додуматься, как помешать связанным друг с другом кристаллам, творению самого Познавшего Тьму, – а на такое способна была, наверное, разве только сама Сигрлинн.

И вот появился некто равный ей.

Конь размеренно рысил по змеящейся между мирами тропе; отсюда, из пределов Межреальности, они порой кажутся чем-то вроде дальних рощ, когда едешь по гребню холмистой гряды. Глаза стараются помочь, превращают непредставимое и невообразимое в нечто более-менее понятное и привычное.

Наверное, через Астрал было бы ещё быстрее, но Хагену требовалось ощутить направление. Учитель не мог снабжать его подробными указаниями, куда, когда и зачем.

Наставник Хедин мог расстаться с Зерном Судьбы своего последнего истинного ученика, но связи, из него проросшие, не разорвать уже никакими силами.

Познавший Тьму где-то далеко, но он здесь, в обычном пространстве Упорядоченного; творит сейчас что-то, что именно – Хаген сказать не мог, просто ощущал присутствие Учителя.

Никто не дерзал заступить дорогу хединсейскому тану; только какая-то тварь, напоминавшая сухопутного многоногого спрута в кольцах костяной брони, дёрнулась было наперерез из хищных ловчих кустов, однако, лишившись пары щупалец, быстренько ретировалась, заливая дорогу

чёрной кровью из содрогающихся обрубков.

Привычно и даже не стоит внимания.

Вторая бестия оказалась на его пути, когда дорога нырнула в некое подобие ложбины, а хищные заросли почти сомкнулись над головой. Обычно тропы Упорядоченного не заводят умеющих ходить по ним в подобные места, но даже если и завели, такого, как Хаген, это не смутит.

Правда, на сей раз тропа завела прямо к логову сидячего проглота – твари, что врастает костями в ткань Межреальности и умеет так изогнуть все близлежащие пути с тропами, что ведут они напрямиком в голодную пасть.

Жеребец Хагена не испугался, напротив, прибавил ходу, зло захрапел, словно ему не терпелось схватиться с врагом.

– Каков хозяин, таков и конь, да, приятель? – ученик Хедина похлопал скакуна по шее, привычно выхватил клинок.

...Метнувшиеся ловчие клешни-захваты с остриями и зацепами Хаген отбил, проскальзывая меж ними, уклоняясь и уворачиваясь; клинок с шипением рассекал плоть вместе с наросшими на ней пластами хитиновой брони.

– Зря ты это, приятель, – бросил Хаген, проезжая залитое тёмной кровью логово. – Сидел бы себе тихонечко, ловил мелких тварюшек, был бы цел и невредим.

Проглот ничего не ответил – нечем было отвечать.

На третий раз Хаген остановился. Дорога снова ныряла вниз, под крутой откос, тонула в волнах сизого тумана; а там, в этом тумане, явственно ощущалось движение, множественное, голодное и злое.

– Тебе это тоже не нравится? – вполголоса проговорил воитель коню.

Жеребец поглядел на Хагена фиолетовым глазом и согласно всхрапнул.

Третий раз. Это уже не случайность, не может быть случайностью.

Но как? Ученик Хедина ощутил бы наброшенное на него заклятие, привлекающее хищников Межреальности, представляющее его лёгкой добычей. Да и то сказать – пока что никого по-настоящему опасного на его пути не оказалось.

До сего момента.

Хаген не колебался. Решительно натянул поводья и двинулся в обход залитой клубящимся туманом низменности. Он давно уже не тот, что ищет победы в каждой схватке, зачастую бессмысленной.

Умеющий ходить между мирами всегда проложит новую дорогу там, где упёрлась в тупик или замкнулась в петлю старая.

Туман и ложбина остались по левую руку. Хаген настойчиво толкал

коня противосолонь, обходя странное препятствие.

Правда, пробивать тропу становилось всё труднее – ощущение, словно бредёшь по грудь в вязкой тине. Так бывает, когда кто-то настойчиво пытается тебя остановить.

Глаза Хагена опасно сузились. Это будет интересно; давненько перед ним не оказывалось равного противника. Порученное Учителем он выполнял старательно, понимая, отчего тот возложил на него ношу легче действительных его сил, – Хаген не бессмертен, Познавший Тьму может лишь обманывать время, продлевая и продлевая жизнь своему ученику.

И для этого хединсейскому тану надлежало пребывать вдалеке, в поистине волшебном месте, таком как Долина Магов. Тамошние обитатели, сами того не зная, устроились очень подходяще; и даже когда по трусости переместили Долину куда подальше от угрозы вторжения козлоногих, то – наверное, инстинктивно – вновь выбрали место, как нельзя лучше подходящее для задуманного Учителем.

Но сейчас, так или иначе, ему нужно пройти. И он пройдёт.

Под копытами жеребца начала разворачиваться тропа, однако медленно и словно бы нехотя. Разворачивалась и сразу же гасла за спиной, не держалась; и всё время норовила свернуть влево, уткнуться в волны сизой мглы.

После того как пришлось в четвёртый раз исправлять её путь, Хаген не выдержал. Слез с седла, выдернул меч и осторожно зашагал к краю оврага, тотчас же придвинувшемуся с жадной готовностью.

Кто там прячется – уже не так важно. Межреальность огромна, никто не похвастается, что знает наперечёт всех её обитателей. Куда важнее, кто дерзнул шутить шутки с ним, Хагеном, таном Хединсея (тан – он тан навсегда).

Ученик Хедина застыл на краю заполненной туманом котловины. Велика... и всё растёт. Торчат над волнами мглы руки-ветки живого леса, словно затопленного половодьем, и кто-то беспрестанно снуёт, шмыгает, шевелится – там, под непроглядным одеялом клубящейся хмари.

Снуёт и шмыгает, но наверх благоразумно не лезет.

«Ну и не лезьте, не нужны вы мне здесь».

Хаген никогда не считал себя «чародеем». Его путь изменён Зерном Судьбы, и способности пришли с этим изменением. Сейчас же он настойчиво искал, кто же направил ищеек на его след, направил так ловко, что на нём самом не повисло ни одного следящего заклинания.

Это трудно – как сотворить такое, так и отыскать сотворившего. А труднее всего – не дать ему узнать, что ты его разыскиваешь.

Посмотрим, кто кого.

Коротким ударом Хаген вогнал меч прямо себе под ноги. Отступил на шаг и приготовился.

Вонзённый в ткань Межреальности меч сперва оставался неподвижен, затем слабо дрогнул несколько раз, по лезвию вверх от острия к эфесу бежали алые струйки, словно кровь.

У каждого, кто сам способен пересекать пространство между мирами, есть свой собственный магический запах, как есть запах обычный у всякого зверя или человека. На него можно навести, притравить по нему, но и этого не сделаешь так просто. Надо знать, на кого притравливаешь своих тварей; надо точно знать, кто кроется под личиной целителя Динтры.

Рассуждения эти Хагену с каждой минутой нравились всё меньше и меньше.

Учитель отправил его в Долину во многом и потому, что знал: на этот лакомый кусочек, подобно мухам на мёд, неизбежно слетятся всякого рода авантюристы наподобие Сильвии Нагваль, с Хаосом в крови или же без него. Явятся изгнанные короли, алчущие трона младшие дети правителей, не пройдут мимо разнообразные искатели приключений – маги Долины протапывали тропы через Межреальность во многие близкие миры, так что по ним мог путешествовать даже не слишком опытный чародей.

Именно так добирались до знаменитой Академии её студенты и студентки.

Самый разный народ мог шастать в Долину и из неё, но кто мог догадаться о том, кто скрывается под личиной Динтры, если это оказалось не по зубам самому мессии Архимагу?

Или он, Хаген, даёт себе увлечься лишь одной стороной дела, одним привычным обстоятельством? А что, если никто не засылал никаких прознатчиков в Долину, никто не накидывал на него никаких чар, а он столкнулся с чем-то совершенно новым, необычным и непонятным?..

Такое ведь тоже случалось. Взять хоть ту же Войну Ангелов. Никто не верил, а она взяла и произошла...

Меч подрагивал, вокруг эфеса сгустилось облачко алых капель. Хаген искал следы чужого взгляда, чужих чар и ничего не находил.

Наконец он со злостью выдернул меч, красные капельки разлетелись в разные стороны, словно стайка мошкар.

Простое, понятное и известное не сработало. Чары, полученные когда-то от Учителя и усовершенствованные за долгие годы в Долине, оказались бессильны. Всё в порядке, уверяли они, а Хаген знал наверняка, что нет, всё далеко не в порядке.

Заклятия не лгали, они просто больше не годились. В Упорядоченном появился тот, кто играючи или не очень, но обошёл, обманул чары, сотворённые Истинным Магом.

Хаген не сел в седло, и тропа Междумирья больше не разворачивалась перед ним. Ученик Познавшего Тьму повёл плечом, махнул для пробы пару раз мечом и, не оглядываясь, зашагал напрямик в заполнивший котловину густой сизый туман.

* * *

– Это здесь, господа маги.

Мир лежал под ними, укрытый густым облачным покрывалом. Там, похоже, всё серое, мглистое, туманное. И сырое. Скорее всего – сырое.

Сильвия невольно вспомнила Радугу. Красный Арк традиционно считался «мастерами огня», хотя сырости в подземельях это не убавляло. О других же орденах и говорить не приходилось. Мокрицы, ползающие по стенам, плесень, темновые грибы и прочие прелести.

«Почему я вспоминаю эту чушь? Мне надо думать, чтобы никто из моего воинства не разбежался, не исключая и Гильдию Боевых Магов. Эвон, как Эмплада опять зыркает; её б воля, точно всадила бы мне огнешар в спину».

Клара-то Хюммель, та уж наверняка бы всадила... Хорошо всё-таки, что она убралась из Долины куда подальше, в какие места – Сильвия и знать не желала.

Никаких порталов и найденных троп – отряд пробирался к миру-цели глухими окольными путями, лишь самую малость меняя им направления. Недоумения нарастали, Сильвии пришлось гаркнуть, что, мол, тут засели те, кто давным-давно следит за Долиной, подсматривает и подслушивает и кто знает, что они там способны учуять?.. Может, даже супружескую измену достопочтенных чародеев и чародеек!

Сразу несколько достопочтенных чародеев (как, впрочем, и чародеек) обнаружили известное беспокойство.

Развёрнутый свиток в руках Сильвии налился лиловым, на пергаменте проступили контуры горной цепи, крепостных стен, низких лесов, карабкавшихся по склонам, – всё тусклое, подёрнутое фиолетовой дымкой.

– Нам сюда, вот в это горло долины, меж двух склонов, – показывала Сильвия. – Сторожевые башни здесь и здесь, здесь – ворота. Нужно прорваться внутрь, и дальше – только прямо.

– Куда «прямо»? – каркнула Эвис Эмплада. – Внутрь прорвёмся, а дальше куда?

– Прямо, я же сказала, – холодно отрезала Сильвия. И добавила, подхваченная внезапно нахлынувшим вдохновением: – Они сами придут к нам.

– И чем они нас встретят? – не отступала Эвис. – Распорядительница, я, как глава Гильдии Боевых Магов, настаиваю...

– Если бы с вами не было меня, милая Эвис, – промурлыкала Сильвия, – твои опасения были бы оправданны. Но я здесь. И я пойду первой.

Эмплада демонстративно пожала плечами и опустила на лицо забрало. Её примеру последовали и остальные девять магов её гильдии; все они облачились сегодня в тяжёлые доспехи, не пренебрегая ни талисманами, ни амулетами, ни зачарованными кирасами.

Сильвия, напротив, не взяла с собой ничего. Лёгкая серебристая кольчужка, больше как символ её положения, голова непокрыта. На пояс она повесила кинжал, преподнесённый оставшимся в долине Джаакомо Бенци: вечно рвущийся с эфеса язык пламени.

Красивая, эффектная, но не слишком полезная вещица. Против Динтры он бы не помог; впрочем, там не помог и Хаос.

– За мной, – она шагнула на круто уходящую вниз тропу, спиралью ввинчивающуюся в верхние сферы мира Читающих Заклятия.

...Да, здесь нет почти ничего, кроме тумана. Облака, казалось, опускались к самой поверхности, влажные, рыхлые, косматые. Отряд Сильвии оказался на узкой дороге, мощённой серым камнем; справа и слева вздымались коричневые склоны, по ним карабкались карликовые, кривые, какие-то примученные деревца. Заросли, впрочем, были достаточно густы, чтобы так просто туда соваться.

Вокруг пусто и тихо, где-то в тумане негромко журчал ручеёк. Сильвия заглянула в свиток.

– Туда.

– Дозорное заклиание? – вполголоса осведомилась Эвис.

– Никаких заклятий. Приближаемся, словно мы самые обычные смертные.

Они шли через туманную пустоту, по мёртвой дороге, под неумолчный аккомпанемент бурливых ручейков, невидимых в густых зарослях.

– Здесь никто не ездит, – негромко проговорил Эгмонт. – Камни как вчера уложены. Даже намёка на колеи нету.

– Колеи на камнях? – наивно удивился кто-то из погодников.

– Именно, – кивнул Мелвилл. – Следы всё равно остаются.

«Погодники, похоже, вообще под ноги себе смотреть разучились».

Склоны мало-помалу становились всё круче, заросли – гуще. С тоскливым скрипучим криком пролетела какая-то тварь с перепончатыми крыльями и раздвоенным чешуйчатым хвостом, кто-то осторожно шуршал в кустах, но заступить дорогу магам никто не решился.

Вскоре по обе стороны на поднимавшихся всё круче кряжах стали видны сторожевые башни; тонкие, высоченные, оцетинившиеся бессмысленными остриями шпилей; иные торчали вертикально, иные же – параллельно земле так, что всё строение напоминало утыканную гвоздями палицу.

– Не останавливаемся, – прошипела Сильвия. – Идём как ни в чём не бывало! Никаких чар!

Маги переглядывались, но команды «госпожи распорядительницы» выполнялись всеми, даже строптивой Эвис Эмплада.

Дорога бежала теперь прямо, по всё сужающейся долине, и впереди уже виднелось нечто вроде странной, построенной волною стены, верх которой тоже покрывали игольчатые острия высотой в рост человека.

Но непохоже было, что всё это возводилось для обороны, для защиты от наступающих армий, с осадными башнями, стенобойными таранами и прочей снастью; Сильвия ощущала, как ворохнулся Хаос внутри, словно верный пёс, почуявший опасность.

– Все всё помнят, как действуем, – коротко бросила Сильвия, уже приближаясь к наглухо запертым воротам.

Здесь хватало силы, обычный мир, открытый течению великих живоносных рек. Однако крылось тут и что-то ещё, особое, непохожее, к примеру, ни на родной Мельин, ни на Эвиал. Какие-то небольшие, почти неощутимые возмущения тут и там, то возникающие, то пропадающие; воронки, круговороты, струи, что куда быстрее соседних; и, напротив, внезапно возникающие области неподвижности.

Это ощутила не только Сильвия. Маги крутили головами, кто-то невольно поёжился, но приказ никто не нарушил.

Ворота тоже не такие, как в нормальных, уважающих себя крепостях, – более похоже на решётку, сложное плетение, петли и кресты. За воротами, как и говорил Динтра, уходит в подгорную тьму неширокий коридор.

И по-прежнему никого живого, кроме так и не показавшихся мелких существ в зарослях.

– Распорядительница, – прошипела Эвис, не снимая руки с эфеса. –

Это западня. Не будь я глава Гильдии Боевых Магов!

– Западня или нет, – холодно отрезала Сильвия, – мы идём вперёд. И не забывайте, что я с вами.

Эмплада скорчила гримасу.

– Мы тут торчим на виду, и на всё про всё хватит сотни арбалетчиков...

– Но здесь нет арбалетчиков, – Сильвия вглядывалась в темноту за решётчатыми воротами. – Приготовьтесь, я снесу створки, и все сразу внутрь! На их месте оставляем иллюзию. Помните? – она обернулась к чародеям соответствующей гильдии, и те поспешно закивали.

– Мы готовы, госпожа распорядительница Совета.

«Вот это уже гораздо лучше».

Сильвия шагнула к воротам. Солидная работа, хорошая, хотя и не гномья; серое железо кажется пористым и непрочным, но это только на первый взгляд. Жгуты его туго свиты и прокованы множество раз, защищены, само собой, чарами...

Но какие чары устоят против Хаоса?

«Недавно нашлись такие, что устояли, – со злостью на саму себя подумала Сильвия. – Надо было знать, на кого можно поднимать руку, а на кого нет!»

Тем не менее сейчас, повинуясь её воле, Хаос послушно потёк вперёд незримыми струйками, отталкиваясь от воли своей хозяйки, проскальзывая между мельчайшими частицами Упорядоченного; коснулся прутьев, оплетая их, словно выюн – поваленные стволы в чаще.

Сильвия ощущала его нетерпение и жажду, жадность и неутолимое стремление разрушать; да, в этом они были с ним очень похожи.

...По серым извивам решётки побежали быстрые чёрно-багровые огоньки, и железо начало распадаться. Оно не «сгорало», оно просто улетучивалось, Хаос тратил ничтожную часть себя, уничтожая преграду.

Ворота дрогнули, и Сильвия готова была поклясться, что они на миг скорчились от боли, словно человек, в которого вонзили раскалённое докрасна лезвие. Решётка расползалась и таяла, открывая проход; дочь Хозяина Ливня молча махнула рукой, первой ринувшись в темноту.

Неяркий свет быстро мерк за спинами магов, тоннель с гладкими, отполированными до блеска стенами быстро уводил вниз.

Двое чародеев-иллюзионистов задержались; воздух в проломе задрожал, качнулся, и взорам предстали целёхонькие ворота, какие высились тут от века.

«Едва ли это поможет – если здешние обитатели и впрямь способны

читать чужие заклęcia, но пусть будет. Во всяком случае, магам так привычнее, увереннее себя чувствуют...»

Тоннель вокруг тонул в крошечной тьме.

«Если это и в самом деле крепость и нас поджидают, то смести всех можно одним ударом».

Хаос был совершенно согласен. Получив изрядную толику свободы, он плясал, окружая Сильвию незримой сферой тончайших своих вибрисс. Хаос ждал, и последней из Красного Арка казалось, что он – в жадном нетерпении.

Никто из магов-спутников Сильвии, слава всем силам, не прибег ни к каким заклęciaм света. Вспыхнули старые добрые факелы, вырвав из темноты гладкие стены подземного хода.

Тоннель вёл слегка под уклон, и чем дальше, тем сильнее ощущалась странная, ни на что не похожая аура этого места; хотя, пожалуй, даже не только «места», а всего этого мира.

Впереди словно бились – все вразнобой – сотни и сотни живых сердец, только перегоняли они не кровь по жилам, а незримую и не осязательную ни для кого, кроме магов, силу. Хотя, оспорила себя Сильвия, были здесь и многие «жилы», уходившие куда-то глубоко, к самому центру мира. И было здесь что-то ещё, другие устройства, тоже во множестве, словно натянутые струны, реагирующие на мельчайшие колебания магии; и другое было тоже, но определить, что оно и для чего, на таком расстоянии у Сильвии не получалось.

Ещё немного.

Впереди сгущалась темнота, и не просто темнота как «отсутствие света», но тяжёлая, кажущаяся маслянистой и вязкой завеса. Факелы тонули во мраке, словно в бездонном колодце.

Вторгшихся по-прежнему никто не пытался остановить.

Сильвия жестом велела своим оставаться на месте. Действуя по наитию, шагнула к преграде, выхватывая из ножен пламенеющий кинжал.

Взмах – и завеса послушно лопнула, раздвигаясь перед ней, в глаза хлынул внезапный яркий свет, открылось неоглядное, необозримое пространство, заполненное сияющими жемчужно-серым светом шарами. Они не парили в воздухе – крепились к теряющемуся во мгле потолку надёжными и толстыми цепями.

И угловатые, изломанные тени, кажущиеся сейчас совершенно бесплотными, что застыли у этих шаров.

И сами шары, где среди серебристой субстанции то и дело зарождались, начинали тянуться, ветвиться, множиться, расти тёмные

прожилки. Темнота то и дело заполняла почти весь шар и вновь исчезала, уступая место жемчужно-серой клубящейся дымке.

Кто-то из магов слабо охнул, Эвис Эмплада вскинула наперевес клинок, примеру предводительницы последовали остальные из её Гильдии.

Сильвия замешкалась. Почему старый волк не обсказал ей всё в деталях?! Почему она должна лезть сюда, словно слепой котёнок, ничего не зная, наобум?!

Хватило одного взгляда на шары, чтобы понять – они-то и есть то самое, что так сильно интересует «лекаря Динтру». Хаос, что она носила в себе, жадно потянулся к шарам, ему передавалось их неосязаемое содроганье, в такт растущим и опадающим тёмным росчеркам.

Но с кем тут сражаться? Кого повергать? Кому приставлять кинжал к горлу? Вот этим теньям? Как велел Динтра? Чтобы никто, кроме него, ничего бы не получил с этих шаров, никаких известий о сотворённых заклинаниях. Этого можно достичь, например, попросту их уничтожив, что, понятно, самое лёгкое. Но старый лекарь ничего не сказал насчёт «уничтожить». Он приказал – припомнила Сильвия – «тебе надо добиться, чтобы эти шары ничего и никому не выдавали. Чтобы никто, кроме меня, не мог ничего с них получить, никаких сведений».

Ему требовался контроль над ними, не просто уничтожение.

Бестелесные изломанные тени подбирались, меж тем, всё ближе и ближе, словно нимало не опасаясь пришельцев.

Это было, самое меньшее, глупо. А случай с Динтрой как раз и научил Сильвию не покупать на подобное.

Ладно. Пока не стало горячо, Хаос мы придержим.

– Эвис и твои, прикройте нас! Гильерме! Начинаем локацию, как условились!

Гильерме Торрес, из Гильдии Запретного Знания. Пожалуй, если кто в Долине и поддерживал её, Сильвию, на самом деле, так это они. Прежде всего потому, что госпожа распорядительница Совета немедленно приказала снять все и всяческие ограничения на их эксперименты, распорядилась выделить необходимые материалы и редкие реагенты, кои скупой Эрреас Трагне держал под спудом, оправдываясь «общей дороговизной и дефицитом бюджета». Гильдия Запретного Знания, хоть и небольшая числом, состояла из настоящих фанатиков знания, и притом именно «запретного» – рискованного, на самой грани дозволенного.

Им если золото и требовалось, так исключительно на закупки необходимого для их безумных экспериментов.

Гильерме подскочил к Сильвии, высокий, тощий, со впалыми щеками

и торчащими в разные стороны волосами цвета снега – не потому, что стар или натерпелся всяких ужасов, а как побочный результат некоего опыта, который он, как и принято у «запретников», проводил на самом себе.

Сейчас глаза его горели, он не думал об опасностях, а лишь что представляется прекрасный случай испытать какую-то хитроизмысленную формулу.

– Мне нужен этот шар! – маг ткнул пальцем.

Сильвия кивнула; угловатая тень преграждала дорогу, но пока что атаковать не спешила, как и остальные её собратья.

Эвис и остальные без споров и колебаний выполнили приказ. Может, им и не сильно нравилась новоявленная «госпожа распорядительница Совета Долины», но в бою ничего не остаётся, как держаться вместе. «Плохой приказ зачастую бывает лучше, чем отсутствие самого распрекрасного».

Сильвия ощутила их удар. Трое боевых магов атаковали хорошо, дружно, как положено, прикрывая друг друга и скорее отбрасывая сжавшуюся перед шаром тень, чем пытаясь уничтожить.

Тень поспешно втянула острые изломанные конечности, отскочила с проворством удирающего паука.

Во множестве шаров, заметила Сильвия, распустились чёрные цветки из тончайших, сложно переплетённых нитей – словно в единый миг изобразив молниеносную копию сотворённых чар.

Гильерме приник к шару, быстро, чётко расставлял какие-то кристаллы, выкладывал меж ними мелкие тёмные камешки с выгравированными на них рунами.

«Сколько инструментов. Непрактично. Опасно. Очень легко всё порушить...»

– Прикрываем его, прикрываем все! – зло крикнула Сильвия. – В круг, встали в круг!

Но маги и так знали, что делать. Боевые во главе с Эвис держались возле самого шара, иллюзионисты уже творили нечто для отвода глаз. Сильвия не была уверена, сработает ли это здесь, где местные хозяева умеют читать заклинания, но пусть себе будет.

Пальцы Гильерме мелькали, как у музыканта-виртуоза. А сам он напоминал сейчас внимательного лекаря, хлопчущего над пациентом, в роли какового выступал громадный шар, заполненный жемчужными бурлящими клубами.

Тени сгущались вокруг, наползали друг на друга, сливались, разделялись и сливались вновь. Их становилось всё больше и больше;

подёрнулись дымкой шары в отдалении. Никто пока не нападал; хозяева этого места словно бы изучали дерзкую кучку вторгшихся.

Сильвия тоже ждала. Место это удивляло её всё больше и больше; если здесь и впрямь умеют читать все творимые заклятия, то почему же при таком-то могуществе тутошние обитатели пребывают в неизвестности? Зачем им это «считывание»? Зачем это знание? Продают тем, кто даст сходную цену? И эти тени вокруг, в которых безошибочно угадывается разум с волей – истинные ли они хозяева жемчужных шаров? Или просто слуги?

И как вышло, что на такое роскошное место никто из сильных мира сего не наложил лапу? Почему Волк отправил сюда именно её, Сильвию?

«Почему?»

Она вздрогнула, не сразу осознав, что это звучит в её сознании заданный чужим голосом вопрос.

«Почему вы здесь?» – холодно и безо всяких чувств.

Ага. Переговоры – это всегда хорошо.

«Это место нужно пославшим меня», – коротко ответила Сильвия без слов. Она не сомневалась – её услышат. А ещё она не сомневалась, каким будет следующий вопрос.

Так и случилось.

«А кто есть пославшие тебя?»

Сильвия усмехнулась про себя. Правда, если эти существа способны читать мысли...

Тем не менее она, как могла чётко, представила себе истинную личину лекаря Динтры – или Старого Волка, как она стала его звать.

«О-о-о... – изумлённо протянул голос в её сознании. – Хаген, тан Хединсея, ученик великого Хедина!»

Хаген, тан Хединсея, ученик великого Хедина... Слова вбуравливались в память Сильвии, чтобы остаться там навсегда.

Да. Это поистине великие силы. И наверняка те самые, на которых проектировал свою ловушку мессир Архимаг, и не о них ли те материалы, которые теперь у неё, Сильвии...^[2]

«Да, именно так! – со всей возможной суровостью заявила она мысленно. – Хаген, тан Хединсея!.. И лучше б тебе не спорить со мной, его доверенной посланницей!..»

«Нам горько узнать, что великий Хедин гневается на нас, – прошипел бестелесный голос. – С давних времён ведётся меж нами дружба; и никогда не случалось раздора!.. Отчего же он решил покарать нас?»

Этого Сильвия, понятное дело, сказать не могла.

«Не нам обсуждать волю великого Хедина! – отрезала она, и верноподданническому пылу в её мыслях оставалось только позавидовать. – Её надлежит выполнять, немедля и беспрекословно! А воля его проста – ему угодно, чтобы никто, кроме лишь ученика его Хагена, не получал бы никаких известий отсюда!»

Молчание собеседника показалось Сильвии растерянным.

«Великий Хедин требует, – повторила она, – дабы никто не узнал бы ничего из вычитанного в этих шарах!»

«В своё время мы помогли великому Хедину, – нашёлся наконец голос. – Мы помогли ему сделаться тем, кто он есть сейчас. Мы хотим говорить с ним, а не со слугами его слуг».

«Очевидно, великий Хедин весьма разгневан и лишил вас своей милости. Покоритесь его воле!»

Молчание, на сей раз куда более длительное.

«Мы хотим услышать повеление великого бога из его собственных уст. Тогда мы покоримся его воле».

Этого и следовало ожидать.

Круг замыкался, однако Сильвия предприняла ещё одну попытку.

«Не тебе, безымянный, ставить условия всемогущему богу. Говорю тебе, он лишил вас своей милости. Быть может, ваши шары показали что-то тем, кому показывать были не должны?»

Последнее она бросила совершенно наугад.

Ответом внезапно стало яростное шипение, словно от клубка разъярённых змей, и последняя из Красного Арка поняла, что попала в точку.

«Поэтому и гневается на вас всезнающий Хедин! – понеслась она по волнам вдохновения. – Велики ваши вины пред ним, и надобно вам пасть ниц, умоляя о прощении!.. А пока что – выполнить его волю, каковую я вам только что повестила!..»

Молчание. Сильвию окутала глубокая злая тишина, та самая, за которой непосредственно следует свист стрел или ревущее пламя.

Она успела выкрикнуть слова команды, прежде чем все шары вокруг заполнил хаос мечущихся тёмных росчерков, а Гильерме и вовсе полетел вверх тормашками, оказавшись слишком близко к блестящему жемчужному боку загадочной сферы.

Да, шары послушно показывали творимые вокруг них чары; конечно, разобраться здесь не сумела бы и вся гильдия Запретного Знания. Темнота рухнула на сгрудившуюся кучку волшебников, словно исполинская ловчая сеть, и в дело пошли привычные, знакомые заклятия Эвис Эмплады со

товарищи.

К подобному боевые маги Долины готовились всегда и сейчас не растерялись.

Над головами отряда Сильвии распустился мерцающий цветок отражающих заклятий, на кончиках мечей самой Эвис и Эгмонта заплясали багряные огоньки. Мрак распался на множество лоскутов и длинных лент, словно простыня, исполосованная кинжалами; они падали на каменный пол, оборачиваясь змеевидными, сотканными из тьмы существами.

Маги рубили их деловито, сноровисто, к товарищам Эвис по гильдии присоединились и остальные.

Гильерме меж тем, придя в себя, с редкой выдержкой продолжал двигать свои руны с камешками, словно пытаясь решить какую-то сложную головоломку. Оскалившись, он медленно вёл рунир, с силой вдавливая его в пол, словно полируя неподатливый камень; изнутри шара к его оболочке потянулась тёмная ниточка, как будто отвечая.

Но куда больше Сильвия вслушивалась сейчас в собственные ощущения и в то, что чуял Хаос в ней. Его незримые нити продолжали вытягиваться, с редкостной и как будто бы не свойственной Хаосу осторожностью. Тени – здешние хозяева – исчезли, как сдутые ветром сухие листья; растворились в окружающей Сильвию темноте, которую Эвис и остальные азартно поражали сейчас огнешарами и короткими, удерживаемыми в узде молниями.

Эхо катилось подземельями, и Хаос послушно являл своей носительнице увиденное.

Мелкие дрожания, колеблющиеся в такт клубящейся черноте шаров струны – она ощутила это, с внезапно забившимся сердцем.

Да! Слушали! Этот мир уже не принадлежал самому себе!..

В этом она не сомневалась.

Однако кто же те, кто теперь тут распоряжается? И как выполнить приказ Хагена, «тана Хединсейского»?

Решение пришло само – отыскать истоки этих нитей и жил; отыскать и рассечь. А там видно будет.

Она, Сильвия Нагваль, последняя из Красного Арка, докажет всем, что дед не понапрасну тратил время, её обучая.

Сильвия старалась не вспоминать Мельин, родную башню своего ордена, сурового деда, у которого всякая вина была виновата – но именно что «старалась». И всё равно проскальзывало что-то вроде «деду бы это понравилось», «отец бы гордился», «мама бы похвалила».

Вот и сейчас – «деду б точно понравилось».

Распустить незримые усы-нити Хаоса, подчинив его собственной воле, заставить их, ничего не касаясь, проскользнуть меж самыми мелкими частицами Упорядоченного, туда, откуда начинались эти жилы, и...

«Поговорим, волшебница».

Голос был нов. В отличие от бесплотных шептаний здешних призраков – уверен, спокоен, полон жизни. Приятный и сильный, чуть низкий, мужской.

«Я здесь, неподалёку, – сообщил голос. – Не беспокойся за своих подданных – они будут заняты какое-то время, нас никто не услышит. Ну, и большого ущерба они не претерпят тоже, никому не нужны зряшныя кровопускания».

«Кто ты?» – подобралась Сильвия.

«Человек. Такой же, как и ты. Волшебник. Правда, происхождение подкачало – ты из благородных, я же родился в трущобах. Впрочем, надеюсь, нам с тобой это не помешает».

«Чему не помешает?»

«Разговору, – терпеливо пояснил её собеседник. – Прости, что не могу явиться тебе в истинной плоти, пока не могу. Но имя своё назову, хотя едва ли ты о нём слышала. Кор Двейн, чародей, к вашим услугам, досточтимая госпожа Сильвия Нагваль, наследница ордена Арк из славного Мельина!»

Этот неведомый тип знал о ней слишком много. Уж не от того же Хагена ли, тана Хединсейского?

«Что ж, привет и тебе, чародей Кор Двейн, хотя мне о тебе ничего не известно. Но уверен ли ты...»

«Уверен, – властно перебил он. – Магам Долины ничто не угрожает, их просто свяжут боем на время, пока мы не договорим. Не бойся, никто не пострадает, несколько ожогов или синяков не в счёт, разумеется».

«Тогда к делу, чародей Двейн».

«К делу, чародейка Нагваль, – усмехнулся собеседник Сильвии. – Собственно говоря, я предлагаю тебе оставить то, за чем ты сюда явилась. Это ни к чему. Уверяю, мы сможем предложить тебе куда больше, чем пославшие тебя сюда».

Ка-ак интересно.

«И кто же послал меня сюда, чародей Двейн? Ответь, докажи, что по праву предлагаешь мне сделку!»

«То, что я ощутил повинующийся тебе Хаос, – достаточно, уважаемая волшебница Нагваль?»

«Откуда тебе известно моё имя и кто я такая, чародей Двейн?»

Сильвии всё это не нравилось, крайне не нравилось.

«Так уж получилось, что я – мы с друзьями – следим за Долиной Магов, – почти извиняющимся тоном ответил невидимый собеседник. – Само собой, такое событие, как появление новой правительницы, не могло пройти незамеченным. Наши осведомители отправили соответствующее донесение, за которым последовали и другие. Великолепный успех с этим мирком, как его, Джерло, Джерело? – не важно, впрочем. Успех, повторю, отменный. Не так уж трудно было обнаружить после этого выступление вашего отряда; очень скоро я убедился, что вы направились именно туда, куда я и подозревал. А что же до тех, кто вас отправил... Обращаясь к хозяевам этого места, ты назвала имя могучего бога Хедина, ещё прозываемого Познавшим Тьму. Сказала, что он сильно разгневан на здешних обитателей. Достаточно ли мной сказанного, чтобы ты согласилась на переговоры со мной, достойная волшебница?»

«Переговоры о чём?»

«Конечно же, о том, чтобы присоединиться к нам».

«К кому это – вам?»

«Нам, чародеям, борющимся за сво...»

«Не надо дурить мне голову сказками, Двейн, – желчно перебила Сильвия. – Всех и всяческих борцов за свободу надо отдавать на острые опыты чародеям-вивисекторам. В моей Долине Магов никакой борьбы за свободу не будет. А коли появится – поверь, я знаю, как с ней разбираться».

«Но сама-то ты служишь, не так ли? Новым Богам, я прав? Разве ты не хочешь быть сама себе хозяйкой?»

«Мои желания – моё дело, Двейн. Я так понимаю, следующей фразой ты поведаешь мне, что это место – под твоей защитой и мне следует убираться отсюда, поджавши хвост?»

«Гм. Это несколько поспешное суждение, – кажется, волшебник слегка смешался. – Я не хозяин этого места, не буду начинать знакомство со лжи. Я просто помогаю здешним обитателям. Не за просто так, конечно же, но – помогаю. И Новые Боги мне не хозяева. Тем не менее я считаю, что маги не должны никому служить, даже богам, и особенно – богам. Нам нужна сво...»

«Хватит, Двейн. Я уже всё поняла. Ты предлагаешь мне изменить великому богу Хедину и переметнуться на твою сторону, борцов за эту самую „сво...“. Так вот, Сильвия Нагваль никому не служит, а поступает так, как считает для себя полезным и нужным. Хочешь говорить – приходи ко мне в Долину, я приму тебя. А пока что...»

«Мне жаль, – вздохнул говоривший. – Мне казалось, мы сможем договориться, волшебница Нагваль. Кто бы мог подумать – наследница

гордого ордена Арк на посылках у тиранов и выскочек, захвативших власть во вселенной и творя...»

«Это не важно, – перебила Сильвия. – Я сделаю то, для чего явилась сюда».

Вновь вздох.

«А если мы попытаемся тебе помешать? Не понарошку, как сейчас, а по-настоящему? Уверяю тебя, Нагваль, у нас есть чем тебя удивить, несмотря даже на тот Хаос, что ты носишь в себе».

Конечно, на это она не рассчитывала, и Хаген, тан Хединсея, не рассчитывал тоже, отправляя её сюда. Быть может, ей следует...

Сильвия внезапно вспомнила взгляд Старого Волка. Нет, этот не простит измены, и ему не докажешь, что всё это «в его же интересах». Древняя сталь не ведаёт таких тонкостей.

Он убьёт её безо всяких разговоров.

И хорошо, если просто убьёт, если после этого её душа освободится, последовав к предназначенному посмертию.

«Госпожа Нагваль?..»

Сильвия не ответила. Незримые щупальца Хаоса тянулись сквозь воздух, воду и камень – с равной лёгкостью. Где этот говорун Двейн, где он прячется?.. Или неведомый маг куда хитрее, и здесь у него какой-нибудь кристалл, или портал, или что-то ещё, позволяющее видеть на расстоянии и так же мгновенно отвечать?

Постой, постой... что это, сжавшееся тугим клубком отпорных заклятий, да таких, что и Хаос не сразу прошибёт?

И близко не подобраться, почует...

Да, такого на испуг не взять, сильный чародей, сильнее любого командора Радуги, даже, наверное, сильнее отца. Эх, фламберг бы сейчас, наследственный...

Но фламберга не было, а Сильвия Нагваль, последняя из Красного Арка, давно научилась сражаться тем оружием, что под руками здесь и сейчас.

Хаос втянул усы-вибриссы, сжался послушным клубком, словно диковинный боевой кот, готовый броситься на врага по первому знаку хозяйки.

«Досточтимая Сильвия?»

Нет, тебе не сравниться со Старым Волком, чародей. Если бы ты видел ту сталь в глазах, абсолютно безжалостную, холодную, готовую на всё, то понял бы меня. А так...

«Господин Двейн, наша беседа подошла к концу. Меня ждут дела. И не

думайте, что сможете легко справиться со мной. Напомню, это не удалось целой Долине».

«Мне искренне жаль, госпожа Нагваль. Я мог бы ввязаться в драку, но... Попробуем сыграть, как вы предлагаете. „Явиться в Долину“, предлагаете вы, и говорить там? Что ж, отменно. Я приду. В знак моих добрых намерений – вы сейчас победите. То есть объявите о победе. Обитатели этого места какое-то время... воздержатся от своих обычных занятий. По истечении этого срока мы с вами встретимся в Долине и поговорим, как два цивилизованных человека, как настоящие маг и чародейка. Годится?..»

«Это уже лучше, господин Двейн. Приходите в Долину, мы поговорим. Как я вас узнаю?»

«Очень просто, – удивился чародей. – Я явлюсь к вам на приём, назвавшись своим подлинным именем, как Кор Двейн. Семь дней Долины, идёт?»

«Идёт...» – отказываться было глупо. Она должна понять, с кем имеет дело.

«Рад, очень рад. Тогда до скорой встречи, госпожа Нагваль. Вашим хозя... э-э-э... Новому Богу Хедину вы сможете отрапортовать, что его задание выполнено. Мир Читающих Заклятия будет замкнут. Во всяком случае, на время».

«Мне нужны доказательства. Пославшим меня тоже».

«Разумеется. Вы почувствуете, как наши... каналы, назовём их так, закрываются. Хаос в вас не даст мне соврать».

...И он действительно не соврал. Незримое, соединявшее мир Читающих Заклятия с теми неведомыми силами, которым, по мнению Хагена, не полагалось получать отсюда сведения, разъяслось и расточилось.

«Ты сможешь проверить, госпожа Нагваль. Я буду иметь честь явиться к тебе в назначенное время».

...Кажется, к концу разговора она просто лишилась чувств. Её трясли за плечи, кто-то даже плеснул воды в лицо, не прибегая к чарам.

– Распорядительная Нагваль! Сильвия!

Это Эвис Эмплада, проплыла мысль в раскалывающейся от боли голове. Проклятие, чем он меня?.. или ничем? Или я свалилась сама по себе?

– Что... тут... было? Я... их держала...

– Они нажимали, – быстро докладывала Эвис, тон её заметно изменился, став куда более уважительным. – Нажимали, большинство наших чар тонуло, мы мало кого могли зацепить. А потом ты,

распорядительница, что-то сделала... как тогда, в лесу, твоим огнём, и тени так и посыпались – один пепел.

– Ты их отогнала, госпожа распорядительница... – поспешил добавить кто-то.

Отогнала... надо же... а я ничего не почувствовала. Впрочем, ладно – проверить ещё раз, что там наговорил этот Двейн, и прочь отсюда. Домой. В Долину...

– Но, госпожа распорядительница! Мы только что добились такого успеха... такое место... небывалый артефакт... – разом загомонили все маги, и громче всех – Гильерме, так и просидевший всё это время рядом со своим шаром, обнимая его нежно, словно невесту.

– Ещё чуть-чуть, госпожа Сильвия! – умолял он, чуть не падая на колени. – Тут такое... такое... эх, хоть бы один в Долину перетащить...

«А на это никаких указаний не было. Лучше не рисковать».

– Н-нет... опасно, очень... оставьте всё как есть, Гильерме... поверьте, если б было можно...

– Ну хоть чуть-чуть поработать с ним тут, леди Нагваль! – не унимался чародей.

– Х-хорошо... Р-работайте...

«А у меня, может, хоть немного перестанет кружиться голова».

– Отлично! Спасибо, госпожа Сильвия!.. – Гильерме радовался, словно малыш новой игрушке, сразу же принявшись и дальше двигать свои рунные камешки, чертить новые фигуры и расставлять курительницы.

Эвис негромко отдавала распоряжения своим – Сильвия слышала краем уха, все дельные – охрана, дозорные чары, осторожное обследование всей этой пещерной системы... Молодец, пусть займётся.

Гильерме торопился, что-то лихорадочно записывал в большой кожаный журнал, обильно украшенный серебряными черепами и звёздами; заполненный жемчужным туманом шар отвечал чародею конвульсивными метаниями тёмных струй из глубины к поверхности, – словно змей, пытавшихся дотянуться до мага.

Сильвия кое-как повернулась, пытаясь устроиться поудобнее. Кто-то из чародеев подсунул ей пару заплечных мешков под голову, и было в этом простом жесте что-то такое, от чего госпожа распорядительница растерянно заморгала.

Не угодливость, не подхалимаж, не желание «чтобы заметили», нет, простая помощь товарищу, совершеннейший пустяк.

– Ага! Вот оно, вот!.. – Гильерме аж подскочил, затряс сжатыми кулаками, мол, смотрите все, какой я молодец.

– Шары записывают возмущения магических потоков... и как-то ещё у них налажена селекция, отстройка от фона и случайных возмущений... невероятно, просто невероятно, коллеги! Нам бы такой в Долину, хоть один!..

– Тут ещё субстанция наверняка важна, – подал голос кто-то, кажется, из иллюзионистов. – Что за серебристая среда там внутри, а, Гиль?..

– Не разобрался ещё, – тот аж прикусил губу, вновь принявшись двигать свои рунные камешки. – Но на перемещения концентраторов в эпсилон-окрестности реагирует вполне предсказуемо. А если эпсилон у нас будет стремиться к нулю...

– Ага, и я тебя тогда в этот шар запишаю лично! – предупредила увлечёвшегося адепта Эвис. – К нулю сам у меня устремись!

– Вот! Смотрите, смотрите все! – тот словно и не услышал. – Самый сильный сигнал, мне удалось его вычлениить на фоне всего остального...

Шар вдруг залила сплошная чернота, а потом на ней, словно на холсте под кистью живописца, стали возникать удивительные картины.

Сильвия увидела широкую панораму Мержеальности, так, словно смотришь с огромной высоты, но при этом различаешь, подобно парящему орлу, все мельчайшие детали.

– Очень мощный, очень чёткий выброс... – тараторил меж тем Гильерме, словно расхваливая товар на ярмарке. – Легко дешифруется, свёртка совершенно элементарная, раскрылась моментом...

«Надеюсь, госпожа Сильвия понимает, что здесь мы несколько помогли».

Всё тот же вкрадчивый голос.

«Пришлось попросить хозяев этого места, несмотря на пережитые ими унижения. Смотрите, госпожа Сильвия, шар являет вам чистую правду, даже нам при всём желании в его работу не вмешаться. Быть может, это подскажет вам... наиболее выгодное направление деятельности, если можно так выразиться».

Сильвия не ответила, однако незримый собеседник, похоже, и не ожидал иного.

«Смотрите, госпожа. Вам многое станет понятно».

– Что это, никак Междумирье?

– Далёкое, судя по всему...

– У меня в такой перспективе ничего не вспоминается...

– Совсем далёкое, ага. Сейчас... смотрю в каталог...

– Урбан, ты всегда таскаешь с собой кристалл с картами?

– Никогда не знаешь, когда и что может пригодиться, Эгмонт!

Сейчас... нет, господа маги, эти области не каталогизированы, никто из наших так далеко не заглядывал...

– Это сколько ж единиц, Урбан?

– Не знаю, я ж по иллюзиям, не по топологии Межреальности...

– Очень далеко, – перебила Эвис. – Очень далеко, невообразимо далеко, так далеко, как никогда не забирался ни один маг Долины. Все поняли? Теперь тихо, и смотрите!

– Какая чёткость... Гильерме, ты можешь это как-то, э-э-э...

– Он не может, я могу.

– Молодец, Эгмонт!

– Рад стараться, дорогая моя глава гильдии Эвис!

– Всё б тебе шутить...

В шаре меж тем неспешно разворачивалась картина множества миров, сейчас представавших россыпью голубых, зеленоватых или коричневых глобул. Извивы Межреальности заполнял многоцветный призрачный туман, сгущения его заставляли вспомнить о пролёгших там тропах.

Ничего особенного, конечно, но в таком ракурсе Междумирье Сильвия ещё никогда не видела. Завораживает, конечно.

Края картины тонули в непроглядном мраке, однако затем Сильвия уловила и там, во тьме, некое движение. Что-то надвигалось оттуда, и радужные переливы пространства угасали, серели, застывали, делаясь похожими на серый мох, покрывающий камни в северных тундрах.

– Что это?

– Видели? Видели? Мир – исчез?

– Там что-то зелёное мелькнуло...

Сильвия приподнялась, заморозенно вглядываясь в разворачивающуюся картину. Вот мелькает среди посеревшей, застывшей Межреальности голубоватая капля какого-то мира, а потом она вдруг меняет цвет, становится зеленоватой, словно драгоценный изумруд. И – гаснет, серое разливается вокруг, и вот уже мир неотличим от окружающей мглы.

А потом серое сменяется тёмным, и всё исчезает.

– Чепуха какая-то, господа чародеи...

– Ага, верьте больше этим шарам, таких волшебных картинок вам напоказывают...

Они не хотят думать, что это всё на самом деле, мелькнуло у Сильвии. Им проще убедить себя, что всё это иллюзия, обман, «артефактные явления магической трансляции» или что-нибудь подобное. Главное ведь – придумать название со сложными словами, и кажется уже, что всё просто и

понятно, хотя на самом деле конечно же нет.

«То, что вы видели, госпожа Сильвия, имеет место быть прямо сейчас, правда, очень далеко от вас и вашей Долины, на самых дальних пределах Вселенной. Там происходит небывалое – свёртывание самой Межреальности вместе с наполняющими её мирами. Сигнал действительно мощный. Читающие уловили его и поделились с вами. Скажите, госпожа Сильвия, ваш повелитель Хедин – осведомлён о подобном? Поделился ли он своим знанием с вами, отправляя вас сюда?»

«Великий Хедин сам решает, чем делиться и чем нет», – не стерпела Сильвия. Вот ведь дела, уже защищаю своего воображаемого «хозяина»!..

«Конечно. Но, в таком случае, спросите его об этом».

«А вы-то сами знаете, что это такое?» – резко бросила дочь Хозяина Ливня.

«Знаем, госпожа распорядительница Совета Долины. Знаем и пытаемся противостоять этому всеми силами. Игра в Упорядоченном разгорелась нешуточная, здесь множество сил, и у каждой – свои интересы. Мы же просто хотим, чтобы всё оставалось как есть. Такое вот у нас простое желание».

«Вы тратите на меня слишком много времени, досточтимый Кор Двейн».

«Поверьте, очень скоро я предстану перед вами самолично, как и было условлено. А пока что – досмотрите до конца. Весьма впечатляет, как мне кажется. Миры просто исчезают в совершенно новой для нас сверхупорядоченной среде, для чего у нас нет пока что правильных терминов. Самое простое уподобление – исполинский кристалл. Задумайтесь над этим, госпожа».

Задумайтесь, ага. Нашёлся наставник. Врёт, поди, что ничего об этом не знает, «нет пока что правильных терминов». Всё он видел, конечно же, а нам это показывает, чтобы сбить с толку и перетянуть на свою сторону. Зачем? Кто знает, может, требуется просто мясо, гнать в сражение – не важно, впрочем. Она, Сильвия Нагваль, хозяйка Долины и таковой желает оставаться. Поручение Старого Волка она выполнила... гм... э-э-э... ну, до определённого предела. Надо бы закончить.

Вот этим сейчас и займись, как только сможешь подняться.

– Всё, не удержать... – услышала она лихорадочное бормотание Гильерме. – Выпадает из фокуса... основной поток уходит...

Картина в огромном шаре дрогнула, всклубилась чёрным дымом и исчезла; всё вернулось, как и было: серебристо-жемчужное свечение, простроченное множеством хаотично разбросанных тёмных нитей,

сплетающихся, скрещивающихся, исчезающих и появляющихся вновь.

...Сильвия не повела свой отряд обратно в Долину сразу. Вместо этого они долго ползали вокруг загадочного мира, «мира серебристых шаров», как поэтично выразился всё тот же Гильерме, – искали те самые «каналы», что могли вести не туда и не тем и которые мог бы заметить тот, что носил личину Динтры.

Ничего не нашли. Мир и впрямь как мир, обычный... если не приглядываться и не знать, что скрыто в его пещерах.

И только потом, решив, что двум смертям не бывать, а уж от одной она как-нибудь отбиться сумеет, Сильвия велела возвращаться.

* * *

Хаген медленно спускался в заполненный туманом овраг. Бегло взглянешь вокруг – и не догадаешься, что в Межреальности, разве что деревья уж больно диковинные; ну да в разных мирах таких диковинок с презлихом.

Кто-то умело расставил в Междумирье капканы, ловушки именно на него, ученика Хедина. Наверное, Учитель смог бы разобраться, кто именно это проделал, а ему, хединсейскому тану, оставался только один способ, простой, но действенный.

Спуститься в овраг, шагнуть в западню, заставить её сработать – и посмотреть потом, кто явится за добычей. Так поступил бы Учитель. Рискованно, но после тихой и спокойной Долины душа Хагена просила именно риска и схватки грудь на грудь.

Туман поглотил их вместе с конём. Обычный маг, даже с опытом хождения по Межреальности, остановился бы, потому что не смог бы разглядеть и собственной вытянутой руки; Хаген невозмутимо следовал дальше. Обнажённый меч лежал поперёк седла.

...Сильвию Нагваль он отбросил сразу. Не её почерк, да и не способна девчонка пока на такое. Талант несомненный, силой не обделена, решительна, по-хорошему бесшабашна, но столь сложную западню ей не измыслить.

Что ж, посмотрим, что нам приготовили господа поимщики; Хаген хищно усмехнулся.

Щупальца сухопутного спрута, на манер уже встреченного? Железные челюсти капкана? Магическая волчья яма?..

Чем глубже, чем плотнее запечатывается такая ловушка, тем труднее её

замаскировать, тем труднее скрыть от умеющего *видеть*. Конечно, Учитель всегда наставлял и призывал быть готовым к невозможному и непредвиденному, но сейчас Хаген мог только полагаться на собственный здравый смысл и опыт Ученика.

Склоны сдвинулись, хединсейский тан ехал словно по узкому жёлобу, доверху заполненному молочно-белой мглой. Жеребец его, однако, шёл спокойно, больше не упирался; и Хаген невольно подумал, что капкан настораживали истинные мастера, позаботившиеся и о том, чтобы не пугать ездовых животных. Они только забыли, что скакун тана обладал куда более острым чутьём и неладное ощутил гораздо раньше.

Ядовитые испарения? Вылетевший из мглы смертоносный дротик с отравленным остриём? Упавшая сверху сеть?..

Хаген ждал.

Чувство направления у него не уступило бы таковому у подземных гномов; он знал, что движется по спирали, быстро приближаясь к центру.

Мудрят они что-то, подумал он, натягивая поводья. Что-то слишком сложно. Вот она, добыча, в тумане, ослеплённая, делай с ней, что угодно, а его вместо этого заставляют зачем-то наматывать круги по спирали, ведя... куда? К пропасти, к провалу, к какой-то хитроизмысленной хищной пасти?

Или – вдруг вспомнил он – появится некто, решивший предложить ему сделку?

Их ведь хватало – тех, кто мнил себя такими хитрыми, изворотливыми, «знающими человеческую природу». Начиная с волшебницы Сигрлинн, которую он тогда так ненавидел...

Прошло время, те чувства втянулись, подобно воде в песок; и, подобно воде в песке, они не исчезли, просто изменили вид.

Ведь вода, даже испарившись, всё равно остаётся водой. Пусть и незримой, незаметной простому глазу.

Спираль свивалась всё туже, всё гуще становился туман, и наконец Хаген натянул поводья. Липкая серая мгла, казалось, лезет в рот и ноздри, мешает дышать; конь встал как вкопанный, нагнул голову, готовый к бою.

Ученик Познавшего Тьму спешил и присел на корточки – рядом с копытами его скакуна материализованное чарами «ничто» Междумирья из всех сил пыталось притвориться обычной почвой, с травой и прочим; только «трава» здесь, конечно, была не просто стебельками и корешками.

– Покажи себя, – негромко проговорил Хаген на языке Долины. До поры до времени не стоило выходить из образа целителя Динтры, даже «сменившего внешность». – Ты ведь для того меня сюда вёл, правильно? Чтобы «поговорить»?

Туман ничего не ответил, только сгустился ещё больше.

Хаген опустился на одно колено, острое клинка погрузилось в плоть Межреальности, пальцы сплелись на эфесе. Со стороны могло показаться – рыцарь приносит обет перед походом; на самом же деле он сейчас напряжённо вслушивался в биения и вибрации живой силы, протекавшей через расставленную на него западню.

Ученик Хедина не прибегал к заклятиям. Он вбирал в себя свободно текущую силу, становился её частью; его собственная защита наготове, если противник таки решит обойтись без разговоров.

Подобно тому, как бурлит вода, набегая на камни в горном потоке, так по-иному звучала здесь и магия. Её голос тих, его не уловит даже опытный волшебник, но Хаген, тан Хединсея, настоящим чародеем никогда не был. Он был Учеником Истинного Мага, слепые и страшные силы отдали Зерно его Судьбы в руки Хедина, Познавшего Тьму, и Хаген стал Хагеном, свободным таном, кем, как он считал, оставался и посейчас.

Не колдуном, не шаманом, не малефиком, не варлоком.

Учеником Истинного Мага.

Таких больше нет, он последний.

У Наставника много подмастерьев, но это именно подмастерья.

А Хаген – один.

– Всё молчишь, – сказал он вслух колышущемуся туману. – Ну, молчи, молчи, что ж с тобой делать. Я бы предложил разойтись по-хорошему, но, видать, не судьба. Драккар слишком мал для нас двоих, как говорилось у танов.

Тишина. Чуть слышнее сделалось «бульканье» магического потока. Ловушка совсем рядом.

– Жаль, – поднялся Хаген. – Я долго живу на этом свете и давно уже понял, что исправить можно почти всё, кроме лишь снесённой головы. Из царства Хель не возвращаются. За малым исключением, но тем не менее.

Нет ответа.

– Предполагалось, – ученик Хедина не сдвигался с места, меч не дрожал в руке, – что я, не в силах обойти странное место, полезу дуром прямо через него? Ничего не пойму и вляпаюсь прямо в западню? Скверно ж вы обо мне думаете, даже как-то обидно. Мне нужно пройти, и я пройду.

...Нет, ничего.

Хаген пожал плечами, и его меч внезапно рубанул крест-накрест туман впереди, рассекая плотную молочную хмарь, и она послушно раздалась в стороны. Чёрная сталь доспехов едва слышно прошелестела в хорошо смазанных сочленениях; пространство вокруг ученика Хедина

стремительно очищалось.

Магия забурлила, взвихрилась вокруг него; Хаген не произносил никаких заклинаний, просто пришло в действие давно заготовленное и ждавшее только команды.

Неяркий серый свет озарил округлое пространство, со всех сторон стиснутое крутыми склонами; можно было подумать, что ты оказался в месте, где сливается несколько оврагов и ложбин. Скаты покрывала причудливая «растительность» Межреальности, однако – высушенная, мёртвая.

А в самой середине пространства застыл серый надгробный камень, на котором – лёжа на спине, руки скрещены на груди – так же недвижно застыло мёртвое тело.

Хаген сощурился, его клинок замер, готовый и отражать, и разить.

Он вглядывался в лицо мертвеца на сером камне.

Молодое, хищное, уверенное в себе лицо, пусть даже лишённое сейчас красок жизни.

Ученик Хедина не был удивлён, узнав в мертвеце себя юного.

Да, таким он был, когда они с Учителем впервые явились в Хедебю, собирать дружину и готовиться к первым походам тана Хагена.

Что ж, устроившие ловушку поистине постарались; однако говорить они так и не возжелали.

– Красиво, – хладнокровно сказал хединсейский тан, не сомневаясь, что его сейчас слушают. – Красиво, но бессмысленно. Сейчас этот мертвец поднимется и полезет на меня, потому что «нельзя победить себя самого», так? Видели, знаем.

Тишина, и неподвижное тело на поверхности то ли алтаря, то ли жертвенника не шелохнулось.

Хаген пожал плечами и взялся за поводья.

– Не торопись, хединсеец, – раздалось за спиной хриплое, и тан напрягся, невольно сжимая крепче длинный эфес.

Сколько ж времени он не слышал этого голоса, однако узнал всё равно в один миг.

Неспешно, сохраняя достоинство, ученик Хедина обернулся.

– Ты, как всегда, полон неожиданностей, Бран Сухая Рука. И ты совершенно не изменился. Завидное долголетие; как тебе это удалось?

Из тумана навстречу Хагену шагнула высокая, лишь на три или четыре пальца ниже его самого, широкоплечая фигура, в домашнем кожухе, простых сапогах; по-прежнему прижата к телу сухая левая рука, и по-прежнему висит на добротном поясе нож простой ковки, висит так, чтобы

дотянуться до него могла не правая, здоровая, а именно левая, сухая, кисть.

Всё так же глубоко морщины, изрезавшие лицо Брана; всё так же белые волосы. Словно лишь вчера встретились они с Хагеном на пороге лесного жилища Сухой Руки, встретились, чтобы Лесным Коридором пройти до полей Гнипахеллира.

– Мог бы и по-простому в гости зайти, – невозмутимо сказал тан, похлопывая по шее вдруг захрапевшего и зафыркавшего жеребца, которому пришелец явно не понравился. – Разве закрыты были бы мои двери для такого, как ты?

Бран не ответил. Он ступал медленно и осторожно, словно пробираясь топким болотом. Приблизился к не то надгробному, не то жертвенному камню, задержался, вглядываясь в молодое лицо мертвеца.

Хрипел, мотал гривой и тревожно пятился жеребец хединсейского тана.

– Говори, коль пришёл. – Хаген не опускал меча. – Говори, с чем тебя послали, что мне пообещать там у вас решено, а то мне недосуг.

– А ты забыл, хединсеец, чем кончилась наша с тобой последняя встреча? – хрипло осведомился Сухая Рука.

– Забыл или не забыл – не важно, – отрезал Хаген. – То таким быльём уже поросло, что...

– Ну да, – вполголоса и так же хрипло проговорил Бран. – Кто с нами рядом сражался – их и кости давным-давно истлели, и могильные камни, у кого были, во прах рассыпались. Горы дном моря стали и вновь из пучины поднялись. Куда ты торопишься, хединсеец? У нас с тобой впереди вечность.

– Вечность, – холодно сказал Хаген, – имеет обыкновение проходить очень быстро. Моя уже прошла, да и твоя, Бран, тоже. Не зря ж тебя из домовины вытащили да ко мне погнали.

– Не был я в домовине, хединсеец.

– Не был, значит, не был, – тан пожал плечами. – Говори, Бран, не тани. Не для воспоминаний ты ведь сюда явился, как я понимаю.

– Ты даже не спросишь, кто тут на камне?

– Какое мне дело? Я долго живу, Сухая Рука, милостью моего Учителя, и многое повидал. Меня подобным не удивишь, чарами и не такое явить можно.

Бран разочарованно покачал головой.

– Куда делся тот молодой и жадный до знания хединсейский тан, кого я вёл Лесным Коридором?

– Не важно. Правь своё посольство, Сухая Рука.

Однако тот отнюдь не торопился. Склонился над трупом, взгляделся пристально.

– Неужто не припоминаешь, откуда здесь это тело, хединсеец?

– Нет.

Хаген, при всём показном равнодушии и холодности, тоже не терял сейчас времени даром, напряжённо всматриваясь и вслушиваясь, пытаясь уловить малейшие биения живой силы.

И ему казалось, он начинает ощущать нечто, словно слабый след волн, расходящихся от режущего морскую гладь драккара...

– Помнишь Холм Теней, хединсеец?

– Может быть, да, а может быть, и нет. Что тебе в этом, Бран?

– Да вот, – Сухая Рука указал на мёртвого. – Это ж ты лежишь. Тот самый, с того самого холма. Когда ты одну из своих теней веточкой стёр...

[3]

– Веточкой? – усмехнулся Хаген. – Стёр? Я?.. Запомнил ты, Бран Из Ниоткуда, подвела тебя память-то. Ничего я себе не стирал, это ты сам, по твоим же словам, одну из двух теней себе убрал. А я-то всё оставил как есть. Получше сказочку придумай.

– Ишь ты, «сказочку». – Сухая Рука осторожно, даже бережно поправил сложенные у мертвеца руки, так, словно тело было ещё податливым и тёплым, не успевшим остыть и одеревенеть. – Какая ж это сказочка? Так всё и было... я тебе ветку сам сорвал да и протянул... ты и стёр...

Хаген молча покачал головой.

– Пустые слова, Бран. Говори, зачем пришёл, и закончим это. Не знаю, кому ты служишь, и знать не хочу. У тебя своё дело, а у меня своё.

– Забыл ты всё, хединсеец, – хрипел Бран, не глядя на Хагена. – Как тебе приказали, так ты всё и помнишь. Не хочешь вспоминать, как я убил тебя?

– Насколько я помню, всё было несколько не так. Я одолел, ты умирал и из последних сил ткнул в меня ножом. Однако...

– Однако мы оба вернулись. – Бран закончил перекладывать руки мёртвого. – Вернулись, потому что мы – то, что мы есть. Наши миссия не исполнена.

– Так исполни же её наконец! – Хаген терял терпение, и его оружие поднялось в позицию для атаки. – Это не тот меч, что некогда пробил тебе грудь, но...

– Как же это «не тот»? Очень даже тот! – нимало не смутился Сухая Рука. – Славная сталь сверху, а в сердцевине – всё тот же Голубой Меч,

перекованный, преображённый! Доброе оружие, хоть и в недобрых руках.

Вместо ответа клинок хединсейского тана с шипением взрезал воздух. Бран в последний миг успел неловко вздёрнуть сухую левую руку, жутко скривившись от боли; меч Хагена врезался в скрытое рукавом наручье, полетели искры, словно там не выдержало какое-то отпорное заклинание, наложенное не слишком умелым чародеем.

Противник хединсейского тана не удержался на ногах, упал. В следующий миг острие хагенского меча уже оказалось у горла поверженного.

Молодой ученик Хедина, наверное, не удержался бы от пафосных фраз; Хаген-нынешний молчал, глядя прямо в глаза упавшего.

– Если тебя прислал Золотой Дракон – пусть говорит. Если тебя прислал Демогоргон – пусть говорит. Кто бы ни стоял за тобой, Сухая Рука, им настало время отворить уста.

– Золотой Дракон или Дух Соборной Души – всё это прошлое, хединсеец. – Бран лежал на спине, сталь застыла у самого его горла, однако голос не дрогнул. – Ты так ничего и не понял за все эти века... ни кто я такой, ни почему пошёл против тебя, хотя тогда я сказал тебе чистую правду. Вы чёрный мор сущего, вы бичи нашей вселенной. Вы не верите простым словам и всюду ищите «слуг неведомых сил». А их нет!.. Их просто нет!..

– Отвечай толком – чего ты хочешь?! – гаркнул Хаген. – Чтобы я предал Учителя?! Переметнулся бы к вам?!

– Нет... – губы Брана, обросшие жёсткой седой бородой и усами, искривились. – Ты неисправим... как и твой «учитель»... Но я пришёл... заменить тебя. Исправить... многое.

Мертвец на камне шевельнулся, приподнял голову.

Хаген не удивился; он давно научился не удивляться подобному. И тем более не удивился он, когда стены молочно-белого тумана поползли на него со всех сторон, сжимая и сдавливая крошечный пяточок свободного пространства.

Он просто дал клинку погрузиться в горло Сухой Руки.

сил, навалившись на которую они с Ракотом и Сигрлинн вернут глыбу Упорядоченного в прежнее состояние, заткнув прореху Четвёртого Источника.

Ну и успокоив Старого Хрофта, конечно же.

Кипящий Котёл в безопасности, Ракот его так просто не уступит, его и Молодым-то Богам когда-то удалось отбить с огромным трудом. Источник Мимира был и остаётся нейтрален, с ним никому никогда ничего не удавалось сделать. Вдобавок там оставлена тем же Ракотом стража. Урд представлялся Познавшему Тьму самым слабым местом, и так же обязан был рассуждать и их противник – собственно, именно так он и рассуждал, иначе его армии не появились бы на подступах к Обетованному.

План был, конечно, рискован. Осторожность требовала прежде всего устранить именно Четвёртый Источник, причину магического дисбаланса всего Упорядоченного; однако именно на это, полагал Хедин, и рассчитывал его неведомый враг – на то, что Познавший кинется затыкать пробоину и залатывать прореху.

Хедин не кинулся.

Сейчас он старался не думать о размолвке с Сигрлинн и вообще о том, что могло случиться там, в возрождённом Асгарде. И ещё старался не думать о том, случайно ли на его пути оказался погибающий под дланью Спасителя мир; и о Законе Равновесия Хедин старался не думать тоже.

«Уподобляюсь братцу Ракоту, не иначе».

Однако марш продолжался, и ни Золотой Дракон, ни Белый Орёл не появились на его пути. Спаситель тоже сгинул, и армия текла сквозь Упорядоченное, точно большая, полноводная река. Обетованное приближалось, в стороне оставались миры, и Познавший Тьму точно знал, что он к ним вернётся – в небесах обитатели равнин, лесов, гор и морей видели торжественно марширующие бесчисленные воинства, воинства его, Хедина.

Пусть видят, пусть знают. К ним отправляются провозвестники и пророки, новоявленные глашатаи Познавшего Тьму. Время скрываться и пребывать в тени кончилось.

Хедин старался не задерживаться, однако порой он нет-нет да и спускался самолично в очередной мир. Ненадолго, а покидал он его с новыми сторонниками.

Путь Нового Бога, никак не Истинного Мага.

И всё это время Познавшего Тьму, не оставляя ни на миг, грызла одна-единственная мысль – так всё-таки что с его двойником? Что с ним самим, Хедином, возникшим на той грани Неназываемого, где законы

Упорядоченного перестают действовать?

Одно это, наверное, свело бы с ума весь Совет Поколения во главе с Мерлином времён его расцвета. Да и птицеглавые наставники, не сомневался Познавший Тьму, встали бы в тупик.

Горький и вечный вопрос, вечная жажда познания – что там, на самом дне пропасти Неназываемого? И есть ли он там вообще, или всё, что довелось испытать Хедину, – лишь причудливые игры неведомых ему уложений бытия, удивительные, неоткрытые пока ещё законы животворной магии?..

Что может увидеть, что может познать *тот*, другой Хедин, оказавшийся навсегда отрезанным от привычной Вселенной, где был рождён?..

* * *

Он падал. Падал, и падение его всё убыстрялось и убыстрялось, достигая скоростей, поистине невообразимых даже для него, Истинного Мага.

Это было всё, что он сейчас помнил, за что держался, последняя скрепа, не дававшая распасться его терзаемой вихрями сущности.

Он помнил, как случилось разделение, как его двойник – или он сам? – начал отдаляться, проваливаться в реальность, уже не важно, истинную или нет.

Он – частица Пламени Неуничтожимого да субстанция душ, проглоченных Неназываемым. Он успел собрать их, рассеянных, кружащихся по тёмной бездне, где погибли и свет, и вещество.

У него не было глаз, отсутствовало тело. Только нагая суть, суть Истинного Мага, Великий Предел, что не в силах уничтожить даже всепожирающая пасть вселенского ужаса.

Он знал, что центр, средоточие, сингулярность очень, очень близки; сонм собравшихся вокруг него душ удерживала от падения в эту точку только его воля.

Упорядоченное, Сигрлинн, Ракот – всё, что было с ним, оставалось позади, теперь это удел двойника. Копии, а может, и оригинала.

Кажется, поток душ, падающих сверху, останавливается? Да, наверное, ведь им с тем, другим Хедином удалось усмирить крушащий миры шторм, во всяком случае, на время.

Однако он собирал их, собирал упорно и упрямо, ощущая в биениях

искр вечного Пламени, великого дара Творца всем, кто живёт и дышит в его Вселенной, – странные шёпоты Неназываемого, голос, которым пыталась говорить с ним кошмарная бездна.

Великий Предел. Граница меж светом и тьмой, тяжёлым и лёгким, пламенеющим и застывающим.

И души, собранные вокруг него, самые разные, из всего многообразия миров. Кто-то – из взломанных бурей «царств мёртвых», кто-то – из погибших прямо сейчас городов и селений, рухнувших вместе с лесами, полями и горами в бездну Неназываемого.

Все они сейчас с ним, и все они сейчас он.

Падение продолжало ускоряться.

Спираль закручивается всё туже, из её змеиных колец нет выхода, кроме одного-единственного: туда, вниз, где застыло в ожидании то самое *нечто*, давным-давно втащенное в Упорядоченное по незнанию Ракотом.

...И лишь когда он убедился, что пуста Неназываемого действительно свободна, что собраны все души, какие только возможно, – он позволил смертоносному притяжению бросить себя на точку полной и абсолютной черноты, которая в то же самое время была и точкой полного и абсолютно белого света.

* * *

Хедин очнулся от краткого сна внезапно, толчком. Сна требовало не его естество, но человеческое тело, сна требовало сознание, отрывавшееся и воспарявшее в эти краткие и не каждый день выпадавшие часы.

Он не сомневался, что видел последнее мгновение себя самого, оставшегося в пасти Неназываемого, видел – но не ощущал отчаяния или горя. Тот, другой Хедин шёл в поистине неведомое, как и положено Истинному Магу – с горячим, если не горячечным, интересом, с жадой нового и небывалого.

Незримая и неведомая нить по-прежнему соединяла их, и натяжение её отзывалось болью – уходящий Хедин стремился туда, куда никогда не последовать оставшемуся.

Познавший Тьму потянулся к стоящему рядом кувшину, губы коснулись холодной воды. Такое простое, такое человеческое – после тёмного ужаса, смешанного с восхищением и дивной надеждой, что испытал его двойник, приближаясь к истоку Неназываемого.

Ему, Хедину-оставшемуся, досталось всё. Или, вернее сказать,

осталось. Обетованное, подмастерья, Хаген. Сигрлинн.

Всё.

Что ж, он будет этого достоин.

Вокруг собиралась его армия, а уже совсем близко лежало Обетованное.

Над ним поднимался дым, а окрестности кипели от крови, там всё ещё шла битва.

Они всё-таки успели! Невероятным образом, но успели. Если б магия в Упорядоченном текла как прежде, если бы время, потревоженное магическим штормом, не пошло вразнос, – Хедин опоздал бы на помощь брату. Но должно же было им хоть где-то повезти...

Коричневокрылый сокол сорвался с места. Хедин видел Тёмные Легионы, упрямо пробивающие себе дорогу к окраинам Обетованного, видел и их врагов, давно знакомых быкоглавцев. Их полки во многих местах были рассечены клиньями чёрной пехоты, их давили лапы чудовищ, рвали на части щупальца неведомых страшилищ, явно добытых Ракотом из дней его великой славы.

Дело врагов Восставшего было проиграно. Тёмные Легионы давили мерно и неостановимо, не зная ни героизма, ни страха, давили, потому что такова была их суть.

Ракот побеждал с ними, а потому к нему начали присоединяться и смертные. Познавший Тьму помнил – с мощью *тех* армий, казалось, ничему не справиться; однако Молодые Боги тогда нашли то, что смогло.

Однако где же сам брат, где Восставший?

Коричневокрылый сокол нёсся над растянувшейся полукольцом битвой; за спиной Тёмных Легионов осталась твердь Межреальности, заваленная телами быкоглавцев и их союзников. Вились чёрные, тающие дымки и над грудями костей, перемешанных с железом, – останками тех, кто пришёл сюда под знамёнами Ракота.

...А в Обетованное быкоглавцы так и не прорвались. Молодцы подмастерья, выдержали; и его, Хедина, защитные чары выдержали тоже. А от подкреплений этих несчастных четвероруких и быкоголовых дураков уже должны были отрезать Арбаз с остальными.

Познавший Тьму не торопился. Его появление у Обетованного должны заметить.

Ага, а вот и его гвардия.

– Робин! Роб! Гляди, гляди!.. Аэтерос!.. – Оба половинчика, так и не ушедшие со своей баррикады, дружно вскинули оружие в салюте – правда, у Фредегара в руках оказалась его нежно любимая, а сейчас, увы, пробитая навывлет сковородка.

Держались оба невысоклика бодро, хотя каждого покрывали и копоть, и собственная кровь.

– Аэтерос!

Коричневокрылый сокол камнем рухнул с небес, встал, оборачиваясь худощавым темноглазым мужчиной средних лет.

– Фредегар! Робин! Храбрые мои!..

– Приказ Аэтероса исполнен! – Фредегар, он же Фроки – для друзей, – поспешно сунул сковородку куда подальше, вытащил клинок, успевший весь исцербиться – быкоглавцы и их союзники докатились до самой баррикады всего два раза, но и этого хватило – приятели едва отбились.

Улыбаясь, Хедин выпрямился, расправил плечи – половинчики рапортовали с уморительной торжественностью.

– Атака отражена! – торжественно объявил Фредегар, вытягиваясь, насколько позволял его рост, «не соответствующий высокой его доблести».

Хедин слушал и кивал, хвалил.

Да, атака отражена. И сейчас уже Тёмные Легионы Ракота станут добивать остатки быкоглавцев.

– А где же сам Восставший, Фредегар?

– Владыка Ракот показался нам на летучем звере, заверил нас, что помощь идёт, после чего отбыл в неизвестном направлении! – бойко докладывал половинчик.

Ага, отбыл. Похоже, конечно, на Восставшего, но оставить свои новообретённые Легионы – вот это совсем не похоже.

– ...Вернулась также адата Гелерра! – продолжал стараться Фредегар. – Очень нам помогла, Аэтерос!

Адата Гелерра? Вот как?

– Где же она, Фредегар?

– Тоже... отбыла в неизвестном направлении, Аэтерос! – влез Робин (он же Броди – для самых близких приятелей) – верно, стало обидно, что весь разговор с Учителем достаётся старшему товарищу.

– Отбыла, хм, хм...

– Мы... мы думали, она к вам, Аэтерос...

– Нет, мой добрый Робин. У адаты Гелерры свой путь.

Им сейчас ни к чему знать больше; впрочем, половинчики и не спрашивали. Слово Учителя – закон.

– Вы молодцы, вы славно послужили нашему делу, – Хедин положил одну руку на плечо Фредегару, другую – на плечо его товарищу. – Оставайтесь здесь, битва завершается, мы победили, скорее всего, придётся принимать пленных...

Невысоклики горели рвением.

Хедин в облике сокола покружил ещё над Обетованным, снижаясь и принимая салюты с докладами от остальных защитников. Никто не погиб, потерь не было, всё прошло в полном соответствии с планом – даже несколько необычно.

...Когда в бой двинулись его собственные воинства, всё было уже и так решено. Тёмные Легионы окончательно рассекли несчастных быкоглавцев на несколько отчаянно сопротивлявшихся островков и сейчас деловито добивали.

Никто из окружённых не сдавался.

Войско Хедина жаждало своей доли боя, и оно его получило – разворачивались гордые стяги, поднимались частоколы копий, смыкались с грохотом щиты, но это уже не играло никакой роли. Куда важнее было иное – растущее в груди Познавшего Тьму давнее, почти забытое ощущение веры в него.

С былинных времён последнего сражения за Хединсей, когда Хаген ценой жизни отстаивал его, Хедина, Талисман, не мог припомнить Познавший Тьму этого чувства.

Должна пролиться кровь его сторонников, кровь верящих в него. Потом ему предстоит бороться за их посмертие, но гибель в бою за него, с его именем на устах даст те силы, без которых, знал Хедин, ему не повернуть гибельного прилива.

Истинный Маг Хедин, наверное, так бы не поступил, просто потому, что «увеличивая силу – увеличиваешь уязвимость». Сам он тогда прибёг к Талисману, потому что иначе не получалось; этим ходом едва ли можно гордиться, тем более что стоил он ему тогдашнему и Хагена, и Сигрлинн, вернуть которых сумел Новый Бог Хедин, а вот Истинный Маг бы не смог.

Великий Предел разделяет, задаёт границу; а удел Бога – удел Бога... кто скажет, в чём он?

Когда-то Познавшему Тьму казалось, что он знает: давай всем жить, как можется, ограждай лишь от самых крайностей, а в остальном смертные и бессмертные разберутся сами.

Но это оказалось им с Ракотом не по плечу, несмотря на подмастерьев и даже божественные силы.

Поднялись другие, с собственными идеями и мыслями, с

собственными планами на Упорядоченное; что ж, пора ему показать, что скромность не всегда означает слабость и нерешительность.

...Выбрасывая вперёд длинные клинья самых быстрых и самых смелых, армия Хедина обогнула правое крыло Тёмных Легионов – чудовища и кошмары, вызванные волей Ракота их словно бы не замечали.

Быкоглавцы отбивались с мужеством обречённых. Сбивались спина к спине, сдвигали щиты, отмахиваясь тяжеленными секирами. Их дело было проиграно, им оставалось только умереть с честью – о которой никто не узнает и не сложит песен.

Во всяком случае, пославшие их должны думать, что эти несчастные свою задачу выполнили – и Хедин, и Ракот здесь, в Обетованном или около него, бросились спасать священный Урд.

Спасли.

Что дальше?

Ваш ход, неведомые. Он, Познавший Тьму, сделал вид, что поддался на ваши уловки, счёл угрозу реальной, и вот – он здесь.

Теперь он, по мысли тех, кто отправил сюда проигравшую армию, должен отыскивать «следы истинных кукловодов», пытаться проследить порталы, куда они ведут, откуда...

И в это время враги нанесут свой настоящий удар.

Но пока что – где Ракот?

Новый Бог Хедин с каменным лицом досмотрел последний акт трагедии – быкоглавцы не сдавались и просто погибали, один за другим.

Воинство Познавшего Тьму жарко и рьяно рвало в клочья последние сбившиеся вместе кучки сопротивлявшихся. Кровь лилась, щедро и несдерживаемо, и вместе с ней росла и сила Нового Бога.

Хрустальный кубок с мощью...

Донести, не расплескав ни капли, до того мига, когда будет *можно и нужно*.

– Однако, – проговорил он вслух, – мне нужны пленники. Живые.

Кирвад, за время пути сделавшийся кем-то вроде «второго по воинству», быстро поклонился и сорвался с места. Вот ведь, был мелким лесным божком...

Кентавры и сильваны, искусные в деле поимок, торопились – все горят рвением, все хотят отличиться, когда твой Бог смотрит прямо на тебя!

Взмыли, разматываясь, петли и сети; схлестнулись, затягиваясь, хитроумные узлы; кентавры ловко разворачивались, вскидываясь на дыбы, волоча за собой спелёнутых пленников.

Иным, самым сильным или самым удачливым, даже сейчас выпадало

освободиться, разрубив в последний момент путы; сильваны с редкой настойчивостью кидались на таких снова. Никто не должен уйти, все предстанут пред ликом великого Хедина!

...И они-таки предстали. Дюжина быкоглавцев, полдюжины малышей-коротышек, чем-то смахивающих на половинчиков, в длинных коричневых плащах и капюшонах, сейчас поспавших с наголо обритых и у мужчин и у женщин голов.

Двое гномов? – нет, просто похожи на подземный народ. Гм, интересно, откуда они взялись... А это? – эльфы? Альвы? – нет, опять же, не те и не другие, но похожи.

В этом что-то есть?

Копии, которые не есть копии?

Кто-то сознательно творил подобию?

Узнаем.

Ему хватило одного взгляда на приведённых.

Этот ничего не знает, и этот, и та – коротышка в сбившемся, пока её тащили, тёмно-ореховом плаще грубой шерсти.

И тот, и тот, и эта...

Познавший Тьму молча вглядывался в глаза каждому из пленников; не выдержал ни один.

Нет, один – вернее, одна – попыталась было. И – поспешно уставилась в землю, но слишком поздно, он успел заметить.

– Ты! – острое клинка, подарка Ангелов Пламени, указывало на низенькую магичку в грязном плаще. Обритый череп исцарапан, вымазан засохшей кровью. Заскорузлые пальцы по-прежнему сжимают обломок посоха.

Двое сильванов поняли его взгляд правильно – мигом подхватили пленницу, подтащив ближе. Кирвад, усердствуя, сунул ей под подбородок острое своей короткой гизармы.

– На колени! – сильваны мигом надавили коротышке на плечи, заставляя и в самом деле рухнуть, чуть не повалив её ничком.

Познавший Тьму всего этого крайне не любил. Но, раз уж он забирает сейчас силу у этих сильванов и кентавров, в их глазах надлежит выглядеть «истинным богом». То есть справедливым и милостивым, но в то же время и суровым.

Особенно к врагам.

...Коротышка была хороша. Одарённая, сильная колдунья, природная чародейка, возвращённая в суровом мире, где, чтобы выжить, надо было убивать. Там не знали милосердия к чужим; «людьми» и «своими» был

только родной клан. Выживали сильнейшие, самые крепкие, жёсткие, решительные.

Истинные воины.

– Зачем вы явились сюда?

Это было разом и грозно, и взыскующе, но не без грана снисходительности – кто он, великий Бог, и кто она, эта несчастная, дерзнувшая посягнуть на его владения?..

Взор его скрестился со взглядом коротышки, играючи ломая возведённые преграды. Это ведь так просто, когда на тебя смотрят тысячи тысяч верящих в тебя больше, чем в самих себя.

– Твоё имя?

– И... иа... ххарра...

– Иаххарра, очень хорошо. Так зачем ты явилась сюда, Иаххарра? Зачем привела за собой остальных из твоего родного мира? Кто вам повелел? И как вы очутились здесь? Отвечай своему Богу, несчастная!

В горле у маленькой чародейки захрипело, забулькало, она судорожно задёргалась в руках у двух могучих сильванов.

– Отвечай своему Богу! – прогремел Познавший Тьму. Он ощущал веру идущих за ним – да, он способен задуть крошечный огонёк этой жизни куда легче, чем дряхлая старушка – свечу, так что приходилось поневоле соблюдать осторожность.

Иаххарра билась, на губах у неё выступила пена, глаза полезли из орбит.

– Отвечай мне!

Сильваны почти совсем вдавили маленькую колдунью в землю, вернее, в похожую на неё плоть Межреальности.

– Отвечай!

Её воля лопнула, словно мыльный пузырь.

Иаххарра заговорила, лихорадочно, сбиваясь, перескакивая, но заговорила. Стоявшим подле Хедина казалось, что она говорит на их родных языках – пусть все узнают, где прячется коварный враг!

Познавший Тьму не слушал даже – внимал с каменным лицом, строгий, но справедливый Бог, готовый всегда покарать, но потом и простить. Такой, какого жаждали идущие сейчас за ним люди, гномы, лесные сильваны, степные кентавры и прочий народ.

...Конечно, они достойны куда большего. Но на войне порой нужнее простые и понятные вещи, чем высокие умствования.

Кирвад стоял рядом, впрочем, не столько стоял, сколько пританцовывал на месте, топтал копытами, облизывал губы – ну,

конечно, вот он, раскрывается страшный заговор врагов против его Бога!

Потому что говорила Иаххарра вещи действительно интересные. И уже не просто «жили плохо, бедно, явился колдун, помог одним, другим, потом сказал, что можно как следует пожить, из нищеты раз и навсегда выбиться».

– Неправедно всё в мире, – хрипела маленькая колдунья. – Неправедно, и потому всё горе в нём! Злые Боги правят, горем упиваются, несчастьем заедают! Не могут они понять, что нужны не они, а иные, которые понимают, от того ещё больше злобятся! Много таких богов, много у них имён, да не в именах дело! О себе они лишь думают, себя лишь любят, а смертные для них – что мухи, иль черви, иль ещё меньше! И надо этих богов снести, чтобы и памяти от них не осталось! И будут тогда племена разные жить свободно да счастливо, никто на них беды-злосчастья наводить не станет!

Это уже весьма отличалось от того, что доводилось слышать подмастерьям и о чём они доносили своему Аэтеросу.

– Кто же внушил тебе такое, Иаххарра? – голос Познавшего Тьму звучал строго, но и с оттенком жалости; так, во всяком случае, услышали Кирвад и остальные начальники полков. – Кто заставил поверить в это? Как их звали?

Коротышка задёргалась снова, попытавшись на самом деле начать «землю есть».

Познавший Тьму не ожидал особого от её ответа. Незримые инструменты его чар обшаривали сейчас магический отпечаток маленькой колдуньи, никогда не знавшей изошрённых систем волшебства, в поисках следа тех, кто действительно прислал её сюда – и зачем.

– Их... было... трое, – вдруг вырвалось у Иаххарры. – Трое, два брата, хоть и несхожие ликами, и сестра... Звали их... Кор Двейн, Скъёльд и Соллей. Соллей – их сестра. Сильногомучие чародеи... способные останавливать солнце и звезды...

Имена. Неожиданно, но хорошо. Хотя, с другой стороны, неужто эти трое чародеев настолько неосторожны? Впрочем, от одних имён толку мало...

– Где же можно найти этих самых братьев с их сестрою? – спокойно осведомился Хедин. – Если сии чародеи столь могущественны, то должны помогать другим, а не разжигать войны!

...Но поймали её ловко, эту колдунью. Всему виной злые боги – прекрасное объяснение. И пока они с Ракотом старались сделать так, чтобы все жили собственным умом, некие хитрецы, оказывается, во всех

несчастьях винили их самих!..

Хотя, если разобраться, винили-то не их, а неких «злых богов» вообще.

– Что же вы должны были сделать, Иаххарра? Здесь, вдали от родных мест?

Колдунья вновь дёрнулась несколько раз, слова давались ей с явным трудом – Хедин ощущал поставленные кем-то чары в её сознании.

– Источник... здесь источник силы злобных богов... его воды должны служить добру...

– И как же это должно было осуществиться? – ласково осведомился Познавший Тьму.

Из носа Иаххарры потекла тёмная кровь.

– Источник... вода... дать ему течь свободно... вырвать из плена... разрушить... ограду...

Чепуха какая. Урд бьёт в Обетованном целые эпохи, и его каменная чаша не переполняется. Но для несчастных простаков, как эта Иаххарра, конечно, сгодится и такое объяснение.

Имена... конечно, ни один здравомыслящий чародей, обладающий силой «останавливать солнце и звёзды», не выдаст марионеткам своё подлинное имя. А если и выдаст, то с умыслом.

Тем не менее он, Хедин, задаст вопросы насчёт этих «двух братьев и сестры».

Конечно, подобные им чародеи возникали и раньше. Миров в Упорядоченном хватало, всяких неожиданностей в них – тоже. Взять хотя бы Восстание Безумных Богов или Войну Ангелов. Но с ними справились почти без привлечения подмастерьев – в основном хватило Гильдии Боевых Магов из Долины. Хаген знал своё дело.

Случалось и другое. «Владыки жизни и смерти», «хозяева тьмы», «повелители сущего» объявлялись то тут, то там, и бывало, их злодействам успешно клали предел те, над кем они пытались властвовать.

Порой приходилось вмешиваться. Зачастую этим с большой охотой занимался братец Ракот, добровольно ограничивая собственные силы, дабы избежать возможных (и неизвестных) последствий от Закона Равновесия.

То, что они с братом и Сигрлинн никогда ничего не слышали об этих «братьях и сестре», ещё, конечно же, ни о чём не говорило.

– Где же ты видела этих Кора Двейна и остальных?

– В... в их жилище... тайном... спрятанном между мирами...

Вот как. Неужели загадочные маги, сумевшие организовать такую армию, наслать её на Обетованное и едва не одержать победу, допустили такую ошибку? Или это не ошибка и они рассчитывали, что такая вот

Иаххарра угодит в плен и выдаст всё, что знает?.. И приготовили фальшивое «логовище», не исключено, что с каким-то капканом, ловушкой, на манер измышленного Игнациусом?

Вполне логично было бы сообщить марионеткам расположение «тайного логова», подготовившись к встрече незваных гостей. Конечно, в сети может заплывать слишком крупная рыба, но... такие вот высоко поднявшиеся маги и чародеи, как правило, не страдают отсутствием скромности и обычно склонны себя переоценивать.

Но он, Хедин, конечно же воспользуется любезным приглашением.

А если вспомнить тёмные пуповины, протянувшиеся к Источникам из бездн Упорядоченного, возникает немалый соблазн соотнести их неведомых создателей с этой троицей из «двух братьев и сестры».

Система Источников и вообще потоков магии в Упорядоченном пребывает в неустойчивости. Он, Хедин, выбравшись из бездны Неназываемого, пожертвовав собой, смог на какое-то время утишить шторм, но время истекало.

Слишком тонок баланс, слишком многое может на него повлиять. Познавший Тьму, замыкая на себе веру смертных, получал и способность гасить слишком большие колебания в токе живой силы, но, как известно, всё имеет свою цену.

Теперь главное – заплатить по счетам, пока они не сделались чрезмерны.

– Что ж, Иаххарра, ты покажешь мне дорогу к этому месту и сможешь идти на все восемь сторон, – проговорил Познавший Тьму. Опять же – не для себя, для тех, кто его сейчас слушал. – И ты, и все, кого ты привела сюда. Мне нет до вас дела, боги не гnevаются на обманутых, но сурово карают тех, кто их обманул. Мне ведомы пути миров и звёзд, но я хочу убедиться, что ты и впрямь была правдива со мной.

– Велик, славен и милостив могучий бог Хедин! – услышал Познавший Тьму горячий шёпот Кирвада.

Воистину, с иронией подумал Познавший.

– Я... я покажу... – Иаххарра утёрла тыльной стороной ладони сочащуюся из носа кровь. – Пусть только великий бог помилует моих сородичей...

– А это будет зависеть от искренности твоего раскаяния, колдунья.

– Простираюсь ниц пред великим богом... – прошептала она, и в самом деле валясь лицом вниз.

Познавший Тьму кивнул Кирваду.

– Великий бог Хедин, Владыка Сущего, доволен тобой, ничтожная! –

загремел сильванский божок – и откуда только глотка взялась? – Теперь пойдй, собери своих. Вы получите воду и пищу. Война ваша кончена, и бойтесь вновь прогневать великого Хедина!..

И даже копытцем притопнул для пущей важности.

* * *

Все они стояли перед Познавшим Тьму, все его подмастерья, оставленные защищать Обетованное. Половинчики Фредегар и Робин, орки Болг и Горм, воитель, рыцарь Леотар и лучница Мьёлль, радужный змей, гоблин, мормат и вампир, заметно прихрамывавший и баюкавший упрямо не желавшую излечиваться саму по себе руку.

Позади них умиротворяюще булькал и журчал священный Урд. До него не дотянулись зубы и глотки пиявок, коих чьё-то тёмное искусство растянуло на пол-Вселенной.

Познавший Тьму говорил то, что должен был сказать. Хвалил своих подмастерьев; Фредегар обрёл новую сковородку взамен простреленной. В руки рыцаря Леотара лёг изящный клинок с голубой звездой на крестовине; Мьёлль прижала к груди лёгкий лук, весь покрытый странными рунами, из которого она немедля вогнала одну за другой три стрелы в подброшенную гоблином шапку.

И остальные не ушли с пустыми руками, но что-то неуловимо изменилось; и Хедин понимал, что именно.

Аэтерос сделался уже не просто Учителем, тайным, сокрытым от других, выбравшим только их, лучших, но богом Хедином, великим богом, которому поклонялись мириады смертных.

И совсем скоро будут поклоняться ещё больше.

Пойдёт ли кто-то ещё дорогой Эйвилль с Гелеррой?

Он не может об этом сейчас думать. Первая часть плана исполнена, воинство успешно достигло Обетованного, священный Урд по-прежнему негромко длил вечную свою песнь; и пришла пора вновь обрести цельность. Тут, у великого Источника, ипостаси Хедина окончательно перестанут существовать, вернув ему изначальную полноту.

Тёмные Легионы Ракота стояли, где он их и оставил, «на костях», на поле битвы. Воинство Познавшего Тьму старалось управиться с уцелевшими быкоглавцами: Иаххарра уговаривала их бросить оружие и согласиться «на милость великого Хедина» – вернуться домой.

Четверорукие вояки отвечали ей лишь неразборчивым рычанием –

они, похоже, всерьёз решили умереть здесь. Так или иначе, но кровопролитие прекратилось, воинства обменивались ругательствами, а не стрелами.

Кирвад сновал туда и сюда по Обетованному, громко всем восторгаясь. Сильван немедленно насел на оставшихся подмастерьев, требуя, чтобы те помогли ему с чудовищами из Тёмной Армады, теми, кому так требовалось мясо для пропитания; не все в рядах Легионов Ракота были тварями Тьмы, кому для существования хватало одних лишь эманаций Кипящего Котла.

Половинчики были скандализированы.

Но обо всём этом – после, после, после. Познавший Тьму застыл подле священного Урда, и на добрых пол-лиги вокруг чистейшего источника не было ни единой живой души – орки Горм и Болг не без мстительного удовольствия преградили путь суетливо топчущему копытцами Кирваду:

– Учитель занят. Никому нельзя приближаться.

Кирвад был, однако, всё-таки Древним – Древним Богом. И, хотя ужас перед Ямертом и его родней заставил его менять укромные дупла в родном лесу в течение множества тысячелетий, терпеть наглость каких-то там орков, пусть и слуг великого бога Хедина, он не собирался.

Тем более что он уже какое-то время ощущал дивный, хоть и странный прилив сил, точно в дни давно минувшей молодости родного мира.

Он топнул копытцем, и глаза его вспыхнули светло-золотистым огнём, с концов загнутых рожек сорвались потрескивающие искры.

Орки, однако, лишь глядели на него с совершенно отвратными ухмылками, а потом в пустых глазницах черепов, украшавших посох варлока, в свою очередь полыхнуло пламя, но мрачное, багровое, словно в раскалённых недрах вулкана.

Здесь было Обетованное, твердыня Познавшего Тьму и его подмастерьев, и даже Древнему Богу, даже испытывшему словно второе рождение, было сложно с ними тягаться.

– Спокойнее, досточтимый, – пробасил Горм, выразительно поигрывая массивной секирой. – Не стоит нарушать уединение Учителя.

Они объяснялись на понятном Древнему диалекте его родного мира, и оттого Кирваду стало ещё обиднее – он, какой ни есть, но бог, помнивший времена, когда ещё не было никаких Молодых Богов, а были только они, Древние, мелкие, но свободные хозяева своих миров и поклонявшихся им племён. А ему препятствует пара каких-то орков, чья жизнь в сравнении с тем, что прожил он, – всё равно что вспыхнувший в ночи огонёк светляка.

– Прочь с дороги! – забушевал он. – Я правая рука великого бога! Его и

только его стану слушать! А вы...

Орки переглянулись.

И дружно отшагнули в стороны, так что перед Кирвадом открылась как бы свободная дорога.

– Ага! – тот вновь топнул копытцем. – То-то же!.. Знай своё место, смертный!..

Последнее, очевидно, вырвалось у него по привычке, ибо смертных-то здесь имелось двое, а не один.

И Кирвад гордо проследовал меж расступившимися орками.

В глазницах набитых на посох Болга черепов вновь вспыхнул огонь, только на сей раз – лиловый, с зеленоватыми прожилками. Горм с лязгом сомкнул боевые железные рукавицы, ударившие в сталь пластинчатого доспеха; орк-воитель негромко прошептал что-то себе под нос, и поросшие шерстью ноги бога-сильвана немедля заплелись, словно он на осенних празднествах перебрал молодого вина.

Кирвад со всего размаха шлёпнулся носом в мягкую изумрудную травку Обетованного. Взлетели перепуганные бабочки и две цветочные феечки; одна из них, пропархивая мимо уха Древнего, пропищала нечто не очень понятное, но, судя по тону, донельзя обидное.

В шею сильванскому божку упёрлась холодная сталь.

– Ты Древний Бог и служишь нашему Учителю, – прорычал варлок. – Видать, служишь не столь долго, как мы, тогда бы знал, что у нас не принято, во-первых, сомневаться в словах друг друга и, во-вторых, друг на друга ругаться поносными словами, себя в то же время превознося. Ученики великого Хедина с такими, как ты, сильван, встречались не раз и не два. Силы у вас хватает, а вот с тем, что промеж ушей в голове, с думалкой, – как-то не очень. Уймись, говорю тебе, и не буйствуй. Никто тебя не обманывал. Когда Учитель ищет уединения, он ищет уединения. Доступно, Древний?

Кирвад шипел, плевался и дёргался от ярости, но колени у него оказались спутаны каким-то хитроумным заклинанием, и ни разорвать его, ни стряхнуть так просто не получалось.

– Нам с тобой, Древний, ссориться ни к чему, – нравоучительно продолжал меж тем орк. – Нам ещё плечом к плечу драться, хоть с теми же быкоглавцами, хоть ещё с кем. Вставай, и не будем друг на друга зло держать. Но Учителю мешать всё равно не след.

Незримые пути исчезли, и сильван поспешно вскочил на ноги. Хорошо, что на смуглой коже да ещё под шёрсткой не видно, как пылали от стыда его щёки и уши.

Орки стояли напротив, глядя спокойно и серьёзно, без ухмылок и подсмешек.

Кирвад, пыхтя от ярости, всё искал, что бы такого ответить нахалам, однако те лишь поклонились ему слегка и отвернулись, лишний раз бросив на прощание:

– Учителю мешать не след.

– Хорошо, хорошо, понял, не надо повторять! – негодуя пробурчал им в широкие спины сильван, поспешно отряхиваясь. Мимо пролетели, трепеща радужными крылышками, две давешние феечки, захихикали тоненько, закружились над его головой; одна вдруг спикировала к Кирваду, погрозила пальчиком, однако в следующий миг чмокнула прямо в нос.

И упорхнула – обратно в свой цветник.

– Щекотитесь только, – всё ещё с обидой проворчал сильван, почесав целованное место, однако гнев его угасал словно сам собой.

Великий Бог Хедин потребовал одиночества. Что ж, пойдём и объявим это воинству! И строго объявим! Дабы никто не дерзал!.. И не посягал!.. И вообще, помнил, кому они теперь служат!.. И кто у бога Хедина правая рука!..

* * *

Подмастерья разошлись, возле Урда остался один Хедин. Осторожно ступая, шагнул под сень лёгкой беседки над каменной чашей Источника, постоял, вслушиваясь в вечное бурление воды. Урд никогда не переполнялся, и начало от него не брал никакой ручей или поток; вода булькала, лопались на поверхности пузыри, а потом всё поднималось, уходило лёгким паром, магия изливалась в мир.

Мешкать было нельзя, и всё-таки Познавший Тьму медлил.

Две его ипостаси были мощным оружием, они могли увидеть и поведать многое, и он сам с их помощью мог немало. Вот и сейчас:

– Где Ракот?

Наблюдающий, размытая, растянутая чуть ли не по всему Упорядоченному сущность, отозвался почти мгновенно – он не видел Восставшего.

Конечно, зрение его не абсолютно, есть немало мест, куда взгляд Наблюдающего не проникнет, но само по себе это означало беду.

Чтобы Восставший бросил бы своё воинство в разгар сражения? Никогда и ни за что.

Тёмные Легионы, конечно, не шибко разговорчивы. Громадное большинство тамошних страшилищ ответят только и исключительно Владыке Тьмы, пытай – не пытай.

Конечно, есть ещё и поставленные братом военачальники, но если б кто-то из них что-то знал – вести уже достигли бы Хедина.

Хотя, быть может, что-то наверняка сможет сказать та же Иаххарра.

...Маленькая колдунья тряслась от ужаса, стоя на коленях. Нет, никто её не заставлял, она сама бухнулась, когда Фредегар с Робинотом привели её к Урду. Пришлось перебраться в дом Познавшего Тьму, только там коротышка-волшебница смогла прийти в себя и рассказать хоть что-то связанное.

Урд, похоже, просто сводил её с ума.

– Видела ли ты Владыку Тьмы, Иаххарра, пока длилось сражение?

Волшебница заёрзала, немилосердно теребя край грубого плаща.

– Великий бог Хедин обещал...

– Великий бог Хедин сдержит своё слово! – перебил карлицу Фредегар.

– Тебе нечего бояться, Иаххарра, – поддержал половинчика и сам Хедин.

– Великий бог Хедин ничего не говорил о том, что станет ещё расспрашивать... только про дорогу к обиталищу Кора Двейна... а теперь ещё и это...

– Торгуешься, дерзкая? – возмутился Робин.

– Великий бог обещал...

– Ты не на рынке, тут не обманут! – не преминул вставить Фредегар.

– Так видела ли ты Владыку Тьмы? – невозмутимо переспросил Новый Бог.

– Видела... – потупилась коротышка. – Носился на звере своём, бескрылом, но летучем! Мечом сёк и многие множества порубил!.. Ужась ужасная!

– Порубил, понятно, – кивнул Хедин. – А что было дальше?

Иаххарра повесила голову.

– Он выкликнул себе поединщика...

На лице Познавшего Тьму не дрогнул ни один мускул.

Как похоже на Ракота; и ясно, что колдунья не врёт. Такое не выдумает, только если очень хорошо знать Восставшего.

...Или, напомнил он себе, кто-то очень хорошо её подготовил – как, кому и что говорить, когда она окажется в плену.

– Поединщика, – тем не менее кивнул он. – И что же было дальше?

Кто же оказался этим храбрецом?..

– Он выглядел, как мы... как моё племя...

Хедин поднял бровь.

– Но он не из наших... я его не знала... а я знала всех сильных...

– И? – негромко, осторожно поинтересовался Познавший Тьму.

– Они сошлись... я была далеко... но был толчок, сила взбесилась, на дыбы поднялась... и всё.

– И всё?

– Да, великий бог, – она задрожала, попытавшись вновь бухнуться на колени.

– Сила взбесилась, и?..

– Не ведаю, – задёргалась колдунья. – Они... пропали, сгинули, исчезли!..

Это, во всяком случае, было правдой.

Ракот сгинул, надо понимать, вместе с загадочным «поединщиком», которого Иаххарра якобы не знала.

А ведь названный брат ещё, небось, и сам ограничил собственные силы, выходя на поединок.

Познавший Тьму сделал знак половинчикам, отпуская маленькую колдунью. Своё дело она сделала – правду ли говорила или то, что вложили в неё неведомые чародеи, уже не важно. Кое-что из её слов можно проверить, и это главное.

Пора возвращаться к Урду и докончить обряд.

...Мягкий пар обнимал его, тёплый и приятный. Таков священный Источник, он всех, приходящих к нему, встречает добром.

Познавший Тьму сматывал обратно растянувшиеся нити заклятий. Наблюдающий и Действующий отправляются домой.

Короткий поиск действительно указал на странную воронку, словно водоворот в свободном токе силы на месте сражения. Здесь, похоже, и впрямь случился некий «пробой», что-то с магией, однако никакой «норы», «дырки», «провала» или чего-то подобного не обнаружили даже самые изощрённые заклинания Познавшего Тьму. Если она тут и была, эта «нора», то кто-то очень искусно завалил в неё вход.

Соединять обратно себя самого пришлось долго и мучительно. Наблюдающий вдобавок поведал, что нигде не видит и Сигрлинн, что в Асгарде творится что-то непонятное, и сила пришла в странное, невиданное доселе движение там, где в глубинах Упорядоченного кончались жуткие «пиявки», присосавшиеся к Источникам.

И где-то там до сих пор оставался Ульвейн. Которого, конечно же, они

вытащат, непременно вытащат, как только вступит в действие основная часть плана.

Только здесь, возле самого Урда, хватало чистой силы, чтобы Новый Бог вновь обрёл бы цельность. Он заставил себя не думать сейчас об Ульвейне, о Гелерре, даже о Ракоте и Сигрлинн, о том, что остался один – всё сильнее становилось сосущее чувство нарушенного баланса, утраченного равновесия, словно, отделив от себя Наблюдающего, Хедин вручил ему и способность ощущать подобное.

Мутное и тошнотворное чувство, так и тянет сбросить человеческую плоть и обернуться созданием чистой силы, как те вихри, в образе которых они носились наперегонки с Сигрлинн в Джибулистане.

Но нет, нельзя.

Разделившись, далеко не так просто собрать себя вновь. Мучительные скрытые разломы и трещины всё равно останутся, хотя Урд и старается всё улаживать.

И Познавший Тьму был уже совсем, совсем близок к завершению, когда в сознание словно вонзилась раскалённая игла, так что он аж заскрежетал зубами.

Хьёрвард внезапно набух кровью. Познавший Тьму ощутил, как взгляд его – взгляд Наблюдающего – мчит сквозь бездны Междумирья, туда, к суровым берегам Хединсея.

Бирка, Хедебю, другие грады и веси...

Там что-то случилось.

Мир закричал от боли, словно женщина в родах. Тяжело, мучительно и надрывно.

Хедин ощутил это так же чётко, словно в него самого вонзалась горячая сталь.

Проклятье!..

И лишь когда он окончательно втянул Наблюдающего в себя, как только они с Действующим вновь сделались частями одного, Новый Бог Хедин позволил себе негромкий стон сквозь стиснутые зубы.

Хьёрвард требовал помощи, и помощи немедленной.

* * *

– Друзья мои, – подмастерья стояли кругом в уютной гостиной дома Хедина, дома, который они же для него и построили, сами, в подарок, от чистого сердца. – Срочно нужны те, кто отбудет в Хьёрвард.

– Мы готовы, – первым отозвался рыцарь.
– Мы все готовы, – с оттенком ревности заметил вампир.
– Мы победили в Обетованном, – гордо поклонилась лучница Мьёлль. – Уж как-нибудь справимся и в Хьёрварде!
– Не «как-нибудь», а отлично справимся! – Фредегар сдвинул брови. – Что нужно сделать, Аэтерос?

Они неотрывно смотрели на Познавшего Тьму; кажется, далеко не всем понравилось появление тут Кирвада и вообще «новой армии Учителя». Но они верили и потому молчали.

– Нужно отыскать... – Хедин помедлил. Нет, он не выдаст своих подозрений до времени. Пусть найдут то, что нужно, и уж тогда...

– Мир испытал странную, небывалую судорогу. Словно в него ткнули иглой, глубоко и со всего размаха. Примерно я знаю, где это случилось, – полуденная оконечность Восточного Хьёрварда, там, где до сих пор стоят города, памятные мне по Хединсею, – Бирка и Хедебю. Это там...

Подмастерья почтительно внимали.

Познавший Тьму умолк, нужные слова впервые за столько времени находились с трудом. Он словно сам боялся поверить собственному страху.

– Аэтерос, – после длительного молчания осторожно кашлянул варлок Болг. – Что же нам надлежит отыскать? Просто возмущение в силе? Какого-нибудь явившегося туда чародея? Или проснувшегося монстра? Или очухавшегося не ко времени Древнего, что поднялся с морского дна?

– Если б Аэтерос знал, то уж наверное поведал бы! – одёрнул орка рыцарь. – Наш Учитель не всеведущ, не дракон восьмизрачковый!

– И слава всему, что не! – подхватила Мьёлль.

– Не всеведущ, – кивнул Хедин, поднимая руку. Разговоры мигом стихли. – Но знаю, что случилось нечто поистине небывалое. Небывалое настолько, что закричал сам мир. Никакой Древний такого не устроит, Леотар. А если чудовище – то даже мне такое не вообразить.

«Нет, неправда, – подумал он про себя. – Одно такое чудовище вообразить очень даже получится, только это выходит полный абсурд. Если это тот, на кого мне мыслится, то почему ощущаю я это только сейчас? Почему ни я, ни Ракот ни разу не почувствовали раньше?..»

Времени отвечать на эти вопросы конечно же нет. Как обычно. И бросить армию, бросить План, собранную силу, веру смертных Хедин не мог. Слишком всё неустойчиво и зыбко, клетка Неназываемого по-настоящему так и не восстановлена, хрупкий баланс может рухнуть в любой момент, и останавливаться на полпути нельзя.

Даже ради Хьёрварда.

Познавший Тьму обвёл взглядом немногочисленных подмастерьев. Каждого из них он нашёл сам, сам выучил, наставил на путь; и хотя в его руки не ложилось их Зерно Судьбы и он думал о них именно как о «подмастерьях», чья гибель тяжело давила ему на совесть, но была порой совершенно необходима – всё равно это его подмастерья, идущие за ним, верящие, не сомневающиеся...

Хотя, с другой стороны, те же Эйвилль с Гелеррой. О них тоже нельзя забывать.

Сейчас он посылал подмастерьев на дело куда более опасное, нежели оборона Обетованного от орд быкоглавцев.

– Если это будет Древний, или чудовище, или колдун, или какие-нибудь новые Безумные Боги – вы справитесь, друзья мои.

Подмастерья дружно приосанились, расправляя плечи и выпячивая грудь.

– Если это что-то другое – вы донесёте мне. – На столешницу со стуком встали розовые кристаллы из заветной кладовой. – Если это окажутся Дальние – вы тоже донесёте мне.

– Всё понятно, чего там, простое дело, – крикнул Фредегар. – Добраться до места, оглядеться, разузнать, доложить. Тут и Роб один справится.

– Чего это «Роб один», – попытался было возмутиться другой половинчик, но на него тотчас зашикали.

– Нет, Роба тут точно не хватит, – покачал головой Хедин. – Вы нужны будете все до единого.

– А кто же станет охранять Обетованное? – взволновался вдруг хозяйственный гоблин. – Уж не эти ли... с копытцами и не только?..

Собрание возмущённо зашумело, в шуме отчётливо ощущалась известная ревность.

Охранять Урд, конечно, надо, и в этом деле Хедин рассчитывал на Ракота и его силу; однако названный брат сгинул бесследно, Тёмные Легионы скоро расточатся, расползутся по норам и логовам; да они и не станут повиноваться никому, кроме лишь владыки Кипящего Котла.

– Придётся рискнуть. – Познавший Тьму встал. – Сколько-то времени продержатся отпорные чары. Будем надеяться, что вы успеете вернуться, кроме того, я послал весть остальным, Креггеру, Арбазу – всем. Они двинутся со всем поспешанием сюда, в Обетованное. Но ждать их мы не можем. Никак.

Подмастерья вновь переглянулись. Аэтерос оставляет священный Урд совсем без защиты, пусть и «ненадолго»!..

– Учитель, – мрачно изрёк Болг. – Что ж это за напасть-то там, в Хьёрварде? Как повестили вы нас, так голову ломаю и ничего толкового измыслить не могу.

– Вот это вы мне и скажете. – Хедин уже стоял возле дверей. – В путь. Мешкать нельзя. Ищите... необычное. О чём на рынках болтают. О чём уличные пророки речь ведут, если сразу на какого-нибудь спятившего Древнего не наткнётесь.

Прямее не скажешь, мрачно подумал Познавший Тьму. И как бы я хотел, чтобы это и впрямь оказался какой-нибудь «спятивший Древний»!

* * *

– Вот здесь это и случилось, великий бог...

– Хорошо. Ступай теперь, Иаххарра. Кирвад, дай ей провожатых. И оставь меня одного.

– Да, Великий, повинуюсь, Великий!..

Сильван усерден, но порой чересчур.

Познавший Тьму застыл в самом сердце смертного поля. Здесь совсем недавно сталкивались сталь и магия, щедро лилась кровь, смешанная с чарами; и вот на этом самом месте брат Ракот встретил своего загадочного «поединщика».

Иаххарра твердит о «дыре», о «провале» – что ж, посмотрим...

И не думай о том, что творится в Хьёрварде. Не думай о Сигрлинн, о Хагене. Только о том, что есть здесь и сейчас.

Кирвад бегал кругами, покрикивал, всех разводя по местам. Видно было, что лесной божок счастлив по самую макушку.

Аномалия тут и впрямь была, сильная и явная. Все следы замести не удалось, от простого колдуна бы скрыли, от него, Познавшего Тьму, – конечно же нет.

Его взору открывалась едва затянутая плотью Межреальности воронка. Силу здесь скрутили тугим вихрем, так что она, словно сверло, пробуравила Междумирье. Мощное заклятие, такое не набросишь в единый миг, его надо тщательно подготовить – «поединщик» вышел против Ракота, точно зная, что он будет делать. «Победить», таким образом, цели не было, требовалось вместе с Восставшим провалиться куда-то, куда – это и предстояло узнать.

...Заклятия познания, словно золотистые искорки, сверкающим роем кружились вокруг пробоя. Хедин застыл изваянием, взор его скользил

вдоль уходящей в неведомую глубь «кротовьей норы».

Казалось бы, простое дело – однако червоточина, пролётгши сквозь несколько слоёв Межреальности, просто... исчезала. Сходила на нет, обернувшись совсем тонким волосом, подобно древесному корню.

Сделали скидку. Создали «пузырь» и ускользнули. Ловко... хоть и не ново. Однако, чтобы удержать Нового Бога, требуется нечто, подобное сотворённой Игнациусом ловушке; хорошие мысли, как известно, приходят во многие умные головы разом.

Кем бы ни оказался этот «поединщик», но соскочил он очень ловко и грамотно, прекрасно зная, что их будут искать.

Большой соблазн подумать на неведомого мага Кора Двейна и его компанию. Но имелось и ещё одно объяснение, которое чем дальше, тем меньше нравилось Познавшему Тьму.

Его заклинания возвращались, собрав всё, что могли. Тонкие нарушения баланса, почти неуловимые следы – интересно, смог бы заметить их Истинный Маг Хедин, не оказался бы он беспомощным? Всё-таки, когда у тебя за плечами сила истово верящих в тебя смертных и ты не колеблясь пользуешься ею, достичь можно куда большего.

Правда, потом это «большее» ещё предстоит удержать.

Кто-то очень могущественный наносил Познавшему удар за ударом, оставляя без соратников. Может, работал всё тот же Закон Равновесия; может, и вовсе неведомый враг, но в последнее Хедин не верил.

Один. И даже Хаген не подавал о себе последнее время вестей.

Что ж, значит, действовать надо ещё быстрее.

Он нашёл место «скидки», там, где «пузырь» ушёл в сторону, прокладывая себе дорогу, очевидно, через Астрал.

Иначе никак не уйти. И это, конечно, лишнее доказательство, что учинили сие безобразие отнюдь не простые колдуны.

Выследить их в Астрале тоже можно, но, проклятие, даже для него, Познавшего Тьму, это время, время и ещё раз время.

Которого конечно же нет.

Источники, избавившись от тёмных пуповин, поддерживали хрупкое равновесие, клетка Неназываемого держалась; однако биения нарастали, Хедин ощущал их, словно злые короткие толчки боли в висках.

Всё, как он и рассчитывал.

Его подмастерья уже выступили, молодцы, не мешкали ни минуты. Обетованное опустело.

Хедин коснулся пальцами прохладной грани кристалла. Он не пожалел на него сил, и пусть даже кто-то и почувствует эту связь – не важно. Если и

почувствуют, то пусть мечутся, пусть меняют планы.

Брату Ракоту придётся какое-то время продержаться самому. Иначе никак.

И Сигрлинн...

Познавший Тьму медленно разжал судорожно сжавшиеся кулаки.

И скомандовал «поход».

* * *

Они шли в глубь Упорядоченного, оставив за спиной священный Урд, по дороге, указанной Иаххаррой. Сама карлица, несмотря на то что её сородичей отпустили, осталась; вполне возможно, думал Хедин, через неё эти неведомые маги, как бы ни звали их в действительности, хотят следить за его воинством. Замысел их, конечно, как на ладони; пусть думают, что Познавший Тьму, словно баран на бойне, тупо лезет в их ловушку.

Воинство двигалось следом. Познавший Тьму поневоле вынужден был замедляться, останавливаться – в тех мирах, где уже были, пусть тайные и прячущиеся в криптах, но их с Ракотом культы.

Сказать заветные слова. Увидеть слёзы счастья в глазах тех, кто шепчет: «Дождались!» Простирать руку над головами падающих на колени – это нужно им, не ему.

Сила росла с каждым таким миром, оставшимся позади. Время, бурля и пенясь, несло потоком в русле великой его реки, и Драконы Времени поднимали изящные головы, провожая взглядами рати Нового Бога.

Указанный Иаххаррой путь лежал в самые обычные, ничем не примечательные области Упорядоченного, где много самых обычных, опять же, ничем не примечательных миров. Открытых и закрытых, продвинувшихся на путях цивилизации и до сих пор пребывающих в первородной дикости. Здесь не наблюдалось никаких магических аномалий, не бушевали войны, подобные Восстанию Безумных Богов, не возникали безумные пророки, что зажгли не менее кровавую Войну Ангелов. Здесь тихо жили, тихо воевали, тихо умирали.

«Прячь песчинку на морском берегу, а лист – в густой чаще», – подумал Хедин. Просеивать Межреальность мелким ситом в поисках логова этого самого «Кора Двейна» с шайкой – времени могло не хватить даже у него, Познавшего Тьму.

И всё же они приближались к цели.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Почётные и важные гости отбывали из замка господина Кора Двейна. Он сам, с братом Скъёльдом и сестрой Соллей, провожал их до ворот и даже чуть дальше, где начинался хаос неупорядоченного Междумирья. Слуги и стража выстроились почётным караулом; Матфей Исидорти, в нарядном кафтане, дорогой, золотом шитой шапке, при вычурном посохе, положенном ему как «ученику чародея», стоял, потя, в длинной шеренге.

Он не терял времени даром, он не просто так ел да спал, не просто так проводил дни в библиотеке. В дороге и после ему потребуется оружие, причём такое, что удивило бы всех, не исключая и господина Кора Двейна.

Чары – нет, тут с троицей магов не потягаешься, пока что не потягаешься. А вот если вспомнить, с чего начинался его путь, с «запретных книг» и демонов...

Пусть их и называют «оружием слабых» и «последней надеждой варлока», он умел управляться с этими сущностями. Ну, до определённого предела.

Сейчас Матфей сводил воедино всё, что знал сам и что удалось откопать в обширных фолиантах по прикладной демонологии уже здесь, в замке.

Руны. Вот ключ. Руны и умение их быстро начертить, в сочетании со способностью так же быстро наполнить их силой. Простые варлоки разрабатывали сложные системы охранных пентаграмм и тому подобного; но Матфей знал, как можно в случае надобности обойтись и без этого.

Символы как проводники силы, создающие невыносимые для демонов колебания тонких сред – и ему не будет нужды чертить какие-то там звёзды.

Перо скользило по пергаменту, сложные рисунки ложились на девственные страницы. Хорошо, что хозяева замка были так заняты и не мешали Матфею, – ему даже удалось пару раз выбраться за пределы крепости, где он не без трепета испытал некоторые из составленных им начертаний.

Успешно.

...После того случая, когда Кор Двейн натолкнулся на его разработки и не только ничего не заподозрил, но даже и похвалил, и подсказал немало ценного, Исидорти продвигался очень быстро, с какой-то поразительной лёгкостью. Самые сложные проблемы, как оказалось, имели простые и элегантные решения. Заклятия сплетались, каскады выстраивались, даже

толстые магические справочники словно сами собой раскрывались на нужных страницах.

«Всё готово, – думал Матфей. – Всё готово, и Царица Ночи – моя. В моей власти, совсем в моей! Сделаю с ней, что захочу, а если заупрямится – в клетку. Сразу. Со мной не забалуешь! Я, может, и просто человек, а она неведомо какая бессмертная сущность, но топтать я себя не позволю. Мы люди, мы всё переждем!..»

Важные гости задержались.

Шествовали туда-сюда по замку, что-то осматривали, не снимая плащей и не поднимая капюшонов. Двейн, Скъёльд и Соллей не отходили от них, почтительно давая какие-то пояснения; Матфею, увы, не удалось больше уловить ни слова.

Впрочем, оно и лучше. Теперь трое чародеев собрались, судя по всему, провожать явившихся и дальше, чем порог замка. Это ему на руку, именно сегодня, значит, он и исполнит задуманное...

* * *

– Матфей! Милый, как любезно с твоей стороны навестить меня в столь поздний час. – Царица Ночи грациозно поднялась с лежанки. – Что такое? Что стряслось? Ты чем-то озабочен, тебя что-то гнетёт? – тон её тотчас сделался заботливым и чуть ли не встревоженным.

«Проклятие, – подумал Матфей. – Плохо владею лицом для настоящего волшебника, она сразу почуяла неладное...»

– Кор Двейн с родней сильно заняты наверху. – Он махнул рукой, надеясь, что это получится достаточно беззаботно. – У нас отпуск, все разбрелись кто куда...

– Отпуск? Как славно! – она захлопала в ладоши. – И тебе никуда не надо торопиться?

– Великая Царица... я...

Слова застревали в горле.

– Скажи же мне толком, в чём дело, милый Матфей? – она чуть склонила голову, озабоченно сдвинула брови.

– Я... хочу... отсюда... тебя... – заикался он. Ладони взмокли, и он лихорадочно вытирал их о порты дорогого сукна, надеясь, что она не заметит. Вся смелость и дерзость куда-то улетучились.

– Ты сам не свой, дорогой мой надзиратель.

– Мы... можем... бежать! – наконец выдал он. И ощутил, как страх

сжал в животе липкие когти. Что с ним сделает Кор Двейн, если только узнает...

Царица Ночи осеклась на полуслове, губы её приоткрылись.

– Зачем ты так шутишь, Матфей? – с трудом выговорила она шёпотом. – Из темницы Двейна не убегают, тем более такие, как я.

– Я всё обдумал... и придумал... и сделал...

Матфей торопливо бормотал, сглатывая слюну, наполнявшую от волнения рот; в руках его появилось нечто странное: сплетение кристаллов, проволок, а сбоку искусно пристроена небольшая курильница; размером конструкция была с обычную масляную лампу.

– Что это? – глаза Царицы расширились, она прикусила губу.

– В этом я пронесу тебя, великая, мимо всех стражевых чар. Оно скроет твою сущность.

– Как же? Где?

– Э-э-э... внутри, – пролепетал Матфей.

– Внутри? – соболиные брови взлетели вверх. – То есть мне надо... развоплотиться... оказаться внутри этого... этой... А что потом?

– А потом мы выберемся из замка. Ты говорила, великая, что у тебя есть родня, могущественные волшебники. Укажи мне путь к ним, и я верну тебя домой.

Царица Ночи застыла, словно обратившись в алебастровое изваяние.

– Развоплотиться... оказаться внутри этой штуки... а потом ты, милый Матфей, меня выпустишь?

– Конечно, великая! Как только мы доберёмся до твоих близких!

– Не раньше?

– Я был бы счастлив раньше, но Кор Двейн... вдруг он возьмёт след?

– Кор Двейн возьмёт след в любом случае, – холодно проговорила она. – Что ж, Матфей... ты очень рискуешь, но... иного выхода, наверное, нет. Хотя лучше было бы тебе бежать одному, отыскать моих сестёр и братьев, дать им знать, где я...

Ага, конечно, мелькнуло у Матфея. Я доберусь до твоих сородичей, меня по плечу похлопают, корку с барского стола кинут да медный грош – и всё? И никогда мне уже тебя не обнять, потому что кто я такой? Так, мотылёк, мошка, во тьме у фонаря порхающая, чтобы наутро концы отдать. Ты бессмертная, можешь и сотню лет тут просидеть, и две, и три, поскучаешь разве. А я? Если не сделаешься таким же великим чародеем, как господин Кор, так того, в ящик сыграешь очень быстро.

– Нет, Царица, – как мог твёрдо сказал он. – Если я просто так сбегу, Двейн обо всём догадается, он же не дурак. И тебя я не выручу, и сам

пропаду ни за что. Кинется он по следу, отыщет меня – и поминай как звали. А тебя в таких безднах упрячет, что уж точно никто не найдёт. И не приставит к тебе никого – ты ж волшебница, да особая, тебе ни еды, ни питья не нужно. По милости он меня сюда допустил, другой раз такого уж не будет. Нет, великая, давай по-моему сделаем.

– А я... в банке этой... что же, и говорить не смогу?

– Со мной сможешь. Н-наверное. Я ж её только сделал...

– То есть я буду в... лампе? И сама выйти не смогу?

Матфей виновато развёл руками.

– Не гневайся, госпожа, я ещё не настоящий волшебник, я только учусь...

Царица испытующе глядела на него, пронзительно и проницательно; уголки великолепных губ чуть дрогнули в лёгкой улыбке.

– Ну что ж, дорогой... я тебе поверю. Вы, люди, отличаетесь честностью...

Матфею очень хотелось провалиться сквозь пол подземной камеры.

– Раздеваться не нужно? – усмехнулась вдруг Царица Ночи.

Он едва нашёл силы помотать головой; в нем по-прежнему всё начинало мутиться от одной мысли о её обнажённых прелестях.

– Тогда я готова, – объявила Царица. – Что нужно сделать?

– Ничего, – торопливо зачастил Матфей. – Совсем-совсем ничего, просто стоять, великая, вот здесь, а я начну...

...Слова сами складывались в заветные формулы. Жесты творились легко и свободно, сила вилась послушно, точно мягкая пряжа.

Контуры Царицы дрогнули, расплываясь. Она таяла, словно погружаясь в густой туман; на чувственных губах играла всё та же странная полуулыбка.

А потом грани всех кристаллов в «лампе» полыхнули разом, и голос Царицы зашептал в его сознании:

– Ну вот, я тут... а что, даже и неплохо... тесновато, правда, и видно не очень хорошо, камни мутноваты, отполированы недостаточно...

– Мы уходим, госпожа. Вот прямо сейчас и уходим. Тебе придётся помогать мне в пути.

– Не бойся, верный мой Матфей, я помогу. Пока что надо выбраться из замка.

...И они выбрались, безо всяких неожиданностей и приключений. Челядь сновала туда-сюда; и Матфей Исидорти проследовал тоже, с видом важным и независимым. За плечами – ранец, скрытый дорожной накидкой. Если Царица говорила правду (а зачем бы ей врать?), то дорога между

мирами займёт совсем немного времени.

А дальше всё будет необычайно хорошо.

...Уже в воротах он столкнулся с высокой и тонкой девой, завернувшейся в плащ белоснежных крыл.

Матфея она даже не заметила.

* * *

– Адата Гелерра. Рад приветствовать тебя снова в нашем замке. Прости, что заставил тебе ждать, – мы только что вернулись из... из небольшого похода.

– Досточтимый Кор Двейн, – гарпия низко поклонилась. – Я пришла обратно, как и обещала.

Волшебник встретил её на парапетах, где адата стояла – на излюбленном своём месте. Чародей поднялся к ней самолично, никого не присылая, оказывая честь.

...Честь, какой она никогда бы не дождалась от бога Хедина.

– Я хотела... вручить тебе это, досточтимый, – на тонкой ладони появился зелёный кристалл, прихваченный из дома Познавшего Тьму.

Чародей даже не пытался скрыть удивление – с шипением втянул воздух сквозь стиснутые зубы, вскинул голову, даже откачнулся назад.

– Невероятно... – процедил он. – Адата, это же... Адата, но как же... как тебе удалось...

– Я была в числе доверенных учениц бога Хедина, – проговорила она, не сводя взгляда с поблёскивающих зелёных граней; Кор Двейн словно не решался коснуться изумрудного камня. – Меня никто не заподозрил, никто не остановил. Бог Хедин, очевидно, считает, что к нему в Обетованное невозможно проникнуть врагу. И это верно – я видела, как горстка его учеников остановила многотысячную армию. Он может не опасаться за свои сокровища.

Кор Двейн молча покивал, высокий лоб чародея пересекли многочисленные морщины.

– Невероятно, – повторил волшебник. – Достаточно одного взгляда, чтобы понять... Артефакт Дальних!

Гелерра кивнула.

– Бог Хедин им дорожил. Не сомневаюсь, досточтимый, ты тоже сможешь найти ему достойное применение.

– Не сомневайся, досточтимая. – Кор Двейн не улыбался, напротив,

был чрезвычайно серьёзен. – Не могу себе представить, как Дальние, неведомая сила, расстались с таким... Откуда он вообще взялся, адата? Ведомая ли тебе его история?

Гелерра кивнула.

– Я подобрала его в Межреальности... подле мира, именуемого Эвиал... там, где пролёт путь неведомого чёрного тарана, вырвавшегося из него, и сокрушившего...

Она рассказывала; Кор Двейн слушал с неослабным вниманием.

– Значит, он, скорее всего, сперва достался Эйвилль... которая погибла, сражённая этим самым тараном... Но как эта вещь оказалась у неё?

Гелерра пожала плечами – чуть виновато.

– Теперь, конечно, никто уже не расскажет, кроме лишь вручивших это ей... – продолжал бормотать волшебник. – Нет, это поистине невозможная, непредставимая удача, адата Гелерра! Артефакт Дальних!..

– А разве досточтимый Кор Двейн не сталкивался с ними в иных местах? В мире под названием Хьёрвард они одно время имели целый «монастырь», в долине Бруневагар... бог Хедин рассказывал... – она чуть запнулась на его имени.

– Нет, – покачал головой волшебник. – Я всегда держался подальше от этих сущностей, слишком опасны, и проявлять, гм, интерес к ним следует, когда наберёшь достаточно силы, но, главное, знания. Вот теперь я набрал...

– Что смущает тебя, досточтимый? Я вижу... я чувствую...

– Прости, смелая адата, – вдруг проговорил Двейн, и в голосе его слышалось нечто, напоминавшее смущение. – Прости, я... позволил себе усомниться.

– В чём же, досточтимый?

– Я был уверен, что ты не вернёшься. Что ты останешься у своего наставника, у своего бога, которому верно служила столько времени. За это я должен просить у тебя прощения.

Он склонил голову в полном достоинства поклоне.

– Не стоит, досточтимый, – покраснела Гелерра. – Я сделала то, что должна была. Отблагодарила тебя за спасение. За избавление от жуткой участи, за то, что вернули мне крылья... – она любовно погладила роскошные маховые перья, белее горных снегов.

– Ну, если тебе так это важно, дорогая моя адата, давай считать, что мы квиты, – улыбнулся чародей. Только теперь он позволил себе осторожно коснуться зелёного камня, но сразу же и отдёргнулся. – Нет, не так.

Почтенная адата, сослужи уж ещё одну, последнюю службу – донеси его сама до моей лаборатории. Прости – у каждого волшебника свои... суеверия.

– Конечно, досточтимый. Почту за честь, – вежливо отозвалась гарпия.

Лаборатория оказалась упрятана, как и положено, глубоко в подземельях под замком, в толще плывущей сквозь Междумирье скалы. И это была настоящая *лаборатория*, впору самому богу Хедину. В потолке прорублены шахты, через которые лился свет – через одну солнечный, через другую лунный, через иные – звёздный, да ещё, насколько поняла адата, глядя на сложную мешанину зубчатых колёс и громадных фокусирующих линз, эти звёзды можно было выбирать.

В середине – длинная подкова рабочего стола, за который, если вздумается, можно усадить три десятка пирующих. Опытная в таких делах адата легко узнала поверхность: из чёрных камней Аргонара, инертных, которые не брали самые ядрёные магические смеси – куда там обычным кислотам и щелочам!

Коллекция кристаллов в бронзовых штативах: их были тут сотни, всех цветов радуги, в иных мерцали искры живых огоньков. На полках черепа всех мастей и калибров; венцом – занимавший всю стену от пола до потока череп исполинского волка.

– Прости, досточтимый хозяин... уж не череп ли это того сказочного зверя, что якобы должен разорвать в последней битве Древнего Бога О́дина?

– Твой вопрос льстит мне, – улыбнулся Кор Двейн. – И, хотя так и тянет соврать ради твоих прекрасных глаз, адата, но – нет, это не великий волк Фенрир, порождение Древнего Бога Локи. Хотя надо признать, некое сходство имеется. Нет, я делал это всё сам, а на стену угодил самый первый экземпляр, который выдержал все испытания.

– Хороший экземпляр, – уважительно кивнула Гелерра.

– Благодарю, адата. Поставь, пожалуйста, кристалл вот сюда, да, в держатель. Затянем винты... вот и всё, – Кор Двейн выдохнул, словно до последнего момента боялся исчезновения внезапно свалившейся ему прямо в руки драгоценности. – Что же ты станешь делать дальше, храбрая Гелерра? Куда направишь свой путь? В родной мир, сделаться правительницей своего народа?

Гарпия грустно улыбнулась и покачала головой.

– Нет, гостеприимный хозяин. У моего племени нет верховного владыки, и, право же, нет смысла устанавливать такового. Адаты не признают порядка, не имеют нужды в сильном правителе, у них нет

никакой цели, что потребовала бы волевого короля или... – она потупилась, – или королевы. А придумывать такую цель для них – право же, у меня есть идеи получше.

– Вот как? – поднял бровь Кор Двейн. – Быть может, ты сочтёшь возможным...

– Я бы хотела, – глядя прямо в глаза волшебнику, сказала Гелерра, – остаться здесь. С твоего позволения, досточтимый. Помочь тебе и твоему делу. Мне ведь помогла твоя сестра, чародейка Соллей. Я хочу послужить вам.

По лицу Кора Двейна расплылась широкая улыбка.

– Мой дом – твой дом, смелая адата. Оставайся столько, сколько захочешь. Уверен, ты найдёшь дело себе по душе. Идём, у нас много свободных покоев – выбирай любой. Сестра и брат будут очень, очень рады.

* * *

Ан-Авагар снижался быстро, даже слишком быстро. Чародейка Клара Хюммель оказалась неожиданно тяжёлой – нет, не потому, что увлекалась пирогами с вареньем, а потому, что магические потоки мира, куда направился вампир, почему-то не желали её удерживать на себе, и потребовалось всё его немалое искусство, чтобы они оба не рухнули со страшной высоты.

Одно из преимуществ странствующего вампира – у тебя всегда есть в запасе пара-тройка укромных местечек, где хорошо получится отсидеться, залечивая раны, свои или, как сейчас, чужие.

Мир, куда они опускались с Кларой, был необычен. Нет, не оттого, что там ходили на руках или имели глаза на затылке; нет, он просто находился словно бы в магической «тени» куда более крупного закрытого мира, жизненная сила текла здесь слабо, но зато была, словно вода с горных вершин – кристально чистая, почти идеальная.

В своё время Ан-Авагару случилось тут побывать, и предусмотрительный вампир оставил в этом мире кое-что на чёрный день, который, так уж вышло, настал, но не для него.

...Он опустил в зелёных предгорьях. В мире хватало силы траве, кустам, деревьям, а вот людям уже словно бы не доставало. Развалины замка остались почти такими же, какими их помнил вампир, – гномья работа, какая-то их экспедиция. Собственно, и «замок»-то был не замком, а

«временкой»; правда, гномьей «временности» хватило на сотни лет.

Ан-Авагар бегло проверил собственные сторожевые чары – нетронуты. Продержались неплохо, естественное истаивание в должных пределах; нет, обновлять их он сейчас не будет, незачем.

Каменная дверь распахнулась бесшумно, петли словно вчера смазаны, почти не требуется прикладывать усилий. Прохладная темнота, но никакой затхлости, гнили или плесени – у гномов иначе не бывает, только если они специально решат построить затхлое, загнившее или полное плесени подземелье.

А вот и его сундучок. Окован чёрным железом, сделан из железного же дерева, какое не возьмёт ни жук-древоточец, ни уже упоминавшаяся гниль.

«Прости, Клара, дорогая, придётся чуток полежать на голом камне. Впрочем, ты уже и сама почти как камень», – со странной, давно забытой болью внутри подумал эльф, сделавшийся по милости Эйвилль Великой – Ан-Авагаром.

Это было правдой. Кровь в жилах боевого мага Долины обернулась едва протискивающимся по ним льдом, вернее, ледяной кашицей. Мышцы одеревенели; дыхание едва ощущалось.

Жизнь уходила из Клары Хюммель, уходила по капле, и вампиру казалось, что с каждой этой каплей уходит жизнь и из него самого.

И нельзя сказать, что последнее заботило его хоть в малой степени.

Руки Ан-Авагара в чёрных перчатках быстро откинули крышку сундучка. Эликсиры, снадобья, дистилляты, экстракты... весь арсенал вспомогательных средств, когда у чародея нет времени на длительный подбор тонких заклятий.

Тогда, у Гильтана, он использовал кровь эльфа-целителя в надежде затормозить процесс и повернуть его вспять. Не получилось, но просто потому, что крови было маловато.

Да и вообще, что это за кровь у светлых эльфов? Всё равно что сок древесный, видимость одна.

Но успех, хоть и первоначальный, имелся; поэтому понятно, в каком направлении двигаться. А пока что...

Клара по-прежнему лежала на каменном полу, голова бессильно свалилась набок. Следовало нарубить веток, устроить ей ложе, но вампир ощущал – времени на это ему может и не хватить.

Острый коготь, вмиг удлинясь, осторожно коснулся посиневшей кожи на сгибе локтя Клары. Разрез прямо на вене, но кровь не потекла, и Ан-Авагар с ужасом воззрился на чёрно-багровый студень в жиле, от которого повеяло холодом даже на него.

Вампир зубами вырвал намертво осургученную пробку с первого из пузырьков, дёрнулся, как от боли. Осторожно опустил коготь в разрез; капли из скляницы побежали по чёрной кости, одна за другой исчезая в ранке.

Студень, заполнивший артерии и вены волшебницы, ответил яростным шипением, словно живое существо. Над локтем Клары поднялся едкий, остро пахнувший дымок, от которого скривился даже сам Ан-Авагар. Вампир судорожно заморгал, глаза немилосердно щипало, однако он не отвернулся.

Капли словно сами втягивались под кожу волшебницы, исчезая во вскрытой её жиле. Чёрный коготь не дрожал, однако одна Эйвилль Великая могла бы сказать, чего стоила вампиру эта неподвижность.

Он отсчитал полторы сотни капель. Снадобье, какого не было даже у Гильтана – собственно, оно целителю бы и не понадобилось. Творил его Ан-Авагар для себя, процесс занял несколько человеческих лет и потребовал добрую тысячу всевозможнейших ингредиентов из десятков самых разных миров.

Эликсир разжижал кровь, останавливая её превращение в свернувшийся сгусток, как только что заполнивший все сосуды в теле чародейки. Снадобье помогло бы самому вампиру, попади он под подобное заклятие, останавливающее все процессы в живущем лишь магией его теле.

Ан-Авагар работал чётко, словно всю жизнь только тем и занимался, что врачевал сложные магические поражения неизвестной природы. Закончив с вливанием первого эликсира, взялся за второй; пузырёк пришлось удерживать в зубах, потому что правую руку он положил Кларе на грудь, туда, где сердце, – оно билось едва-едва, кровь еле-еле ползла по артериям.

Положил руку на грудь волшебнице, и память словно сама собой швырнула его в прошлое, в зелёный, солнечный, радостный мир, где он был просто эльфом, просто Перворождённым, и был счастлив, всего лишь созерцая звёздные хороводы на мягком небесном бархате.

Нет, ещё он был счастлив, слушая смех и песни, ловя быстрый взгляд из-под длинных ресниц и лукавую улыбку на тонких губах подруги.

Всё было тогда другим.

«И оно может вернуться», – вдруг подумал Ан-Авагар, не успев удивиться очевидной глупости подобных мечтаний. Что и как может вернуться, о чём ты? Хватит об этом, есть дело, думай о нём!..

Ладонь его ощущала сердце Клары, его медленную и трудную работу. Гильтан тоже пытался ему помочь, но по-своему, как принято у живых, не

как у мёртвых.

Он старался подтолкнуть, ускорить, заставить – в то время как у сердца просто кончились силы и смерть проникла в каждую мельчайшую его частицу. Кровь, которую должно было качать сердце, его же и парализовала, обратившись в холодный студень.

Мёртвое отвечало мёртвому. Ан-Авагар ощутил, как немеет его собственная рука, но сердце Клары Хюммель начинало биться всё увереннее и быстрее.

Лекарство втягивалось в ранку.

Чуть шевельнулись намертво спёкшиеся губы.

Ан-Авагар едва заметно улыбнулся.

Самое трудное было впереди, когда потребуется много, очень много крови, но начало положено.

* * *

Замок тройки чародеев, Кора Двейна, его брата Скъёльда и сестры Соллей, плыл сквозь Межреальность, скользил в ней невесомой тенью. Мало кто знал к нему дорогу; мало кто являлся в него по собственной воле; и уж совсем почти не находилось тех, кто отыскал его против воли самих хозяев.

Адата Гелерра стояла на парапете, на любимом своём месте, и всё видела.

...Он возник из тумана Межреальности, там, где кончался камень летучей скалы и начиналась короткая дорога к воротам замка. Высокий и плечистый человек в изодранном, волочащемся за ним плаще. Острые глаза адаты видели кровь, запёкшуюся на виске и лбу, покрытую пылью воронёную кольчугу и длинный меч, на который незнакомец опирался, словно на палку. Ножны он нёс в другой руке.

Завидев крепость, он замер на миг, потом встряхнулся и как мог скоро зашагал к воротам, ножны высекали снопы искр, ударяя в камень.

Пришелец сочился магией. Она была его плотью и кровью.

Гелерра замерла.

Не может быть.

Это был не человек, это была тварь в образе человека, даже не пытавшаяся как следует скрыть свою истинную природу.

Белые крылья развернулась, адата сорвалась с парапетов.

– Ты! Пошли весть хозяину! – крикнула она какому-то служке. –

Господина Двейна, или госпожу Соллей, или господина Скъёльда – сюда, ко входу, немедленно! Я, адата Гелерра, зову!..

Перевернулась в воздухе и ринулась наперерез незнакомцу.

Приближаясь, она видела широко развёрнутые плечи, впалые щёки, глубокие морщины, рассёкшие лицо, прямой благородный нос. Одна из бровей исчезла, на её месте – следы недавно заживлённого (и притом кое-как) алхимического ожога.

Сильное лицо. Уверенное и непреклонное. Такой пойдёт до конца и не остановится ни перед чем. Судя по доспехам, ему пришлось немало драться на пути сюда; под чёрной сталью наверняка кроются едва затянувшиеся раны.

Адата мягко опустилась на каменные плиты прямо перед незванным гостем.

Он остановился, вбив ножны меча в гранит с такой силой, что побежали трещины.

– Гарпия... – проговорил он тяжело. – Крылатый народ...

Гелерра вздрогнула – пришелец говорил на языке Долины Магов.

– Привет тебе, гость, – она учтиво поклонилась, в полном соответствии с ритуалом слегка разведя белоснежные крылья. – Ты ранен, ты истомился в дороге; позволь мне помочь тебе.

– Ты здесь привратница? – почти прорычал он, но не от гнева, просто прорвался его естественный, природный голос.

– Нет, высокочтимый. Я просто хочу быть полезной.

– Ты здесь хозяйка?

– Нет.

– Тогда кто ты и зачем тратишь попусту слова?

– Не гневайся, гость, прошу тебя. – Гелерра примирительно подняла руку с раскрытой ладонью. – Я... я друг хозяев сего места. Они помогли мне... очень сильно помогли, и, я надеюсь, помогут и тебе. А вот и они, кстати.

Из ворот появились все трое чародеев. Кор Двейн справа, Скъёльд слева, в середине плыла, как обычно не касаясь тверди, сестра Соллей.

– Хорошо, – незнакомец с усилием выпрямился. Правая рука сомкнулась на эфесе меча, левая держала ножны.

– Что случилось, почтенная адата? – к удивлению Гелерры, первой заговорила Соллей. Оба мага же во все глаза – и весьма невежливо – уставились на пришельца.

Кор Двейн раскрыл было рот, однако незнакомец его опередил.

– Я здесь, потому что я разыскиваю своих жену и детей. Их след

привёл меня сюда. Ответьте мне, здесь ли – или была ли тут – волшебница по имени Клара Хюммель с моим потомством?

У Скъёльда отвалилась челюсть. Соллей невольно вскинула ладонь, прижимая её к губам; и только Кор Двейн остался невозмутим, справившись с первоначальным изумлением.

– Господин дракон Сфайрат, – волшебник низко, почтительно поклонился. – Рады приветствовать тебя в нашей скромной обители. Прошу тебя, входи и позволь нам позаботиться о твоих ранах...

– Моя жена, – в голосе дракона лязгнула сталь; он словно ничуть и не удивился тому, что имя его известно здесь. – Боевой маг Долины Клары Хюммель и наши дети. Они...

– Они были тут. Были, – поспешно сказал Кор Двейн. – Потому-то нам и известно твоё имя, достопочтенный. След вывел тебя верно. Позволь, позволь нам оказать тебе гостеприимство, и мы всё тебе расскажем...

– Их здесь нет. – Разочарование дракона невозможно было описать, у Гелерры остро защемило вдруг сердце и защипало в глазах.

– Их здесь нет, – хрипло согласился Скъёльд. – Но они тут были, могучий дракон. Супруга твоя искала здесь убежища и помощи. Твоя младшая дочь, Зося...

Гелерра прошла через многое и сражалась во множестве битв, но сейчас ей вдруг очень захотелось оказаться как можно дальше от этого израненного существа, дракона в человеческом облике – такая ярость полыхнула в его глазах и таким гневом исказились его черты.

– Я знал!.. Именно след драконьей крови, *моей* крови привёл меня сюда! Неведомо было лишь, кто из моих детей... – в горле у него заклокотало, он поперхнулся.

– Сударь мой Сфайрат, – поспешил встрять Кор Двейн. – Всё так, как ты и говоришь. Твоя младшая дочь была тяжело ранена, однако мой брат Скъёльд – искусный лекарь и знаток всего, что касается вашего племени, – сумел ей помочь. Она излечилась. С нею, твоим остальным потомством и досточтимой супругой всё в порядке. Они свободно и невозбранно покинули сие место. Мы были счастливы помочь; я предлагал госпоже Кларе остаться, однако она избрала другой путь. Но прошу тебя, прошу, входи и дай нам возможность помочь и тебе!..

Гелерра затаила дыхание; казалось, дракон колеблется. И кто знает, на что он способен, если решит, что его-таки обманывают!..

Однако спустя несколько мгновений Сфайрат, наконец, выдохнул, слегка ссутулился, вновь оперся на собственный меч.

– Хорошо, любезные хозяева. С благодарностью приму вашу помощь,

хотя принимать её – это не по-нашему...

* * *

– Позволь мне, высокочтимый Сфайрат, – Гелерра вела дракона вниз по крутой винтовой лестнице, высеченной прямо в толще камня. – Обопрись на...

Это было явно лишним, дракон зашипел от ярости.

– Я спущусь сам, крылатая дева.

– Прости, – с неожиданным для самой себя смирением проговорила гарпия. – Я не хотела задеть тебя, могучий. Я долго сражалась, была начальником в полках, и, хотя там тоже хватало сильных воинов, было принято, что, коль можешь помочь, ты помогаешь. Прости, мне следовало помнить, что у вас всё по-другому...

– Извинения приняты, – после некоторого молчания уронил дракон. – Но куда ты ведёшь меня?

– Покой исцелений, – повторила адата слова Соллей. – Хозяйка встретит нас там. Сейчас она готовит всё необходимое...

– Как ты очутилась здесь, крылатая дева? – неожиданно спросил Сфайрат. – Я ощущаю в тебе странную силу и следы странных чар...

– Я, я... – запнулась Гелерра. – Моя история длинна и необычна, могучий дракон. Её не изложишь в двух словах. Сейчас тебе необходимо излечение, целительные чары, а потом, коль пожелаешь, мы потолкуем об удивительных путях, что привели нас сюда...

– Мой путь ничуть не был удивителен, – возразил дракон. – Что же странного в том, что муж отыскивает супругу и детей?

– Но тебе пришлось немало претерпеть, – заметила Гелерра. – Ты столкнулся с препятствиями, одолеть которые было непросто даже для такого великого бойца, как ты...

Что-то меня потянуло на лесть, вдруг со смущением подумала она.

– Ничего особенного, – сухо ответил Сфайрат. – Междумирье велико, там хватает древних и голодных тварей, опасных даже для моего племени. Для тебя это новость, белокрылая?

– Нет, не новость. Но я знаю, на что способны драконы, особенно, – она прищурилась, – драконы-хранители.

Спор, однако, не успел разгореться, крутые ступени кончились. Отворилась широкая дверь, украшенная изображением лотоса в круге, и адата с размаху окунулась в ароматный тёплый туман.

Всю середину овального покоя занимала огромная каменная чаша глубокого бассейна, заполненная сейчас парящей водой, куда явно добавлены были экстракты многочисленных трав. Потолок терялся в испарениях; всё вокруг заполнял ровный сероватый свет, неяркий и умиротворяющий.

– Оставь все тревоги за порогом, могучий дракон. – Перед ними возникла Соллей, как всегда, не касаясь земли пальцами ступней и закутанная в плащ из собственных волос. – Прими свой истинный облик, погрузись сюда. Мой брат, маг Скъёльд, сейчас явится. Он искусный врачеватель, в странствиях он научился многому. Именно он спас твою младшую дочь. Поэтому не страшись ничего, даже если заклинания сперва покажутся тебе удивительными или даже пугающими...

– Я не страшусь ничего, любезная хозяйка, – слова дракона были вежливы, но тон ледяной. – Благодарю тебя за помощь, но не соблаговолишь ли ты – и ты, крылатая дева – оставить меня на краткий срок в одиночестве? Мне потребно разоблачиться, пока не явился маг Скъёльд.

Гелерра пожала плечами – мол, видели мы этих драконов, во всех видах видели, – но всё-таки отправилась к дверям. Было что-то в голосе этого Сфайрата, что заставляло повиноваться. Была настоящая сила. Может, он и не сотворил бы доступного богу Хедину, но вот в тех пределах, что отпущены ему, он был сильнее.

Так, во всяком случае, ощущалось адате.

Она заметила, что хозяйка Соллей тоже идёт за нею следом, даже не думая возражать дракону – тоже чувствует, наверное.

– Доверься нам, – задержалась на пороге волшебница, целомудренно, однако, не поднимая глаза на Сфайрата, что гремел сейчас железом стягиваемых доспехов. – Погрузись в воду. Потом мы войдём. Экстракты и вытяжки в бассейне – это полезно, но тебе, досточтимый дракон, требуется настоящее лечение.

– Хорошо, – отозвался тот.

Уже стоя на пороге, Гелерра, несмотря ни на что, с неким вызовом обернулась, бросив взгляд на гостя – могучие плечи, гордо поднятая голова, а миг спустя всё это исчезло, шумно плеснула вода, над бассейном поднималась голова уже настоящего дракона, а не его человеческой ипостаси.

Он, конечно, был красив и так, и так. И как человек, и как дракон.

Наверное, это было бы весело – нестись с ним среди вольных ветров, расправив свои крылья и видя, как мерно вздымаются рядом его

собственные!..

Соллей стояла рядом, и на прекрасном, но обычно ледяном лице волшебницы Гелерра впервые прочла нечто вроде... интереса.

Маг Скъэльд не заставил себя долго ждать, примчался почти бегом. Гелерра заметила, что вытатуированные на бритом черепе драконы старательно замотаны белым тюрбаном.

– Он должен быть уже готов, брат, – Соллей продолжала со странной мечтательностью глядеть на двери.

Чародей ухмыльнулся.

– Отлично. Сейчас погляжу. А чего вы топчетесь за порогом, словно служанки?

Гелерра и Соллей переглянулись. Волшебница неожиданно покраснела.

– Он... он велел нам подождать снаружи, ибо...

– Ему требовалось разоблачиться.

– Гхм! – прочистил горло маг. – Надеюсь, он уже успел всё сделать. Идём, сестра. Идём, достойная адата, – Скъэльд вдруг коснулся её руки. – Идём, врачевание драконов – непростая штука, мне потребуется помощь от вас обеих.

Гелерра улыбнулась хищной улыбкой, словно перед охотой.

Мягкий и ароматный пар, кажется, сделался ещё гуще. Огромное тело дракона, всё покрытое чешуйчатой бронёй, свернулось в каменном бассейне. Крылья аккуратно сложены, свёрнут длинный хвост – Сфайрат вдруг почему-то напомнил ей кота, уютно устроившегося в тёплом месте. Коты, конечно, не жалуют воду, но вот вид у дракона был совершенно такой же.

Так и тянуло погладить.

Но, силы небесные и заповедные, как же ему досталось!.. Изранен жестоко, несмотря на чешую, и раны рваные, словно ему с мясом пришлось выдирать нечто вроде глубоко вонзившихся зазубренных гарпунов. Многих чешуек не хватало, виднелись почерневшие, словно начавшие уже гнить, ткани.

Бедный. Гелерре очень захотелось сделать что-нибудь, хоть как-то помочь; а ещё она вдруг ощутила ревность, самую настоящую ревность и зависть к волшебнице Хюммель – ради неё этот дракон сражался, дрался насмерть, едва остался жив... Хотела бы она, Гелерра, чтобы вот так кто-нибудь отыскивал бы её.

Тяжёлые веки дракона смежились, и это было хорошо – а то увидел бы, что она, «крылатая дева», стоит, беззастенчиво его разглядывая.

Невежливо всё-таки.

А где Соллей? О, оказывается, тоже рядом, и тоже глазеет на дремлющего в бассейне дракона.

– Приступим. – Скъёльд, творя какие-то пассы, поплыл над поверхностью воды, роняя из рук тёмный порошок.

– Это семена, адата, – услышала Гелерра. – Семена самых разных растений, помогающих исцелению. Наши чары не подействуют на дракона; однако магия зелёных растущих созданий, магия великой Ялини – она поможет.

– Магия великой Ялини? – озадаченно повторила Гелерра.

Она впервые услышала здесь, во владениях Кора Двейна и его родни, имя одной из Молодых Богинь, вдобавок давным-давно сгинувшей без следа.

– Ученица великого бога Хедина ничего не слышала о Ялини?.. – начала было Соллей и тотчас остановилась, заметив сдвинувшиеся брови гарпии. – Прости, адата. Конечно, ты знаешь, кто это. Знаешь, что родня её, Молодые Боги, Ямерт и остальные, давно пали от руки Хедина и его брата Ракота. Низвергнутые в ничтожество, они влачатся теперь где-то неведомыми путями Упорядоченного: бессильные, бледные тени тех, кем они были когда-то. Но Ялини избрала иной путь. Она не стала воевать с Новыми Богами. Вместо этого она пыталась просто помочь тем, кто нуждался в помощи, – волшебница перевела дух. – Лекарственные растения, источники целебных снадобий, попечением светлой Ялини распространялись по мирам, и с ними распространялось – в секрете, лишь среди посвящённых – её учение.

Адата слушала со всевозрастающим удивлением. Ни о каких «учениях Ялини» она и слыхом не слыхивала. Конечно, тайных культов и орденов в Упорядоченном было куда больше, чем бесчисленных миров, но всё-таки, всё-таки...

Или бог Хедин пропустил мимо ушей ещё и такое?

Или маг Скъёльд и в самом деле учился у Молодой Богини?

Или колдунья лжёт с какими-то целями?

Сам чародей не ответил – слишком был занят разбрасыванием семян и творением каких-то чар, распознать которые Гелерра не могла, только чувствовала резкие толчки силы.

– Увы мне, – продолжала меж тем Соллей, – ни я, ни мой брат, мы никогда не встречали Хозяюку Зелёного Мира. Скъёльд учился сам, знания собирал по крупицам; свитки в заброшенном храме, спасённая от сожжения перепуганными глупцами библиотека... Мне никогда не хватало

терпения. Зато, – она слабо улыбнулась, – я разбираюсь в демонах.

Гелерра улыбнулась в ответ, и тоже слабо. Память о боли была ещё слишком свежа.

Меж тем рассыпанные Скъёльдом в воду семена дружно лопнули, начали расти, удлиняясь и извиваясь, словно змеи, изумрудные, шафранные, горчичные, малиновые стебли. На поверхности заколыхались широкие листья, то сжимавшиеся, то раскрывавшиеся, словно человеческие лёгкие. Дракона Сфайрата обвила настоящая живая паутина, отростки проникали в раны, иные тотчас жухли, съёживались и отпадали, опускаясь на дно.

Однако следить за этим долго не получилось – растения сплетались всё гуще, листья, словно у кувшинок, затянули всю гладь бассейна, скрыв мощное тело дракона от любопытных взглядов.

– Это займёт немало времени, красавицы, – Скъёльд слегка задыхался, лоб меж бровями и тюрбаном блестел от пота. – Хотел бы я знать, где наш пациент встретил таких... противников. Сестра! Начинай, черти малый круг, все звёздные символы излечения и здоровья, все! Адата Гелерра! Ты крылата, держись в воздухе над бассейном, как только увидишь где-то разрыв в поросли – забрасывай семенами!.. Мне нелегко разом и левитировать, и творить излечивающие заклятия.

Гелерра торопливо кивнула.

Начиналась настоящая работа.

* * *

Матфей Исидорти никогда ещё не видел Межреальность воочию, странствуя по ней в одиночку, словно настоящий могучий чародей, кому уже тесно в пределах одного-единственного мира. Сейчас он шагал по тропе, которая вела словно бы через сказочный разноцветный лес; по его ощущениям он оставил позади, наверное, пару лиг; на самом же деле, как объяснила Царица Ночи из своей «лампы», от замка Кора Двейна его уже отделяли неизмеримые бездны пространства.

«Ты замечательно придумал с этим устройством, – журчал в его ушах голос Царицы, мягкий, ласкающий, таящий в себе обещание и намёк. – Мы не оставляем следов. Меня Кор Двейн смог бы учуять, но тебя – нет. Прекрасно, мой Матфей, просто прекрасно!..»

Исидорти помалкивал или отвечал односложно. Царица вела его уверенно, и не просто вела – открывала дорогу там, где только что

высились непроходимые заросли такого вида, что в них Матфей бы не полез, даже если б за ним гналась целая орда приснопамятных демонов (из-за интереса к каковым он в конечном итоге очутился именно там, где очутился), или где распахивалась внезапная бездна, или где в густом тумане шевелилось нечто, неприятно напоминавшее длинные щупальца или, может, клубок огромных змей.

«Мы хорошо идём, у тебя лёгкая поступь».

«Что это значит, госпожа?»

«Хм-м-м... как бы объяснить... иных смертных в Междумирье приходится удерживать, словно утопающего на поверхности воды. А ты, если можно так выразиться, плывёшь сам, едва оказавшись тут. Талант не скроешь, дорогой мой, нет, не скроешь!...»

Слушать это было, конечно, приятно. Однако, с другой стороны, могущественная Царица Ночи – пленница внутри его устройства, и без посторонней помощи оттуда не выберется.

Да и с посторонней тоже. Сам-то он, Матфей Исидорти, конечно, за постороннего никак не считается.

«Нам осталось совсем недолго. Сейчас уже не до секретности, нам надо добраться до моей родни. Кор Двейн, даже если что-то заметит, уже ничего не успеет сделать».

«Отрадно слышать, госпожа».

«Не бойся, дорогой, – в голосе Царицы послышался нежный укор. – Конечно, ты опасaeшься. Моя родня, мы – могущественные сущности, мы не люди, не эльфы, не гномы...»

Да уж, что не гномы – это точно. Матфей видел в замке альбомы с изображениями гномьих женщин в их изначальном, так сказать, виде.

Зрелище это способно было лишить любовной страсти даже самого распалённого охотника за юбками.

«Ты боишься, что мы тебя обманем. Но посуди сам, зачем нам это? Именно потому, что мы не люди, не гномы и не эльфы, нам нет нужды в обычных способах, э-э-э, „смыть обиду“ или что-то в этом роде. Ты получишь свою награду, Матфей. Не сомневайся. И потом сможешь делать всё, что захочешь. Моя свобода дорого стоит, очень дорого. Захочешь – так купишь себе какое-нибудь небольшое, но симпатичное королевство и будешь жить-поживать. Долго-долго. Весело и со вкусом...»

«Разве это мне нужно? – подумал Матфей. – Небольшое, но симпатичное королевство? На кой оно мне сдалось? Править горсткой тупых селян, кучкой кичливых нобилей, разбирать их распри, упиваться на пирах и быть не в силах даже поотрубить им головы, ибо это „разрушит

мир и спокойствие“! Нет, моя Царица, мне нужно больше, много больше...»

«Щедрость моей госпожи поистине не знает границ. Но ведь королевство – это очень много золота? Да и как его „купить“?»

«Пусть это тебя не волнует. Мы с братьями и сёстрами обо всём позаботимся».

Конечно, позаботятся. Только совсем о другом.

Он шагал и шагал, подкрепляя силы одним-двумя глотками воды да парюю сухарей. Припасов достаточно, ибо, как известно, «идёшь на день – еды бери на неделю».

И наконец...

«Матфей! Впереди – ты видишь что-нибудь?»

«Ничего не вижу, госпожа. Межреальность как она есть. Деревья какие-то... высокие, очень. С веток словно бы сети свисают и какие-то крылатые вдобавок...»

«Отлично! – прервала его Царица. – То, что надо. Иди теперь прямо на них, но только прямо по тропе и ни шагу в сторону, понял? Иначе тебя не удержу здесь даже я».

Это, конечно, не очень хорошо. Однако он как раз рассчитывал, что твердыня Царицыной родни будет окружена чем-то подобным, скрытыми ловушками, капканами, замаскированными ямами, провалами и так далее – и подготовился.

«Мне отсюда одному будет не выбраться», – жалобно прохныкал он.

«Не волнуйся, – покровительственно обронила Царица. – Мы проводим тебя до любого места в пределах этой Вселенной. Кстати, можешь уже меня выпустить. Мы в безопасности, если только... Опиши мне эти деревья, во всех подробностях, скорее!»

Матфей повиновался.

«Эти крылатые... Здоровенные летучие мыши, а пасти у них – ого! – как у демонов», – отчего-то Матфею стало очень неудобно.

«Не на зубы смотри! На крылья! Что видишь?»

«Алый знак... круг и в нём словно бы руна...»

«То, что надо, – с облегчением объявила Царица. – Иди смело. Но только по тропе!»

Вскоре Исидорти уже шагал по узкой – едва две ладони шириной – извилистой тропке, пролёгшей через дремучий лес. Между ветвей и свисавших с них сеток парили летучие твари, их резкие крики оглашали воздух, кожистые крылья шуршали над головой Матфея.

Тропа неожиданно оборвалась, упёршись в нечто, выглядевшее словно

комель поваленного дерева. Паутина корней поднималась на высоту пяти человеческих ростов.

«Госпожа, дальше дороги нет!»

«И не надо! Подними меня повыше, пусть видят! Ещё выше! Ещё!»

Матфей вытянулся, пытаясь выполнить приказ. Вместилище Царицы закачалось, кристалл в нём вдруг засветился, и лес вокруг Исидорти мгновенно изменился. Прямо из-под ног начинался широченный тоннель, а в нём – беломраморная лестница с вычурными перилами; застыли в напряжённых позах золотые статуи воителей и воительниц, танцовщиц, невиданных зверей...

А глубоко внизу что-то мягко сияло тем же розоватым светом, что лился из его собственного устройства.

«Спускайся, – устало распорядилась Царица. – Мы дома».

* * *

– Пахнет у них тут вкусно, Фредегар.

Старший половинчик, однако, не ответил. Они с Робинот стояли в самой гуще торговых рядов – рынок в Хедебю, столице Торговой Республики, что на самой полуденной оконечности Восточного Хьёрварда, не затихал до поздней ночи.

Оба невысоклика одеты и снаряжены были как для боя, и обычного, и магического. Под просторными плащами прятались доспехи гномьей работы, защищённые самолично Учителем наложенными чарами; за спиной луки в колчанах, на поясах короткие мечи.

Подмастерья Хедина, едва спустившись в Хьёрвард, разделились, прочёсывая окрестности Хедебю и сам город. Учитель щедро наделил их кристаллами собственной работы, так что теперь при словах «Эритовый Обруч» они могли смело пожать плечами: «Экая древность!»

Они искали. В точности как в сказках – «принеси то, не знаю что». Хорошо ещё, что «пойди туда» было более или менее ясным.

– Вкусно пахнет, говорю! Смотри, сосиски жарят!.. Фредегар, а, Фроки! Чего молчишь-то?

Товарищ Робина только покачал головой под низко надвинутым капюшоном.

– Не нравится мне тут.

– Скажите, пожалуйста! Мне тоже не нравится, но это не повод отказываться от сосисок!

– Да помолчи ты! – яростно зашипел вдруг на спутника Фредегар. – Не чувствуешь ничего, что ли?! Как... как сердце колотится. И где-то совсем рядом!.. Как тебя, глухаря эдакого, Учитель вообще взашей не вытолкал?!

Аэтерос никогда и никого бы не вытолкал взашей, и Роб был не только отличным лучником, смелым и хладнокровным бойцом, но и умелым чародеем, упрёки были несправедливы, однако, глядя на исказившееся вдруг лицо сотоварища, Робин враз посерьёзнел, даже и не думая вступать в пререкания.

– Точно. Как сердце бьётся, да быстро как!.. Как будто бежит куда-то, нет?

– Бежит и задыхается, – мрачно добавил Фредегар.

– Чепуха какая-то... – Робин вслушивался, прикрыв глаза. – Сила пульсирует, никогда такого не ощущал...

– И я тоже нет.

– Пошлём весть остальным?

– погоди ты, торопыга! Они, может, и сами всё ощутили; только на смех нас поднимут. Нет, сперва поймём, что это за штука такая, а уж потом всем скажем.

Они покружили по рынку, надеясь ощутить, что приближаются к источнику странных биений; но нет, напрасно. Всюду всё оставалось одинаковым.

Какой-то подвыпивший эльдринг, чьё празднование удачного похода явно затянулось, двинулся было на них, пошире растопырив ножны.

– С дороги, мелюзга!

Невысоклик, казалось, не сделали ни одного лишнего движения, не посторонились, но вояка-дружинник пролетел мимо них, никого не задев широко расставленным оружием, и недоумённо заморгал.

Ученики Аэтероса не тратили время на подобного рода драки.

– Та-ак... – сквозь зубы процедил Фредегар, едва они оторвались от подгулявшего молодца, растерянно таращившегося на то место, где они только что были. – Весть, от Александра, – и он полез за пазуху.

То же самое проделал и Робин.

«Время, – зазвучал в сознании холодный и правильный голос крылатого змея, совершенно не похожий на его речь вживую. – Поток времени, узкий, но во множество раз быстрее остального. Завязанный на кого-то. На кого – пока не знаю. Ищем».

– Время... – прошипел Броди, невольно хватаясь за меч. – Кто мог ускорить время?!

– И отвести поток от главного русла, – мрачно добавил второй

невысоклик. – И замкнуть на кого-то!..

– Правильно нас Аэтерос сюда отправил... – пробормотал его спутник.

– Вот когда найдём, тогда и будет правильно, – Фредегар подвигал плечами, проверяя, быстро ли достаётся лук из саадака. – Фокусы с временем нам с тобой так просто не заметить...

– Заметили бы, просто специальные руны надо, и весы, и балансиры, и...

– И весь арсенал Учителя в придачу. И знания, что именно нужно искать. Повезло, что змей с нами.

– Повезло...

– Покайтесь! – вдруг возопил негде-то пронзительный голос. Деловито спешащие по своим делам почтенные обыватели и купцы славного града Хедебю не обратили на выкрик никакого внимания, надо полагать, уличными пророками и проповедниками тут было никого не удивить. – Покайтесь, гнусные грешники, во прелюбодеяниях погрязшие, чреслами да срамными удами думать только и могущие!..

– Почему все эти провозглашальщики только и знают, что «срамные уды» обличать, а, Роб? Сколько миров повидал – всюду одно и то же...

Младший половинчик, однако, остановился возле оборванного и нечесаного человека в длинном сером балахоне. Руки скованы, правда, видно было, что вериги нетрудно снять.

– Покайтесь! – вновь пронзительно завопил он. – Ибо сказал Спаситель наш, на столбе муку смертную принимая, что грядёт он в день последний, в день судный! И воздаст всем по делам их, и грехов никому не спустит! Смерть вечная и пытки вечные уделом неверных и нечестивых станут, покуда не истлеет сам мир! Праведных же Спаситель уведёт отсюда, к блаженству неведомому, где ни горя, ни печали!..

– Ну и чего застыл-то? – на родном языке прошипел Фредегар на ухо товарищу. – Не слыхал этих безумцев, что ли? Во всех мирах, куда Спаситель заглядывал, да окончательно ещё не спас, их хватает.

– Тихо! Не мешай! – вдруг отрезал Роб.

– Покайтесь, глаголю вам! – набрал в лёгкие воздуха этот то ли монах, то ли проповедник, то ли просто уличный юродивый, каких хватало в Хедебю. – Грядёт уже Спаситель! Как есть грядёт!..

– Какой ещё спаситель, что ты несёшь, мразь! – проповедника грубо пихнули в спину; троице подвыпивших эльдрингов (ходить по рынку трезвыми они, похоже, вообще не имели привычки), видать, наскучили его вопли. – Иди в другое место орать!..

Половинчики переглянулись.

– Пстой...

– Как же так...

– Ведь Спаситель...

– Ещѐ не приходил...

– В Хьѐрвард! – закончили они хором, уставившись друг на друга широко раскрытыми глазами.

**Ракот Восставший; Хедин, Познавший
Тьму; адата Гелерра; Матфей Исидорти**

Когда ты – Владыка Тьмы и битва близится к неизбежной победе, можно позволить себе толику благородства вкупе с милостью к павшим. Так воевал Ракот Восставший в те далёкие дни, когда его армии бились с ратями Молодых Богов; так он поступил и сейчас, когда ясно было – быкоглавцам не выстоять против его Тёмных Легионов.

И ошибся.

Его противник, судя по всему, прекрасно его изучил, заготовив тщательно рассчитанную ловушку, в каковую Ракот и угодил.

Ловушку, которую невозможно было создать, не зная, как именно закончилось его Восстание.

Каким образом Молодые Боги могли пленить Истинного Мага, сущность, способную принимать любой облик, какой только пожелает? В чём был их секрет, как им удавалось удерживать его, Властелина Мрака, сперва в заточении, а затем – развоплощённым на Дне Миров?

Какие силы пришлось пустить им в ход, из каких почерпнуть источников? Как они придали им форму? Как удерживали долгие-долгие столетия?

...Знакомое ощущение сдавленности, стеснения, невозможности «распрямиться» – едва только их падение кончилось. Они пробили слои реальности, и это вновь донельзя неприятно напомнило его последнее падение – когда Ямерт самолично сбросил его в раскрывшуюся под Обетованным пропасть.

Пропасть, что вела до самого Дна Миров.

Вот и сейчас – ни зрения, ни слуха, ни ощущения свободно текущей силы. Лишь стеснённая да зелёная круговерть в глазах.

Стеснённость, но не путы.

Мир вокруг был лишён вещественности, плоти, осязаемости. Сила текла, но слабо, неровными и неверными толчками, слишком тонкая, проскальзывающая, подобно ненадёжным шпагатам, за которые тщетно пытается уцепиться висящий над пропастью.

«Поединщик» исчез. В какой-то миг он ещё был рядом с Ракотом, а в

следующий его уже не стало.

Впрочем, исчез не только он. Исчезло и тело Ракота, могучее тело Повелителя Тьмы; он сделался, как в злой день суда Ямерта, нагой идеей, «истинным Истинным Магом», не нуждающимся в материальной оболочке.

Движение было ограничено тоже.

Прежний Ракот Восставший начал бы буйствовать, проверяя на прочность свою клетку (собственно, именно так он и поступил, угодив в плен); нынешний же лишь пожал отсутствующими плечами, стягиваясь в точку, в мельчайшую единицу пространства.

«Брат Хедин учил меня терпению. Что ж, посмотрим, хорошо ли усвоен урок».

Он сжался, приведя к полному молчанию свои собственные мысли, лишь впитывая и вбирая в себя неверные капли силы, отрезать от которых полностью его всё же не смогли.

Устроители западни были хитры, но слишком уж уповали на старые проверенные методы.

Неужто развесёлая компания на «Я», о которой не было слышно столько эонов, наконец-то обнаружила себя?

Познавший Тьму обрадуется.

Нет, Ракот не беспокоился за свои Легионы и за Обетованное. Они выиграли битву, его солдаты раздавят остатки быкоглавцев.

Трогвар не даст случиться иному. Священный Урд в полной безопасности.

А пленители к нему явятся сами.

...Он не ошибся. Мир вокруг дрогнул, серая плотная мгла, где не было ничего, и даже самой мглы, являвшейся лишь иллюзией, расходилась, обретая формы, воплощаясь и материализуясь.

Воплощался и сам Ракот, против собственной воли. Вернее, он мог бы начать сопротивляться, но пока это было... преждевременно.

Из ничего вновь соткалось привычное ему тело. Связь с Кипящим Котлом ослабла, и Восставший принял всегдашний свой облик высокого и мощного черноволосого варвара с яростно-синими глазами.

Предчувствия его не обманули – вокруг материализовались стены тюремной камеры; на запястьях и щиколотках поблёскивающие синевой цепи.

Ракот подавил усмешку.

Они не в силах придумать ничего нового.

Зазвучали голоса; звуки их раздавались откуда-то сверху, однако Новый Бог не торопился скидывать голову, он просто слушал.

Голосов было много, мужских и женских, и он был уже готов услышать властный баритон Ямерта, рычащий бас Ялвэна, тонкий и резкий, словно порывы ветра, глас Ямбрена, но нет, он никого не мог узнать.

Знакомо оказалось нечто иное.

Язык говоривших.

Короткие всплески силы, сопровождавшие каждое слово. Они не пользовались обычной звучащей речью, во всяком случае, сейчас.

Однако себя выдали сразу, хотя и пытались скрыть собственную сущность. С былым Ракотом они, может, даже бы и преуспели; но не с Новым Богом.

Давным-давно ему уже довелось переведаться с ними.

Восставший шевельнулся, зазвенели цепи. Он сделал вид, что пытается их разорвать.

– Нет нужды, – раздался женский голос, резкий и властный. – Мы приняли меры, Ракот.

Это был язык его Поколения.

Восставший пожал плечами.

– Меня не испугал в своё время Ямерт. Не испугал и даже не смог предотвратить исполнение моих замыслов, всего лишь отсрочил.

– Куда уж нам до Ямерта, – издевательски пробасил кто-то.

– Это точно, – согласился Ракот. – До Ямерта вам и в самом деле далеко.

– Тихо! – вновь распорядилась обладательница резкого голоса. – Ты, наверное, уже догадался, куда попал, «новый бог Ракот». – Последние три слова прозвучали как издёвка. – Мы долго ждали, искали и планировали. Мы подчинили себе ужасы, которых страшились, и обратили их в источник нашей силы. Мы нашли тех, кто смог дать дельные советы. Мы негласно подтолкнули тех, кто и не подозревает, что исполняет наши замыслы, даже враждуя с нами. И теперь нам осталось последнее...

– Говори, девочка, я слушаю, – делано зевнул Восставший. – И не думай, что я тебя не узнал, хотя и прошло столько лет. Давай, выкладывай, что вам надо, опять с жиру беситесь? Имена ещё не поменяли, они у вас по-прежнему те, дурацкие?

Ответом ему стал хор негодующих возгласов.

– Спокойно, мои дорогие! – пробасил кто-то. – Бог Ракот думает, что по-прежнему может отчитывать нас, как детей – как тогда, после Северного Хьёрварда и Орды. Нет, Восставший, ваше время кончилось. У вас была вечность – а теперь она прошла.

– Может быть, да, а может, и нет, – равнодушно сообщил своим

пленителям Восставший. – Я вот вижу, что вы, к сожалению, ничуть не изменились и не поумнели. Ради сомнительного удовольствия недолгое время поддержать меня в положении, что вам кажется смешным и унижительным, вы пролили море крови, сбили с толку и задурили головы тысячам и тысячам смертных, устроили эту глупую войну, осадили Обетованное... и где оно, ваше войско? Полегло на ближних подступах, а Священный Урд по-прежнему не в вашей власти. Что станете делать теперь, умники и умницы? Где ваш главный, кстати, что-то его не слышно?

– Что мы станем делать теперь? – самодовольно хохотнул обладатель звучного баса. – О, у нас масса возможностей. Нам даже не слишком нужны эти глупые Источники, с которыми вы, «новые боги», – издёвка в его голосе стала нескрываемой, – так носились. Да и войско – оно отнюдь не «наше». Другие дураки старались, ну а мы, как и положено, воспользуемся плодами. Но тебя, Ракот, это не коснётся. Именно против тебя мы ничего не имеем, ты ведь всего лишь тупая дубинка в руках твоего хитроумного брата и его сучки-супруги, но... на войне как на войне.

– Довольно слов, – поморщился Восставший. – Вы всегда слишком много болтали.

«Тем не менее они явно стакнулись с Молодыми. Отыскали их где-то, получили от них нужные заклятия... хотя, чтобы их повторить, нужно быть именно Ямертом или хотя бы кем-то ещё из семи главных. Такие чары не запишешь в книжку и не вызубришь на уроке... Но, с другой стороны, Молодым Богам после их падения никогда не удавалось нам навредить; если всё так просто и достаточно лишь вспомнить конец моей первой войны с ними?..»

– Он прав, – бросил женский голос. – Мы и впрямь многовато болтаем. Начинайте, братья и сёстры. И не забывайте о Царице Ночи.

– Тень сама виновата! – раздражённо заявил кто-то. – Зачем она вообще туда полезла?..

– Не сейчас! – оборвал говорившего бас. – Ракот, прозываемый Восставшим, тебе предоставляется последнее слово. Ибо, – он хохотнул, – говорить после того, как мы с тобой закончим, ты не сможешь уже никогда.

– «Никогда» – слишком смелое слово. – Брат Хедина оставался невозмутим, не давая гневу прорваться наружу. – Вы совершили все мыслимые ошибки, мои дорогие. Во-первых, вы пошли на поклон к Ямерту, воспользовались старым знанием. Оно может сработать... один раз и ненадолго. Во-вторых, вы связались с Дальними, не зная, что они замышляют и какая судьба в их планах уготовлена всему Упорядоченному. В-третьих, чтобы вы знали, сдерживавшие Неназываемого путы,

сотворённые в своё время мной с братом Хедином, больше не действуют, и чудовище вот-вот вырвется на свободу – потому что вы разбалансировали систему Источников Магии...

– Ложь! Клевета! Враньё! – завопили ему в ответ. – Источники – это вы сами, это ваш Хрофт!

Не могут удержаться, подумал Ракот.

– И, в-четвёртых, вы действительно слишком много говорите.

Восставший слишком хорошо помнил заключение в чёрную глобулу, созданную гением Архимага Игнациуса. Именно тогда у него и появился его собственный Ученик, первый за неведомо сколько лет. Он теперь хранил слившийся мир Мельина и Эвиала, тот, кто был Императором. Он прошёл по следу белой твари, он нашёл тех, что посягали на его Империю, и задержался там. Ему требуется время перебить наложенные чары, вернуться, вновь обрести себя – но Ракот в нём не сомневался.

Однако сейчас пришла пора показать этим зазнайкам, что они имеют дело не просто с Восставшим, не просто с Истинным Магом, но именно с Новым Богом.

Он сбросил навязанное ему тело, сбросил играючи, словно старый плащ. Вместе с телом рухнули и кандалы. Восставший вновь сжимался в точку, в мельчайшую частицу сущего, на что не способен был даже великий Мерлин в пору расцвета их Поколения.

В этом состоянии не слишком удобно сражаться, в нём он бы не смог выскользнуть из капкана Игнациуса; но из западни, насторожённой не на Нового Бога, а на Истинного Мага, глядишь, и удастся.

Хотя брат Хедин с ним бы не согласился. Он не узнал пока, с кем всё-таки договорились его самодовольные пленители. Что пообещали они и что было обещано им. И... неужто, если за всем этим стоял сам Ямерт, самодовольный бог упустил бы момент, чтобы позлорадствовать?

Никогда и ни за что. Разве что провернувшая всё это компания действовала на собственный страх и риск, не ставя «старших товарищей» в известность.

Он сжимался всё больше и больше, невольно повторяя путь Познавшего Тьму в чреве Неназываемого.

Это было больно, он словно продирался нагой через узкую щель в скале, усеянную острыми, словно ножи, гранями обсидиана, однако продирался всё равно. Наваливалась ватная тишина, исчезали звуки и краски, он вновь погружался в густой серый туман, уходя в такие области, куда никогда не заглядывал, ни Истинным Магом, ни им же, но в ипостаси Владыки Мрака, ни даже будучи уже Новым Богом.

Это была поистине изнанка бытия; и словно бы придвинулся, виднеясь в туманной дали, домен Соборного Духа, так что Ракоту показалось – он видит домик Трактирщика на холме, и вывеску над дверьми, и приветливо освещённые в ненастный вечер окна.

Однако сейчас Ракоту привиделось, что, хотя трактирные окна по-прежнему светятся, но крышу его треплет жестокий ветер, пытается сорвать ставни, повалить забор. Мрачные тучи наступали со всех сторон, в них сверкали странные зелёные молнии, и сами стены содрогались, словно шторм уже вцепился в них бесчисленными клыками грозовых разрядов.

Взгляд Ракота невольно скользнул дальше, туда, где надлежало вздыматься великому Древу; в разрывах грязно-серых туч виднелось небо, но не голубое, а тоже серое, хотя и светлее.

На его фоне вились плотные рои крошечных чёрных точек; Ракот знал, что они означают.

Демоны.

По большей части они оставались тайной для многих и многих обитателей Упорядоченного; они никогда не становились «угрозой Сущему» подобно Неназываемому, и им с Познавшим Тьму, в общем, не приходилось заниматься ими всерьёз; как правило, хватало сил самих смертных или бессмертных, чтобы справиться. В редких случаях было достаточно отправить нескольких подмастерьев.

Сейчас же поднявшаяся туча этих созданий, неисчислимый сонм, кружила над владениями Демогоргона, и от этого мороз шёл по коже, вернее, пошёл бы, оставаясь она на тот момент у развоплотившегося Ракота.

Остальное Упорядоченное закрывал от него туман, облака поднявшегося магического шторма, но грозу во владениях Соборного Духа Восставший, напротив, видел слишком даже хорошо.

По всей Вселенной катились волны от поднявшейся бури, и породило её сразу несколько причин.

И разрушенный баланс Источников Магии.

И рвавшийся из своей клетки Неназываемый.

И тёмные пиявки, присосавшиеся к Кипящему Котлу и Источнику Мимира.

И поступок самого Мимира, оставившего свой вековечный пост.

И деяния брата Хедина, который – вдруг со вспышкой внезапной боли ощутил Ракот – собирает силу смертных, верящих в него.

И странное возмущение силы в Восточном Хьёрварде.

Всё смешалось, реки магии выходили из берегов, волны бушевали,

старые пути рушились, возникали новые, неведомые дороги, ведущие в доселе закрытые области.

А в самом сердце этого хаоса резало Межреальность воинство обретших свободу душ. Мёртвые вырвались из векового плена, и вёл их мрачный воитель в чёрной броне, с лицом, полностью скрытым глухим шлемом.

Владыка Тьмы мигом ощутил знакомые эманации.

Водитель Мёртвых, Яргохор, соответствовал собственному имени.

Куда он направлял собравшихся вокруг него, Ракот понять не мог, но это тоже было угрозой – поход мёртвых порождал новые и новые волны беснующейся силы, словно режущий океанские воды взбесившийся левиафан, способный топить целые острова.

Сжатие, крайне жёсткое и болезненное, наделило Восставшего способностью видеть и ощущать, какой у него никогда не возникало даже в бытность полноправным Владыкой Тьмы.

Упорядоченное корчилось от боли.

И он, Ракот Восставший, приняв на себе старые регалии, эту боль только усилил.

Оставалось лишь повернуть так, чтобы, как при врачевании, боль сделалась бы спутником излечения.

А для этого ему не следовало покидать это место, во всяком случае, пока.

Пока он не узнает больше.

...Ракот Восставший принимал прежний вид, сохранив даже звывавшие на запястьях кандалы.

Его появление было встречено гробовым молчанием.

– Ваша взяла, – сокрушённо сказал он, низко опуская голову. – Хитро придумали, не уйти... Ну, давайте, говорите, зачем вам всё это понадобилось. И зачем вам понадобился я.

Восторженные вопли, насмешки, хохот и всё прочее, чем сопровождалось его признание, Восставший пропустил мимо ушей.

Он должен понять, что здесь происходит и как Новые Маги дошли до жизни такой.

* * *

Хедин, Познавший Тьму, знал, что на него ведётся охота, что на них с братом Ракотом расставлены многочисленные западни. Враг, может, и не

обладал исполинскими силами сам по себе, но был ловок, искусно находил слабые места, заставлял метаться, сам ускользая из-под ответных ударов.

И, конечно, едва ли позволил бы своему тайному убежищу быть обнаруженным настолько простым и даже примитивным образом. Тем более что ещё совсем недавно невозможно было найти никаких следов, что вели к этим загадочным чародеям.

След ложный и ведёт в ловушку, не сомневался Хедин. Однако мы пойдём всё равно, и рано или поздно захлопнется уже наша собственная западня.

Армия шла, по его собственным меркам, неспешно, и росла по дороге. Над мирами поднимались стяги Познавшего Тьму, и сам Хедин ощущал, как всё труднее удерживать в повиновении копящуюся и требующую выхода силу от веры смертных.

Они жаждали боя, возле Обетованного им достались лишь крохи с пиршественного стола.

Но битва всё не наступала, лишь мелкие да мельчайшие стычки в новых мирах, где утверждался «закон великого Хедина» – всегда находились безумцы или фанатики, а порой и Древние Боги, из тех, что покинули свои норы, ощутив возвращение прежней мощи.

На удивление тихо было в окрестностях Асгарда Возрождённого. Там тоже ощущалась скопившаяся сила, но её скрывало искусно наброшенное покрывало чар. Познавший Тьму заставил себя не думать о ней, как и об исчезнувшей там Сигрлинн.

Старый Хрофт приковал к себе достаточно чужих сил.

...И настал час, когда Познавший Тьму собственными глазами увидел парящий в Межреальности замок на плоской вершине летучей скалы, так напоминавший его собственный, сгинувший в зелёном пламени.

Иаххарра, маленькая чародейка, подняла на него глаза.

– Это здесь, великий бог Хедин. Я исполнила обещанное.

Да, она не лгала. След вёл именно сюда. Замок был, несомненно, приманкой, и приманкой настоящей. Устроившие капкан понимали, что обмануть Познавшего Тьму пустышкой куда как нелегко.

В замке и вокруг него сила прямо-таки кипела. Искусно замкнутые на него магические потоки позволяли его хозяевам многое, очень многое, заставляя вспомнить Замок Всех Древних в годы расцвета хединского Поколения. «Гвоздь, соединявший пласты реальности» называли его; и здесь неведомые строители пытались возвести нечто похожее.

До известной степени им это удалось.

Ценный приз, очень ценный. Сделано всё, чтобы убедить врага – вот

он, поистине лакомый кусок.

И потому Хедин медлил. Его армия разворачивалась, невольно напоминая, как они с Ракотом добивали осаждённый Брандей; к сражению всё готово, однако команды на приступ всё не поступало и не поступало.

Здесь, в месте силы, Познавший Тьму вновь ощутил ту невозможную, немислимую связь с самим собой, оставшимся в бездне Неназываемого.

...Ощутил то страшное бесконечное падение, всё длящееся и длящееся, сквозь пространство ужаса, где крошились и распадались достигшие сингулярности души, и возрождались вновь, но уже в совершенно ином виде, там, за пределами чёрной сферы.

Однако поток душ прекратился, остановились плывшие к бездне миры, и лишь немногие царства мёртвых продолжали рушиться; по сравнению с бурным потоком душ теперь в пропасть Неназываемого сочился жалкий ручеек.

Остальное было собрано им, Хедином. Он увлекал их за собой, вниз по бесконечной спирали, и должен был любой ценой, но разорвать эту бесконечность.

Невнятный шёпот, сопровождавший падение Познавшего Тьму, становился всё громче, обретая смысл.

Тот миг, когда падающий Хедин достигнет сингулярности, станет концом Упорядоченного, как он его знал.

Неистовая вспышка, с которой сравнится разве что изначальное Дыхание Творца, самый первый миг Творения. Чудовищный выброс силы, первобытной, первичной, словно само Пламя Неуничтожимое.

Падение неизбежно. Трудно сказать, когда оно случится по времени Упорядоченного – через миг, через год или спустя целую эпоху, но оно случится. И только в его силах отвести от родной Вселенной всю непредставимую мощь грядущей катастрофы.

Что будет дальше – неведомо.

Познавший Тьму вскинул голову, сжал кулаки.

Замок перед ним, казалось, жил обычной жизнью, совершенно не обращая внимания на подступившее совсем близко войско; плыл себе и плыл, медленно удаляясь от ратей Хедина, раздвигая перед собой Межреальность.

Познавший Тьму глядел на чужую твердыню, стараясь уловить биения незримых струек и ручейков магии, приводных нитей готовой захлопнуться ловушки.

Капкан насторожен, он готов. А замок... замок и в самом деле казался живым, настоящим – снуют во дворе и на парапетах крошечные

человеческие фигурки, занятые каждодневными делами, катаются туда-сюда по крошечному «небу» два разноцветных солнца, текут вокруг ровные потоки силы.

Замок несли сквозь Междумирье могущественные чары; однако маленькая колдунья вывела армию Хедина именно туда, где он и оказался. Что ещё раз говорило в пользу ловушки.

– Кирвад.

Сильванский божок был тут как тут.

– Великий бог Хедин?..

– Возьми мой стяг. Почётную охрану выбери сам, повнушительнее. Отправляйся к воротам, предложи им, – Познавший Тьму улыбнулся, – почётную сдачу. Рядовых воинов мы распустим по домам, позволив забрать с собой столько золота из сокровищницы этого замка, сколько они смогут унести. Сделай так, чтобы они – рядовые то есть – услышали бы всенепременно. Вожакам же... вожакам пообещай неприкосновенность, если они предстанут передо мной, отринув враждебность. Скажи, что бог Хедин мог бы уничтожить их одним мановением руки, но богу Хедину претит пустое кровопролитие, в то время как у Упорядоченного есть настоящие и куда более страшные враги. Всё ли понял, Кирвад?

Лесной бог упал на одно колено, приложил к сердцу раскрытую правую ладонь.

– Великий бог Хедин не изволит сомневаться в своём верном.

– Тогда ступай. И смотри в оба.

Сильван понимающе осклабился.

– Великий бог Хедин не должен напоминать своему верному Кирваду о настолько очевидном. Я всё разужнаю, Великий, всё осмотрю. Потребую, чтобы меня провели внутрь; как ни крути, но я тоже – бог, и даже Древний, – он ухмыльнулся.

– Ступай, – прервал его излияния Хедин.

Мы продолжаем играть по правилам, мы думаем, что добрались до «средоточия зла». Мы поступаем так, как от нас и ждут.

* * *

Они не изменились за прошедшие века, Ракот узнавал их всех.

– Владыка Небес, – проговорил он, наконец соизволив взглянуть на своих пленителей. – Король Рассветов. Водительница Волн. Хозяйка Радуг – замечательная причёска, мне очень нравится, семь цветов тебе к лицу.

Властительница Вихрей. Повелитель Рек. Мастер Камней. Владычица Молний, моё почтение. Не будь я скован, честное слово, мы нашли бы с тобой о чём поворковать в укромном уголке. Так, а где ж та прехорошенькая чернулечка, которая мне так запомнилась по нашей последней встрече? Королева Темноты, если не ошибаюсь?

– Царица Теней. Или Ночи, – пробасил в ответ Владыка Небес. Массивный, перевитый мускулами торс охватывали ленты золотистого шёлка, на широком узорчатом поясе из белого и жёлтого металла висел вычурный кривой клинок с ярко сияющим в оголовке солнечно-светлым камнем. – Она не с нами. Пока не с нами.

– Очень жаль, – вздохнул Ракот. – Ну да ничего не поделаешь. Вы пленили меня, что дальше?

– Дальше? Дальше ты сделаешь то, что давно обязан был сделать! – грохнул Владыка Небес.

Серая мгла вокруг Восставшего сменилась роскошно разубранном залом с высокими стрельчатыми окнами, стенами розового мрамора, кадками с дивными цветами в нишах. В воздухе парили вычурные резные кресла, на которых и восседали восьмеро захвативших его в плен.

Восемь Новых Магов, только восемь, потому что девятая, Царица Ночи, она же Царица Теней, «была не с ними».

– Что же это? – невозмутимо поинтересовался Восставший.

– Вы с братом Хедином, в невиданной жадности, своекорыстии и зависти к нашим талантам, – зазвенел голос радужноволосой чародейки, – тщась продлить собственное жалкое существование, лишили нас по праву нам принадлежащего места в Упорядоченном! Вы лишили нас посвящения у Трёх Источников, без которого мы – Новые Маги, но не Истинные!.. Вы украли у нас нашу судьбу, наше предназначение, наше предопределение!..

– По-моему, – хладнокровно усмехнулся Ракот, звякнув цепями, – вы всё это время не скучали. Да и непохоже, – он кивнул на роскошные шпалеры и летающие кресла, – чтобы вы испытывали в чём-то нехватку. У нас с братом Хедином такого не водилось.

– Не важно! – вскинулась Водительница Волн, её огромные голубые глаза прожигали. – Вы лишили нас того, что было нашим по праву! Мы должны были сделаться новым Поколением!

– А вы разве не сделались? – пожал плечами Ракот. – Чего вам не хватало, спрашиваю я вас?

– Почему нас лишили Посвящения? – почти прорычал Мастер Камней, рыжебородый и коренастый. – Почему?!

– Потому что вы были его недостойны, – ледяной взгляд Восставшего

скрестился с горящим взглядом Нового Мага.

– Кто это решил?! Как вы посмели?! Как можно самим, единолично!.. – грянул целый хор возмущённых голосов. Чародеи повскакали с летучих кресел, сами без труда левитируя над шикарным мозаичным полом, где перекатывались мягкие волны разноцветных огоньков.

– И для того, чтобы сказать мне это, вы устроили бойню с быкоглавцами? – голос Восставшего играючи перекрыл всю эту какофонию. – Вы не могли просто явиться ко мне, брату и Сигрлинн и высказать всё это? Кстати, я не вижу не только вашу девятую, но и вашего десятого. Чёрного, если не ошибаюсь. Он, кажется, был большим любителем восседать в темноте на каком-то кубе и медитировать. Благородное занятие, особенно если от него никому никакого вреда.

– Мы не намерены спорить! – гаркнул Король Рассветов, его густые брови, сросшиеся на переносице, опустились так низко, что не стало видно глаз. – Теперь ты сделаешь, как мы велим! Ты проведёшь нас у Кипящего Котла, и у Источника Мимира, и закончишь возле Священного Урда! И после этого мы, по праву следующего Поколения, займём место хранителей и управителей Упорядоченного! А вы, вы с братом Хедином... тебе уже сказали – у вас была вечность. Она прошла.

– А если я откажусь? – осведомился Ракот. – Вы не забыли, что Посвящение можно пройти, только если проводящий *согласен* его провести? Как вы этого намерены добиться? Меня в своё время и Неназываемый напугать не сумел. Что вы вообще о себе возомнили?! Какие из вас Истинные Маги?! После всего, что вы учинили в Хьёрварде?!

– Это было очень давно, Ракот Восставший.

Негромкий, очень мягкий, очень молодой голос. Другой, отличающийся от Новых Магов, сильный и опасный.

Названный брат Хедина замер, бугры его мышц вздулись, словно он готов был ринуться в схватку.

– Это было давно, и это прошло. Мир изменился, Упорядоченное изменилось. Ваша с братом вечность и в самом деле прошла. Тебе лучше прислушаться к тому, что тебе говорят. Если, конечно, не хочешь вновь оказаться... нет, не на Дне Миров, а в куда худшем месте и состоянии. Оттуда тебя не сможет выручить даже Познавший Тьму.

– Нет смысла мне грозить, – сухо сказал Ракот. – Совсем нет смысла. Вы, вы все ничего не видите и не желаете видеть. Ни опасности Дальних, ни угрозы Неназываемого...

Негодующие крики, Мастер Камней аж запустил в пленника фужером

тонкой работы.

«Пустые разговоры, – Ракот легко увернулся. – И я по-прежнему не знаю, что им нужно в действительности. Инициация, посвящение?.. Но почему, если они этого так жаждали и жаждут, они никогда не пришли к нам, не отыскиали нас, не попросили об этом? Ведь мы с братом пощадили их тогда, после дела с Ордой в Северном Хьёрварде. И они присмирели, надолго. Видать, до тех пор, пока их не отыскиали те, кто должен был отыскать рано или поздно».

– Хорошо, хорошо! – гаркнул он, перекрывая шум. – Инициация, Посвящение – и это всё?

– Нет, Восставший, далеко не всё, – спокойно проговорил всё тот же мягкий голос. – Далеко не всё. Но – по порядку. Посвящение – это лишь первый шаг...

– А что я получу взамен? – упёрся Владыка Тьмы. – Свободу?

Он надеялся, что прозвучало это в достаточной степени естественно.

– Свободу? – повторил мягкий голос сзади. – Не стану тебя обманывать, Истинный Маг Ракот, на это вам с Познавшим Тьму рассчитывать не приходится. Вы, последние из своего Поколения, должны уступить место новому, как и положено вечным законом. Вы разделите судьбу тех, чьё место заняли в своё время сами, – разве это не справедливо? Чем плоха участь, скажем, лесного духа или духа источника? Ваши предшественники, предыдущие Поколения, приняли свою участь. Прими и ты свою.

«Они что, и впрямь в это верят? Что стоит Новым Магам пройти посвящение, как всё вернётся на круги своя и мы с Хедином тихо-мирно превратимся в пару смешных лесных старичков с грибами на шапках? А Сигрлинн? Что с нею?»

Он сказал это вслух.

– Сигрлинн? А почему с ней должно случиться что-то особенное? Сделается, к примеру, главной русалкой в мельничном пруду.

– Гм, завидная участь. Думаю, она будет в восторге.

– Это *естественная* участь, – мягко поправили его. – Участь, которой не избегли ваши предшественники. Участь, которой они покорились. И против которой восстали вы, от чего сейчас Упорядоченное и оказалось на краю гибели.

Ракот пожал могучими плечами.

– И это всё? Отречься от самих себя, вручить всё вот этим... детям, так и не научившимся взрослеть? И смотреть, как те же Дальние перемалывают Упорядоченное в порошок?

– Дальние, – прошелестел в ответ мягкий голос, – есть то же самое, что и жуки-могильщики в любом лесу. То же самое, что пожиратели падали. Они уничтожают старое, отжившее, умершее, чтобы расчистить место для нового. Рождаются, живут и умирают не только звери, птицы, рыбы, деревья или люди. Точно так же рождаются, живут и умирают целые миры. Дальние – те, кто закапывает разлагающихся мертвецов, чтобы они стали пищей новому, а не смертельным ядом для него. Это всеобщий закон, а вы с Хедином пошли против него. За что и поплатились.

– Прекрасные рассуждения, поистине прекрасные, – скривился Владыка Тьмы. – Не знаю даже, чего в них больше, наивности, невежества или прямого обмана.

– Не тебе вещать о наивности или невежестве, Ракот Восставший. Ты был зачинателем великих бедствий, ты стал причиной смерти бессчётного множества живых, ты сжигал целые миры, отказавшиеся повиноваться твоей Тьме, ты вызвал в нашу вселенную Неназываемого!

– Как здесь уже прозвучало, «это было очень давно», – парировал Владыка Тьмы. – И, кроме того, странно требовать от меня чего-то, обещая взамен существование, э-э-э, в виде мелкого лесного духа. В своё время меня не смог уничтожить даже сам Ямерт, только заточил. Так чего мне бояться сейчас? Мой брат Хедин на свободе и действует. Едва ли ему понравится, если вы попытаетесь повторить тот давний трюк, и тогда...

Он не пытался повернуться, стараясь показать, что оковы по-прежнему держат его крепко, и оказался не готов к удару.

Это был не удар мечом, копьём или иным подобным оружием. И не чарами, что замораживают кровь и останавливают сердце.

Ракот словно проваливался сквозь плоть Междумирья, оставаясь при этом на месте; проваливался и растекался, его суть истончалась, распространяясь окрест мириадами крошечных, словно корни травы, нитяных струек. Он становился дёрном, основой, гумусом, на котором предстояло произрасти уже совсем другим.

В первые мгновения он не боролся, уверенный в себе, знающий, что Нового Бога не так-то просто пленить или посадить на цепь, а если такое и удаётся – как Игнациусу, – у пленённого всегда найдётся чем удивить пленителя.

Но сейчас удивили его.

Он попытался повернуться, взглянуть, наконец, в глаза говорившей с ним, и не смог. Ракота втягивало всё дальше и дальше, он погружался всё глубже, и понял, что шутки кончились.

Если это *она*, то в изгнании ей удалось научиться слишком многому.

Но, с другой стороны, если его сейчас... расточат, развоплотят или что-то ещё – кто же проведёт столь желаемое Посвящение?

Кажется, Новые Маги думали точно так же. Вскочили, замахали руками, смешно, словно неуклюжие птицы, паря в воздухе подле своих резных сидений.

Она не посмеет. Он им нужен.

Однако чужая сила продолжала вдавливать его в изнанку Упорядоченного; Ракот переставал видеть и слышать творящееся в зале, и в этот миг рванулся уже всерьёз.

Неведомая сила заставляла его растекаться, распространяться – воля Восставшего потянула расточённое обратно, стягивая в точку. Получалось с трудом, но получалось, Ракот вновь словно продирался через узкую щель, изобилующую острыми гранями, он тщился уйти, проскальзывая между мельчайшими частицами сущего; но чужая воля держала, пыталась втиснуть в привычный облик, запереть в его собственной уязвимой плоти.

Но что-то было здесь всё равно не так, какая-то неправильность крылась в этой силе, пытавшейся обратить его в почву, в землю, на которой предстоит расти удивительным «лесам» Междумирья.

Он пытался до самого конца уловить эту неправильность, понять, откуда она и что значит, когда наверху вдруг загремело, загрохотало, и на миг раздалась заполошная растерянная возгласы и всё исчезло.

* * *

– Досточтимая адата Гелерра, хозяин Кор просит почтить их обед вашим обществом.

Слуга склонился низко, выставя на обозрение изрядную лысину. Слуги – они всюду одинаковы. Вот и этот – занесло на плывущую сквозь Междумирье скалу, в хозяевах – троица диковинных магов, а ему хоть бы что. Словно при дворе обыкновеннейшего барона в Хьёрварде.

– Скажи уважаемому хозяину, что сейчас буду.

Адата стояла на любимом своём месте, на парাপетах. Поэт написал бы, что «грудь её томило тревожное ожидание», и оказался бы, увы, прав.

Назревало что-то донельзя скверное, пугающее, непонятное.

Она досадливо встряхнула крыльями. Вид белоснежных перьев, возвращённых ей Двейном и Соллей, всегда удивительным образом радовал и успокаивал.

«Хороша. Да, хороша!»

Ничего-ничего, не надо паниковать раньше времени. Может, всё ещё образуется...

Она слетела с крепостной стены на широкий двор, прошла услужливо распахнутыми перед ней парадными дверями.

Приятно всё-таки, что хоть где-то тебя оценивают по достоинству.

За роскошно накрытым длинным столом уже сидели Скъёльд и Соллей. Бритый маг дружественно помахал адате, Соллей широко улыбнулась и подмигнула, словно подружке, с которой делишь какой-то приватный секрет.

– Наш дорогой дракон дрыхнет, точно в спячку впад, – сообщила она.

– Угу, – Скъёльд жадно косился на расставленные яства. – Его сейчас ничем не добудишься, даже вы, две такие красотки, не преуспеее. Он сильно изранен, заживление идёт медленно – это у дракона-то! Какие-то новые яды, сестра, я с такими не сталкивался ещё. Гнойное расплавление тканей, спонтанный некроз... Взял образцы, конечно же, буду разбираться...

– Ах, братец, фу так за столом говорить! – Соллей в шутку наморщила носик.

– Прости, дорогая, – ухмыльнулся Скъёльд. – Я ужасно голоден, вот и стараюсь дурными остротами приглушить аппетит. Ну где там этот Кор, я сейчас его самого слопаю!..

– Я невкусный, – рассмеялся тот, появляясь из дальних дверей. – Прошу прощения за опоздание, сестра, брат, ты, почтенная адата. Я задержался, но у меня были на то серьёзные основания. Почтенная адата?

Гелерра поспешно отогнала совершенно нецеломудренны мысли, включавшие её саму и дракона Сфайрата.

– Мои извинения, досточтимый хозяин. Что-то случилось?

– Случилось, – хохотнул Кор. – Всё случилось именно так, как я и задумывал. Хотя и несколько раньше, чем планировалось.

– Дай угадаю, брат, – усмехнулась Соллей. – Наш дорогой Матфей Исидорти бежал, прихватив с собой Царицу Ночи?

– Так нечестно, – дурашливо надулся Кор. – Я так не играю. Хотел их удивить, а они... – и рассмеялся.

– Чего ж тут нечестного? – пожал плечами Скъёльд. – Парнишка он головастый, не зря с демонами в своём мире якшался, иначе едва бы придумал свою штуковину, в которой Царицу пронёс! Однако быстро ж управился! Я думал, дольше провозится.

– И ты тоже знал? – воззрился на брата Кор Двейн.

– Видел, как ты ему помогал и подсказывал. Думал, он сам не сдюжит.

– Нет, идеи у него и впрямь оригинальные, – вступилась за Матфея Соллей. – И впрямь новый подход; фактически твоя темница, брат, только в миниатюре.

– Да, – кивнул Двейн. – И парень головастый, и... В общем, он доставил Царицу именно туда, куда и должен был.

Чародейка и бритый маг переглянулись.

– Неужели? – понизила Соллей голос. – Прямо к их убежищу? К тому месту, которое даже у нас не получалось нащупать? Ну, тогда сейчас всё завертится... сколько мы всего планировали, и с Читающими, и с Долиной Магов, долгие планы, на будущее, а оно теперь как под гору лавина...

– погоди ты с планами, – перебил Скъёльд. – Лишними не будут, особенно если сейчас всё исполним, как собирались. Но неужто Царица так разом и поверила Матфею? Ох, прости, почтенная адата, тебя все эти подробности наверняка утомляют...

– Никоим образом, – подобралась Гелерра. – Царица Ночи... она же Царица Теней... речь идёт о так называемых Новых Магах?

Кор Двейн энергично кивнул.

– Да, достойная адата. Прости, что прервал твои размышления, но подумал, что тебе это будет... небезынтересно.

– Я слышала о Новых Магах, – задумчиво сказала гарпия. – Бог Хедин вспоминал их, хоть и нечасто. Они не доставляли хлопот. Сидели тихо, «словно мышь под веником», как говорят половинчики.

– Они не доставляли хлопот богу Хедину, – внушительно поднял вилку Кор Двейн. Скъёльд уже уплетал поданное за обе щёки, безо всяких церемоний. – А вот нам – доставляли, и изрядно. Они, скажем так, пакостили по мелочам. Осторожно расставляли своих марионеток в ключевых мирах. Пытались взять под себя потоки магии. Но – всё очень тихо и незаметно. Богов Хедина и Ракота это не занимало. В общем, мы давно хотели... разобраться с ними. Но они хитры, хитры и очень стары, куда старше нас. Они ускользали. И вывести у той же Царицы, которая таки имела неосторожность угодить к нам в плен, мы не могли тоже. Она бессмертна и для нас практически неуязвима. Мы могли держать её в заточении сколько угодно и ничего бы не добились. Зато Матфея Исидорти она привела прямёхонько к их схрону, – маг самодовольно улыбнулся.

– А ты уверен, брат, что она ни о чём не догадывалась и ничего не заподозрила? Что не привела Матфея куда-то в совсем иное место? – не могла поверить Соллей. – И... всё-таки... досточтимая адата...

– Я польщена приглашением, но коль тут начали обсуждаться вещи не для моих ушей...

– Нет-нет, – поспешно вытянул руку Двейн. – Напротив. Нам предстоит отправиться сейчас к тому месту и забрать нашу добычу. Потом мы вернёмся сюда, ибо нас ждёт раненый дракон. Кроме того, может случиться и ещё кое-что, весьма, э-э-э, радикальное. Ну, и в третьих... – маг вдруг хитро прищурился, – может случиться так, что пожалует ещё один, самый важный гость. В общем, забот полон рот, и я хотел бы просить тебя отправиться с нами тебя, достойная адата.

– Меня? – растерялась та. – Но я...

– Ты командовала учениками бога Хедина, – напомнила Соллей, ничуть не удивившись словам брата. – Ты сама – искусная чародейка, адата Гелерра.

– Я распоряжалась на поле брани, но чародейство моё...

– А нам как раз и нужно, чтобы ты распоряжалась на поле брани, – улыбнулся Двейн.

– У тебя всё получится! – поддержал брата Скъёльд. – И не беспокойся, дракон будет у нас как новенький, и чешуя его драгоценная обратно отрастёт!

Соллей хихикнула, Гелерра напоказ закатила глаза.

– Ты окажешь нам большую честь, адата, если примешь под команду наших аколитов. И пусть тебя не беспокоит то, что Новые Маги не сделали тебе лично ничего плохого. Я могу поведать тебе историю ими учинённого в Северном Хьёрварде, этот мир...

– Я знаю, почтенный Кор. Бог Хедин рассказывал.

– Ах, ну да, конечно. Именно там Новые Боги впервые и столкнулись с ними. Но не сомневайся, за плечами сородичей Царицы Теней ещё очень, очень много крови.

– Я не сомневаюсь, – склонила голову адата. – История с Ордой была весьма... красноречива.

– Тогда в путь. Сразу после обеда, – и Кор Двейн энергично заработал ножом и вилок.

* * *

Матфей Исидорти спускался вниз по роскошным мраморным ступеням. В животе основательно устроился липкий комок ужаса, однако он шагал, повторяя, как мантру:

– Я всё рассчитал... я всё рассчитал...

Он и в самом деле всё рассчитал. Царица Ночи не могла выбраться

самостоятельно, и её бы не выпустили сородичи, несмотря на всё их могущество. И грозить ему, Матфею, бессмысленно – «лампугу» может открыть только он, и сделает он это с безопасного расстояния, не раньше, чем получит всё ему причитающееся.

О, нет, нет, он, конечно же, не из тех глупцов, что требуют выкуп с могущественных магов, никак себя не защитив! Он ещё поднимется, он поднимется очень высоко – средства для этого есть, требуется лишь время. Для начала он использует относительно простые чары, замедляющие старение, потом – научится удлинять и удлинять себе жизнь, как и Кор Двейн; маги ведь не были истинно бессмертными.

«Можешь меня уже выпустить», – с оттенком раздражения повторила из своего вместилища Царица Ночи.

Матфей не ответил.

«Послушай, это же смешно... ты зашёл так далеко, а теперь мне не веришь?»

«Госпожа, я верю тебе. Но не твоим сродственникам. В тот миг, как ты окажешься на свободе, у них возникнет соблазн... посчитаться со мной».

«Посчитаться с тобой? Но зачем? Напротив, тебя наградят, наградят очень щедро! А самая щедрая награда будет от меня – каждую ночь, пока тебе не надоест».

Ага, как же, подумал Матфей. Зачем платить какому-то жалкому смертному, когда можно не платить? Зачем ему что-то давать, когда можно не давать? Правитель, публично награждая слугу и держа данное слово, тем самым побуждает и остальных хранить ему верность, а кого волнует, выполнили или нет могущественные чародеи обещание какому-то бывшему клирику, который даже вернуться к Кору Двейну теперь не сможет?

Не-ет, его не обманешь. Наивные мысли, когда он только задумывал это предприятие, давно уступили место холодному расчёту. И да, спасибо господину Двейну, подсказал кое-что важное. Не держите на меня сердца, господин Двейн, таков уж этот мир – каждый за себя, одни Силы Святые за всех, да и то вряд ли.

Царица Ночи замолчала в своей банке.

И они одолели уже почти половину лестницы, когда разом – и сверху, и снизу – грянуло два тяжких, сотрясших саму плоть Межреальности, взрыва.

Ракот боролся. Сейчас был не тот миг, когда ради «честного боя» он мог ограничить себя. Его словно затягивало под воду, где нечем дышать, и он отчаянно бился, стараясь удержать голову над поверхностью. Он не испытывал подобного, даже когда его волокли пред светлые очи грозного Ямерта; даже Молодой Бог не мог убить его конечной смертью.

Существо за его спиной явно могло.

Брат Хедин постарался бы разять чужие чары на безвредные составляющие, ударил бы в скрепляющие их узлы; он не позволил бы им сомкнуться, сдавить, обернуться душащей петлёй.

Ракот Восставший всегда упирал на чистую силу. Сейчас это оборачивалось против него.

Давившая его сущность ощутила отпор и удвоила усилия. Пространство вокруг Владыки Тьмы стягивалось, отрезая ему дорогу к отступлению, словно бесчисленные корни прорастали меж частицами сущего, вбирая в себя, словно воду, пустоту меж ними.

Ракот не думал в тот миг, кто этот его новый противник, он лишь понял, что исходный облик, заклинания, голос, манеры – были лишь обманом и имитацией, очень искусной, но всё-таки имитацией.

Слиянием, синтезом, соединением.

Он уходил, сжимаясь всё больше, обращаясь сейчас в частицу той самой Тьмы, что служит основанием всего.

Можно сказать, что Ракот Восставший постыдно бежал.

Он проваливался всё глубже сквозь ткань Упорядоченного, в серые области, где перестают работать привычные законы сущего; он убегал и ускользал, ибо сейчас способен был лишь на это.

Ему нужен был простор, простор и хотя бы миг без удавки.

Но – гонка продолжалась, и преследователь не отставал от преследуемого. Ракот не знал, до каких пределов сможет он опуститься, когда исчерпается само пространство бытия и он упрётся в отделяющие Хаос от Упорядоченного барьеры, возведённые Творцом.

Когда совсем рядом что-то взорвалось, Владыка Тьмы ощутил это как прокатившуюся волну сжатия, не услышав, само собой, звука.

Но гнавшееся за ним всё же утратило концентрацию, смертельные объятия разжались; разжались на краткий миг, но Восставшему этого хватило. Он проскользнул меж серыми частицами, кирпичиками Упорядоченного, чувствуя, как вычерпывание и выпивание пространства вокруг него внезапно прекратились.

Что-то случилось там, в большом мире, «наверху», что-то важное, заставившее вцепившуюся в него сущность на миг ослабить хватку.

Он рванулся обратно, к миру и огню.

* * *

Адата Гелерра смогла убедиться, что чародей Кор Двейн и его родня не бросают слов на ветер. Замок их напоминал мгновенно собравшуюся кольцами змею, готовую кинуться на добычу; аколиты выстроились ровными рядами, откуда-то появились выючные животные, каких гарпия никогда ещё не видела – гиганты на шести колонноподобных ногах, с длинными шеями и маленькими головами, на которых едва помещалась пара туповатых глазок. Правили этими страшилами недоброй памяти быкоглавцы, и каждое волокно на себе целую гору груза.

Кор Двейн и Скъёльд облачились в доспехи – первый выбрал зеркальную броню, второй – тяжёлую кирасу, глухой шлем, ручнаи, поножи и латные рукавицы. По воронёной стали разбегался узор голубых рун, незнакомых Гелерре. На боку у каждого висело по клинку – изящная изогнутая сабля у Кора, короткий, тяжёлый и широкий меч у его брата.

И лишь Соллей не взяла с собой никакого оружия и никаких доспехов не вздела тоже, по-прежнему довольствуясь лишь плащом собственных волос.

– Адата, – Кор Двейн приветствовал её коротким, но дружелюбным кивком; Скъёльд радостно осклабился, прежде чем с лязгом захлопнуть забрало шлема. Забрало имело вид человеческого лица; Гелерра с удивлением заметила, что в нём нет обычных отверстий – ни для дыхания, ни даже для глаз. Вместо этого тёмная поверхность была сплошь покрыта рунами, большими и малыми, удивительным образом сплетающимися в донельзя сложный узор.

– Я готова, досточтимые хозяева.

– Дорога будет краткой, адата. Времени, чтобы вам с нашими аколитами понять друг друга и научиться действовать слаженно, совсем немного.

– Я до сих пор не знаю, с чем предстоит столкнуться, – пожала плечами Гелерра. – И что нужно сделать, не знаю тоже.

– Всё расскажем, всё, – нетерпеливо бросил Двейн. – Что делать, понятно. Отвлечь на себя, связать боем стражу того места. А она там обильна и разнообразна – Новые Маги давно равнодушны ко всяким чудищам. Наши аколиты не отличаются особыми умениями, адата, это не твои бывшие товарищи по армии бога Хедина. Но не беспокойся, мы втроем

сделаем самое важное. Благодаря, – он вдруг поднял руку со знакомым Гелерре зелёным кристаллом, – вот этому.

Гелерра отвела глаза и не стала расспрашивать. Она выполнила свой долг, помогла тем, кто помог ей. Ей нечего стыдиться.

– Крылатой адате, полагаю, доспехи не нужны? А то у нас всего в изобилии, – глухо проговорил Скъёльд, так и не поднявший забрало.

Гарпия покачала головой. Она не сомневалась, маг с вытатуированными на черепе драконами отлично её видит.

То, с чем она покидала Обетованное, давно утрачено. И она не хотела ничего из той, прежней жизни.

– Магия у нас у всех в крови, – адата завернулась в крылья, словно в плащ. – Я обойдусь.

Троица магов переглянулась.

– Возьми хотя бы талисман, отводящий простые чары, – на раскрытой ладони Соллей лежал серебряный кругляш с вырезанной семилучевой звездой, по контуру её бежали алые искры. – Что-то по-настоящему мощное он, конечно, не отобьёт, но, во всяком случае, не придётся уворачиваться от каждой стрелы, умеющей отыскивать собственную цель.

Гелерра благодарно кивнула. Едва ли чародейка замыслила что-то дурное, после того как сама же спасла адату от заключения в демоническом теле.

Цепочка охватила её шею. Удивительно невесомый оберег. Даже его магия никак не ощущается...

– Он тебя не подведёт, – заверила Соллей.

...Поход и в самом деле оказался краток. Гелерра только подивилась, с каким искусством троица чародеев, отнюдь не учеников бога Хедина, открывала и закрывала порталы, прокладывая отряду дорогу через Междумирье. Их отряд был невелик – шесть десятков молчаливых аколитов, похожих, словно братья, – высокие, наголо бритые, в длинных тяжёлых плащах, на полах киноварью выведены символы, тоже незнакомые адате.

Сколько ж они сумели измыслить, думала она, глядя на небольшое воинство. Простые чародеи, изначально – смертные люди. Смертные люди, сумевшие подняться настолько высоко и, в сравнении с тем, что дано было изначально богу Хедину, добившиеся куда большего, чем он сам.

Сейчас они погружались в неведомые Гелерре спокойные области Упорядоченного, не затронутые войной с быкоглавцами и прочими тревогами последнего времени. Обитатели здешних миров, скорее всего, вообще никогда не слышали ни о боге Хедине, ни о Владыке Мрака Ракоте.

Здесь тишина. Здесь люди и не-люди, гномы, эльфы, орки, гоблины, иные расы, не столь известные, живут собственными заботами и не нуждаются ни в каких богах.

Чародей Кор Двейн был совершенно прав.

Даже великий Ракот, Владыка Мрака, чья армия в такой славе и мощи шла на Обетованное, не сможет удержаться. Рано или поздно вот такие вот чародеи, как Кор Двейн и его названная родня, низвергнут их владычество. Это так же неизбежно, как и весна, наступающая после долгой зимы.

Твоя ли это война, адата Гелерра? Что тебе в ней? Долг чести? Благодарность? Да, конечно, но...

Но нужно подумать и о себе.

И о драконе Сфайрате.

Всё может обернуться очень, очень неожиданно...

...Аколиты трёх магов оказались мрачным и неразговорчивым народом. С магией у них было не очень, на всё их число хватило бы трёх-четырёх учеников бога Хедина. Это, конечно, скверно; ей, Гелерре, предстояло много работы, прежде чем эти люди, умеющие только метать огнешары, превратятся в настоящих воинов, пригодных для большой магической битвы. Но кое-какое соображение адата в них всё-таки вбила – научила прикрывать друг друга и её, пока она будет, паря наверху, указывать цель и подправлять полёт их заклятий.

А потом был последний портал и ничем не примечательное место в Межреальности, покрытое безумными зарослями.

– Здесь, – указал Кор Двейн.

– Молодчина Матфей, – прогудел Скъёльд из-под забрала.

– Теперь-то я это легко открою... – пообещала Соллей.

И действительно открыла. Воздух дрожал от магии, сыпались искры, содрогалась Межреальность, и Гелерра ещесекундно была готова встретить появившуюся стражу, однако в какой-то момент заросли дрогнули, утратили чёткость очертаний, растекаясь огневеющими лужами.

Открылся высокий свод, за которым начинался ведущий вниз тоннель, но не тёмный, как могло показаться, а весь залитый нежным персиковым светом.

– Вперёд! – гаркнул Кор Двейн, выхватывая саблю. Гелерра взмыла над отрядом, расправив крылья, белой молнией рванулась к устью тоннеля; аколиты тоже бросились бегом, ни один не заколебался, молодцы.

Но прежде, чем они добежали, перед входом засверкало и заблестало.

Стража, как оказалось, всё-таки не дремала.

Подмастерья Хедина, Познавшего Тьму; Хедин

Спаситель никогда не снисходил в большой Хьёрвард, словно уважая негласный договор – не трогать мир, в котором начался путь Нового Бога. В другие миры, под другие солнца – да, сколько угодно. А вот в Хьёрвард – ни-ни.

Бродячего проповедника толкнули в спину и пнули подвыпившие эльдринги; бедняга не удержался, свалился в канаву. Дружинники прошли мимо, гогоча; Фредегар и Робин переглянулись, подбираясь поближе к возвестителю «слова Спасителя».

Тот, стаяя и понося «язычников жестоковыхных», кое-как выбрался из воды, заковылял прочь.

– Постой, святой отец, – окликнул его Фроки. – Постой, откуда пришли слова твои?

Проповедник обернулся. С мокрого балахона бежала грязная вода сточной канавы, но его это, похоже, ничуть не заботило.

– Последние дни грядут! – заверещал он, словно заведённый. – Покайтесь, покайтесь, пока не поздно!..

– Да почему же последние, отец? – терпеливо осведомился половинчик. – Мы с братом знать желаем! Как же так – «последние дни»?

– Наконец-то вижу чистую душу! – не на шутку обрадовался проповедник. – Малы вы ростом, но велики устремлениями к свету и истине! Внемлите же, внемлите сердцем и спасётесь!..

После этого невысоклики услышали обычную историю Первого Пришествия. О том, как Спаситель скорбел, видя людские грехи, пороки и несправедливые пути, и как решил спасти смертных от вечной тьмы, воплотившись в Хьёрварде, как был схвачен и подвергнут мучительной казни, как его верные ученики сохранили его слова, а Спаситель ещё до того, как покинул этот мир, прочёл их и одобрил и заповедал всем изучать со тщанием. И как пообещал Спаситель, что вернётся скоро, и воздаст каждому по делам его, и воздвигнется царство вечного счастья и справедливости...

Подмастерья переглянулись.

– Досточтимый, – кашлянул Фредегар, – но когда же случилось это? Когда явился сюда тот, чьё слово ты проповедуешь? Если это было давно – почему же нигде не видели мы его храмов, ни в Бирке, ни в Хедебю, ни где-то ещё? Не встречалось нам и его писаний, да и ты, почтенный, – первый, кто о нём повествует!

Проповедник, однако, ничуть не смутился.

– Погряз в грехах и скверне мир сей! Ещё немного – и падёт он под тяжестью кривд, блуда и прочих непотребств!

– И что же? – чуть настойчивее спросил Фредегар. – Что ж следует из слов твоих?

– В великой милости своей решил Спаситель не медлить! Грозные зори встают, кровью окрашены горизонты, и движется уже через бездны пространства тот, кто предаст мечу всё живое здесь!

Роб сдвинул брови, невольно сжал пальцы на рукояти короткого меча.

– Поведай нам ещё, – требовательно сказал его товарищ. – Святой отец, может, ты голоден? Одевание твоё мокро, наверное, нам стоит отыскать таверну и там...

– Нет! Нет! – испуганно замахал руками проповедник. Глаза его на измождённом лице расширились в неподдельном ужасе. – Силу Спасителя чую я в себе, не должен Его верный осквернять себя зряшными радостями плоти! Должен я нести Его слово денно и нощно, только так спасусь!..

– Но ты же просто упадёшь от голода, – резонно заметил Роб. – Как можно дело святое свершать на пустой желудок?

– Нет! Нет! – шарахнулся от них безумец. – Чисты души ваши, но тянут к мучениям вечным привычные радости плоти. Отрекитесь от них, очиститесь!..

– Очистимся. Всенепременно, – заверил адепта Фредегар. – Но поведай нам больше, почтенный!.. Что же должно случиться с миром? Как погибнет он? Темны слова твои, и не видно за ними света!

– Горе мне, горе мне, недостойному!.. Но слушайте же, чистые душой, желающие приобщиться и спастись! Гибель, страшная гибель уготовлена всем, кто не отречётся греха, и не покается, и не примет веру в Него!.. Даровал мне Спаситель видения страшные, явил мне картины горя и бедствий, великого горя и столь же великих бедствий! Ибо уже есть при дверях Зверь великий и страшный, за грехи нам посланный!.. И только в Спасителе спасение!..

– Зверь? Что за зверь, преподобный отец? Расскажи нам о нём!

– О! – адепт вперил в подмастерьев горящий взор. – Я поведаю то, что открыто мне было в видениях!.. Спал я, но очи мои отверсты были, и зрел

я, словно бы дивно над миром парящий, как идёт неведомыми полями прямо сюда к нам, через небо, воинство мёртвое, отжившими и падшими душами составленное, и ведёт его тот самый Зверь, не чудище лесное, но могучий воитель, в броне аспидной, и дана ему власть исторгать души и ставить себе на службу, и никто не сможет противустать ему!.. Не разрубят бесплотное мечи, не пронзят копья и не защитят доспехи! Предаст он огню и опустошению пашни наши с пажитями!.. Одни лишь молитва и вера остановят врага, молитва, вера и покаяние!..

– Как-то странно, отче, – перебил его Фредегар. – Откуда ж взялся сей враг, кто натравил его на наши, как ты речёшь, «пашни с пажитями»?

– Никто! Никто не натравливал! – горячо вскричал провозвестник Спасителя. – Ничья рука не касается великих Весов, что беззвучно измеряют вес грехов и непотребств наших! И, когда перевешивает чаша тёмная, чаша зла, тогда рушатся стены темниц посмертных, и вырываются мертвецы на волю, и ведут их сильномогучие воители, без сердца и без жалости, чья радость единственная...

– Постой, уважаемый, – Роб бесцеремонно дёрнул оратора за рукав. – Но откуда ж взялись те воинства? И кто водительствоует ими? Ведомы ли тебе имена их, прозвания, быть может, способности их иль слабости?

– Непобедимы они оружно! – завопил проповедник так громко, что прохожие стали оглядываться. – Лишь словом Спасителевым одолеть их мыслимо! А для того все должны молиться денно и нощно, Его призывая!..

– Но разве не сказано, что Он уже побывал здесь? – Робин наморщил лоб. – Поистине, темны слова твои, святой отец, не нашим слабым умом понять их!

– Ах, смешные невелички, наивные вы простаки! – снисходительно бросил адепт. – Велика сила Спасителя, но ещё больше – жалость Его к нам, грешным, по делам нашим на страшную участь обречённым! Явился Он уже сюда, и принял муку, и умер, и воскрес, и теперь является вновь!

– Да когда же это он успел?! – в отчаянии возопил Фредегар.

– Велика Его власть! Даже само время Ему подвластно! – поднял палец проповедник. – Ибо всё, что творит Он, творит для вашего блага, бедные вы, слепые язычники!..

– Но что же нам делать, дабы спастись? – старательно-дрожащим голосом проныл Роб. – Во страх великий повергли меня речи твои, отче!

– Молить Его, чтобы скорее принял бы Он мир сей под Свою руку!

– Святой отец, а нельзя ли и нам тоже узреть те армии мёртвых? – полюбопытствовал Фредегар. – Младший брат мой горяч сердцем и готов уверовать, но я пожил, и потому...

– Эх, эх, но разве не знаешь ты, невеличек, что вера тогда лишь сильна, когда она вера, а не знание?

– Поистине, отец, сие мне неведомо! Так, значит, ты не можешь показать нам оные армады? И когда же должен явиться Спаситель, коль, речёшь ты, Он властен даже над временем?

– Он, – понизил голос до шёпота адепт, – уже здесь. Молитесь! Молитесь усердно, просто повторяйте: «Верую в Тебя, Спаситель мой, явись и убереги душу мою в Себе, избавь её от пленения вечного! В руки Твои предаю дух свой!»

– И всё?

– И всё, бедный мой язычник.

Разговор пресёкся. Половинчики молчали, проповедник же, победно оглядев их, простёр обе руки над их курчавыми головами.

– Примите же веру в Него и идите, повторяйте всюду, что от меня услышали! И будет вам зачтено это, и спасётесь вы сами, рядом с другими, благодаря вам спасёнными тако же!

– Идём, брат, – Роб потянул товарища за плащ. – Идём, расскажем... остальным.

– Ступайте с миром да помните слово и волю Его!..

Уходя, они слышали за спиной, как бродячий проповедник вновь принялся завывать:

– Покайтесь!.. Покайтесь, жалкие грешники!..

– Пойдите, друзья, – раздался вдруг мягкий голос за их спинами.

Фроки и Броди обернулись разом, на пальцах уже трепетали готовые сорваться заклятия.

Молодой человек в простом сером плаще, стоявший пред ними, казался совершенно обычным. Длинные волосы до плеч по обычаю Восточного Хьёрварда перехвачены на лбу кожаным шнурком, в правом ухе – серьга со змеей, вцепившейся в собственный хвост. Глаза спокойные, улыбка – немного застенчивая.

...Окажись здесь Сильвия Нагваль, она мигом узнала бы своего странного спутника, повстречавшегося ей на тропах Междумирья.

...И гости, побывавшие на недавнем празднике наречения у знатного мастера Яана, тоже узнали бы пришлеца.

– И тебе привет, незнакомец, – сощурился Фредегар. – Чем можем мы услужить тебе? Быть может, ты нуждаешься в помощи?

– Нуждаюсь, – человек оглянулся на голосившего по-прежнему проповедника. – Как и он, как и все остальные на этой улице, в этом городе и во всём мире.

– Незнакомец, – Роб нахмурился. – Прости, но на сегодня мы уже услышали загадок с преизлихом. Настало время их разгадывать, а не задавать новые.

– Верно, – кивнул пришелец. – Вы – ученики великого бога Хедина, хранителя равновесия. Вас привели сюда грозные известия, ручаюсь, ещё не до конца понятные вам...

– Поистине, незнакомец, тебе известно очень многое, – сквозь зубы процедил Фредегар.

Тот печально вздохнул, разведя руками.

– Это не мой выбор, доблестные. Это моя судьба и моё предназначение. Слова мои покажутся вам поистине странными, но... я тут, чтобы помочь вам, во-первых, спасти Хьёрвард и, во-вторых, остановить того, кого именуют Спасителем, – взгляд его отяжелел.

– Кто ты? – в упор спросил Робин. – Твоё имя, прозвание, откуда ты?.. Как нашёл нас?

– В разных мирах меня звали по-разному...

– Это мы слышали много раз, – перебил Роб. – Прости, незнакомец, но мы спешим.

– Понимаю, – кивнул молодой человек, – тогда зовите Фиделисом. И я здесь, чтобы остановить Спасителя.

– Но всё-таки, кто ты? – теперь спрашивал уже Фредегар. – Мы ощущаем в тебе силу, странную силу, но... ты чародей?

– Можешь назвать меня так, хотя волшебничество – не моё ремесло. Я искал вас, я знал, что хранитель равновесия Вселенной не оставит Хьёрвард без внимания, что он непременно пошлёт помощь... И вы, конечно же, рано или поздно окажетесь здесь, возле самого средоточия... возле того, что... В общем, мне надо было только ждать. Я так понимаю, что вы здесь не одни, друзья?

– Мы не одни, – медленно кивнул Фредегар. – Нет смысла скрывать это, уж раз ты догадался, кто мы такие, Фиделис.

– Как и вы, я умею читать силу, – грустно улыбнулся тот. – Идёмте, я многое должен вам рассказать...

* * *

– Не скрою, иное в моей истории покажется вам невероятным и даже невозможным. – Они сидели в «Кровавой Секире», знаменитом трактире на набережной Бирки. – Однако начинается она далеко отсюда, в совершенно

обычном мире, и очень, очень давно. Я родился... и знал, что это не я.

– Как так? – Фредегар отхлебнул пива. На столе перед половинчиками стояли глиняные тарелки с дымящимися колбасками, молодой картошкой, щедро посыпанной укропом, и внушительные пенящиеся кружки эля.

– Вот так, – развёл руками Фиделис. – Я не сразу понял, кто я есть и зачем, тогда только знал, что со мной всё не так. У меня был дар к магии, но магии светлой. Излечить, изгнать злого духа, особенно если ему удалось овладеть чьим-то телом. Отец мой был искусным плотником; я учился у него, но тянуло к иному – лечить, помогать несчастным... – говоривший помедлил. – И вот... однажды... мне было всего двенадцать, но вся округа уже считала меня искусным лекарем... меня позвали в дальнюю деревню – а семейство моё перебралось тогда уже в небольшой городок – позвали к умирающему от чёрной смерти, от чумы, позвали слишком поздно, я понял это по описаниям... но пошёл всё равно, потому что уже знал, что это такое и что, если я не остановлю заразу, вымрет вся округа. Родителям и братьям я ничего не сказал, только сестре, Софии... мы ехали весь день, и к вечеру лишь добрались до места. Больной, богатый купец, случился там проездом и был совсем плох. Я убедился – то была чума, и никакой врачеватель уже не помог бы несчастному. Нужно было думать о других, как уберечь их от напасти; я начал творить чары, не обычные свои, а именно чтобы уничтожить все зачатки эпидемии, уже распространявшейся вокруг...

Он перевёл дух, глотнул из кружки с простой колодезной водой. Пива он не пил.

– Я видел, что купец успел заразить многих в деревне, всех своих слуг и спутников. Мне стало страшно, я видел жуткие картинки в книгах по целительству, какие доставлял мне отец, гордый моим даром и надеявшийся, что я сделаюсь богатым и важным доктором, – Фиделис чуть улыбнулся. – Но не в этом дело. Я испугался, но начал творить чары, по наитию, без понимания, что и как я делаю, меня просто несло, сила сама находила себе форму... мне было очень страшно за всех, страшно, как никогда в жизни. И вот... когда я закончил заклятие, воздух вокруг, по всей деревне и по тракту, где прошёл караван больного купца, вдруг наполнился словно роями светляков. Я знал, что мои чары подействовали, что это горит невидимая простому глазу зараза... и ещё я понял, что умираю. Простите, что так подробно говорю об этом, но... но кто я в действительности, я не знаю и сам. Знаю лишь одно, – взгляд его сделался режущим, – что я должен остановить Его.

Не требовалось уточнять, кого именно.

Фиделис умолк, допил воду.

– Когда я умирал, то увидел вокруг себя всю необъятную вселенную, все её миры, и огненные границы, и неведомый Хаос за их пределами. И увидел тень, сущность, что двигалась от мира к миру и... миры после этого обращались во что-то совершенно иное. Мне опять стало страшно, так страшно, что от этого ужаса я очнулся. К тому времени купцу стало легче, он поправился, не заболел ни один из его людей, я отправился домой, нагруженный подарками, провожаемый благословениями... а сам думал всё об этой тени, что ползла из-под одного неба к другому. И, друзья мои, я боялся. Не стыжусь признаться в этом. – Он печально улыбнулся. – Мечи и копья никогда не были моей сильной стороной. Я мог вылечить, мог помочь... но и только.

Фредегар и Роб слушали как заворожённые. Странный незнакомец не лгал – в этом они были уверены.

– Моя семья была очень довольна, – продолжал вспоминать Фиделис. – Меня даже послали учиться в большой город, в настоящую академию. Об этом много говорить я не стану, скажу лишь, что и впрямь получил сперва короткий жезл ученика, потом – четвертьпосох подмастерья, затем – полупосох мастера, а закончил уже с полным посохом магистра. Но потом... – он замялся.

– Прости, почтенный, – осторожно воспользовался паузой Робин. – Но скажи, в твоём родном мире веровали в Спасителя?

– О да, – отозвался Фиделис. – Он приходил к нам. И был, как водится, казнён по какому-то недоразумению в совершенно незапамятные времена. Само собой, он оставил по себе могущественную церковь и книги, почитаемые священными, там говорилось о Его втором пришествии, когда он воздаст каждому по справедливости и дарует жизнь вечную. Мои родители были исправными прихожанами. Я же... меня охватывала дрожь, когда я думал о Нём. Потому что я видел Его, шагающего под разными солнцами, разными дорогами, я не мог не думать, насколько же это неправильно. Мир оставался после этого мёртвым, и души его обитателей исчезали бесследно, где-то в утробе Спасителя.

– Мы это заметили, – мрачно согласился Фредегар, отправляя в рот последний кусочек сочащейся соком жареной колбаски.

– Но это не повод не отдать дань этому прекрасному пиву, – Роб опрокинул кружку.

– Ты прав, досточтимый, – согласился Фиделис, поправил длинные волосы. – Но дослушай мою историю, прошу тебя. Случилось так, что Он... и в самом деле явился к нам во второй раз.

Оба половинчика разом перестали жевать.

– Я тогда был таким же, как сейчас, – развёл руками рассказчик. – Мне исполнилось двадцать пять, я получил длинный посох магистра, первым из моих однокашников, и вообще куда раньше, чем положено, обычно-то магистрами становились к пятидесяти... И тут началось. – Его лицо омрачилось, брови сдвинулись. – Можно много рассказывать об исполнившихся пророчествах и свершившихся предсказаниях, о том, как начались страшные бедствия, мор, глад, как вернулась чума... – Он перевёл дух, лицо сделалось совершенно мёртвым. – Я метался от города к городу, от селения к селению... я спасал одного, а за поворотом меня ждали десять скончавшихся. Потом сто. Потом тысяча... Я уже не успевал, ничего не мог успеть, мною овладело сперва отчаяние, а потом бешенство, я проклинал свой дар, бесполезный в бою, я... – Он схватил опустевшую кружку, поморщился, со стуком поставил на место. – Потом реки потекли вспять, начали извергаться огнедышащие горы, воздух наполнился серой, так что невозможно становилось дышать; люди умирали десятками тысяч, и от свирепствовавших болезней, и от безумцев, пытавшихся кровавыми жертвами умиловить неведомых «богов»... Умерли мои родители, братья, сёстры, умерли все соседи, а я продолжал уже не метаться, но тащиться без смысла и цели, хоронил мертвецов, как мог, хотя это и было бессмысленно, трупов скопилось слишком много.

Следом за людьми умирать стали и звери с птицами, вороны падали с небес, бродячие псы застывали в канавах; мир превратился в огромное кладбище, а я по-прежнему оставался жив.

Он взглянул в глаза невысокликам.

– Помните, я совсем недавно говорил, как умирал, спасая заболевшего чумой купца? Так вот, после этого, когда Спасителивы ангелы носились над моим миром – наверное, собирая души, а может, что-то ещё, – я вдруг понял, что не умру. Что мне нужно оставить мой родной мир, закрыть его могильной плитой и идти дальше, потому что... потому что в меня верили, несмотря ни на что, те, кого я лечил в те последние дни. Им становилось легче, они... благодарили меня. А потом уходили. Я, как мог, облегчал им это, тем немногим, с кем оказался рядом. И ощущал, как что-то растёт внутри, сила или не сила, но, наверное, надежда. А потом настал миг, когда я понял, что мой мир умер, весь, все живые существа в нём, от мельчайшей мошки до самого могучего дракона, более не дышат и не чувствуют. Я понял это и пошёл прочь; и не сразу понял, что мир мой остался позади, а сам я иду через то, что вы именуете Межреальностью.

Так начались мои странствия. Не знаю, наверное, меня можно было назвать «магом». Я творил какие-то чары, направляясь от одного мира к

другому, порой встречал иных наделённых силой на этих путях, но... Я приходил в мир и старался помочь – предотвратить его «спасение». История эта долгая, и все подробности вам едва ли интересны; но я не преуспел. Я пытался учить – во многом схожему с тем, что говорится в книгах именуемого Спасителем, но об этом тоже нет времени говорить сейчас. Мне казалось, что там, где меня слушают, именуемый Спасителем порой отступает, ищет другие пути, откладывает своё «пришествие» на потом. Простите, что речь моя поневоле сбивчива; я видел, как растёт сила Спасителя, как Хаос, нашедший новый способ проникать в наш дом, расшатывает его основы, внушает людям ужас, вызывает желание, чтобы хоть кто-то, но защитил их. Так Спаситель становится могущественнее.

– И потому ты нашёл нас?

– Да, мой добрый невысоклик. Я видел, что могучие боги, рекомые Хедин, Познавший Тьму, и Ракот Восставший, пытаются сохранить баланс и равновесие. Но я видел также, что они не выступают против Спасителя силой оружия – до недавнего времени. До того, как случилось то, что случилось, в мире под названием Мельин, откуда, несмотря на страшные катастрофы и жертвы, Спаситель был вынужден отступить. После этого я... – он потёр лоб, – оказался здесь. Потому что Спаситель больше не желал ждать, Он действовал, и действовал совершенно иначе. Я видел, как Он родился, как пришёл в Хьёрвард. Я думал, что теперь должно пройти много лет, пока Он вырастет, развернёт своё учение, сторонников, церковь... но что-то изменилось. Время словно разделилось, я... не знаю как. Теперь на площадях появились – вы сами видели – проповедники Его второго пришествия, последних дней и всеобщей катастрофы. Такого не может быть, такого никогда не бывало! Это значит, что Он потерял терпение – если у такой сущности вообще есть терпение.

– А что там было такое про армию мёртвых? – осведомился Фредегар. Фиделис покачал головой.

– Думаю, монах прав. Думаю, это как раз и есть то новое, что сумел использовать Спаситель. И потому, добрые ученики бога Хедина, я и стал отыскивать вас. Я врачеватель; я стараюсь говорить людям о добром. А остановить воинство мёртвых можете только вы.

Половинчики согласно кивнули.

– Я готов отправиться с вами и помогать всеми силами. Повторю, я не знаю Его планов, Он поменял их полностью; боюсь, что с приближением этой неживой армады нас ждут восставшие мертвецы, марширующие скелеты, упыри, вылезшие из могил, и прочие прелести. Нам надо спешить, добрые половинчики. Отведите меня к остальным; дайте весть вашему

наставнику, быть может, он сможет помочь? Ведь судя по тому, что о нём рассказывают, мир Хьёрварда ему не чужой...

– Идём, – решительно сказал Фредегар, со стуком ставя на стол пустую кружку. – Учитель, великий Хедин, должен услышать всё. А ты, в свою очередь, должен рассказать нам больше.

* * *

– Так что же нам делать? – рыцарь Леотар обвёл взглядом соратников. Фиделис скромно молчал, отставив кувшин с водой, по бородке ещё стекали капли; горло пересохло после долгой речи. – Искать этого младенца, сына некоего мастера Яана? Искать проповедников, что смущают народ, искать, откуда они появились? Что? Аэтерос ощутил магическую аномалию где-то здесь, в округе; мы её пока не нашли, значит ли это, что искать её уже поздно? Фиделис, не знаю, кто ты и что ты, но – спасибо тебе за рассказ. Быть может, нам удастся спасти многих и многих.

– Я на это надеюсь, – кашлянул тот. – Раньше мне удавалось... отсрочить Второе Пришествие, но, похоже, Спаситель быстро учится.

– Так что же, получается, Он успел родиться, вырасти, собрать последователей, нарваться на казнь, воскреснуть и пообещать Своё возвращение? – прорычал варлок Болг, ударяя в пол посохом. – И всё это за считанные дни? Скажи, почтенный, когда ты видел этого ребёнка?

– Праздник наречения имел место восемь дней назад, – Фиделис откинул упавшие на лицо волосы. Взгляд его был скорбен и тёмн. – Ты прав, почтенный орк, всё это случилось за седмицу и ещё сутки. Не спрашивай меня как. Время мне неподвластно, так же, как и я каким-то образом, после гибели моего родного мира, сделался неподвластен ему.

– Тогда идём, – гибко поднялась лучница Мьёлль. – Навестим этого самого мастера Яана. Поглядим на его дитя.

Радужный змей утвердительно свистнул, старый мормат, притаившийся в углу, приподнялся над полом, шевельнул щупальцами.

– Найти. Устранить. – Как всегда, по разделениям проговорил он.

Вампир и гоблин дружно переглянулись и так же дружно кивнули.

– В чрезвычайных обстоятельствах действенны только чрезвычайные меры, – отчеканил вампир, гордо задирая острый подбородок. – Мы ученики великого Хедина, Познавшего Тьму, и не пристало нам прятаться за красивые фразы, когда на волоске целый мир.

– Великий Хедин как раз и учит нас, что цель должна определять

средства, а не оправдывать их, – заспорил рыцарь Леотар.

– Не. Начинать. Не. Спорить. Упустить. Время. Всё. Потерять.

– Совершенно согласен с нашим дорогим морматом! – поспешил заявить вампир.

– Давайте мы сходим к мастеру Яану, – вызвался Фредегар. – Только мы с Робом, для начала. Всё равно пока здесь, в Бирке, атаковать некого.

– Мы *пока не знаем*, кого атаковать, – поправил невысоклика гоблин.

– Зато знаем, что на Хьёрвард идёт армия мёртвых, – осторожно вставил Фиделис. – Я чувствую, мне вообще это удаётся – ощущать смерть, словно, – он поморщился, – словно грифу-падальщику.

– Насчёт этой «армии», – ухмыльнулся молчавший до этого орк Горм, опиравшийся на исполинскую секиру, – волноваться не надо. Мы вдесятером выстояли против армады быкоглавцев с их магами, что нам какие-то мертвецы!

– А кто ими предводительствует? – осведомился рыцарь. – Подробности, мне нужны подробности!

Фиделис с досадой покачал головой.

– Мне это не открыто. Я вижу, что они идут, но детали – прости, доблестный Леотар.

– Ты знаешь, что нужно делать, почтенный? – воззрился на Фиделиса варлок.

– Частично, – вздохнул тот. – Кто-то должен задержать армию мёртвых. А кто-то – отыскать ту самую «аномалию» здесь, в Хьёрварде, о которой говорил ваш Учитель.

– Мертвяки – это про нашу честь! – гроыхнул Горм, от души врезав древком секиры об пол, так, что подскочил даже массивный стол. – А вы тут разберитесь, друзья, – обратился он к половинчикам. – Разговоры разводить – не по мне, да и кто рискнёт, – он ухмыльнулся, показав внушительные клыки, – с орком тут разговаривать? А вот вы – другое дело. Невысоклик все любят, как котиков. Вы милые.

Собрат Горма, варлок Болг, аж согнулся от хохота.

– Сам ты милый! – завопил Роб, вскакивая.

– Тихо, братец, тихо, – урезонил его Фредегар. – Старина Горм совершенно прав. Мы с тобой и сражаться можем, и говорить, ну а он, бедолага, только секирой махать. Помнишь, дружище орк, что случилось, когда ты к эльфочке Ранистаэль подкатился? Она по незнанию аж чувств лишилась, бедная.

Собрание засмеялось, и даже сам Горм ухмыльнулся беззлобно.

– Да, мы таковы! Нам бы секиру в руки да в бой, а слова плести –

эльфье то дело, ну и ваше, малыши.

– Тогда так и порешим, – поднялся Леотар. – Оставайтесь здесь с почтенными Фиделисом, Фред и Роб. Вы сообразительные, придумаете, как быть. А нам, остальным, – привычное дело. Восьмером против тысяч. Как всегда.

– Как всегда, – Мьёлль поправила косу, словно охорашиваясь перед свиданием.

– Как всегда, – гордо расправил плечи вампир.

– Как. Всегда, – согласился мормат.

– Тогда в дорогу, друзья.

– И да хранит вас всё, что может хранить. – Фиделис, встав, осенил их всех широким жестом, чем-то напоминавшим знамение Спасителя, знак верующих в него, но и в чём-то неуловимо иным. – Идите с миром и принесите его нам.

* * *

Розовый кристалл в руке рыцаря Леотара запульсировал мягким светом, в нём словно ожили огоньки многочисленных светляков. Небольшой отряд подмастерьев выбрался из Хьёрварда обратно на просторы Межреальности; огромный мир лежал как бы под ними, и как, казалось, могли они его защитить, удержаться против целой армады мёртвых? Здесь ведь не было заранее свёрнутого тугими узлами пространства, как в Обетованном, где им оставалось лишь защищать узкие места, где они и впрямь могли остановить тысячи и тысячи? Межреальность огромна, знающий всегда найдёт пути, и никакие стены уже не помогут.

Опытные воины, подмастерья Познавшего Тьму это прекрасно понимали.

– Я слетаю на разведку, – вызвался вампир. – Хотя и так чую – они близко, совсем близко.

– Вот и отлично. – Болг встряхнул посохом с набитыми на него черепами. – Что может быть лучше мертвяков? Только ещё больше мертвяков!

– Надо атаковать, – тихо проговорила Мьёлль. – Иначе они нас просто обойдут.

– Именно, – кивнул Леотар. – Нам нужен их предводитель. Аэтерос обещает помощь Арбаза, Креггера и остальных, как только они подрастут.

Нам надо продержаться, правда неведомо сколько. Сам Учитель сказал, что тоже поспешит на помощь.

– Нечего считать, когда кто успеет! – рявкнул Горм. – Будем драться! Сталью и магией! Мы лучше всех, никто не сравнится с нами! Мы ученики великого бога Хедина, и кто устоит перед нами?!

Ответом ему был дружный победный клич.

– Тогда вперед, друзья. – Рыцарь Леотар закинул на плечо двуручный меч-гигант и зашагал прямо сквозь Междумирье. Над ним пронеслась громадная летучая мышь – вампир отправился на обещанную разведку.

* * *

– Вот он, двор мастера Яана, – указал Фиделис невысокликам.

Двор был как двор, обычный для зажиточного ремесленника в торговом городе. Высокие добротные клетки, ровные брёвна, длинный резной конёк на крыше; можно жить да радоваться.

– А аномалия? Аномалия-то где? – волновался Робин.

– Не здесь, – покачал головой Фредегар. – Она вообще нигде не чувствуется, знаешь, как костёр: отгорел и угас. Может, это как раз тот процесс, о котором говорил ты, досточтимый, – что Спаситель успел родиться, и вырасти, и всё создать, и умереть, и воскреснуть – и всё за семь дней и ещё один.

– А теперь Он сделал своё дело и ушёл, – предположил его товарищ.

– Может быть. Или, наоборот, ждёт армию мёртвых, чтобы дело докончить. Ну, нечего торчать на виду, заходим!

Подмастерья Хедина облачились в лучшие одежды. Расшитые серебром по зелёному плащи, широкие узорчатые пояса, на виду – золотом украшенное оружие. Ни дать ни взять – или почтенные негоцианты, или уважаемые мастера. Босяки, которым и створку не приоткроют, так не ходят.

Собаки насторожились, но гавкнули негромко, просто оповестить своих, что, мол, пришли, но не со злом.

– Меня псы любят, и кошки тоже, – улыбнулся Фиделис.

Половинчики и он остановились, как подобает вежливым гостям, едва ступив во двор. В окнах второго этажа мелькнуло женское лицо, потом распахнулась дверь на высоком крыльце.

Накидывая плащ, появился рыжеволосый конопатый юнец.

– Что вам угодно, почтенные? Мастер Яан ни с кем дел не ведёт.

Сейчас такое время...

Паренёк был, скорее всего, одним из старших учеников. Взгляд его упал на богатые плащи Фроки с Броди, на самоцветы в рукоятях коротких мечей, специально выставленных на обозрение.

– Мы давние покупатели мастера Яана, хотя лица наши он едва ли помнит, – вежливо поклонился Фредегар. – Мы слышали, что недавно у него родился сын, и, хотя праздник наречения уже миновал, хотели бы поздравить досточтимого хозяина.

Парнишка вдруг побагровел и насупился.

– Вы, наверное, ничего не знаете...

– Нет, приятель, – развёл руками Фроки. – Мы лишь хотели...

– А ветвей омелы над воротами вы что, не видели?! – вдруг злобно прошипел юноша.

– Нет... – растерялся Броди.

– Кто-то умер, – услышал Фроки шёпот Фиделиса.

– Сын мастера Яана скончался два дня назад, – бросил паренёк. – А теперь уходите отсюда. Не то собак спущу!..

* * *

Колонну мёртвых душ вампир заметил издали, как и положено такому, как он. Воинство перечеркнуло Межреальность серой лентой, она резала пространство, подобно мечу, прокладывая себе дорогу там, где другой повернул бы назад.

Во главе воинства и впрямь двигалась величественная фигура в чёрной броне, с исполинским чёрным же мечом. Вампир сложил крылья, камнем рухнул в заросли.

Живые руки-ветки хищных кустов зашипели от гнева, но испуганно раздались в стороны, такая добыча была им не по зубам.

«Кто же ты такой?» – думал вампир, напряжённо вглядываясь в угрюмо и мерно марширующее воинство. Чёрная броня, казалось, не выпускала наружу вообще ничего, никаких эманаций, на которые рассчитывал дозорный; вампир, в свою очередь пошипев от злости, вновь расправил крылья.

...Войско было многочисленно. И двигались в этом потоке не просто какие-то там скелеты с разупокоившихся погостов, на которых вампир втайне надеялся, – нет, шли именно души мёртвых, души, источенные, измученные веками заключения в царстве Хель.

Не только, конечно, там – вампир ощущал и других, из иных миров. Но тех, что жили и умерли в Хьёрварде, оказались недостойны Валгаллы или залов Фригг, было тоже очень много.

Кем бы ни был этот предводитель, он, похоже, сумел взломать немало покоев посмертия. Что логичным образом делало наиболее вероятным кандидатом Водителя Мёртвых Яргохора.

Похож, да, очень похож... – припоминал вампир. А что касается душ – трудно сказать, какими они покинули свою вековую тюрьму, но сейчас, сделав круг по Упорядоченному, побывав неведомо где и возвращаясь обратно к родному для многих из них миру, они шли изменившимися и преображёнными. Наверное, увидь их Ракот, он заметил бы немалое сходство со своими новыми Легионами Тьмы. Души мужчин, женщин, детей утрачивали исходные черты, вытягивались, удлинялись; руки и ноги становились тонкими, пальцы – и вовсе подобны волосам.

Но каждое прикосновение таких «волос» грозило неминуемой гибелью.

Другие изменились ещё сильнее, обернувшись колышущимися тенями, где только и видны были провалы глаз и рта, непропорциональные, заполнившие почти весь «лик» призрака.

Враг бестелесный всегда куда опаснее воплощённого, одетого плотью. Все ученики Аэтероса знали тот случай, когда Учитель, отбиваясь на осаждённом Хединсее, наделял атаковавших его призраков плотью; но подобные чары не смог бы исполнить ни один из их отряда. Придётся измыслить что-то похитрее.

* * *

– Младенец, сын мастера Яана, умер... – Фиделис мрачно глядел себе под ноги, пока он, Фредегар и Робин дружно шагали вверх по улице, к большому храму Упокоения Душ. Его воздвигли в незапамятные времена, ещё при владычестве Древних Богов Асгарда, и посвящён он был милосердной Фригг; потом боги пали, в храме обосновались жрецы пресветлого Ямерта, строили, достраивали, перестраивали; но потом и им пришлось уйти. Последователи Хедина, Познавшего Тьму, не стремились в шумные города, предпочитая «истинность уединения»; и как-то так само собой вышло, что храм сделался посвящённым просто памяти ушедших.

Особенно тех, кто ушёл безвременно, и тех, кто прожил совсем немного.

В обширных храмовых садах хоронили детей.

...Половинчикам и Фиделису не задали никаких вопросов, приняли взнос в храмовую скарбницу и указали на участок, где хоронили в последние дни.

Маленькая могила нашлась быстро. На неё ещё не успел лечь тяжёлый камень, лишь временная плита из обожжённой глины с выдавленными в ней рунами. Яан Калессон, сын Яана Калессона и Марты Орвендоттир.

– Что теперь? – Фиделис сумрачно глядел на половинчиков, деловито расставлявших магический инструмент. – Вы разве некроманты?

– Некромантию Аэтерос не приветствует, – отозвался Роб. – Но она нам и не нужна.

– Нам нужно понять, что это за оболочка, которую Спаситель, судя по всему, сбросил, словно змея кожу.

– И нет ли какой связи, до сих пор с Ним остающейся.

Фиделис развёл руками.

– Я лекарь. И, хотя множество раз мне приходилось закрывать глаза умирающим, хотя я столько веков враждую со Спасителем и сама смерть отказывается меня принимать, – я не вижу, как это может быть...

– Источник, – кратко отмолвил Фредегар, перекусывая вощёную нитку, какой связывал вместе аж четыре рунных камня, символами наружу.

– Источник чего? Простите меня, достойные невысоклики, я понимаю, бог Хедин не берёт в ученики кого попало, вы знаете об этом куда больше меня...

– Спаситель всегда поступает одним и тем же образом. Верно?

– Ну, верно...

– Рождается в мире. Растёт. Учит. Создает церковь, пишет священные книги. Потом погибает несправедливой смертью, – принялся втолковывать половинчик. – Оставляет пророчества; когда они исполняются – приходит и спасает. Так?

– Так, – кивнул Фиделис, лицо напряжённо и внимательно.

– А теперь всё пошло наперекосяк. Магическая аномалия, вспышка, которую ощутил наш Учитель; семь дней и ещё один, потребовавшие Ему, чтобы всё совершить, хотя нет по-прежнему ни церкви Его, ни многочисленных последователей, ни храмов, и книг священных никто не видел. Ни чина клириков, ни святых отшельников, ничего.

– Только безумные проповедники, – вставил Броди.

– Только они, – согласился его товарищ. – Такое невозможно без прямой индоктринации; без того, чтобы взять – и перекроить души этих несчастных, как вот того, кого мы слушали. И, коль была та вспышка, была

аномалия, но... в пределах понятной нам силы. Не что-то неведомое, непознаваемое, непонятное. Как, скажем, внезапный дождь среди засухи – мы знаем, какими заклятиями его вызвать. А вот если вода вдруг появится сама, из ниоткуда, вдруг заполнит тазы и вёдра...

– А разве нет таких заклятий? Чтобы вода раз – и появилась? Безо всяких дождей?

– Может, и есть. Но нам они неизвестны. И Аэтерос всегда говорил, что сотворить нечто из ничего практически невозможно, это должен быть маг, силами равный Творцу. Перенести с места на место... ну, разве что в теории, но... короче говоря, Он должен был сделать что-то традиционное здесь, в Хьёрварде. Традиционное, из арсенала обычной волшбы. Кровавая жертва и превращение останков в некий артефакт, позволяющий направить куда надо поток магии. Мы это и ищем.

– Воистину, – с уважением проговорил Фиделис, – плохо быть простым лекарем, как я!..

– Прости, почтенный, но ты такой же «простой лекарь», как я – ромашка-одуванчик, – не слишком вежливо отрезал Робин. – Ты знаешь, что очень похож на Спасителя, каким Его обычно изображают?..

– Да, – Фиделис повесил голову. – Но я – не Он! Я – лечу!.. Исцеляю в меру отпущенных мне сил!..

– погоди, – Робин поднял руку. – Мы начинаем. И надо поскорее, пока местные жрецы не напустились на нас за какое-нибудь «осквернение могил»...

Свежее захоронение окружило два кольца рун, соединённых линиями, волнистыми, прерывистыми, зигзагообразными, среди которых не было ни одной прямой.

– Теперь смотрим, – прошептал Фредегар.

Роб обернулся – у дальнего конца погребальной аллеи появились несколько жрецов, явно направлявшихся в их сторону.

Мягкий толчок силы, и она покатилась по контуру, волна её поднималась, направляемая многочисленными рунами, ввинчиваясь в не успевшую слежаться могильную землю.

Глиняную плиту охватила мелкая, сперва едва заметная дрожь. Она усиливалась, с холмика начала осыпаться земля. Расставленные руны тоже начали подрагивать, их контуры засветились тревожно-багряным.

– Фреде...

– Вижу! Это же...

– Остановитесь! – Фиделис вдруг пинком опрокинул ближайший каменный столбик с каким-то символом. – Сейчас... восстанет... всё...

Он не договорил. Плита со скорбной надписью раскололась, обломки её обратились в труху; могила раскрылась, словно утроба, обнажая чёрное, склизкое, живое, чудовищное. И существо, вырвавшееся из этой утробы, уже ничуть не напоминало маленького Яана, сына Яана-старшего и Марты.

Шесть лап, заканчивающихся острыми когтями; хвост со скорпионьим ядом; торчащие клыки; игольчатые рога, каких не бывает у зверей, детей естественного отбора.

– Демон! – выкрикнул Роб, падая на одно колено.

Стрела сорвалась с его тетивы, врезалась в бок созданию, высекала сноп зеленоватых искр из чёрной чешуи; древко сломалось, словно схваченное незримыми пальцами, но наконечник и ещё добрая пядь прочного дерева погружались в рану, вгоняемые каким-то заклятием.

Фредегар ответил тоже, но не стрелой, а чарами, стремительными, тщательно свитыми, впившимися в морду и суставы демонической твари, вспыхнувшими голубой сетью.

Демон рухнул на землю, забился, яростно грызя путы. Броди выстрелил вторично, вгоняя зачарованный оголовок точно в место первого попадания. Древко пронзило тварь насквозь, покрытое тёмной кровью острие высунулось из другого бока.

– Кончай его, Фроки!

– Нет! – вдруг кинулся к твари Фиделис. – Нет!.. Это же пленённая душа, душа, скованная муками и ужасом, остановитесь!..

Он резко нагнулся, положил обе руки на оскаленную морду демона, не обращая внимания на острые клыки, что-то заговорил негромко.

– Он напуган. И ему очень больно. Он почти ничего не знал, только боль и страх. Его подменили, а когда он стал не нужен – зарыли здесь, насторожив ловушку... – быстро говорил лекарь, и от пальцев его начинал литься золотистый свет.

Демон задёргался, захрипел, из пасти повалила зеленоватая пена.

– Осторожнее! – Фредегар вцепился в рукав врачевателя, указывая на побежавшие от могилы чёрные извивы трещин, но тот ничего не замечал. Льющийся с его ладоней свет словно смывал грязь и налёт демонической плоти, пластами отваливалась чешуя, когти, хвост весь целиком упал наземь, зашипел, словно змея, попытался уползти, но Роб, не мешкая, пригвоздил его к земле ещё одной стрелой.

Несколько мгновений – и на руках Фиделиса лежало туго спелёнутое саваном, но совершенно человеческое тельце.

Половинчики в изумлении воззрились на лекаря.

А тот, ничего не видя вокруг, вдруг нагнулся к неподвижному личику и

тихонько дунул на посиневшие замершие губы.

Тихо-тихо стало над кладбищем, и даже подмастерья, не отрываясь, глядели на творящееся перед ними чудо.

– Кха-кха, кха-а-а... – вдруг раздалось тоненькое и слабое из серых обмоток.

У Роба широко раскрылись глаза, у Фредегара, напротив, сузились.

– Кха-ха-а-а, – плакал ребёнок, как и положено плакать голодному младенцу.

– Не может быть, – выдавил из себя Броди.

Фроки лишь ошолбенело пялился на происходящее.

Фиделис осторожно поднялся.

– Его надо отнести матери, он есть хочет.

Половинчики всё-таки не зря были подмастерьями Познавшего Тьму. От шока и неожиданности они оправились быстро. Нет, они знали, что можно, при особых условиях и очень редко, вырвать отмеченную судьбой душу из Серых Пределов, из царства мёртвых. В конце концов, разве не проделал такое Аэтерос с Хагеном, таном Хединсея, и с Сигрлинн, великой волшебницей? Но то всё-таки были и впрямь случаи из ряда вон – Сигрлинн вообще не была смертной, хединсейский тан... наверное, тоже, если Зерно его Судьбы было извлечено из общего Шара.

Здесь же лекарь Фиделис, очень необычный лекарь, да, но отнюдь не бог, вот так запросто оживил уже два дня как мёртвого и похороненного ребёнка. Вдохнул жизнь обратно в него, очистил от скверны, играючи стряхнул с него демоническую плоть!..

– Кто ты, господин?.. – вырвалось у Броди.

Последняя буква «н» у него получилась почти неслышимой.

– Наверное, прежде всего – лекарь, – обернулся тот. – Но не спрашивай, «кто ты», ибо этого не знаю я и сам.

От раскрытой могилки, от чёрного мокрого зева, по погосту бежали и бежали трещины, земля расходилась, начали падать скромные надгробия. Половинчики привычно и быстро встали спина к спине, но целитель с младенцем на руках спокойно шагал к выходу с кладбища. Торопившиеся им навстречу жрецы быстро сообразили, что происходит, и, надо отдать им должное, оказались далеко не трусами.

Правда, один из них с воплем: «Некроманты! Некроманты ужасные, кошмарные некрманты! Ужаманты некрмарные, некросные кошоманты!..» – кинулся прочь, надо полагать, за подмогой.

Остальные споро встали в круг, замахали руками – слабые маги, очень слабые, если требуются настолько размашистые жесты.

– Пошло-поехало, – сквозь зубы процедил Фредегар. – Снова-здорово...

– На колу мочало, начинай сначала, – подхватил и Роб.

– За мной, друзья, за мной! – обернулся лекарь.

– Куда?! Куда «за тобой», тут весь погост сейчас разупокоится!..

– Земля отдаёт своих мертвецов, – услышали невысоклик бормотание целителя. – Он торопится, Он очень торопится...

– Ты можешь их задержать? Нам нужно время – огненные заклятия...

– Сейчас начнётся по всему Хьёрварду. – Фиделис шагал всё быстрее, то и дело нагибаясь к свёртку, что-то шептал переставшему плакать младенчику. – Они чуют приближение собратьев. И Его чары тоже работают.

– Чары? Именно чары? – с надеждой воззрился на врачевателя Фредегар. – Чары можно развеять, можно перебить, можно...

– Надо остановить тех, кто наступает из Междумирья. – Фиделис закутал малыша в свой плащ. – Вы не слышите доносящегося оттуда зова, но я – слышу.

– Всё равно, этим тоже тут разгуливать нечего, – Фредегар выхватил короткий меч, крутнулся, рубанул по вылезающему из могилы неупокоенному, свежему, недавно погребённому, которого едва коснулось тление.

Ребёнок. Девочка. Длинные разметававшиеся волосы, мутные глаза широко открыты, и в них – всегдашняя, неутолимая ненависть мертвяка к живому. Меч Фредегара снёс голову труп, тело обвалилось обратно в раскрывшуюся яму, однако невысоклик знал, что это ненадолго.

Мечами орду неупокоенных не остановишь, только слегка задержишь.

Броди одну за другой выпустил три стрелы, срубавшие сразу по дюжине поднявшихся из могил; они словно нанизывали мертвяков на призрачные нити алого, как кровь, огня. Тела их валились и дёргались, отлетали руки и головы, а стрелы, описав круг, возвращались к пославшему.

– Не трать даром силы, отважный Робин!

Жрецы бросили бесполезное занятие – им не удалось задержать толпу ходячих трупов и пришлось попешно бежать. Дорога к воротам кладбища оказалась перерезана, мертвяки скапливались у створок; похоже, убежавшие адепты Храма Упокоения Душ успели задвинуть засовы, оставив «некромарных ужамантов» наедине с голодной толпой свежих зомби.

Врачеватель, однако, ничуть не растерялся.

– Сюда!

Кладбище ограждала высокая каменная стена, аккуратно оштукатуренная, высотой в полтора человеческих роста. Фиделис остановился, бережно прижимая к себе запелёнутого в его плащ ребёнка.

– Продержитесь немного. Я постараюсь дотянуться до этих несчастных.

Подмастерья не задали ни одного вопроса, молча глянули друг на друга и встали плечо к плечу. Роб наложил стрелу на тетиву, Фредегар что-то шептал, сощурясь и глядя на стремительно приближающуюся орду.

А это была именно орда. Могильные камни рухнули, земля расплескалась, ямы раскрылись. Иные из неупокоенных шагали, подобно обычным людям; другие же, особенно умершие во младенчестве, бежали на четвереньках, и весьма быстро.

– Остановите их!

Сказано было таким тоном, что у половинчиков и мысли не возникло перечить.

Пальцы Роба разжались, упругий толчок силы слился со звонким щелчком тетивы по кожаной манжете на левой руке. Фредегар скрутил кисти в сложном жесте, помогая направить поток силы; пущенная его товарищем стрела пробивала одного мертвяка за другим, а в оставленные ею раны, из которых уже не могла политься кровь, ворвалась высвобожденная половинчиком сила.

Неупокоенные стали лопаться, словно перезревшие груши.

* * *

– Яргохор. Всё, как описывал Аэтерос, – рыцарь Леотар стоял, опершись на двуручный меч, и вглядывался в приближавшуюся серую ленту – или, скорее, змею – мёртвого воинства.

– Водитель Мёртвых Хьёрварда возвращается назад... – лучница Мьёлль задумчиво поглаживала изгибы своего оружия.

– Наше дело – устроить так, чтобы он-то как раз назад и не вернулся, – захохотал орк Горм. – Надо же, столько веков водить души к царству Хель, потом сгинуть куда-то, и лишь для того, чтобы опять идти на Хьёрвард войною!

– Шутки у тебя, орчище... – поморщилась Мьёлль.

– Хватит. Говорить. Пора. Выступать.

– Наш дорогой летучий друг совершенно прав, – ввернул вампир. – Выступать действительно пора. Они прут совершенно ни о чём не заботясь,

ни тебе авангарда, ни флангового охранения. Словно уверены, что никто и приблизиться к ним не дерзнёт.

– Мы ученики Аэтероса. Мы дерзнём, – тряхнул посохом Болг.

...Они рассыпались, разбившись на пары, растянулись вдоль густых и высоких зарослей Межреальности, стараясь вызывать не слишком большой интерес у хищных кустов. Яргохор, похоже, и впрямь ничего не опасался, он вёл поток душ так же, как некогда их бесконечные караваны по безрадостным полям Гнипахеллира, где на него никто не посягал.

Хотя нет, ведь тан Хаген как раз это и проделал...

Рыцарь Леотар и лучница Мьёлль – им выпало завязывать бой. Мечник последний раз проверил снаряжение, доспехи и вышел из-за укрытия, прямо перед самым Водителем Мёртвых.

Конечно, души умерших – это не обычные пешцы, по которым можно ударить из крепкого места.

Однако их тоже можно заманить в засаду.

Рыцарь Леотар, в роскошной броне, сиявшей, словно утренняя звезда, высоко вскинул меч и преградил дорогу Яргохору.

– Остановись, безумный! – крикнул он на языке Восточного Хьёрварда. – Остановись, неужели ты разрушишь свой собственный дом?..

Водитель Мёртвых не ответил, просто продолжал шагать прямо на рыцаря.

Леотар был готов. Его меч поднялся в позицию, клинок ярко засветился, словно выкованный из одних солнечных лучей.

Сила послушно устремилась по стальным жилам оружия, поток яростного сияния ударил прямо в залитую тьмой прорезь глухого шлема; Водитель Мёртвых пошатнулся, вскинул руку, заслоняясь – таким человеческим, таким живым жестом, словно простой смертный.

Ряды его бестелесных воинов не остановились, однако они обтекали своего предводителя, бестрепетно надвигаясь на рыцаря.

– Во имя света! – выкрикнул Леотар, и напыщенные эти слова в его устах не казались ни патетическими, ни неуместными.

Он закрутил двуручный меч сложной мельницей, и казалось невероятно, что в тяжёлой броне можно двигаться так легко и свободно; с меча во все стороны срывались разящие короткие клинки, сотканые из солнечного сияния.

Воины Яргохора лились вперёд, словно вода. Бестелесные, они сейчас словно воплощались, их черты обрисовывались яснее, призраки становились мечниками, копейщиками, лучниками, щитonosцами.

Солнечные блики, сорвавшиеся с меча Леотара, ударили в первых,

прошли насквозь, не встречая сопротивления, прорубая сотканые из серого света доспехи, и там, где их пронзили сияющие клинки, стремительно расползались пятна мрака, словно разворачивающиеся плащи, охватывая жертву; миг спустя они падали под ноги соратникам неразлично-чёрным валуном.

Яргохор издал странный звук, что-то среднее между скрежетом и скрипом, простёр меч – и чёрные камни зашевелились снова. Трескалась тёмная оболочка, что-то жемчужно-серое, словно моллюск в раковине, плескалось в разломах, норовя выбраться на свободу.

Первые из призрачных воинов достигли Леотара, от сверкающей брони рыцаря отскочило несколько тёмных стрел, рассыпавшихся тонкой угольно-чёрной пылью. Длинное и тонкое копье, чем-то похожее на ногу гигантского паука – заметны были даже утолщения суставов – ткнулось в закрытую кольчатым хауберком шею рыцаря, но лишь разлетелось облаком острых обсидиановых осколков, перерубленное сияющим лезвием.

Тёмный меч Яргохора свистнул, Водитель Мёртвых не прятался за спины, сам вступая в бой.

Лучница Мьёлль, затаившаяся на самой верхотуре хищных зарослей, успокоенных лёгким касанием её заклятия, отпустила тетиву.

Стреляла она ничуть не хуже половинчиков, славных своей меткостью, или даже лесных эльфов. Оголовок, древко, перья – сорвавшееся с её лука являло собой туго стиснутые чары, в которых не было ни грана материальности; зато выглядели они совершенно обыкновенной стрелой, даже не самого высокого качества.

Меньше мгновения понадобилось стреле, чтобы преодолеть отделявшее Мьёлль от Яргохора расстояние; острие наконечника скользнуло в узкую прорезь высокого шлема; лучница не дала промаха, рука её осталась твёрдой, а глаз верным.

Но само острие, сейчас словно выкованное из тёмной стали, разлетелось снопом сияющих искр; раскручиваясь и распадаясь, исчезло древко стрелы, а потом сгнули перья. Последнее, однако, просуществовало ещё долю секунды, оторвалось, закружилось, коснулось островерхого вычурного шлема, и по тёмному железу его поползли заполненные ярким сиянием трещины.

Правда, ползли и удлинялись они недолго. Скрип и скрежет, закованная в латную рукавицу ладонь хлопнула по шлему, словно сбивая огонь, и сияние погасло, оставив лишь слабо светящуюся мелкую сеть разбегающихся изломанных линий.

Длинный меч Водителя Мёртвых вдруг вытянулся ещё больше,

указывая туда, где скрывалась лучница. Его воины повиновались мгновенно, взмыла настоящая туча коротких стрел, навывлет пробивая корчащиеся в муках широкие ловчие листья хищных кустов.

Мьёлль была готова. Тело в кожаном доспехе пружиной взвилось в воздух, оставляя вражьи стрелам одну лишь пустоту. Крутясь, словно подхваченный ветром сухой лист, она с немыслимой быстротой спустила тетиву ещё трижды, прежде чем очутилась на «земле», на тверди Междумирья.

Три выстрела. В приоткрывшееся горло злобного великана; в подмышку, поскольку он не успевал опустить руку с мечом; и в пах, прикрытый юбкой из стальных полос, но где её заклятие нашло бы дорогу.

Её мягкие сапожки ещё не успели коснуться дороги, а спереди, из-за спины Яргохора, грянул гром, докатилась волна потревоженной силы – гоблинские чары, как всегда, густо смешанные с механикой и алхимией. Забросили, верно, очередной взрывающийся припас.

Призрачных воителей вокруг Леотара и Мьёлль нагнуло, словно траву под ветром; устоял один лишь Водитель Мёртвых.

Сила вновь заколебалась, резко, необычно, так что у лучницы заломило виски – заработала магия старого мормата, настолько странная и непонятная, что никто из них, соратников и помощников Аэтероса, не мог и примерно понять, как он делает то, что делает.

Вступили в дело и радужный змей с вампиром; в ход пошли все знания о неупокоенности, какие только имелись у служивших Познавшему Тьму.

Длинную ленту покорных Водителю душ надлежало рассечь, разрезать на отдельные части, надеясь вырвать их из-под власти Яргохора, пока Мьёлль и Леотар отвлекают его на себя; или, во всяком случае, рассеять и разогнать, выигрывая время.

Весть Учителю уже ушла, и они не сомневались – Аэтерос сделает всё мыслимое, чтобы спасти Хьёрвард. Они могли постоять за себя, но Водитель Мёртвых набрал какую-то уж совершенно невообразимую мощь. Да вдобавок ещё и оказался на службе Спасителя!

Три стрелы Мьёлль попали в цель, там, где они ударили в броню Яргохора, расплзались ярко-золотистые сияющие паутины, словно по металлу бежали многочисленные трещины; так, во всяком случае, хотелось бы думать лучнице.

От каждого удачного выстрела Водителя Мёртвых встряхивало, он отшатывался назад, но всякий раз выпрямлялся. И указывал, указывал чёрным клинком вперёд, гоня и гоня на Леотара и Мьёлль новые волны призрачных воинов.

Рыцарь усмехнулся; он сам шагнул навстречу гиганту. Его сияющий меч обернулся солнечно-светлым колесом, с такой быстротой крутился двуручный клинок, вытягиваясь и уже не уступая длиной оружию Яргохора.

– Один на один, один на один! – гаркнул Леотар, сметая со своего пути бестелесных воителей; оружие их разлеталось вдребезги, не в силах противостоять магии светлого меча.

Яргохор принял вызов – быть может, это казалось ему самым простым способом убрать с пути внезапно возникшую помеху. Мьёлль не послушала рыцаря, припала на колени, накладывая на тетиву очередную стрелу, пытаясь одновременно уловить отзвуки четырёх предыдущих – не может же этот Водитель Мёртвых быть совершенно уж неуязвим для оружия учеников Аэтероса!..

...Она не видела обычным зрением, но ощущала, как пришедшие в движение заклятия её товарищей рвут, дают, вминают в плоть Межреальности бестелесные легионы Яргохора. Самые могущественные, самые убийственные чары пошли в ход, те, что не оставляют невредимым и самого наложившего их; лучница знала, что сейчас магия (особенно мормата и вампира) пытается разорвать связь душ с их Водителем, отправить обратно в те места, откуда они им вырваны; ибо можно уничтожить неупокоенного, бредущие по погосту костяки, вырванные из векового сна, но нельзя убить бессмертную душу, нечто, посланное в Упорядоченное самим Творцом.

Можно их рассеять, можно – разогнать. А самое верное – прикончить того, кто собрал их и повёл против живых.

Призраки отхлынули от Леотара, между ним и Яргохором очистилось пространство. Мьёлль держала одну стрелу на тетиве, другую в зубах; лучница боялась, что воинство Водителя Мёртвых двинется в обход, окружая их с Леотаром.

Но Яргохор, похоже, не хотел размениваться на мелочи.

И не хотел тратить время.

Мьёлль ощутила лишь внезапно обрушившуюся на них с рыцарем тёмную волну ужаса, отчаяния, непредставимого кошмара; то самое, что «хуже смерти», сжатое в краткие мгновения.

Горе матери, потерявшей ребёнка; горе дочери, у которой на глазах изрубили отца; горе всех, кто пытался спасти родных и не преуспел, и теперь смотрит, не в силах отвести глаз, как их всех настигает гибель.

Яргохор надвигался, а справа и слева от него наплзала сплошная стена призраков. Мьёлль подняла на них глаза, готовая стрелять, если они

вдруг кинутся все разом, в арсенале её имелись чары на все случаи – и замерла.

Призрачные воины смотрели ей в глаза, и каждого из них она знала. Односельчане. Купцы с ярмарки. Наставник из храмовой школы – высокий, лысый, первый заметивший в ней талант разом и к луку, и к магии...

А вот и дядя Велед. И тётя... и...

И мама с отцом.

И братья с сёстрами.

Вся её семья шла прямо к ней, протягивая руки.

Ты наша, тебе место у нас, с нами.

Холодный ветер задул в лицо Мьёлль, холодный ветер с полей Гнипахеллира, с Чёрного Пути, что ведёт к воротам царства Хель. Она точно знала, что это за ветер и откуда, хотя родилась в деревеньке в совершенно ином мире на другом конце Упорядоченного.

Беги.

Кажется, это сказала мама.

Беги, пока не сделалась такой же, как мы.

...Но, конечно же, Мьёлль никуда не побежала. Она ученица Аэтероса, великого бога Хедина!.. Ученики Познавшего Тьму побеждали или умирали, но не бежали!..

...Леотар не ждал, пока ему на помощь подоспеют друзья или рядом с ним вдруг окажется сам Аэтерос. Он атаковал, как умел, молниеносным выпадом, и тяжеленный меч сейчас сделался легче пуха, словно и в самом деле выкован был из солнечного света.

Водитель Мёртвых нависал над ним, чёрный меч, длиннее пехотной пики, смотрел прямо в лицо Леотару.

Какой-нибудь обычный рыцарь, даже и принёсший обеты, наверное, имел бы право на извинительную растерянность, но не соратник Аэтероса. В конце концов, с Дочерьми Солнца было никак не проще. Тоже Древние Боги, вернее, богини...

Да и иные встречались ничуть не менее зубастые, чем этот.

Подумаешь, Водитель Мёртвых!

С клинка Леотара сорвался сияющий веер осколков света; они вонзались в тёмную броню замершего перед ним гиганта и гасли. Мьёлль молодец, эвон сколько раз попала, доспехи там наверняка надломлены...

Яргохор не попытался защититься, вместо этого острие его клинка чуть дрогнуло, и Леотару показалось, что смотрит оно, это острие, прямо ему в глаза, даже больше – в душу.

По доспехам Водителя Мёртвых разбегались светлые росчерки, искры,

подобно каплям воды, срывались с извивов стали, гасли, трепеща.

А с острия чёрного клинка на рыцаря глядела смерть. И если бы только его! – этого он давным-давно уже перестал бояться, с того самого мига, как немолодой худощавый мужчина в скромном коричневом плаще, чародей, вдруг кивнул Леотару, протянул руку, и перед ними раскрылось небо.

Нет, рыцарь Леотар не боялся ни смерти, ни посмертия. Он боялся лишь одного – умереть напрасно.

Меч Водителя Мёртвых всё удлинялся и удлинялся, и срывавшиеся с клинка Леотара блики света, что успешно рубили подступавших призраков, лишь бессильно разбивались о чёрную сталь.

Они должны продержаться и выстоять, дать Аэтеросу время подоспеть с подмогой. Или, быть может, успеют Арбаз или Креггер.

Они должны продержаться.

Рыцарь знал, что его товарищи рвут сейчас в клочья ряды армии призраков, без Водителя Мёртвых не так они и сильны против них, учеников великого бога Хедина, но вот он сам...

Чёрное острие оказалось совсем близко, Леотар уклонился элегантным полуповоротом, несмотря на тяжёлые доспехи, его собственный меч взлетел, сшибся с чёрным клинком, пытаясь отбить его в сторону...

С куда большим успехом рыцарь мог бы рубить сплошной скальный гранит. Напоенный магией меч справился бы с неподатливым камнем, но иные чары, скрытые в оружии Водителя Мёртвых, оказались сильнее.

От столкнувшихся мечей брызнули снопы искр, светлый клинок Леотара зазвенел, словно закричал от ярости, и самого рыцаря вдруг пригнула к земле неведомая тяжесть.

Водитель Мёртвых слегка повернул кисть с зажатым в ней мечом, и чёрная сталь придавила Леотара; Яргохор словно и не пытался его зарубить, пронзить, а вместо этого...

Чёрная сталь коснулась рыцарского наплечника, и Леотара затопила волна непереносимой, рвущей всё тело боли. В глазах вспыхнула радуга, он закричал, не слыша собственного крика, кажется, упал на колени; и ощутил, как внутри него словно рвутся те самые поэтические «скрепы», коими, по мнению скальдов, душа «крепится» к телу.

Однако он был соратником Познавшего Тьму; Познавшего Тьму, но не отринувшего Свет. Сквозь боль и слепящую круговерть в глазах, сквозь гаснущее сознание всё равно, с редкостным упорством, пробивались слова заклятий, работали чары, высвобожденные из распадающихся талисманов; мир, что, казалось, разбился на миллион кусков, стремительно обретал

прежние очертания.

...Мьёлль видела, как чёрный клинок скользнул над плечом Леотара, рухнул на рыцаря плашмя, как сам рыцарь упал на одно колено, а его сияющий меч уткнулся остриём в твердь Междумирья.

Она тоже закричала и тоже не услышала собственного крика. Стрелы срывались с её тетивы быстрее, чем в самом хитроумном гномьем метательном аппарате; лучница не зря вслушивалась и ловила эхо собственных распавшихся заклинаний, она, как могла, пыталась изменить те, что ждали своей очереди в её колчане, имея вид обычных стрел.

Каким был Водитель Мёртвых Яргохор в бытность свою обычным провожатым душ в залы Хель, она знала только по кратким рассказам Аэтероса. Учитель упоминал о нём, когда говорил о начале их пути вместе с Хагеном Хединсейским, но что случилось с этим Яргохором потом, как он оказался здесь со своим воинством, как вышло так, что он заодно со Спасителем и Тот использует его приближение для собственных целей, она не знала.

Зато она знала другое.

Её разбившиеся и рассеявшиеся заклинания, прежде чем исчезнуть, породили долгое эхо в потоках силы, и чуткое ухо Мьёлль уловило эти биения.

Водитель Мёртвых обрёл большую власть над отжившим, его сила возросла, и она незримыми цепями сковывала сейчас множество пленённых им душ; и самого Яргохора защищали сейчас могущественные чары, новосплетённые, делавшие его воплощением Смерти, необходимой и неотъемлемой частью бытия, кого не вышибешь из сущего простым огнешаром.

Первая из сорвавшихся стрел была ещё обычной, старой, из готовых, и она вновь оставила лишь пятно разбегающихся извивов света на тёмном доспехе; зато вторая – на вид неопрятная, с кривоватым древком, тощими перьями и тупым наконечником (у Мьёлль не было ни времени, ни сил наводить красоту, оттачивать заклятия до совершенства) – вторая стрела угодила прямо в щель доспеха, под наплечник, и вонзилась, глубоко погружаясь в то, что было сутью Водителя Мёртвых.

Глухой шлем Яргохора конвульсивно дёрнулся, задираясь в тёмное «небо» Междумирья; чёрный клинок дрогнул, и сам Водитель стал словно заваливаться вперёд, так, что Леотар едва успел отбить нацеленное в него острие.

Бывший некогда Молодым Богом Ястиром с грохотом рухнул на одно колено, по его доспехам скользили сияющие змейки, ныряли в тёмные

щели брони, выныривали вновь. Казалось, Яргохор беззвучно кричит, содрогаясь от неопишуемой и неведомой живым муки; его призрачные воины, однако, не дрогнули, не полились назад, напротив – их сплошная волна покатила прямо на рыцаря и лучницу, наставив тёмные копья и вскинув мечи с топорами, сделанные точно из частей тела гигантских насекомых, пауков или им подобных.

Леотар отступил на шаг, вновь закрутил светящуюся мельницу своим мечом; Мьёлль, прикрываясь им, выпускала одну за другой разящие стрелы. Заклятия рвали ряды призраков, лопались бестелесные головы, бесплотные тела опадали, словно сорванные ветром полотнища; но чары подмастерьев разрушали лишь форму, в которую были облечены души, вырванные Яргохором из царства мёртвых, не их самих.

Гигант в тёмной броне упал на одно колено и раскачивался, прижав левую руку к шлему донельзя человеческим жестом, словно получив в драке по уху; пальцы другой оставались сомкнуты на эфесе чёрного меча, и Мьёлль, видя, что Леотар, хоть и пятится, но отражает все нацеленные в них удары, рискнула.

Она наложила на тетиву разом три стрелы. Такие фокусы сродни ярмарочным, сильного удара не будет, но лучница этого и не искала. Три стрелы, кривоватые и неуклюжие, как одна до них, с наспех изменёнными чарами, разом угодили в прикрывавшую грудь Яргохора кирасу, в те места, где уже расползлись светлые паутины; брызнули осколки железа, оно дробилось, точно стекло, в которое запустили камнем.

Доспехи разваливались, наплечники, налокотники, латные рукавицы; кираса сходила целыми пластами, словно кора со сгнившего на корню дерева. Мьёлль замерла, впилась взглядом в закачавшегося гиганта; ей казалось, ещё немного, ещё чуть-чуть, и Водитель Мёртвых просто рухнет, как уже не раз падали под её стрелами всяческие чудовища, выползшие из своих нор и убежищ.

Рыцарь Леотар помочь не мог никак – прикрывал их обоим сияющим щитом, потому что воины Яргохора по-прежнему напирали, и простая сталь остановить их не могла, и бесполезно было большинство известных рыцарю и лучнице заклятий. Великий Аэтерос избегал некромантии, а вот как бы она сейчас пригодилась!..

Там, где доспехи отвалились совсем, Мьёлль увидела лишь сплошную черноту. Потянуло холодом, сильно и резко, задул ледяной режущий ветер, и одновременно к Водителю Мёртвых потекли десятки и сотни его призрачных воителей.

Ряд за рядом они вливались в него, втягивались в составлявшую его не

то черноту, не то пустоту; и лучница с ужасом увидела, как развалившаяся было броня Водителя Мёртвых стремительно восстанавливается, прорехи заполняются, ложатся причудливые завитки, выступы, резьба и шипы, и как он сам, подрагивая, но начинает подниматься с колена.

По лицу Мьёлль тёк ледяной пот, в груди сжимал когти ужас, какого она, верный воин Аэтероса, не испытывала уже давным-давно. Она слышала тихий, но от этого не менее страшный многоголосый вопль, вопль бестелесных существ, обрушивавшихся сейчас в чёрную бездну.

Что это? Откуда взялось? Яргохор был Водителем Мёртвых, но и только!.. Или это оттого, что он каким-то образом теперь заодно со Спасителем?

– Мьёлль!

Леотар отступил на шаг. Потом ещё на один. На два. На три...

Они держали Яргохора, но вдвоём они простоят тут ещё очень немного времени. Друзья должны были уже рассеять хвост его армии, заставить отвернуть, задержаться, однако Водитель Мёртвых на всё, что творилось у него за спиной, вообще не обращал внимания.

И сейчас, когда он поднялся, Мьёлль ощутила, как тяжёлый взгляд из смотровой щели шлема упирается прямо в неё.

Она не так давно оказалась среди избранной рати Аэтероса. Не так давно – в сравнении с иными гномами или эльфами, но Мьёлль не без оснований считала себя тёртой, побывавшей в передрягах и многое повидавшей. Она знала, что такое страх, и умела его обарывать.

Но сейчас её сковал даже не ужас, а тёмное, обессиливающее отчаяние.

Он неуязвим. У нас нет оружия против него. Нам его не сдержать...

...Маленькая девочка бежит прочь от горящей деревни, задыхается, но бежит, а за спиной – грубые крики и топот. Свист, удар, боль, тьма.

...Молоденькая девушка отмахивается сломанным луком от нескольких гогочущих королевских лесничих. У ног её – неопровержимое доказательство браконьерства, за кое полагается петля – молодой подстреленный олень. У неё выворачивают лук из пальцев, придавливают к земле и – нет, даже не насилуют, – в горло врезается сталь, слепящая боль, ужас, тьма.

...Молодая женщина хватает в охапку ребёнка, кидается к задней двери дома, но створки распахиваются ей навстречу, и впереди – лишь стена копий.

Хруст пронзаемой плоти, и она падает, пронзённая вместе с сынишкой сразу полудюжиной пик. Страшная мука – оттого, что малыша уже нет, –

звериное отчаяние, заглушающее даже боль, тьма.

Она умирала раз за разом, и каждый раз всё было взаправду, она словно мгновенно забывала, что это лишь иллюзия, внушённая Водителем Мёртвых.

Магия истаивала и убегала, Мьёлль тянулась к ней губами, словно истомлённый жаждой – к воде, но живительная влага исчезала бесследно. Заклятия распадались, она не могла сплести даже самого простого.

Рядом с ней прошелестело что-то чёрное, смутное, пахнущее кровью. Меч Водителя Мёртвых вновь столкнулся с клинком Леотара, и на сей раз рыцарский меч не выдержал.

Мьёлль крикнула, руки рванули тетиву, стрела ударила по чёрному клинку, хоть ненамного, но отбила в сторону; лезвие рассекло шлем Леотара, но удар, что нацелен был ему прямо в лицо, лишь окровавил рыцарю ухо.

Аэтерос... где ты... мы... погибаем...

Пальцы Мьёлль сомкнулись на розовом кристалле.

Учитель!.. Помоги!..

Рыцарь выпустил из рук эфес раздробленного меча, мягким движением, несмотря на рану, выхватил откуда-то из-за спины небольшой боевой топорик с отведённым вниз «клювом», зацепил им полосу чёрной стали, кинул себя вперёд, прямо на Яргохора.

Что-то истошно и тонко завизжало в воздухе, и на затылок Водителя Мёртвых обрушилась громадная летучая мышь, меж её когтей что-то ослепительно сверкнуло, грянул гром, и шлем Яргохора разлетелся на куски.

Пустота и тьма вторично глянули прямо в глаза лучнице.

Уже падая, она выпустила кристалл и в последний раз рванула тетиву; та жалобно застонала и лопнула. Стрела свистнула прямо в сгущение мрака, в то, что было головой Водителя Мёртвых; и тот, вдруг судорожно дёрнувшись, так же судорожно дёрнул и мечом.

Чёрное лезвие врезалось в бок Мьёлль, разрубая лёгкий доспех и плоть.

Но зато рыцарь Леотар был уже совсем рядом с гигантом, и его топорик полетел, разбрасывая искры, целя туда же, где исчезла последняя стрела лучницы.

Вампир, кружа сверху, тоже ринулся в атаку, и с крыльев его тоже текла темнота, но совершенно иная, чем у Яргохора, – тёплая, своя, в которую не страшно окунуться.

Водитель Мёртвых впервые закричал, вдруг обретя голос; и этот крик

могло породить только беспредельное отчаяние тех, кто был заточён целую вечность в залах Хель.

Души вновь хлынули к Яргохору, но они опаздывали, точно – опаздывали, и он падал, падал!..

Уже угасающим взором Мьёлль, рассечённая почти пополам, досмотрела, как Яргохор обрушивался наземь, словно ему подрубили ноги. Розовый кристалл покрылся паутиной мелких трещин и рассыпался невесомой пылью; боль уходила, наваливался покой.

Мы победили... мы его остановили... Всё хорошо... Аэтерос... будет... доволен...

* * *

Хедин, Познавший Тьму, знал, что пришла беда. Кристаллы, розданные подмастерьям, подняли тревогу все разом. Они старательно слали чёрные вести, и ясно было, что без него там не обойдутся.

Он с досадой взглянул на парящий замок. Жаль, очень жаль, но оставить Хьёрвард на съедение Спасителю он просто не мог. Тем более что тот отбросил свои же собственные правила и установления, словно в дикой спешке.

Мы Его останавливаем, подумал Хедин. Ему пришлось отступить из одного мира, Он не выдержал схватки лицом к лицу, и вот теперь, словно решив отомстить, кинулся в Хьёрвард.

Он являл слабость, и это нельзя было не использовать.

А замок и те, кто расставил этот капкан... что ж, им придётся подождать.

Познавший Тьму уже собирался позвать Кирвада, отдать ему приказ обложить такую ценную на вид, но всего лишь приманку в западне и ждать его, Хедина, возвращения, когда на стенах крепости вдруг взвились красные боевые стяги, гулко запели рога, вызывая защитников к бойницам.

«Я ведь помню эти знамёна, – глаза Хедина сузились. – Стяги острова Брандей, стяги тех, кто служил Хаосу, кто стал его человекоорудием... Ещё одна приманка? Чтобы уж он точно никуда не ушёл отсюда?..»

– Кирвад!

– Я здесь, Великий! К твоим услугам!..

– Кажется, здешние хозяева решили помериться силами в чистом поле. Пусть их. Ты знаешь, что делать. У нас не так много владеющих магией, но, полагаю, на этих хватит.

Сильван переступил копытцами, поглядел на крепость, на раскрывающиеся ворота...

– Великий Хедин, они или донельзя глупы, или, напротив, весьма умны.

– Весьма умны?

– Да, Великий. Они хотят навязать нам бой в чистом поле, я бы сказал – надеются на свою магию.

– А почему тогда не подождать, пока мы сами не пойдём на штурм? – поднял бровь Хедин.

– А мы можем и не пойти. Можем встать в осаду, – предположил сильван. – Вот они и стараются.

– Вот они и стараются... Нет, верный мой, но не слишком проникательный Кирвад, им надо, чтобы мы точно втянулись в бой, а потом они как бы обратятся в бегство, бросятся обратно «под защиту стен», вылазка как бы не удастся. И, когда мы клюнем, ловушка захлопнется. Кирвад, ты прав. Мы встаём в осаду. Я должен отлучиться, ненадолго. Держи замок в кольце, не поддавайся ни на какие уловки, коль устроят «вылазки», как ты говоришь, – отбрось их обратно, но не более того. Никаких штурмов, понятно?

– Да, Великий Хедин! Всё будет исполнено по воле твоей!..

– И жди меня.

* * *

В армии Познавшего Тьму тоже затрубили боевые рога. Полки поспешно вскакивали, воины знали свой манёвр; плывущий замок охватывало плотное кольцо, даже не кольцо, а сфера – иные отряды поднимались выше или ниже крепости по извивам Междумирья.

Хедин торопливо собирался. Путь до Хьёрварда займёт какое-то время даже у него одного, безо всякой армии, даже если он сбросит человеческое обличье.

Кирваду предстоит продержаться, но с этим он должен справиться – Древний Бог, как-никак. Да и в армии есть ему подобные, немало также искусных шаманов и колдунов.

Ворота замка распахнулись, из них показались фигуры – люди, звери, чудовища, всё вперемешку. Они не держали строя, валили толпой; над парапетами взвились крылатые создания, гибкие змеиные тела с широкими кожистыми крыльями.

Познавший Тьму остановился.

Хозяева этого замка создали и впрямь могущественное войско, чем-то напоминавшее его подмастерьев. Невелико числом, зато сильно умением. Хедин ощущал тонкие вибрации силы – все вышедшие из замка были чародеями.

И чародеями сильными.

Если он, Хедин, сейчас покинет своё войско, тут, скорее всего, будет второй Брандей, то есть кровавая мясорубка.

Но если он останется, с Хьёрвардом может случиться ещё бóльшая беда.

Выбирать?

Нет. Это не наш путь. Выбор – вообще ложная альтернатива. Если ты – Новый Бог, отринувший Закон Равновесия, всё принявший на себя, ты не выбираешь. Ты подчиняешь реальность себе.

Познавший Тьму оставил сборы, усмехнувшись, взялся за рукоять звёздного меча. Спасибо вам, ангелы пламени, вы мудры и знали, что мне понадобится.

* * *

Леотар видел, как чёрный клинок Яргохора рассёк бок лучнице, как Мьёлль завалилась набок и как отлетела её душа.

Это было жуткое чувство – ощущать, как бывшее сутью твоего друга, названной младшей сестры, отделяется от бездыханного тела и плывёт прочь, к тёмной фигуре Яргохора; Водитель Мёртвых имел власть не только над собственными воителями.

Меч Леотара сломался, топорик, который он метнул, исчез, угодив в ту тьму, что составляла «голову» Яргохора. Оставался игольчатый кинжал, мизерикордия, и он оказался у рыцаря в руках.

Они сшиблись с Яргохором, волна душ охватывала Леотара со всех сторон; и он видел, как всё ближе и ближе плывёт к Водителю Мёртвых то, что ему так хотелось называть душой лучницы Мьёлль – призрак девушки в длинной рубаше и с распущенными волосами, как никогда не ходила она при жизни. Бестелесные руки закрывают лицо; плечи вздрагивают от беззвучных рыданий.

Мьёлль была бесстрашным бойцом, и оттого её рыдающий призрак казался таким диким и жалким.

Мизерикордия нашла щель в наколенной броне Водителя Мёртвых.

Леотар ощущал смертельный холод, идущий от гиганта, и оружие своё, вспыхнувшее яростным светом, он всадил так, словно это было последнее, оставшееся ему в жизни.

Острый трёхгранный клинок игольчатого кинжала пылал, словно восходящее солнце. Губы Леотара шевелились, и это были не заклинания Аэтероса, а молитва, которой научила мать – в их родовом замке, на краю северных лесов, где пела вьюга, и с полночной стороны тянулись караваны орков, потому что пробудившиеся ледяные драконы гнали их на юг, преследуя и истребляя всё живое.

Она молилась своим странным богам, Древним Богам, как теперь понимал рыцарь. Для мальчишки Леотара тогда её слова казались сплошной бессмыслицей.

Теперь – нет.

Рукоять мизерикордии плавилась в его латной рукавице, но и Яргохор теперь зашёлся в жутком скрипучем не то вопле, не то вое; гигант обрушился сверху на Леотара, рыцаря охватил могильный холод, и больше он уже ничего не чувствовал.

...Вампир кружил над схваткой и видел всё.

Он первым понял, что Яргохора не остановить, что Водитель Мёртвых неуязвим, пока вокруг него остаются вырванные им из вечного плена души.

Он видел, как упали сперва Мьёлль, а за ней и Леотар, видел, как вновь рухнул сам Яргохор и со рвущей давно, казалось бы, мёртвое сердце горечью осознал, что их жертва врага не остановила.

Они ошиблись, все ошиблись – надо было навалиться вместе, может быть, тогда бы... а так они, всё верно задумав, из-за собственной хитрости проиграли. Их план удался бы, сумей они разогнать и рассеять души в воинстве Водителя Мёртвых, но они не сумели.

Вампир послал весть.

Их осталось шестеро – он сам, старый мормат, радужный змей, гоблин да орки Болг с Гормом. Пришла пора вспомнить то, что они знали и умели до того, как сделались соратниками Аэтероса.

Товарищи не замешкались. Мормат ещё нёс с собой гоблина со всем его обзаведением, почти нежно обняв парой самых длинных хватательных щупалец. Внизу, под ними, Водитель Мёртвых хрипел, упав на оба колена и опираясь на закованные в броню руки, словно полностью выбившийся из сил человек.

Со всех сторон к нему тянулись души, роились вокруг бестолково, словно муравьи или пчёлы, оставшиеся без матки; однако теперь они почему-то слиться с ним и восполнить его силы уже не могли – или пока не

могли.

Яргохор казался таким уязвимым, таким сломленным. Он явно не мог подняться, чёрный его меч валялся рядом с телом Мьёлль.

Вампир перевернулся в воздухе, в один миг оказавшись на «земле», на тверди Междумирья, за спиной у Яргохора. Водитель Мёртвых словно ничего и не заметил.

Радужный змей завис над головой вампира, трепеща крыльями, словно громадная бабочка; вампир же, медленно вскинув обе руки, закружился на месте, и с губ его сорвались первые звуки зова.

Это была некромантия в самом чистом виде, изначально присущая мёртвым вампирам, тем, что прошли через смерть ради обретения силы и истинного бессмертия. Вампиры живые, изменившие себя, чтоб питаться кровью себе подобных, – куда слабее.

Вампир звал, и души качнулись к нему. Медленно и словно нехотя они сгущались вокруг него, хотя сила Яргохора и приковывала их к недвижному повелителю.

Мормат и радужный змей кружили над ним, и вампир ощущал, как соратники стягивают силу в тугой поток, направляя прямо на него. Спущенный наземь гоблин затаился в зарослях, настраивая что-то из оставшихся у него устройств.

Вампир звал и одновременно пятился. Ему предстояло сейчас удерживать около себя все эти души, каждая из которых стремилась слиться с ним – чего допускать было нельзя ни в коем случае. Стоило хотя бы одной дотянуться до него, стоило ему принять в себя хоть одну – и он бы умер второй, уже необратимой смертью.

Нельзя быть в безопасности, нельзя парить на высоте – будь рядом, будь на грани, рискуй, и тогда твои чары подействуют.

Сейчас должны подоспеть орки и, хотя секира Горма бесполезна против мёртвых, чары варлока Болга должны поддержать вампира, которому выпало самое трудное – ослабить изначальную удавку, накинутую Яргохором на множество захваченных им душ, оттянуть их на себя, даже рискуя.

Яргохор начал приподниматься. Призраки медленно отдалялись от него, словно ручей, постепенно отыскивавший иное русло.

Из зарослей рядом с низкорослым гоблином высунулся варлок, потряхнул посохом, затаил какое-то заунывное песнопение. Варлоки – не некроманты, но тоже способны на многое.

Горм, как из-под земли, вырос перед Яргохором, глянул влево, на замершую в луже крови Мьёлль; Водитель Мёртвых захрипел, и его

трясущиеся пальцы конвульсивно сомкнулись на эфесе чёрного меча.

– Сейчас, – низко и жутко прорычал орк. – Дай хоть глаза ей закрыть...

Казалось, чернота над плечами гиганта глядит на воителя с удивлением; однако тёмный клинок остался неподвижен.

– Благодарю тебя, – с достоинством кивнул Горм. Встал на одно колено подле девушки, широкая ладонь его в боевой перчатке легла ей на лицо, опуская неживые веки. – Позволь уж тогда и ему, – он кивнул на Леотара. – Ты ведь тоже воин. Был, во всяком случае.

Пустота, заполненная мраком, молча глядела на секироносца.

Горм вновь слегка склонил голову, молча благодаря своего противника, и нагнулся к телу Леотара. Половину рыцарского шлема снесло смертельным ударом, глазницы залило кровью; орк осторожно вытер другу лицо, бережно закрыл веки.

– Ну, а теперь можно и того, – он встал, повёл плечами, секира со свистом рассекала воздух. – Подними меч и сойдёмся в поединке!

Великан начал распрямляться, и Горм с горечью подумал, что все усилия и даже смерти двух учеников Аэтероса (что случалось очень, очень редко), похоже, бесполезны – Яргохор цел, хотя, может, и не невредим; и непонятно, какие заклятия окажутся действенны, если только не увести от него собранные души.

И тем не менее Горм дал Водителю Мёртвых подняться, потому что время шло, вампир отходил всё дальше, уводя с собой большинство призрачных воинов. Орк был воином, однако и магом тоже, он чувствовал туго звенящую силу, скрученную в кокон вокруг вампира; тащить на себе этот замерший вихрь – всё равно что танцевать на канате, когда под тобой – не спасительная сеть, а бездонная пропасть.

Секира прошелестела, рассекая воздух, косо обрушиваясь на коленное сочленение, туда, где до сих пор торчал вонзённый рукою Леотара трёхгранный кинжал-мизерикордия.

Яргохор не пытался отбить выпад орка. Вместо этого чёрный клинок его зашипел, устремляясь остриём тому прямо в глаза.

Горм был готов; несмотря на ширину груди и плеч, массивный орк уклонился с ловкостью заправской танцовщицы, пляшущей ар-фандо, танец с жонглированием горящими факелами.

Уклонился и вновь ударил – окованным сталью торцом топорища, вгоняя кинжал Леотара ещё глубже, словно вбивая гвоздь в доску из неподатливого каменного дерева.

Из-под брони Яргохора брызнули сияющие искры, словно кровь, Водитель Мёртвых дёрнулся, его клинок со зловещим шелестом прошёл

над самой головой Горма, а орк, вновь уклонившись, ударил вторично, вкладывая в замах всю ярость.

...Зелень травы перед вырезанными из дерева кумирами и предками их клана, и шест в руках, и он, весь в ссадинах и синяках, гордо смотрит на отца с матерью, на остальную семью и родню – он победил в турнире, он лучше всех, он первый воин рода!..

...Солнце Обетованного, и робость, и серебристый смех эльфийки, что просто взяла его за руку и повела к остальным:

– Ты отныне ученик Аэтероса. Мы все теперь твои братья и сёстры.

...Безумные Боги, и кровь, текущая с алтарей, и боевые маги Долины, отвлекающие на себя аколитов, и они с Болгом, вбивающие в камень, растирающие в пыль бросившееся на них из-за алтаря страшилище, в котором не осталось ничего человеческого.

Чёрный меч Водителя Мёртвых описал дугу, свистнул, разя; Горм увернулся и в третий раз, но Яргохор внезапно разжал пальцы, выпуская оружие; его латные рукавицы упали с рук, обнажая ту же черноту, что слагала и его голову.

«Смерть, – беззвучно сказал вдруг он, – забирает всех. Даже миры и пространства...»

Или это показалось Горму, опытному в общении не только с секирой, но и с духами предков, из-за чего Бридраг, старый шаман клана, даже хотел сделать его своим преемником?..

Руки Яргохора тянулись и тянулись, тьма стекала с них, обволакивая секиру Горма, по лезвию, начищенному до блеска, ползла ржа.

– Врёшь, – прохрипел орк. Он должен дать время вампиру и остальным, хоть немного, но дать!

Секира резала мрак, оставляя за собой огненную дорожку, но тёмный ледяной холод поднимался слишком быстро.

Яргохору это тоже давалось нелегко, его силы оказались не беспредельны, но...

«Смерть, – вновь услышал орк, – удел всех. Кроме Него».

Были ли эти слова обращены к нему или Горм пробился к мыслям самого Водителя Мёртвых?

Он закричал, не слыша собственного крика, старый боевой клич клана, размахнулся – но тут холодные и тёмные воды сомкнулись над его головой.

...Вампир ощутил смерть Горма мгновенно. Он знал, что Водитель Мёртвых сейчас осознает, как от него уведут призрачную армию, и тогда...

Но они должны успеть.

Точнее, успеть должен гoblin.

Они все могут погибнуть, но гоблин успеть обязан.

Вампир пятился и пятился, души текли за ним сплошным потоком, пространство вокруг Водителя Мёртвых очищалось.

Все уцелевшие сейчас щедро делились с ним силой и чарами – варлок Болг, старый мормат, чьего имени никто никогда не знал и даже не ведал, есть ли оно у него вообще, радужный змей Хабрах, который, когда на него находила прихоть, требовал именовать себя Александросом.

Вампиру казалось, что ему удаётся нащупать глубоко упрятанную структуру, сложный клубок чар, управляющих скопищем покорных Яргохору призраков; чар древних, очень характерных, принесённых в Упорядоченное именно Молодыми Богами. Наверное, именно с их помощью Водитель Мёртвых, собственно, и «водил» их по Чёрному Тракту к пещерам за Гнипахеллиром, к логову Гарма, чудовищного пса, вскормленного Хель мясом мертвецов, и дальше, к залам самой чудовищной дщери Локи.

Ещё немного, ещё чуть-чуть; эх, как же теперь Болг, они с Гормом были ближе, чем братья...

– Цып-цып-цып... – лихорадочно шептал вампир. – Сюда, мои сладкие, за мной, за мной, только никуда не сворачивайте и только меня слушайте...

Проклятье, ну где этот гоблин?!

Вампир совершенно не думал сейчас, что жуткое устройство может положить конец не только Яргохору.

Гоблин! Всю кровь твою самолично выпью, и не посмотрю, что зелёная!..

Вампир не видел, как живые заросли Межреальности раздвинулись, как оттуда появились варлок и гоблин; однако затылком он ощутил прокатившуюся волну магии, стремительного и обжигающего возмущения в силе.

Пора!..

Он взмыл вверх, что было сил работая развернувшимися крыльями; Александрос и мормат были уже рядом, тащили, тащили прочь, а в спину выпрямившемуся наконец Водителю Мёртвых летела, кувыряясь, ярко-огненная капля, какое-то жуткое гоблинское устройство, где магия соединялась с алхимией, а алхимия – с какими-то редкостными веществами, способными взрываться с поистине невероятной мощью.

Алая капля коснулась тёмной брони Яргохора, разбилась с лёгким хрустальным звоном; кровавый туман хлынул во все стороны, клубы его катились, словно прорвавший дамбу поток.

Рушилась сама плоть Межреальности; жуткое гоблинское устройство высвободило нечто, растворявшее твердь Междумирья, словно тот самый Menstruum universale^[4], мечта всех алхимиков.

Воронка стремительно росла и ширилась, засасывая в себя призрачных воинов Яргохора; вот ноги Водителя Мёртвых лишились опоры, и сам он взмахнул руками, проваливаясь.

Вокруг него не осталось душ, что могли бы прийти на помощь. Вампир не знал, что именно за устройство сотворил гоблин, но оно сработало. Водителю Мёртвых предстояло падать очень-очень долго, до самого Дна Миров, где был заточён некогда великий Ракот; а уж за это время Аэтерос, конечно, измыслит, как справиться с бедой!..

Яргохор, проваливаясь, закричал, точнее, у него вырвался режущий слух вопль, словно старое железо со всей силой тёрлось, скребло о неподатливый камень. Ему не за что было зацепиться...

Чёрный меч лёг поперёк расширяющейся воронки, эфес и острие впились в стены, и вампир ощутил толчок чуждой силы – Водитель Мёртвых пытался замедлить своё падение.

Всё вокруг тонуло в алом тумане, вампир ощущал, как проваливается под ним твердь Междумирья, и точно так же он ощущал, что падение Яргохора замедлилось.

Пропасть всё углублялась и углублялась, однако он, поставив враспорку свой меч, каким-то образом стягивал стены воронки; нужен был ещё один удар, последний!..

Вампир не успел подумать об этом, а радужный змей Хабрах-Александрос внезапно переломился в полёте, словно сложенный карманный ножик, и кинулся вниз, в клубы алого дыма.

Вспышка, и вампира скрутило от боли. Яргохор не успел вскинуть оружие, и удар Александроса швырнул Водителя Мёртвых ещё дальше, вглубь воронки.

Чёрный меч выбило из стен, Яргохор со всё тем же нечеловеческим скрипом-воплем вскинул клинок, пронзив радужного змея насквозь.

Смерть того, кто любил, чтобы его называли человеческим именем Александрос, была мгновенной.

Всё повисло на волоске; вампир по-прежнему тянул за собой вереницу душ, отводя её от провала; в клубах багрового дыма скрылись варлок с гоблином, и лишь мормат беззвучно скользнул над полем битвы, завис над воронкой. Сила дрогнула, потекла, сворачиваясь длинными щупальцами; мормат словно создавал копию самого себя, и она повисла на Яргохоре, словно камень на шее утопленника.

Яргохор сорвался, проваливаясь ещё глубже, и рядом с ним падал мормат, отдавший последнему заклинанию всю жизненную силу.

Вампир уже выбрался из багрового облака, по-прежнему увлекая за собой души. Силы его таяли, магический шторм, вызванный взрывом гоблинского устройства, утихал, и, если б не поддержка варлока, души бы уже рассыпались, устремившись обратно к своему Водителю.

...Вот они, друзья и соратники; Болг, яростно потрясающий посохом и, похоже, пляшущий какой-то из своих танцев, того времени, когда он был всего лишь племенным шаманом; гоблин, что-то лихорадочно собиравший из разложенных перед ним припасов самого удивительного характера.

Вампир старался уводить души подальше в сторону от собратьев; и ему это почти удалось.

Почти.

...Кто допустил роковую ошибку, понять было нельзя. То ли он сам, вампир, потому что мысли уже путались и удерживать сложные чары становилось всё тяжелее; то ли Болг, сбившийся на одной из своих мантр; то ли гоблин, на коленях которого что-то блеснуло, когда он поспешно соединял части в какое-то, несомненно, смертоносное устройство.

Во всяком случае, волна душ из находившихся в отдалении от их нового вожатого, вампира, почуяла живых и качнулась к орку и гоблину.

Вампиру показалось, что он умирает во второй раз.

...Ни Болг, ни его низенький товарищ не побежали.

Гоблин сноровисто метнул в приближавшихся призраков нечто недоделанное, но тем не менее взорвавшееся с изрядным эффектом; Болг взмахнул посохом, и передние ряды призраков отбросило, словно яростным ветром.

– Сила! Сила! – в отчаянии завопил вампир. Одному ему было не удержать души, никак не удержать!..

– Сейчас! – хрипло каркнул варлок. Швырнул посох наземь, одним ударом кулака раздробил прибитый к древку череп.

Вампира обдало волной силы, он, как мог, потянул души к себе, на себя, за собой...

Однако он был мёртвым, а орк с гоблином – живыми.

Вампир больше ничего не смог сделать.

Поток призрачных воителей смял его друзей, и последнее, что успел сделать гоблин, – это привести в действие свой смертный медальон.

Вихрь чистого белого пламени пронзил сгущающуюся тьму; от Болга и гоблина не осталось даже пепла.

Они не мучились.

Вампир остался один.

...Сколько сможет, он ещё будет тянуть души за собой. Пусть недолго, но – сможет. После этого они вернутся к Яргохору, но время будет выиграно, Аэтерос успеет, помощь придёт...

Он должен уцелеть, он обязан. Обязан добраться до Учителя и поведать ему обо всём случившемся.

Мьёлль, Леотар, Болг, Горм, Александрос, мормат и гоблин, имена которых так и остались скрыты от него.

Никогда ещё в одном бою не погибало столько учеников Аэтероса. Все, кто стоят под его знаменем, должны будут отомстить.

Силы вампира таяли, удерживать души дальше не имело смысла. Учителю нужны живые ученики, способные драться, а не мёртвые герои. Наверное, им стоило бы отступить раньше, но...

Поток душ, следовавший за вампиром, терял стройность и плотность, струйки и струи, отдельные группы призрачных воителей откалывались от него, медленно, словно ощупью направляясь к поглотившей Яргохора воронке.

Всё, дальнейшее удержание бессмысленно, убеждал себя вампир. Пора уходить, пора убираться. Доклад Аэтеросу важнее всего, он может спасти бесчисленные жизни...

Но всё равно он тянул, тянул до последнего, словно уйти сейчас, от места, где погибли друзья, было бы страшным предательством.

Вампир был давно мёртв, как и Ан-Авагар, и всегда – для себя – считал всякие понятия типа «верности» или «предательства» смешной глупостью, придуманной умными, чтобы заставить простаков сражаться и умирать за них; «истинный вампир всегда на стороне сильного», как известно.

Надо уходить. Вампир чувствовал, как слабеет; связь с уведёнными им душами всё тоньше, всё эфемернее; сейчас они освободятся совсем, хлынут потоком, сомнут его, втопчут в твердь Междумирья...

А если он бросит их, они быстрее вытащат Яргохора из пропасти. И кто знает, насколько быстро?

Друзья погибли, пожертвовали собой, все. А он?..

Но что проку будет от его гибели? Всё равно Яргохора ещё предстоит останавливать, его опыт, опыт сражавшегося против Водителя Мёртвых будет неоценим...

Он утешал себя как мог.

Гордость заставила протянуть ещё какое-то время, пока вампир не решил наконец, что долг свой он исполнил.

Сбрасывая человеческое обличье, огромная летучая мышь рванулась прочь.

* * *

Познавший Тьму торопился. Расставившие на него капкан потратили много сил, дабы приманка выглядела как настоящая. Они послали на убой собственных аколитов, хорошо обученных, готовых драться до конца; и всё ради того, чтобы попытаться «изловить» Нового Бога. Да, хорошие идеи приходят в умные головы одновременно, Архимаг Игнациус был явно не одинок в своих поисках. Вопрос только – на что рассчитывали эти поимщики, буде им удался бы их замысел? Жаль, что мессира Архимага уже не расспросишь; правда, оставалась надежда расспросить устроителей этого капкана.

Хорошо идут, смело... не оглядываясь назад, не надеясь на защиту стен.

Вокруг замка простиралась настоящая бездна. Чары раздвигали плоть Межреальности, и потом, пропустив летающий островок, она смыкалась вновь. Познавший Тьму это учитывал, и потому его армия оставалась в отдалении, на безопасном расстоянии от чужой крепости.

Аколитов, судя по всему, подготовили хорошо – над пропастью они просто плыли, левитируя; заклятия весьма высокого уровня, ничего не скажешь.

Когда-то, давным-давно, Закон Древних запрещал Истинному Магу прямое убийство смертных. Лукавый и хитрый закон; он никак не запрещал, к примеру, создание всяческих големов-убийц. Нет, куда честнее самому, глаза в глаза.

Познавший Тьму оттолкнулся от края пропасти. Мы тоже так можем, когда надо.

Отряды аколитов, среди которых через бездну плыли и чудища, не обратили на Нового Бога никакого внимания, словно и не он был главной целью всего этого капкана.

Их намерения понятны. Познавшего Тьму собирались уловлять на его сочувствие к смертным, на известную, очевидно, устроившим эту западню нетерпимость к потерям среди его собственных подмастерьев.

Что ж. Новый Бог – он всё-таки Новый Бог.

Любой божественный акт описывается в разного рода священных книгах, свитках, на каменных таблицах – примерно одинаково. «И сотворил

Он так, чтобы...»

Вот и сейчас – сила послушно дрогнула, мягкая, податливая его воле. Всё должно выглядеть естественно, горячий и нерасчётливый Хедин, как и планировали поимщики, должен слепо кинуться в драку, не хуже своего названного брата.

И потому в бою надо использовать тоже нечто привычное, чтобы добыча не сорвалась с крючка.

Пламенная сфера послушно вспухла прямо в пространстве, заключая в себя и крепость, и устремившихся на вылазку аколитов, отрезая их от войска Познавшего. Его воля погнала огненные волны прямо на них, вынуждая или повернуть обратно, под защиту стен, или явить своё собственное искусство.

...Противник принял вызов. Группки адептов и смешавшихся с ними чудищ сбивались плотными клубками, монстры спереди и по бокам, люди в середине; развернулись широкие крылья, отблески сверкнули на чёрной чешуе.

Хедин уловил слабые, но стремительные, хорошо артикулированные колебания силы – враг отвечал, и отвечал умело.

Перед сжавшимися аколитами раскрывались пульсирующие жемчужным призрачные воронки, и в них замелькали уродливые головы не то громадных червей-паразитов, не то просто пиявок.

Кто-то ловко и умело открывал порталы, связанные с каким-то зверинцем, откуда и появились эти отвратные, но удивительные создания.

Хедин видел, как твари дружно распахнули пасти, как его огненный шторм распадается на лоскуты, жадно втягиваемые в ненасытные глотки.

Бестии способны были поглощать силу, и, похоже, в любой форме. Даже в форме испепеляющего пламени.

Как интересно, подумал Познавший. Сюда стоило явиться уже ради одного этого.

Его заклятие не пытались разбить на части, погасить или отклонить. Нет, его просто приняли и пожрали; хотя и пиявки, похоже, с таким потоком так просто справиться не могли – вот вспыхнула одна уродливая башка, вот полыхнула другая...

Но своё дело они сделали.

Остатки огненной сферы достигли башен и парапетов замка, и там даже что-то загорелось; но аколиты со своими тварями, пробив бреши в огненной буре, продолжали наступать, бестрепетно, словно и не замечая тысячекратного перевеса окруживших замок.

Пиявки из порталов... что ж, теперь понятно, что случилось с

Ульвейном и с кого будет спрошено за его судьбу.

Сцепиться я им не дам, холодно подумал Познавший Тьму, несмотря на то что пошедшие со мной будут счастливы погибнуть. Это последний резерв, и он пригодится, когда надо будет кардинально выправлять баланс всего Упорядоченного, даже не сражаться с какой-то из сущностей, вроде Спасителя.

Второе заклятие Познавшего Тьму было заклинанием именно Нового Бога, не Истинного Мага, даже очень искусного.

Позаимствуем кое-что из арсенала Спасителя...

Пространство Межреальности перед аколитами и их чудовищами начало гнуться и ломаться, причудливо выгибаясь так, чтобы поток животворной силы тоже изменил своё течение.

Истинные Маги могли лучше всех в Упорядоченном заставлять силу принимать нужные им формы; Новый Бог заставил её просто течь по иным путям.

Да, спасибо тебе, Спаситель, как говорится, надоумил.

Познавший Тьму до этого никогда не творил ничего подобного. Всё-таки привычки Истинного Мага оставались слишком сильны; и сейчас он, не стесняясь, копировал то, что было воздвигнуто Спасителем подле обречённого Им мира.

Наверняка Он это делал как-то по-своему; наверняка это можно было сделать лучше, быстрее, элегантнее, экономнее. Познавший Тьму заставлял силу влиться в самую плоть Упорядоченного, слиться две обычно разделённые субстанции; и вот уже споткнулась, упала и покатилась чешуйчатая тварь со змеиным хвостом и мордой, что состояла из одной, казалось, пасти.

Рядом с ней схватился за горло один из аколитов, повалился набок другой...

Трудно сказать, что случилось в следующий миг. Но, похоже, сильванский бог Кирвад решил, что настал момент для решительной атаки.

За спиной Познавшего Тьму из тысяч и тысяч глоток вырвался дикий воинственный рёв, шеренги сорвались с места – и повалили прямо к краю бездны, не испытывая ни сомнений, ни колебаний; раз прошёл наш Бог, то пройдем и мы, его верные!..

Хедину понадобилось не более мгновения, чтобы закрыть зияющую пропасть в Межреальности; остановить порыв своих полков – на это не хватило бы власти даже у него.

Поневоле ему пришлось ослабить удушающее, лишаящее животворной силы заклятие; и когда его армия сшиблась-таки с аколитами,

те успели несколько прийти в себя.

Сколь бы ни были страшны их чудовища, сколь бы ни были истребительны чары – несколько их упирающихся клубков хединские полки смяли враз и опрокинули, аколиты исчезли под живыми волнами, потому что жадные до драки сильваны скакали в самом прямом смысле по головам и плечам, а впереди всех мчался Кирвад, забавно подпрыгивая, что, однако, никак не умаляло храбрости лесного божка.

О разумности всей атаки оставалось лишь умолчать.

Чудовища били шипастыми крыльями, выдыхали огненные струи, иные разили молниями, срывавшимися с высоких гребней; воинов Хедина разрывало на куски, они превращались в живые факелы, аколиты использовали старые добрые огнешары, выпустив перед собой настоящую их тучу.

Колдуны и шаманы в рядах Познавшего Тьму тоже не дремали; вражьи чары они встретили щитами, отводящими заклятиями, и пространство заполнилось лопающимися пламенными зарядами.

Ловушке пора захлопнуться, мельком подумал Хедин. Пусть; он готов к этому. Второй раз застать его врасплох не удастся.

...Его полки, понеся потери, яростно добивали последних аколитов; несколько крылатых чудовищ попытались ускользнуть, но ушли недалеко.

А в следующий миг стены замка окутались дымом и пылью, гигантская скала, на которой он был воздвигнут, оказалась словно рассечена незримым лезвием.

Бесплотное лезвие срезало вершушку горы, с крепостью, башнями и бастионами; всё же остальное устремилось в бездну, заострённым нижним концом пробивая себе дорогу. В полёте со скалы пластами отваливался камень, обнажалась синевато-стальная изнанка каких-то невообразимо сложных магических механизмов.

Чьё-то искусство превратило её в чудовищный таран, сокрушавший сейчас один слой реальности за другим – и увлекавший за собой всё, что находилось поблизости. Включая войско Нового Бога.

...Познавший Тьму ждал этого удара, ждал и готовился. Создателям капкана удалось выбить опору из-под ног у него самого и у его воинства, но не полностью прервать течение магии, в отличие от ловушки Архимага Игнациуса, хотя поток силы сделался хаотическим и прерывистым.

Даже как-то странно – они что же, всерьёз рассчитывали, что он, Новый Бог, будет падать, сложив руки и покорно наблюдая за гибелью доверившихся ему бойцов?

Спасать своих ему, конечно, пришлось. Возводить временные мосты и

площадки, сотворяя из ничего новую плоть Межреальности, удерживая войско. Они падали. Хедин позволял это, хотя со стороны казалось, что Новый Бог в панике творит одно суматошное заклятие за другим, изо всех сил пытаясь зацепиться; играть следовало всерьёз.

Едва ли у настороживших капкан будет вторая возможность проделать такое. Каскад за каскадом, чары Познавшего Тьму обращали в полный хаос течение магии вокруг провала, и те, кто наверняка наблюдал за сработавшей западнёй, не должны были ни на миг усомниться в успехе.

Падение длилось долго, несмотря на огромную скорость, что набрал пронзающий слои реальности снаряд. Хедин уже не сомневался, что их путь закончится именно на Дне Миров, в естественной западне, откуда выбраться нелегко даже Богу. Нет сомнений, затеявшие всё это внимательно изучили (вот только где?) всю историю пленения и заточения Ракота после его Восстания; идеи свои они черпали явно оттуда, что естественным образом намекало на причастность Ямерта и компании.

Нет, сами Молодые Боги до подобного бы никогда не додумались. Машины, использующие магию? Магия, перекачиваемая машинами, словно вода? – такого никогда не случалось.

Но идею с «падением на Дно Миров» подсказать они могли вполне.

...Ракот Восставший тогда не мог ни спасти себя, ни даже задержать падение. Новый Бог Хедин опускался сквозь толщи Упорядоченного подобно кораблю, выдерживающему курс среди бушующего шторма.

Оставалось ещё кое-что, отличавшее нынешнее его падение от заточения Ракота. Восставшего развоплощали, и сейчас Хедин напряжённо пытался отыскать в хаосе заклятий и сил те, что могли быть нацелены на лишение его способности принимать форму – любую, отнюдь не только человеческую или вообще телесную.

...Скорость, с которой снаряд мчал сквозь Межреальность, всё возрастала. Хедину придётся попотеть, уберегая своих от последствий, когда вся конструкция достигнет наконец дна.

Межреальность вокруг них рушилась, краски её слились в сплошной неразличимый хоровод. За пределами этого радужного колодца ничего невозможно было различить; полки Познавшего Тьму, с которых уже схлынула горячка боя, со страхом и надеждой глядели на него, и это было некстати – требовалось разом и изображать панику, и готовить контрудар.

...Едва ли те, кому хватило ума и хитрости измыслить подобный капкан, надеются просто «заточить» Нового Бога. Им кажется, что они рассчитали всё точно – вместе с Познавшим Тьму захватить и его армию, чтобы простые смертные связали его, чтобы ему требовалось думать об их

спасении; вместо того, чтобы сбросить телесную форму – напротив, сохранять её, ободрять павших духом и охваченных страхом.

Они хорошо изучили его, Хедина.

Дно Миров стремительно приближалось.

И при этом отчаянно пульсировал розовый кристалл. Подмастерья, посланные в Хьёрвард, зывали о помощи.

Что ж, он не будет мешкать. В любом случае он уже успел узнать очень многое об устроителях этой западни.

Им не скрыться.

Матфей Исидорти; адата Гелерра; Ракот Восставший

Взрывы грохотали и впереди, и сзади. Тяжело вздрагивали мраморные ступени; угрожающе раскачивались золотые статуи.

Ага, как же, как же!.. Освободи, тогда всему конец!..

Где же они, проклятие?! Где эти загадочные и могущественные волшебники?..

...А за ним на лестницу уже ворвались первые фигурки, впереди всех – гарпия, развернувшая белые крылья. Она не сбегала по ступеням, она скользила вниз, словно птица, не касаясь мрамора.

...Но всё-таки он был не просто сыном обычного башмачника из богами забытого мира. Он был Матфеем Исидорти, тем, кто справился с демонами, выжил и подчинил их себе; он был первым учеником Кора Двейна; пришла пора показать, что и он не лыком шит.

Матфей аккуратно поставил лампу и, заставив себя зажмуриться,

постарался вспомнить во всех деталях свои опыты с демонами.

А в следующий миг он уже доставал из внутреннего кармана охряной карандаш.

* * *

Тьма. Небытие. Недеяние. Абсолютный покой.

Ракот Восставший осознавал себя и в то же время не мог осознать. У него остались лишь ощущения; само пространство вокруг него исчезло. Исчезла его структура, множественность, различия. Только откуда-то издалека – он не мог понять откуда – докатывались упругие толчки.

Что это? Где он? Что с ним?

Неподвижность, полная неподвижность. Неподвижность на всех уровнях; живой оставалась только его мысль.

Нет зрения, нет слуха, нет ощущения текущей силы. Только слабые, но настойчивые колебания, будто по скале где-то далеко-далеко долбит тяжёлый молот.

Он не мог ни рвануться, ни ударить, ни даже просто пошевелиться, во всех смыслах. Так, наверное, ощущает себя заваленный или застрявший в узкой пещерной щели.

Здесь нет движения и нет силы. Обычный маг просто замер бы, охваченный паникой, которая оказалась бы очень короткой – без воздуха задышались, без силы – просто прекращают быть.

Но ты не просто Восставший, не просто мятежный маг, пусть даже с приставкой «Истинный». То, что отличало мага от Бога, оставалось свободным даже в этой идеальной темнице, с которой не сравнилось бы заточение на Дне Миров.

«И началось всё с Желания. Оно было первым семенем Мысли. Там же, где есть Мысль, возникает Движение, а где есть Движение – там Сила, а там, где Сила, там рано или поздно возникает Сознание».

Сознание свободно, даже когда пленено всё остальное. Особенно если это сознание Бога.

Восставший шевельнулся, и на сей раз это было уже настоящее движение.

Постой, бог Ракот. Что ты делаешь?

Тот же мягкий голос, принадлежавший сущности, что читала ему мораль.

«Кто ты и чего тебе надо?»

Ты ещё не понял, где оказался и что тебя ждёт?

«Мне нет дела до ваших фокусов. Угодивший в плен не должен покорно ждать своей участи».

От одной из предложенных тебе судеб ты отказался. Ты прав, насильственно нельзя заставить провести Посвящение. Новые Маги требовали с тебя инициации, но ты не пошёл на это...

«Ай-яй-яй, как нехорошо с моей стороны!..»

Мы являем тебе иной путь. Осмотрись вокруг себя, Восставший. Я немного ослаблю твой плен.

«А зачем? Зачем тебе, неведомая, не хочу называть тебя именем той, чей облик и ухватки ты украла, – зачем тебе мои „согласия“? Или это тоже „инициация“, только другого рода?»

Нет. Здесь, ты прав, от твоего согласия или несогласия мало что зависит. Но... есть шанс, что ты примешь свою участь и проникнешься её важностью. Это не для нас, мы не имеем тут никакой выгоды. Мы лишь исполняем своё предназначение, используя все доступные нам инструменты. Смотри, Восставший.

...Он был ничтожной частицей ничтожно малого, сжатого до таких пределов, что, казалось бы, никаких различий оставаться не должно. Вокруг пылал первозданный Хаос, и он плыл в нём, исчезающий, незаметный, почти несуществующий.

За ним – или за ними? – охотились. Призрачные щупальца Хаоса, распадающиеся и возникающие вновь, настойчиво пытались отыскать их, нащупать в безбрежном океане; это казалось невозможным, ведь Хаос бесконечен; однако он точно так же творил бесконечное множество изменений самого себя, старавшихся отыскать крупинку.

Крупинка, несмотря на крохотность и сжатость, тем не менее несла в себе неравномерность, неправильность, искажённость.

И этой искажённостью был он, Ракот. Его сущность, его естество, сделавшееся частью единого.

Хаос чувствовал это. Абсолютно идеальная, совершенная, завершённая крупинка избежала бы ловчих щупалец Хаоса; гладкая, безликая, никакая, она так и осталась бы скользить по его вечным волнам.

Может быть, когда-нибудь, спустя бесконечные и неизмеримые бездны времени, это идеальное зерно пробудится к жизни. Случайно. Может быть.

А может быть, и нет.

Может быть, волны Хаоса за миллиарды миллиардов человеческих лет растворят в себе эту крупинку, несмотря на крепчайшую её защиту. Может быть, она и не сделается частью Хаоса, может быть, она...

Но в этот миг к его собственной частице, той самой, неправильной, щупальца Хаоса подобрались слишком близко.

И она перестала быть.

Сжатое распрямилось. Сдавленное расширилось. Не имевшее веса и объёма воплотилось в пространстве, огненный шторм катился, пожирая трепещущий Хаос, преображая его, отвоёвывая у него колоссальные пространства.

И Хаос отступал, словно зверь, обожжённый пламенем костра.

Родившееся новое было изначально несимметрично, неупорядоченно, неравновесно. И источником всего этого был он, Ракот.

Свет возникает сам, но Тьма нуждается в прародителе.

«Чепуха, – попытался возразить Восставший. – Тьма есть всюду, где нет Света. Иначе и быть не может».

Нет, Новый Бог Ракот. Рождение мира – это пламя и боль. Даже смертные люди называют её «ослепительной», для них это яркая вспышка, белый свет, режущее глаз сияние. Когда возникает пространство, когда начинает свой ход время – там лишь огонь и ярость, там нет тьмы. Тьма – это будешь ты. Тьма, Зло, Разрушение и Смерть. Всё, как ты любишь, Восставший. Ты родился бунтарём, для тебя главное – поднять мятеж, а зачем и против кого – уже не важно. Когда наша работа здесь окончится, ты станешь истинным Владыкой Тьмы. Её истоком, её источником, её отцом. Ты вечно будешь сражаться и давать сотворённому жизнь и силы, ибо без борьбы нет движения. Я не спрашиваю твоего согласия, оно уже не важно. Прими свою участь и исполняй предначертанное. И думай о тех, кто будет жить под твоей сенью. Им нужен настоящий Владыка Мрака, не подделка. Мы предлагали тебе более простой и естественный путь. Ты отказался. Что ж, других возможностей для тебя у нас нет.

«Спасибо и на том», – Ракот старался сохранить хладнокровие. Его темница сдвигалась вновь, сдавливая, наваливаясь, удушая. Но говорившая с ним сущность оставалась, упорно не уходила, словно ожидая неизвестно чего.

Не стоит благодарности, Восставший. Ты помог воплощению наших замыслов, ты шагнул прямо в нашу ловушку. Дальнейшее уже не остановить ни тебе, ни нам. Мельницы богов мелют медленно, однако и они в конце концов смелют всё зерно.

«Какие красивые слова...» – Ракот Восставший слушал, ощущая, как сдавливает его со всех сторон неведомая сущность, высшая степень порядка.

Красиво то, что целесообразно и служит исполнению нашего Предназначения. В остальных случаях красота не имеет смысла.

Кажется, его пленитель (или пленительница?) оставался в настроении поговорить.

«Стать отцом тьмы, говоришь ты? Но зачем? И кто тогда был отцом тьмы в нашем мире?»

Это Упорядоченное несовершенно и неустойчиво. Как всё неидеальное, оно обречено смерти. Мы стремимся создать то, что не будет подвержено времени, что будет поистине вечно. Идеальное изначально мертво; то, что сделалось идеальным, изживя собственные несовершенства, – будет поистине неуязвимым; оно выстоит даже против всесильного Хаоса. В нашей вселенной Тьма не имеет родителя и потому не может сыграть ту роль, что сыграешь ты.

«Почему же ты тогда предлагал – или предлагала – мне сделаться лесным духом?»

Это было бы справедливо.

«С каких пор вас стала волновать справедливость?!»

С того самого момента, как мы поняли, что Весы – это не просто две чаши и коромысло, а нечто куда более сложное.

«Кто же стал бы тогда вашим будущим Прародителем Мрака, если б мы с Хедином коротали время, сидя под мшистыми корягами, а Сигрлинн командовала бы русалками?»

Мы в вечном поиске, Ракот Восставший. До тебя и Хедина сменилось не одно Поколение Истинных Магов. Кто знает, быть может, тот, кто идёт за тобой, оказался бы сильнее тебя?

«А если бы вам не хватило времени? Если бы это Упорядоченное погибло быстрее, чем вы нашли бы кого-то получше, чем я?»

У нас много планов, Восставший. Мы всегда использовали более чем один подход. Даже сейчас, когда нам наконец удалось разобраться с вами, Новыми Богами. Какие-то планы не сработали; какие-то удались частично; какие-то стали ненужными, потому что имели успех другие, и мы остановили их на полпути. Твою же роль, роль Изначального Зла и Великого Врага, могут исполнить другие. Мы подводили их к этому. В том числе и тех, кого ты знаешь под именами Старый Хрофт или та же Сигрлинн. Поэтому не беспокойся за нас. Мы именно в том положении, в каком хотели быть, ибо нас устраивало многое, и не важно, каким путём оно достигнуто. Именно поэтому у нас... должен быть запас. На тот случай, если мы не найдём никого лучше тебя.

«Исчерпывающе», – мысленно скривился Ракот.

Он уже знал, что способен освободиться. Новый Бог – он плоть от плоти Упорядоченного, он связан с ним, и наоборот. Его темница, как ни удивительно, тоже была частью привычной Восставшему вселенной и подчинялась – пока что – её же законам.

И поэтому он медлил.

«Предположим, я бы согласился провести эту вашу инициацию...»

Нет. Обратной дороги из этого состояния нет. Только вперёд – ты видел, Восставший, к чему именно.

«Бедные Новые Маги. Так и не сделаться им Истинными... А как же справедливость?»

Утрата этой возможности прискорбна. Однако мы руководствуемся не эмоциями, а приоритетами. Несмотря на общую благотворность справедливости, бывают моменты, когда она должна быть принесена в жертву необходимому.

«Что ж... – сделано вздохнул Ракот. – Ваша взяла. Мне ничего не остаётся, как попытаться уснуть. Разбудите, когда... когда придёт время».

Благоразумное решение. Быть Отцом Тьмы и Прародителем Мрака далеко не так легко, как кажется. Тебе потребуются все силы, Ракот Восставший.

* * *

...Широкий вход в логово Новых Магов охраняла многочисленная стража – магические конструкторы, анимированные создания из бронзы, камня и стали. Когда померкло сверкание и блики, адата Гелерра увидела сплошную стену блестящих панцирей, выкованных неведомыми мастерами когтей, железных пастей, наполненных острыми зубами. В чревах этих созданий бились магические сердца, блестели хрустальные шары глаз; однако с Кором Двейном, Соллей и Скъёльдом шутки оказались плохи.

Маги не стали посылать вперёд своих аколитов, чего ожидала адата. Нет, они шагнули сами, дружно, плечо к плечу.

– Разомнёмся, брат? Ты, сестрица? – усмехнулся Кор Двейн. Сплёл пальцы рук, похрустел суставами. – Да, засиделся я, засиделся... пора и разогнать кровь, а то совсем застоится!

Скъёльд захохотал, скидывая с плеча здоровенную секиру с алыми рунами гномов на лезвии. Её Гелерра раньше у него не видела.

– Ох, разомнёмся! – гаркнул он, широко размахиваясь секирой, так что застонал рассекаемый острым лезвием воздух. – А ну-ка, сестра, давай, кто

метче!..

И с его секиры сорвался огненный клубок. Он летел, стремительно увеличиваясь, оставляя за собой целый хвост шипящих, трещащих искр.

Конструкты сдвинулись плотнее. Они походили на мощных грифонов с благородной осанкой, в сверкающей броне. Летящий клуб пламени их ничуть не испугал, да они, конечно, и не могли испытывать страха.

Их сияющие крылья развернулись, сплетаясь маховыми перьями, словно те обратились в пальцы. Гелерра ощущала колебания старой и могучей магии, некогда запечатлённой в этих созданиях.

Огненное ядро Скъёльда с размаху ударило в отполированную бронзу, по извивам и желобкам брони потекли струи пламени. Огонь стремительно разгорался, и адата увидела, что металл тоже вспыхнул, словно старые просмолённые доски.

– Ну, братик, оставь хоть что-то и на мою долю, – промурлыкала Соллей. Её дивные волосы вдруг взметнулись, словно подхваченные сильнейшим порывом ветра, однако там, где надлежало находиться телу, Гелерра увидела одну лишь пустоту.

Жутковатую пустоту, увенчанную идеально красивой женской головкой; внизу же пустота заканчивалась розовеющими босыми ступнями.

Грифоны выдержали первый удар. Несколько металлических стражей горело, замерев на месте, зато остальные ринулись прямо на троицу магов – иные бегом, иные взмыв вверх, выставя бронзовые когти.

Бронзовые – потому что именно этот сплав является лучшим односторонним проводником магии, пропускает свои заклятия и препятствует вражеским.

Сейчас когти конструктов вспыхнули слепяще-белым пламенем. Грифоны рухнули с небес, полосую крыльями, и каждый их удар был ударом магии.

Соллей встретила атаку мгновенно воздвигаемыми хрустальными стенами, сотканными из множества рун и, похоже, вообще не содержащими ничего материального. Стены эти возникали перед самым носом грифонов, принимали на себя размашистые удары, и когти с крыльями стали ломаться.

Кор Двейн в эти первые мгновения оставался словно в тени; потирал руки, разминал пальцы, с полнейшим хладнокровием взирая на бронзовых стражей, безуспешно пытавшихся прорваться сквозь возводимые Соллей завесы.

А потом шагнул вперёд, и Гелерру в тот же миг буквально сбросил наземь вспыхнувший вокруг их отряда снежный ураган.

Это был именно снежный ураган, и он именно вспыхнул.

Воюющий ветер нёс плотные снежные заряды, пронзал леденящим холодом. Снег, жёсткий и колючий, облеплял грифонов со всех сторон, нарастал на спинах, цеплялся за изломы крыльев и мгновенно вспыхивал.

Горящие снежинки подхватывало ураганом, и они мчались в крутящемся вихре, заставляя вспыхивать своих бесчисленных товарок. Холод сливался с жаром и чадом, потому что этот колдовской «снег» пылал жирным, дымным пламенем.

Грифоны заматались – у них горели внутренности, лопались кристаллические глаза, и металлические чудовища с грохотом рушились наземь. Иные взрывались с оглушительным грохотом, однако Соллей мастерски отражала щитами снопы острых стальных осколков. Скъёльд, хохоча, размахивал своей секирой, с лезвия срывались теперь вместо огненных ядер пучки слепящих молний; всякий раз, когда такой пучок охватывал очередного стража, тот рушился наземь грудой горящего металла.

Ни Гелерре, ни другим аколитам даже не пришлось вступать в бой.

...Оставив позади обломки охваченных чадным пламенем искореженных стражей, они все остановились перед широко раскрытым зевом мраморной лестницы, уводящей куда-то вглубь. Её заполнял мягкий, неяркий, располагающий свет; и далеко внизу по ступеням торопилась человеческая фигурка.

– А теперь ваша очередь, дорогая адата, – улыбнулся Кор Двейн.

Маг, что называется, даже не вспотел. Уничтожение армии стальных грифонов, конструкторов высшей магии, словно и не стоило ему вообще никаких усилий.

– Мы очень близки к успеху. А вон там, кажется, убегает наш милейший Матфей. Бедняга, ему совершенно нет нужды так переживать. Досточтимая Гелерра, не оказала ли бы ты нам любезность и не убедила бы этого впечатлительного молодого человека, что ему ничего не угрожает?

– Да-да, – согласилась Соллей, вновь запахнувшая свою пустоту в плащ роскошных волос. – Он нам очень помог, привёл к тайнику; Новые Маги замаскировались так искусно, что, несмотря на все наши таланты...

– Короче, пошли, – перебил их Скъёльд, перекидывая огненосную секиру с одного плеча на другое. – После вас, дорогая адата.

Гелерра улыбнулась, расправляя крылья. Её посылают вперёд, в пекло? Хотят проверить, нет ли там каких-то ловушек? Да и пусть себе. Она знает и умеет достаточно.

– За мной! – скомандовала она аколитам, и они повиновались.

Адата взмыла, перевернулась в воздухе, пронеслась над самыми головами троицы чародеев, так, что Соллей даже невольно пригнулась.

Вниз по наклонному тоннелю уходила беломраморная лестница, в нишах застыли золочёные статуи. На ней – никого, кроме лишь одинокой человеческой фигурки, в панике бегущей вниз. В руке – нет, не меч, не оружие, а какой-то смешной предмет, навроде лампы.

Тот самый Матфей. Матфей Исидорти...

Убегающий обернулся, Гелерра увидела искажённое ужасом лицо; подгоняемый страхом, он помчался ещё быстрее, прыгая через три ступени. Далеко уйти он, однако, не мог, гарпия легко настигала его.

Да, она знала этого юношу, память цепко сохраняла лица; встречались в замке Кора Двейна, хоть и мимолётом.

Адата даже не летела, она планировала вниз по тоннелю, развернув крылья.

Белые перья над белым мрамором и золотыми статуями... красиво!

Исидорти вновь обернулся, дёрнулся; сперва он кинулся было, как заяц, дальше по ступеням, однако всё-таки сумел овладеть собой.

Быстро, но аккуратно поставил нелепое своё устройство на ступени и присел на корточки, что-то с лихорадочной быстротой чертя прямо на мраморе.

Гелерра была готова к удару, к магической атаке, была готова отбить брошенные в неё чары; но вместо этого из скрещения нескольких линий перед Матфеем вдруг стала подниматься чудовищная фигура, с иссиня-чёрным телом и красными, словно сырое мясо, лапищами. Гротескная голова, с искажёнными, изломанно-человеческими чертами, увенчанная парой рогов по бокам и третьим, торчащим прямо из середины лба.

Заклубился густой серный дым. Тварь захохотала, протянула руки-лапы, между когтями метались алые проблески молний.

Адата заложила невероятный кульбит, в последний миг уйдя от загребущих объятий. Ощущение было, что в спине разорвались все до одной связки.

Едва коснувшись мрамора, вскинула руки, самым простым способом – жестом – выбрасывая перед собой волну силы. Просто сшибить с ног чудовище, не дать ему...

– Ага! – истерично выкрикнул Матфей, продолжая что-то рисовать.

– Стой! Исидорти, стой!

Он словно не слышал.

Демон покачнулся от удара, но устоял. Заревел, шагнул к адате, так что той пришлось вновь взлетать. Потолок над лестницей был достаточно

высок, Новые Маги не поскупились, когда прокладывали этот тоннель, но всё равно особенно не развернёшься.

Демон же, оправившись, опять полез вперёд. Гелерре казалось, она вспоминает подобных ему из времён собственного пребывания в этом облике.

– Матфей!

Кажется, Кор Двейн послал ей вслед аколитов. Смелые ребята, хотя и несколько, гм, молчаливые.

Нет, совсем очумел от страха парень. Ничего не слушает и не слышит.

Навстречу Гелерре поднялся второй демон, что-то вроде зубастого змея на множестве коротких кривых лап. Шипя, проскользнул между ножищ первого демона, неожиданно вскинулся на дыбы, челюсти клацнули у самого крыла адаты.

Всё, с меня хватит!..

Гелерра упёрлась крыльями в воздух, поддерживая себя одновременно и чарами. Оба демона перекрывали ей дорогу, а Матфей, правильно всё рассчитав, ринулся дальше вниз, по-прежнему на что-то надеясь.

Адата не взяла с собой никакого оружия. Зачем? Тому, кто служил неблагодарному богу Хедину, оно если и нужно, то лишь так, себя потешить.

Демоны, с одной стороны, твари не от мира сего, создания, где магия властвует над плотью. А с другой – это делает их уязвимыми, если, конечно, знать, куда бить.

Аколиты Кора Двейна как-то замедлились, явно не стремясь лезть в пекло поперёк Гелерры.

Адата ответила всем арсеналом, собранным за долгие годы ученичества.

Её чары проникали в щели и сочленения чёрной брони, ослабляли и рвали связи, какими магия удерживала воедино демоническую плоть.

Трудно, неподатливо, туго.

Демон заревел, словно от боли, из пасти вырвалось пламя. Гелерра отбила поток в последнюю секунду и на долю мгновения потеряла концентрацию, опустившись чуть ниже – щиколотку мигом пронзило острой болью, многоногая змея дотянулась-таки, вцепившись острыми загнутыми зубами, дёрнула адату вниз.

Что?! Какая-то мерзкая тварь сумела?!..

Гелерру душила ярость, такая, что заглушила даже боль.

Чистая сила лилась свободно и легко, и истребительные чары складывались сами собой.

Демон успел наступить на белые перья её крыльев, когда грудь его лопнула, взорвавшись изнутри. Словно выпущенное из катапульты ядро, взлетело, пылая, крутясь и разбрасывая искры, его сердце, чёрное, оплетённое, словно змеями, верёвками толстенных жил.

Однако многоногая змея успела обвиться вокруг адаты, повалить, пасть нависла над лицом Гелерры, с клыков капала зелёная едкая слюна.

Адата забила крыльями, сопротивляясь, – и её окончательно свёл с ума вид белоснежных перьев, измазанных не то кровью, не то слизью из внутренностей поверженного демона.

Она вцепилась обеими руками в глотку змеевидной твари, толстую, словно бревно, защищённую несколькими пластами жёсткой чешуи; и её тонкие пальцы, окутываясь голубоватым пламенным туманом, начали погружаться в демоническую плоть.

Броня бестии не выдержала, по запястьям Гелерры потекла жгучая тёмная кровь. Демон захрипел, чудовищные лапы забили, заскребли в агонии, но адата уже влиwała в собственные руки недостающую мощь. Одно движение – оторванная голова твари полетела в сторону, а сама Гелерра ловко вывернулась, спасая белоснежные крылья от потока дымящейся жижи, хлынувшей из обрубка шеи чудовища.

Гарпию трясло от ненависти. Какая же она теперь грязная, страшная, вонючая!

Кор Двейн наверняка же знал, чем может кончиться эта погоня; но и пальцем не пошевелил, чтобы помочь! Сам чистеньким остался, и дружки его тоже!

Все они одинаковы, эти боги и маги. И с ними нужно точно так же. Притворяться, лгать, предавать и обманывать, иначе тебе так и будут бить в спину, Гелерра, а ты будешь только растерянно и жалко улыбаться, пытаясь кому-то понравиться.

Миг осознания был как холодный нож, пронзивший внутренности.

Гелерра выпрямилась, всё ещё дрожа от отвращения. Пнула обезглавленный труп; брезгливо встряхнула крыльями.

Мне нужны служанки, вдруг подумала она. Чтобы со всем тщанием ухаживали бы за моими пёрышками. Чистили, укладывали, умащивали драгоценными маслами. И чтобы я ради кого-то ещё так измаралась... да никогда в жизни!

Когда всё кончится, непременно заведу служанок.

Аколиты поравнялись с ней. «Тоже мне, вояки», – презрительно подумала гарпия.

– Чего встали?! – гаркнула она. – А ну вперёд! Все! Дружно! Пока этот

безумец не выпустил на нас целую орду!..

Аколиты не пошевелились. Очевидно, ждали приказа от своего истинного хозяина. Как и следовало ожидать, скривилась адата, маги не упускают случая показать, кто тут главный...

Да, а вот и они сами – Кор Двейн, Скьёльд и Соллей появились на самом верху, ишь, как сторожко ступают... Молодцы, умные, умелые, понимают, что, куда и зачем. Спасибо вам, крылья вы мне вернули, и это я отработаю. А дальше...

А дальше буду сама себе хозяйка.

Гарпия встряхнулась ещё раз, хищно усмехаясь. Отпихнула недостаточно расторопного аколита и вновь взлетела.

Лестница, в конце концов, ещё длинная.

* * *

Демоны продержались достаточно долго, надо же, он даже и не ожидал. Матфей, задыхаясь, мчался вниз по ступеням, не обращая внимания на отчаянные вопли Царицы Ночи.

Он оставил руны ещё на одной ступени, а больше уже не успел, потому что впереди замаячил конец лестницы, и ласковый свет, что лился через широкую арку.

– Где... твоя... родня?! – прохрипел он на бегу.

«Не знаю! Выпусти меня, слышишь?! Они захватили меня врасплох, теперь всё будет не так!..»

Ага, как же, злобно подумал Матфей. Задыхаясь, он бежал что было сил, промчался под высоким сводом – и оказался в зелёном тёплом раю.

Здесь светило ласковое солнце, со всех сторон поднимались причудливые, никогда им не виданные растения, в зелени журчали ручейки, а где-то рядом шумел, судя по звуку, изрядный водопад. Арка выхода открылась у подножия исполинской скальной стены, поднимавшейся куда-то в поднебесье. Радужные бабочки, птицы, больше похожие на ожившие букеты, греющиеся на камнях ящерицы, раскрывшие пёстрые гребни, на которых, похоже, сверкали настоящие самоцветы.

Рай, настоящий рай.

От арки вела неширокая извилистая дорожка, вымощенная хрустальными плитами; стоило наступить на одну из них, и плиты начинали нежно светиться, каждая – своим собственным цветом. Абсолютно бессмысленно, но красиво.

– Где твоя родня?! – зарычал Матфей, что было силы тряся лампу.

«Выпусти меня!»

«Какая ж она упрямая, – мелькнуло у беглеца. – Ладно, ещё парочку демонов, пусть и не самых сильных...»

Откровенно говоря, демонов своими рунами Матфей вызывал лишь дважды, тех, что атаковали крылатую преследовательницу там, наверху. Двух следующих, в теории – более сильных, он вызвать сам не успел, оставил только руны. И сейчас приходилось прибегать к не проверенному до конца.

Но... отсюда ведь, снизу, тоже доносились какие-то взрывы? Откуда? Судя по бестревожной роскоши вокруг, случилось это где-то ещё дальше, чем он себе представлял.

Он лихорадочно работал охряным карандашом, позаимствованным, как и многое другое, из запасов Кора Двейна. Проклятье, где же эти ленивые типы, эта знаменитая родня Царицы, эти могущественные чародеи?..

* * *

Ракот Восставший прикрыл глаза. Это, конечно, было только в его воображении – он сейчас не имел ни глаз, ни век, ни вообще тела.

«Мне остаётся только уснуть», – сказал он своему незримому собеседнику или собеседнице. Поверил он или она ему, уже было не важно. Названный брат Хедина ощущал толчки силы, докатывавшиеся до него сквозь тесноту и неподвижность его нынешнего вместилища.

Словно где-то совсем неподалёку гремел бой, и в ход шла магия высших порядков.

Может, брат уже отыскал его и спешит на помощь?

Владыка Тьмы шевельнулся. В конце концов, Тьма была здесь повсюду, вокруг него, в нём самом; быть может, при рождении Вселенной везде и впрямь царствует огонь, свет заполняет всё и вся; а здесь и сейчас было именно так, как в его ответе: «Тьма там, где нет Света».

Всё просто.

Он шевельнулся.

Постой!

Нет, на сей раз он не подчинится. Он слушал достаточно.

Сущность Ракота Восставшего, казалось бы, накрепко скованная цепями великого кристалла, сделавшаяся частью высшего порядка, вбирала

в себя Тьму, росла, крепла и ширилась. Плотное и сжатое вокруг него стало крошиться и осыпаться, и Ракот ощущал, как вернулось первое чувство – жар.

Не вынуждай нас! Не надо! Нам претят зряшны́е убийства!

Восставший не отвечал. По связям и узлам сковавшей его темницы текло освобождающее его тёмное пламя.

Ты не оставил нам выхода. Тьмой в новом континууме сделается кто-то иной. Например, Старый Хрофт, который поведёт наше воинство...

Нити тёмного пламени бежали по микроскопическим трещинкам, расширяли их и сами пробивали себе дорогу всё дальше. Ещё немного...

Ты выбрал.

Сдавило со всех сторон, охватившая его среда – кристалл – вновь росла, затягивая пробитые его огнём трещины.

Тебе... не... выбраться!..

Показалось это ему или обращавшийся к нему голос и впрямь задышался, словно от запредельных усилий?

Он вновь гнал от себя тёмное пламя, раздвигал закрывшиеся было трещины; медленно, но верно теснота отступала.

Отступала, но слишком, слишком медленно.

Тебе... потребуются... века!..

Голос задышался. То ли от усилий, то ли от ненависти. Ракоту хотелось бы думать, что от последнего. Вызвать ненависть этих равнодушных тварей – вот истинная награда воину. Освобождение – обычное дело, а вот ненависть...

Он боролся. Точно так же, как в день последнего, третьего и решающего приступа, когда его армии уже ворвались в само Обетованное, и казалось, осталось совсем немного.

* * *

Со второй парой демонов она вновь справилась в одиночку, аколиты старательно прижимались к стенам, а гарпии вдруг стало противно звать их на подмогу.

«Наплевать, справлюсь сама. Я – адата Гелерра, я никому больше не служу и никому ничем не обязана. И я сама одолею таких вот монстров».

Пара демонов оказалась сильнее первой, но и Гелерра была уже готова. Она смела их обоих с дальнего расстояния, не приближаясь, измочалила тела о мраморные ступени, забрызгав всё вокруг тёмной кровью.

Твари остались живы, но это не важно. Она пройдёт, а остальные... остальные способны сами о себе позаботиться. Кор Двейн просил её добраться до Матфея? – вот она и спешит исполнить повеление доброго господина, давшего ей приют и избавившего вместе с Соллей и Скьёльдом от жуткого обличья; а демонов они вполне добьют сами.

Она немного ошиблась, демонов добивали аколиты. Правда, судя по раздавшимся позади жутким воплям, утробному рёву и хрусту костей, по крайней мере одна тварь пришла в себя и решила дорого продать свою жизнь.

А потом перед ней открылась арка и за нею благоухающий лес, более похожий на сад. Дорожка, выложенная хрустальными плитами; на одной из них кто-то – скорее всего, Матфей – начертил две торопливые руны Призыва. Линии уже начинали светиться, вот-вот должны были проявиться сущности, связанные с этими символами, но тут...

* * *

Матфей, хрипя и задыхаясь, чуть не упал наземь, сил бежать больше не было. В ушах бились вопли пленной Царицы, однако её он почти не слышал, потому что из-за поворота дорожки на него вылетели двое – мужчина и женщина в роскошных доспехах, с вычурными посохами в руках.

Женщина, черноглазая смуглянка в золотисто-алой броне, и её спутник, рыжебородый, коренастый, чем-то напоминавший гнома, именно что вылетели – потому что восседали на креслах без ножек, покрытых затейливой резьбой, паривших на высоте трёх примерно футов.

На миг Матфей ощутил, как в его виски впились сотни ледяных игл – чернявая женщина пристально глянула ему в глаза, а затем заговорила, причём на языке его родного мира:

– Кто ты такой? Как открыл врата?

– Скорее, Молния! – рявкнул рыжебородый.

– Сейчас, Камень. Как он нашёл?..

Матфей дрожащей рукой приподнял лампу.

– Там... ваша... Царица... Ночи... – просипел он. Бок всё ещё болел от быстрого бега, и он никак не мог отдышаться. – Чародей... Кор Двейн... пленил её... я... помог ей... бежать.

Черноглазая и рыжебородый переглянулись. Матфей достаточно времени провёл с Царицей и достаточно разбирался в магии, чтобы тотчас

ощутить – да, это была та самая «родня», к которой они пробивались столь долго и упорно.

– Тогда освободи её, смертный! – надменно потребовала черноглазая Молния. – Немедленно! Пока мы не предали тебя лютой смерти в страшных муках!

– У меня за плечами – её пленители, – Матфей был готов к подобному. – Кор Двейн и ещё двое.

– Что нам эти выскочки! – вскинулась женщина; точнее, девушка, ибо выглядела она самое большее лет на восемнадцать.

– Они пленили вашу... сестру.

– Тень всегда была неосторожной и увлекающейся, – презрительно бросила Молния. – Жди нас здесь, смертный, и ни с места! Сейчас подоспеют остальные, мы разберёмся с этим, как его, Кором Двейном...

Над деревьями что-то пронеслось, что-то тёмное, затем ещё и ещё.

– Вот и остальные, – проговорил рыжебородый чародей. – Стой тут, смертный, а надумаешь куда бежать... – он слегка пошевелил пальцами, и на хрустальных плитах вокруг Матфея взвился широкий круг пламени. – Не бойся. Оно тебя не тронет, если ты в него не полезешь, – волшебник поёрзал, поудобнее устраивая седалище в летучем кресле. – Жди нас. Мы скоро.

Царица Ночи молчала в своём вместилище. Матфей, тяжело дыша, уставился на бушующее пламя; ему хотелось бы верить, что это всего-навсего иллюзия, но проверить на себе он не желал.

* * *

Гелерра остановилась, выразительно глядя назад, на медленно спускающихся аколитов и троицу чародеев.

Матфей скрылся, и она решительно не собиралась кидаться за ним следом очертя голову.

Она скрестила руки на груди, невольно ожидая от Кора Двейна недовольства и попыток вновь гнать её вперёд, однако чародей лишь весело улыбнулся, самым дружеским образом хлопнув гарпию по плечу. Соллей улыбалась тоже, а Скъёльд лукаво подмигивал, показывая адате прозрачную фляжку, где плескалась рубиновая жидкость.

– Великолепно, достойная адата. Смела этих тварей, как ветер сухие листья. Впрочем, ничего иного мы и не ожидали – верно, сестра? Верно, брат?

– Конечно, – прозвенела Соллей.

– И за это непременно надо будет выпить! – Скъёльд вновь потряс своей флягой.

– Выпьем, братец, не сомневайся, – Кор Двейн сощурился, глядя в заросли перед ними. – О! Возмущённые хозяева уже спешат указать нам на недопустимость подобного рода действий. Несомненно, нас ждёт иск за ущерб, причинённый частной собственности, незаконное проникновение в чужое жилище и оскорбление действием.

– Когда это мы их оскорбили действием? – удивился Скъёльд.

– Ещё нет, дорогой брат, но вот сейчас и оскорбим. Разве не за тем мы сюда явились?..

– Летят, – коротко бросила Гелерра, вскидывая руку.

Адата ощутила слабые, но такие узнаваемые колебания силы – кто-то совсем недалеко использовал могущественные левитационные заклинания.

– Милая Гелерра, – Соллей чуть склонила голову набок, – на твоём месте я бы встала у нас за спинами, боюсь, что битва эта будет не по твоим силам. Будь готова распорядиться аколитами, если возникнет нужда.

Прежняя адата вскинулась бы от гнева и, скорее всего, пошла бы в бой просто для того, «чтобы всем доказать». Но на лестнице что-то изменилось, что-то сломалось – или, наоборот, соединилось, – когда её оставили один на один с первой парой демонов.

Мне нужны слуги, вновь подумала она. Ухаживать за моими крыльями.

Аколиты меж тем выстраивались молчаливым треугольником позади троицы чародеев; на острие этого клина встал сам Кор Двейн, слева от него – Соллей и справа Скъёльд. Тонкий слух гарпии уловил, как последний пробормотал что-то вроде: «Клара была бы тут как нельзя кстати...»

Сама адата встала на свободное пространство внутри клина, футах в шести за спиной Кора Двейна. Конечно, быть может, самым правильным было бы просто взлететь вверх по лестнице... но рисковать не стоило. Кор Двейн и двое его сородичей были и впрямь могущественными магами – кто знает, что они сейчас здесь устроят?

– Летят, – проговорила и Соллей. Руки волшебницы затанцевали перед грудью, по дивным распущенным волосам потекли струйки искр.

– Летят, – согласился Скъёльд. Это походило на какой-то обряд, понятный только им троим.

– Летят, как есть летят, – закончил Кор Двейн. – Отложи свой колун, брат. Хватит забавляться.

– Это не колун! – возмутился лысый чародей. – Это...

– Не важно, – чуть жёстче сказал Кор. – Лёгкость, с какой вы взяли Ночь, не должна обманывать.

– Ладно тебе, раскомандовался... – пробурчал Скъёльд, но беззлобно, словно и впрямь признавая право названного брата распоряжаться. Он отставил секиру, повёл плечами, склонил голову сперва в одну сторону, затем в другую так, что хрустнули суставы.

Над вершинами деревьев появилась первая фигура. Нелепая, ибо восседала на чём-то вроде левитирующего кресла, совершенно непонятно для чего – маг, способный создать такой предмет, без труда сможет левитировать и сам.

Гелерра скрестила запястья перед грудью, кулаки сжаты, готовясь отразить брошенные чары. Нет, всё-таки странно – обитатели этого места тоже весьма могущественны, им совершенно необязательно самим тащиться к месту сражения. А эти вот пожаловали сами...

В небесах появилось второе летающее кресло, за ним третье. Потом – ещё и ещё.

– Кор Двейн! – прогремел оттуда зычный бас. – Грязный наёмник! Мы слышали, слышали о тебе, да!.. Но не могли поверить, что наша сестра, Царица Теней, у тебя в руках!

Троица чародеев молчала. Гелерра не сомневалась, что они общаются сейчас посредством мыслеречи.

Но какая же самоуверенность – явиться сюда на каких-то плавающих в воздухе табуретах и начать с пафосных речей!..

Кор Двейн не стал тратить время на «достойный ответ». Он что-то сделал, какой-то неуловимый жест, исчезающе быстрый, придавая начертанными прямо в воздухе рунами форму стремительному потоку силы – и небо над головой Гелерры вспыхнуло.

От края скал до вершушек леса всё заполнилось кипящими рыже-чёрными клубами. Содрогнулась земли, зелёные вершины пригнуло, радужные венчики цветов сыпались с ветвей, словно невиданный дождь.

Новые Маги исчезли в этом яростном вихре пламени; следом за Кором Двейном в дело вступил и Скъёльд, над его головой сгустился туман, алый и синий, стремительно складываясь в два гибких драконьих тела, словно его татуировка отделилась от черепа, обретая собственную жизнь.

Багряный и тёмно-синий драконы, чем-то похожие на змеевидного многоногого демона, убитого Гелеррой на лестнице, бестрепетно рванулись вверх, в пламя.

Волосы Соллей вновь взметнулись, из-под них вырвались длинные ветвящиеся пучки молний, сплетаясь в подобие сложной сети.

Сила вокруг Гелерры вибрировала и билась, порождая неприятное, становящееся почти невыносимым гудение внутри черепа. Эта троица и в самом деле сумела достичь многого – ни разу Гелерра не ощущала ничего подобного, когда в её присутствии неблагодарный бог Хедин творил свои заклятия.

Это признак могущества или слабости?.. Или это сделано специально, чтобы, скажем, она, Гелерра, не смогла бы пустить в ход собственные чары? Или чтобы помешать явившимся сюда магам?

Но, несмотря на гудение и ломающую виски боль, она ни на миг не ослабляла концентрацию. Едва ли Двейну удастся сломить противников одним-единственным ударом.

Кор что-то резко выкрикнул, язык был Гелерре незнаком. Аколиты дружно взялись за руки, сцепили их крест-накрест, и гудение вибрирующей силы стало почти совершенно невыносимым.

Из бушующего в небесах пламени внезапно сорвалось нечто вроде огромной его капли, словно полыхающий болид, рухнуло в заросли; встал фонтан перемешанной с огнём и дымом земли, с треском и стоном валились деревья, стволы в три обхвата размалывало в щепу, порыв жаркого ветра швырнул пыль, пепел и древесную крошку в глаза адате.

Здоровенный пылающий сук ей пришлось и вовсе отшибать в сторону простым кинетическим заклятием, Двейн с сестрой и братом не обратили на него никакого внимания. Аколиты завели какое-то низкое, мрачное песнопение из сплошного «м-м-м-м».

С небес рухнула вторая огненная капля, второй взрыв сотряс землю; зелёные заросли полыхнули. Хрустальные плиты под ногами Гелерры крошились и трескались; земля вспучивалась.

Что творилось в небе, она сказать не могла, кроме лишь того, что там по-прежнему бушует огненный шторм.

Третий болид рухнул чуть дальше, но зато столб взрыва взметнулся куда выше; вырванные с корнем могучие деревья полетели во все стороны, словно лёгкие прутья. Два из них ударились о скалы высоко над головой адаты, справа и слева от сжавшейся в комок группы Кора Двейна. Деревья раздробило в щепки, падая вниз, они вспыхнули сами по себе.

Гелерра пыталась разобраться в том магическом хаосе, что царил сейчас вокруг. Противники Кора Двейна пока что никак себя не проявили, и это было странно – неужто недостаточно простое, хоть и сильное заклинание, наполнившее небо огнём, так уж на них подействовало?

Четвёртый огненный метеор.

И пока что – никакого противодействия.

Впрочем, если эту самую Царицу Ночи или Теней удалось пленить относительно легко?..

«Эти „Новые Маги“ застряли в прошлом, – подумала Гелерра, несмотря на путавшиеся от боли в висках мысли. – Они – прошлое, а Кор Двейн, сам поднявшийся туда, где он сейчас, – будущее».

Ну и пусть себе. Пусть он становится будущим, только без меня.

Но тут она внезапно вспомнила о драконе.

О драконе Сфайрате, что остался в замке, в излечивающем бассейне, оплетённый паутиной корней и стеблей, прикрытый одеялом плавающих на поверхности воды листьев...

Нет, она никуда не побежит. Во всяком случае, не сейчас. А вот если, к примеру, всё это дело закончится взаимным истреблением...

Она подумала о замке Кора Двейна. А что, неплохое обиталище, достойное.

И вдобавок ко всему – дракон. Дракон, лишившийся супруги, такой же крылатый, как и она сама...

А значит, у Двейна и остальных не должно быть никаких сомнений на её счёт. До срока.

Меж тем из истерзанной огнём и взрывами зелёной чащи, прореженной, местами обугленной, появились одна за другой четыре сущности. Затем – пятая, шестая, седьмая...

Восемь.

Они утратили человеческий облик, сбросив его, словно ненужные плащи. Гелерра узнавала стихии: вот клубок острых молний, бьющих в никуда из яростно светящегося центра; вот кружащаяся голубизна, коронованная белым, словно морская волна с пенным гребнем; вот что-то серое, крутящееся, тёмное, словно примчавшийся на крыльях шторма вихрь; а вот кажущееся нелепым сверкание всех семи цветов радуги разом, словно жестокий ветер треплет бедного, угодившего в его когти попугая. Вот свернутое в тугой клубок алое сияние, напоминающее рассветный пламень; вот нечто вроде большой мокрой кляксы, выбрасывающее длинные лапы-отростки; вот катящийся каменный шар, чёрный, иссечённый трещинами, полыхающими, словно подземный огонь; а вот и нечто простое на первый взгляд, словно небесно-голубое крыло, только лишённое тела.

Неумолчное «м-м-м» аколитов сделалось громче, тон его то повышался, то падал, и в такт этому колебалась сила вокруг Гелерры.

Она не знала, что ей делать, – Кор Двейн не отдавал никаких распоряжений, манипулируя силой с такой быстротой и ловкостью, что

адата только диву давалась.

Приближающиеся сущности ломали и крушили всё на своём пути, увлекая за собой настоящую лавину поваленных стволов, опутавших их лиан, камней, вывороченных из земли; они надвигались, словно чудовищные корабли, рассекая твердь, словно морские волны.

«Стихии», – подумала адата.

...Ответный удар рухнул на них, словно само небо, утратившее вдруг опору. Каждая из надвигавшихся сущностей, ощущала Гелерра, послала вперёд волну своей самости, они сплетались, смешивались, обретая новое качество.

Чуть раньше Кор Двейн сумел зажечь снег; Новые Маги ответили чем-то подобным.

Воздух наполнился горячим и сухим пеплом, стремительно высасывая влагу. Гелерра вскинула голову – сверху, из сгустившихся туч, падала целая стая препаскудных крылатых созданий, ярко-красных, словно вылепленных из свежей артериальной крови.

По земле, дробя остатки хрустальных плит, ползли чёрно-зелёные питоны, извиваясь, распахивая зубастые пасти, каких никогда не бывает у настоящих змей. Гелерра видела, как они сотворяются прямо из воздуха, из чистой магии.

А вот и молнии, целый сноп их ударил в щит из призрачных рун, своевременно вскинутый Соллей. Удар был жесток, руны вспыхивали и гасли, иные и вовсе обращались в подобие поразившей их стихии, злыми короткими росчерками пытаясь атаковать бывшую хозяйку.

Три таких руны-предательницы Соллей перехватила, четвёртая угодила ей под волосы, туда, где полагалось быть плечу, и чародейка болезненно скривилась, хватаясь за невидимую плоть.

Пятую стрелу, короткий росчерк бело-голубого огня, прямой и острый, перехватила Гелерра. Это ученики бога Хедина умели очень хорошо – большинство их противников, свихнувшихся чародеев в самых разных мирах, предпочитало стихийную магию, полагая её самой «убийственной».

Адата сделала одно лёгкое, точно рассчитанное движение, полупрыжок-полувзлёт, её собственное заклятие вспорхнуло, словно бабочка, с вытянутых пальцев, и злой огонь распался у самых глаз Соллей облачком безобидных искорок.

Чародейка обернулась.

– Спасибо, адата, – губы её дрогнули в улыбке.

– Долг платежом красен, – отозвалась Гелерра, тоже улыбаясь в ответ.

Ответить Соллей не успела, Скъёльд пихнул её в бок, потому что

самый проворный из питонов оказался рядом, и магу пришлось рушить чары прямым грубым ударом. Питону разворотило голову, и тело его раскрылось, словно кожаный мешок, разрубленный одним взмахом сабли.

Кор Двейн что-то выкрикнул, зло и требовательно, не довольствуясь мыслеречью, слов Гелерра не поняла.

Человеческое, такое человеческое...

Падающие им на головы крылатые твари натолкнулись на щит Соллей, большинство сгорело вместе с составлявшими его рунами, но три бестии прорвались.

Адата видела их близко во всех подробностях – лёгкое тело для стремительного полёта, красная чешуя, словно у драконов, узкие щели чёрных зрачков. Неестественно длинные когти, и клюв, острый, словно наконечник копья.

...Две бестии, что нацелились в затылок Кору Двейну, столкнулись в воздухе, беспорядочно колотя крыльями, упали под ноги Гелерре. Третья резко извернулась в воздухе, кинулась на адату, выставя когти, но гарпия играючи уклонилась. В родном мире её юные сверстники и она сама начинали со схваток в воздухе с такими вот летучими тварями, ловкими, быстрыми и злобными.

Короткий кинжальчик встретил крылатого монстра в воздухе, прошёл точно по шее, рассекая чешую и плоть, отделяя голову, состоявшую, казалось, из одного клюва, от туловища.

Тварь рухнула к ногам Гелерры, ещё в падении теряя очертания, расплёскиваясь на треснувшем хрустале здоровенной кровавой кляксой.

Первая волна разбилась о щиты Соллей, но тучи над скалами уже набухали следующей; алые тени, кружащие, кружащие над ними, готовые пролиться смертоносным живым дождём.

Сущности, воплощения стихий, Новые Маги полукольцом окружили троицу чародеев и их молчаливых аколитов. Гарпия даже засомневалась, а живые ли они вообще? Глаз не поднимают, только покачиваются, словно в трансе, взявшись за руки, да тянут бесконечное «м-м-м...».

Это напоминало не то дуэль, не то известную забаву орков с гномами из числа учеников неблагодарного бога Хедина – кулачный бой стенка на стенку по строгим правилам: лежачего не трогать, ниже пояса не бить, в кулаке ничего не держать и так далее. Лицом к лицу, неподвижно стоя друг перед другом и меряясь чистой силой.

Если честно, от хитроумного Двейна адата ожидала чего-то иного. Более утончённого, более коварного, нежели просто стоять столбом, соревнуясь в умении направлять силу с созданиями, которые изначально

даже не были людьми. Не похоже на Кора, никак не похоже.

...Новые Маги наступали. Гелерра достаточно быстро поняла их несложную стратегию – они, привыкнув считать себя «воплощениями стихий», атаковали тоже стихийной магией, уподобляясь в этом самым обычным смертным колдунам и шаманам. Чудища, молнии – о, вот и классические ледяные иглы! – всё как по учебникам.

...Первое ледяное копьё отразила Соллей, второе разрубил в полёте Скъёльд своей чудовищной секирой, третье поймал голыми руками Кор Двейн – тоже мне, что за ярмарочные фокусы? Поймал, да ещё и метнул обратно – сверкающее древко разбилось на множество осколков, столкнувшись с ледяной же глыбой, возникшей из ниоткуда у него на пути.

Волны катились по окрестным лесам, незримые волны магии, и деревья начали умирать. словно за несколько мгновений они успевали постареть на сотни лет, сгнить изнутри и, подломившись, рухнуть. Над головой Гелерры по поверхности скал бежали трещины, начинали сыпаться мелкие камешки; а Кор Двейн с сестрой и братом по-прежнему в основном отбивали нацеленное в них, сами же атакуя мало, словно все силы их уходили на защиту.

Если они притворяются, подумала адата, то довольно искусно.

Вот полыхнули алым трещины на поверхности каменной сущности, и скалы с болезненным стоном начали трескаться, глыбы величиной с быка катились слева и справа от Кора и остальных; скатывались, неуклюже переворачивались и судорожно, рывками, начинали ползти к краям цепи аколитов.

Этот натиск стихийной магии – неужто всё, на что способны сородичи этой самой Царицы Ночи? Или это просто завеса, ширма, маскировка?

Красные крылатые бестии, словно получив команду, устремились вниз, нацеливаясь клювами, словно пиками. Каменные чудища, натужно скрипя и покрываясь трещинами, наползали с боков; с фронта Соллей в поте лица отбивала рунными щитами то ветвящуюся молнию, то поток выжигающей саму землю магмы, то останавливала и сбивала в живые кучи орды суетливых коричневокожих созданий, по виду насекомых, но размером со среднего пса; эти шевелящиеся, дёргающиеся, щёлкающие жвалами кучи Скъёльд деловито обращал в ничто – их словно перемалывали незримые огромные лезвия, так что мокрые отвратительные лохмотья летели во все стороны, оставляя за собой веера зловонных зеленоватых брызг.

И только Кор Двейн, кажется, ничем не был занят; нет, он тоже плёл какие-то чары, но так быстро и настолько странные, что Гелерра за ним не

поспевала.

«Сейчас. Сейчас будет», – мелькнуло у адаты. Она напряглась, готовая взлететь – в воздухе-то она с этими клювкрылами справится играючи.

Земля вдруг помягчала, ноги адаты ушли по щиколотку во внезапно наполнившийся какой-то жижей грунт. Глянула – жижка была красной и до омерзения живой. В ней что-то кишело, сновало, лихорадочно работало крошечными лапками, словно множество муравьёв в муравейнике.

Один из аколитов вдруг разорвал цепь, взмахнул руками и беззвучно исчез, поглощённый новосотворённым болотом. Топь жадно зачавкала.

Кор Двейн резко обернулся – весь бледный, в поту, лицо перекошено. Кажется, если всё и шло «по плану», то давалось немалой ценой.

– Гелерра!.. – и Кор Двейн ткнул себе под ноги.

Там, где стояли трое чародеев, земля оставалась сухой и крепкой, болото никак не могло к ним подступить.

А вот аколиты подались назад, попятились, ища спасения на мраморных ступенях. Логично – однако для Двейна это было почему-то неприемлемо.

Сфайрат. Дракон Сфайрат.

Нет, она уйдёт лишь в самый последний момент, когда всё будет уже решено.

Гелерра, как умела, одним прыжком взвилась в воздух, белые крылья закружились гибельным ураганом; заклятия разрушения, гибели и распада срывались словно сами собой, и адата вновь услышала слабые отзвуки демона – там, глубоко-глубоко в себе.

Рвать, душить, убивать, выпивать кровь!..

Красные крылатые существа не могли ни остановиться, ни повернуть. Их гнала вперёд воля Новых Магов, они мчались прямо на бешено крутящуюся белую завесу крыл адаты, и каждое маховое перо в них сделалось подобно острому лезвию.

На головы Двейна, Соллей и Скъёльда пролился красный дождь.

Гелерра ощущала дикое, сладостное освобождение. Так порой случалось в азарте молодой охоты; потом, на службе бога Хедина, ей пришлось об этом забыть. И вот опять! – свободна и яростна!

Теперь болото. Его языки проворно тянулись следом за аколитами, мраморные ступени крошились и трескались, алая хлябь наступала; Кор Двейн настоящим тигриным прыжком перемахнул кровавую топь, схватил за шиворот ближайшего аколита, бешено потряхнул, выкрикивая какие-то слова на непонятном языке; тот затрясся, безвольно обвис в руках волшебника, а остальные вдруг опрометью бросились наутёк, вверх по

ступеням.

– Держи, адата! – прорычал Двейн. – Кровь труса!..

И взмахнул кривым кинжалом.

Аколит не успел даже вскрикнуть – обмяк в руках мага, из рассечённого горла потоком хлынула кровь, и там, где она касалась такой же красной топи, жижа начинала стремительно чернеть, дымиться и застывать, трескаясь, словно иссушённый солнцем солончак.

И одновременно адату настиг поток силы – такой яростной, такой обжигающе-горячей, такой податливой, такой – такой, что с ней можно было сделать всё что угодно.

Безо всяких «чар».

Меж тем вдруг упала на одно колено Соллей – во всяком случае, волосы её обрисовывали теперь фигуру именно упавшей на одно колено; Скъёльд выругался, подхватил названую сестру под руку, попытался поднять, но в бок ему врезался напозавший справа громадный валун.

Нет, Скъёльд всё равно выпрямился, всё равно поднялся, и Соллей тоже, однако волосы чародейки сделались красными до самой середины, и она как-то подозрительно вдруг обвисла, цепляясь обеими руками за плечо чародея с вытатуированными драконами на черепе. К ним бросился поток коричневых тварей, Скъёльд разметал его, однако, когда на миг обернулся к Кору Двейну, всё лицо его покрывала кровь.

– Сейчас!.. – гаркнул он, и это Гелерра поняла.

Сама же она, наполненная жизненной силой жертвы, легко развернула обрушившийся на неё поток; преображая в яростный жар, направила вниз, испепеляя, сжигая и развеивая сам пепел той красной субстанции, что вот-вот, ещё немного, и поглотила бы и Скъёльда, и Соллей; непонятным образом оставался неуязвим для неё один лишь Кор.

Исторгнутый адатой жар жёг и иссушал, кровавая топь стремительно съеживалась, покрывалась чёрной коркой, трескалась; но двое сородичей Двейна оказались сдавлены каменными глыбами, по бокам валунов стремительно карабкались змеевидные лианы, раскрывая самые настоящие пасти; и Скъёльд, отчаянно прикрывая собой сестру, выкрикнул вдруг:

– Не... удержать! Кристалл, Кор, кристалл!..

Казалось, Двейн колеблется – алая трясина быстро исчезала, превращаясь в каменно-твёрдый чёрный монолит – но сестра и брат погибали, черные жукоиды ринулись на них, перебравшись через камни, лианы вцепились в волосы Соллей, и волшебница закричала, тонко, предсмертно; и тогда Кор выхватил откуда-то из-за пазухи такой знакомый Гелерре зелёный кристалл.

Адате показалось – она слышит многоголосый вопль, полный изумления и отчаяния. В движение пришла поистине чудовищная сила, точнее, даже две, два её потока. Один – тщательно собранный, аттенуированный, артикулированный и упорядоченный Кором Двейном; и другой – высвобожденный зелёным кристаллом.

Эта сила была совершенно чужая, холодная и непонятная. Дальняя Сила, как, наверное, сказал бы бог Хедин. Неизвестно, что хотел с ней сотворить Кор Двейн, если бы не припёрло, но сейчас она с успехом доламывала и добивала всё, что ещё имело хоть какие-то определённые формы.

Рушились с грохотом скалы, лавины катились слева и справа от арки входа, катились, дробясь до песка и пыли; валились ещё остававшиеся стоять деревья, землю пронзали острия громадных зелёных кристаллов, однако и они тоже распадались во прах.

И одновременно все восемь сущностей, сутей восьми Новых Магов охватило агатово-блестящими сферами – из исходного заклинания Кора Двейна, поняла Гелерра. Чары загадочного волшебника проскользнули сквозь бушевавший хаос, вцепились, присосались, обхватили; зелёный кристалл, покрываясь трещинами и распадаясь, послал вокруг волну всеобщего распада, мгновенного застывания, сменявшегося измельчением в пыль.

Гелерра слышала – смутно и словно издалека или сквозь вату – стоны, вопли, истошные крики, полные злобы, недоумения, отчаяния; бессильные угрозы, не менее бессильные посулы.

Агатовые сферы сжимались, мечущиеся в них сущности бились в стены своих вместилищ, но всё напрасно.

...Перед троицей магов и адатой посреди дикого хаоса лежало восемь гладких тёмных шаров. Они слегка отличались друг от друга – игрой света на полированной поверхности, где-то мелькали слабые проблески молний, где-то блики напоминали радуго.

Чародеи молчали. Выглядели они все прескверно, Кор Двейн и Скьёльд старались наложить какие-то чары на бестелесную плоть сестры; получалось у них плохо, сила им почти не повиновалась, да и сами они были изранены.

Гелерра, помешкав лишь самую малость, кинулась помогать. Нет, как же правильно она поступила, не кинувшись наутёк, не поддавшись панике, как эти аколиты!..

– Спасибо, адата, – выдохнул Двейн. – Ты нам очень, очень пригодилась. Мы в долгу.

– Да, в долгу, – кивнул Скъёльд, глядя, как гарпия умело закрывает серией несильных, но точных заклятий длинную и паскудно выглядящую рану на его груди, уже успевшую загноиться – там прошлись жвалы одного из жукоидов.

– В... долгу... – простила и длинноволосая чародейка. – Спасибо... доблестная... адата...

– Вы тоже помогли мне, – не глядя им в глаза, сказала Гелерра, невольно коснувшись так и не понадобившегося ей амулета Соллей. Глядишь, ещё сгодится в будущем. – Спасли от демона во мне самой. И потом... Но – что всё это? И где Матфей?..

– Бедолага тут, совсем неподалёку, – сообщил Кор Двейн. – Пришлось повозиться, чтобы не задеть его ненароком. Идёмте, заберём их с Царицей обратно. Паренёк-то способный и с характером, жалко терять.

– Но... он же... предал?..

– Предал? Ну что ты, достойная адата! Мы вели его к этому, хоть и без его ведома. А устоять перед чарами Царицы Теней – на такое мало кто способен. Я его не виню. Что с ним делать – придумаем.

– А... эти... – Гелерра кивнула на восемь тёмных агатов.

– О, они вскоре получают свободу, – небрежно бросил Двейн. – Вот только обеспечат нам силой одно маленькое такое заклинание... совсем-совсем простенькое...

– Которое, – сумрачно проговорил Скъёльд, – уже начало действовать, так что надо спешить, силы потребуется много, и очень скоро. Пружина сработала, пробой осуществлён успешно, он провалился, куда мы и хотели, – ты не почувствовал, Кор?

– Почувствовал, – безмятежно сказал Двейн. – Но об этом, брат, мы поговорим после. Пока же давайте глянем, что у нас тут...

– Тут у нас Ракот Восставший, – бесцветным голосом прошептала Соллей.

Гелерра ощутила, как земля уходит у неё из-под ног, да так, что и впрямь пришлось опереться на крылья.

– Ракот?

– Восставший?

Кор Двейн и Скъёльд глядели на сестру, выпучив глаза.

– Да. Он был здесь. Дальние... воспользовались. Он... как Владыка Тьмы... стал уязвим. Я... чувствую.

Ракот Восставший не знал, что именно случилось и почему вдруг его темница стала раскалываться на куски, сперва на крупные, а потом всё мельче и мельче.

Он только ощущал, что вновь летит, летит в какую-то бездну, и слышал дикий вопль того или той, что только что с таким апломбом рисовала ему грядущую невесёлую судьбину.

Всё пошло совсем не так, как мечталось, злорадно подумал Восставший. Он постепенно освобождался; это получалось несколько медленнее, чем желалось, но в конце концов – стой! Что это?!

...Ощущение было такое, словно он со всего размаха влетел в поток нестерпимо горячей лавы, нестерпимой даже для него. Ракот ощутил это, словно гигантскую, невероятно длинную рану, разруб, раскол, тянувшийся сквозь миры и Межреальность; по Упорядоченному словно прошёлся исполинский меч.

Он падал, корчась от боли, сбрасывая последние остатки оков, но не в силах ещё управлять собственной сущностью, не в силах ещё облечься плотью – а потом боль и пламя внезапно кончились, и он вновь падал сквозь Междумирье... но уже какое-то другое.

Здесь было мало магии, словно воды в хорошо выжатой губке. Течение силы ощущалось еле-еле, словно в застойной старице с ещё не до конца заросшими и заилившимися протоками. Магия двигалась, но как будто бы с трудом, натужно; и это совершенно не походило на обычную Межреальность.

Закрытый мир? Или – бери больше – закрытая область? Дно Миров?

...Но тут с него свалились последние остатки пут. Он был вновь свободен – Ракот Восставший, Владыка Тьмы!..

Падение замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. Вокруг была Межреальность, такая, какой он её и знал... хотя, пожалуй, это больше смахивало на какие-то дальние, окраинные области Упорядоченного, где уже недалеко и до пределов Хаоса.

Хорошо рвануло, конечно. Кто, как, зачем и почему устроил всё это, куда делись Новые Маги и то, что говорило с ним, – Ракот сейчас не думал.

Выбраться отсюда и вернуться к войску, к его Тёмным Легионам, что ждут возле Обетованного.

* * *

...Вокруг них расстился хаос. Нет, не тот, что за чертой

Упорядоченного, не первозданная субстанция, из которой всё вышло. Два последних заклатья Кора Двейна перемололи рукотворный рай Новых Магов, обрушив и обратив в ничто абсолютно всё, что здесь было. Гелерра не видела больше ни лесной зелени, ни синевы речных извивов; нигде не блестели золотые купола, нигде не поднимались белые стены, башни и башенки; взору адаты предстала лишь угрюмая картина полного разрушения.

Насколько мог окинуть острый взгляд гарпии, под ней тянулись пространства Межреальности, возвращённые к исходному состоянию, и притом изувеченные сильнейшей магией так, что не осталось вообще ничего, и сама твердь Междумирья опасно прогибалась под её крыльями.

Однако посреди этого хаоса остался один-единственный крошечный островок, не затронутый всеуничтожающими чарами.

И окружало его кольцо огня, полыхавшего прямо на хрустальных плитах, по-прежнему старательно менявших цвета.

В кольце пламенных языков сидел, скрестив ноги, бледный юноша, и рядом с ним посвёркивало стёклами какое-то странное устройство, более всего напоминающее искусно сделанную чародейскую лампу, где свет дают чары, а не горящее масло.

– Э-гей, сударь мой Исидорти! – Кор Двейн весело помахал ему рукой. Они шли втроём – он, Скъёльд и Соллей, всё ещё опиравшаяся на руку названного брата. Гелерра парила наверху.

Матфей вздрогнул и втянул голову в плечи.

Тем не менее адата увидела, что все плиты перед ним просто испещрены рунами, символами вызова демонов. Он не собирался сдаваться; он собирался дорого продать свою жизнь.

– Что это там у тебя, дружище? – Кор Двейн сделал небрежный жест, и пламя расступилось. Точнее, он очень бы хотел, чтобы жест выглядел именно небрежным, но Гелерра ощутила его боль. Чародей тоже держался из последних сил, а где-то внутри, искусно скрытая, зияла наспех затянутая рана. – О, как замечательно. Ты настоящий знаток демонологии, приятель. Ну, хватит сидеть с видом повешенного, вставай и пошли. Здесь всё может обвалиться в любой момент.

Исидорти глядел на улыбающегося волшебника широко раскрытыми глазами и молчал.

– В самом деле, парень, хорош просиживать штаны, – вступил Скъёльд. – Никто не собирается перерезать тебе горло или заточать в темницу...

– Потому что ты сделал то, что нам от тебя требовалось, –

прошелестела Соллей. – Мы не могли отыскать логовище сородичей пленной Царицы, и сама она никогда бы не показала – пытки к ней не применить, она не почувствует боли.

– И тогда мы устроили это старое как мир представление, – с делановиноватым выражением развёл руками Кор Двейн. – «Подстроили побег». Да-да, я знаю: это банально и совершенно лишено новизны. И мы ничего не могли сказать тебе – она прочитала бы обман. Поэтому тебе пришлось предать нас по-настоящему.

– Но ты оказал нам огромную услугу, Матфей Исидорти, – негромко и словно бы с трудом выдавила Соллей. – Поэтому мы наградим тебя. Наградим и отпустим на все четыре стороны. Упорядоченное велико. Ты многое знаешь и умеешь...

– Найдёшь мир по себе, – подхватил Кор. – Станешь знатным варлоком, настоящим знатоком демонов. Своя башня, почёт и уважение, раболепные поклоны, страх в глаза обывателей и самые лучшие девочки...

– Двейн!

– Что, сестра? Я всего лишь говорю как есть. Конечно, он не может не думать о женщинах, конечно, он их хочет...

Соллей закатила глаза.

– Ладно, прости. В общем, Матфей, мы против тебя ничего не имеем. Ты нас предал, да, и оставаться моим учеником не можешь; но и вреда тебе мы не хотим. Награду предлагаем от чистого сердца; если же ты предпочтёшь, можешь уйти прямо сейчас. Тебе хватит умения проложить тропу сквозь Межреальность. Или вернёмся с нами в замок. Возьмёшь золота, сколько сможешь унести, вернее, увезти во вьюках. Оружие, одежда, снаряжение, магический припас, книги...

– Это... всё... было... обманом... – просипел Матфей, и Гелерра ощутила нотки безумия в его голосе.

– Ну да. Поэтому я не сдираю с тебя кожу живьём, как положено было бы за измену своему учителю и благодетелю, – с неожиданной жёсткостью бросил Двейн, – а уговариваю и упрашиваю снизойти и принять награду. Смотри, Исидорти, предлагаю её я только один раз...

Матфей принялся раскачиваться, обхватив плечи руками.

– Здесь – здесь всё погибло – все – кто тут был – слуги – звери – птицы...

– А также насекомые, – перебил Кор. – Черви, змеи и так далее. Чешуе- и перепончатокрылые. Пресмыкающиеся и земноводные. Что дальше?

– Вы убили всех... всех... – Матфей глядел прямо перед собой, но

Гелерра не сомневалась, что видит он сейчас что-то совсем иное.

– Мне некогда, – резко сказал Двейн. – Решай, и быстро. Не испытывай моё терпение. Иначе...

Матфей Исидорти резко взмахнул рукой, и пресловутая «лампа» с заключённой в ней Царицей Ночи взлетела, кувыркаясь, в воздух.

Адата со скоростью падающего на добычу коршуна ринулась наперерез, но Матфей оказался ещё быстрее. Его заклятие опередило Гелерру на долю мгновения, кристаллические стёкла «ламп» лопнули, металлические части согнуло и изломало; над падающими обломками мелькнула стремительная тень, завис на секунду тёмный силуэт женщины – и исчез, только прынула за горизонт стремительная молния.

– Будь... свободна... – прошептал Исидорти. – Ты... хорошая.

Трое магов не были захвачены врасплох, они тотчас же сдвинулись, плечо к плечу, спина к спине; но Царица Ночи благоразумно решила, что ей лучше обратиться куда-нибудь подальше.

Наступила тишина. Матфей по-прежнему тупо глядел перед собой.

– А вот это, – медленно сказал Кор Двейн, – была ошибка.

– Она сбежала, – презрительно бросил Скъёльд. – Ты пожертвовал всем ради неё, но рекомая Царица и её родственнички всегда думали только и исключительно о себе. На тебя ей плевать, Исидорти.

– Он обезумел, брат, – прошептала Соллей. Кажется, в глазах её мелькнуло нечто вроде жалости.

– Может, он и не в себе. Но он испортил мне чистую и абсолютную победу; а Кор Двейн такого не прощает.

...Матфей дёрнулся, закричал, несколько рун вспыхнули, наливаясь жизнью и яростью; но Кор Двейн был уже рядом, и кривой кинжал в его руке ударил точно.

Гелерра вздрогнула и поспешно отвернулась.

Это не моё дело, это не моя война, пусть режут друг друга сколько хотят...

– Жёстко, брат, – Скъёльд склонился над неподвижным телом, закрыл глаза мёртвому.

– Он умер быстро и без мучений, – сухо сказал Кор Двейн. – Как в бою. Хотя за подобный фокус с него и впрямь следовало бы живым содрать кожу. Нет, не трогай его, сестра. Не трогай, досточтимая адата. Пусть валяется, удобряет собой Междумирье...

...Они уходили, оставляя позади громадную воронку из разрушенной, истёртой во прах Межреальности, и крошечное мёртвое тело на столь же крохотном острове из чудом уцелевших хрустальных плит, по которым всё

так же бегали, свиваясь в причудливых узорах, мягкие тёплые огоньки.

– Так, погоди, брат... – Скъёльд яростно тёр наголо обритый череп, сняв высокий шлем. – Брат... это ведь получается...

– Ну да, трудно поверить, – спокойно сказал Кор Двейн, но шедшая рядом Гелерра ощущала, в каком он диком, неописуемом возбуждении и каким трудом ему даётся это спокойствие. Он, казалось, даже забыл о ране. – Всё, что должно выстрелить, выстрелило. Не знаю даже теперь, найдётся ли у меня время на визит в Долину Магов.

– Должно найтись, они нам понадобятся, – вставил Скъёльд.

Кор Двейн кивнул.

– Наверное. А пока что обещанное нами – исполняется. В точном соответствии, – губы его кривились, зубы слегка лязгали, – в точном соответствии с тем, что мы посулили сделать.

– В точном... – подхватила Соллей.

– Соответствии... – закончил Скъёльд.

– Именно, сестра, именно, брат. В точном соответствии. Мы не какие-то там шарлатаны и не боги.

Гелерра скромно помалкивала и старательно делала вид, что её тут вообще нету.

Они все вчетвером выбрались из исполинского кратера. Мраморная лестница исчезла бесследно, а вместе с ней и все до единого аколиты, исчез и обоз. Непохоже, правда, что Кора Двейна, или Скъёльда, или их сестру хоть в малейшей степени интересовала судьба служивших им.

– Сработал главный триггер, – негромко, мечтательно, словно о любимой женщине, проговорил Кор. – Запустились все остальные каскады. Насколько успешно идёт разделение – точно сказать нельзя, пока не вернёмся в замок, но по ощущениям – всё в порядке.

– Всё в порядке... – зажмурилась Соллей. – Да, так и хочется сказать: «Но ведь это же...»

– Новый порядок, – перебил Двейн. – Только не надо забывать, что вот эти восемь камешков, – он погладил кожаную перевязь, где в тщательно застёгнутых кожаных карманчиках покоились восемь агатовых камней размером с полкулака каждый; девятый карманчик остался пустым, – что вот эти восемь камешков помогут нам завершить всё куда быстрее и проще.

– А Дальние пусть убираются подальше, если им всё это придётся не по нраву! – захохотал Скъёльд. Соллей улыбнулась скользящей змеиной улыбкой.

– Вот именно, пусть убираются. Конечно, наша дорогая Царица осталась, и это, признаюсь, меня несколько заботит...

– Мы взяли её один раз, возьмём и другой, – решительно сказал Скъёльд.

– Конечно. Сейчас она слишком напугана, слишком шокирована. Но подумать об усилении защиты надо уже сейчас.

– А наши... наниматели? – осклабился Скъёльд. – Когда они собирались явиться за своим призом?

– Они уже там, – ухмыльнулся Кор Двейн. – И там всё именно так, как они и хотели. Никаких Познавших Тьму и Восставших. Никаких Духов Познания или Соборной Души. Тихо, мирно, спокойно, изначально. Вот только с новыми «Истинными» Магами там нехорошо получилось, – Скъёльд вновь захохотал, и Соллей снова улыбнулась жуткой своей улыбкой. – Не полное соответствие, не всё как было.

– Посмотрим – если они выдержат окончание процесса, можно будет и их отправить... к нашим нанимателям, – предложила она. – Должны же они кого-то определять... в мелкие лесные духи.

– Не забегай вперёд, милая сестрица, – засмеялся и Кор. – Пока что надо добиться, чтоб все рассечения прошли строго по проложенным меридианам и чтоб все закладки во всех мирах сработали строго, как должны. И тогда уже...

– Ну, тогда можно поговорить о нашей достойной адате, – вдруг обернулась к ней Соллей. – Мы должны вознаградить её. Достоинно вознаградить!

– Конечно, – кивнул Кор Двейн. – Высокочитимая Гелерра, знай, что мы очень и очень признательны тебе. Если б не ты, наша победа... могла стоять нам куда дороже. Я надеюсь, ты не станешь... – Он поморщился. – Прости, я плохо сказал. Несчастный Матфей, бедный глупец... Царица Ночи совсем вскружила ему голову. Откровенно говоря, я надеялся, что он покрепче. Впрочем, уже не важно. Говори, достойная адата. Что мы можем для тебя сделать?

– Вы уже сделали, – тихонько ответила Гелерра, поглаживая белые маховые перья. – И я тоже говорила – долг платежом красен, мы в расчёте.

– Конечно. Но всё-таки, адата? Ты слышала, что я предлагал Исидорти. Конечно, самым лучшим будет, если ты решишь остаться и помогать нам – тогда поднимешься очень, очень высоко, ибо старый мир уходит в небытие, наступает черёд нового, прекрасного – без богов и им подобных, где править будут лучшие из магов по праву знания, а не некоей «божественности»; но неволить тебя не буду.

– Мне кажется, я знаю, – вдруг усмехнулась Соллей. – Нашу адату не соблазнить золотом или чем-то подобным, она служит правде, той правде,

что у неё внутри. Но всё-таки есть одна вещь, от которой не откажется даже неподкупная Гелерра.

Гарпия независимо вскинула подбородок и сощурилась. Вот, значит, как... Соллей знала, знала с самого начала...

– Так, братцы, – решительно скомандовала та. – Нам с Гелеррой надо кое о чём пошептаться. Посекретничать о нашем, о девичьем...

Скьёлд хмыкнул, Кор слегка улыбнулся – и потянул брата за локоть.

– Пошли вперёд. Пусть себе секретничают.

Соллей нежно взяла гарпию под руку.

– Сфайрат, – шепнули Гелерре на ухо губы волшебницы. – Сфайрат, с которым я бы охотно позабавилась сама, не буду притворяться, дорогая. Но для меня это именно забава, а у тебя с ним всё может получиться. И ты заслужила. Я не буду тебе мешать. Вернёмся в замок, а там... всё в твоих руках и крылах, адата.

* * *

Познавший Тьму знал, что они победили. Ловушка сработала, и, несмотря на падение, и он, и его армия были готовы к бою. Да, они провалились – похоже, это излюбленный приём их с Ракотом противников, – но сковать их не удалось, эти контуры чар оказались разрушены в самом начале.

Устроители капкана слишком щедро разбрасывались заклинаниями, и заклинаниями уникальными. Они очень сильно рисковали, потому что Новый Бог – не Истинный Маг – сумеет их теперь выследить.

Дно Миров – да, так и есть, оно. Совсем лишены воображения эти выскочки. Что ж, подъём отсюда к Хьёрварду будет недолгим, это не то что в прежние времена, когда он вытаскивал отсюда развоплощённого Ракота.

– Великий!.. Великий бог Хедин!..

А, Кирвад. Лесной бог мчался к Познавшему Тьму так, словно за ним гнался сам Ямерт со всеми присными.

– Великий Хедин! Что-то не так с силой!

Кирвад весь покрылся потом и дрожал крупной дрожью.

Да, с силой что-то было не так. Её явно не доставало, и текла она слабо, едва-едва.

– Что-то не так с силой, – Кирвад выбивал зубами дробь.

– Не бойся, ты со мной, – словно ребёнку, сказал Хедин. – И вы все со мной. Мы справимся. Успокой наших, я сейчас буду всех выводить отсюда.

В мире под названием Хьёрвард, похоже, большая беда, нам надо попасть туда как можно скорее...

– Да, Великий, – Кирвад истово поклонился и тотчас умчался, стуча копытами.

Познавший Тьму быстро достал розовый кристалл. Совсем недавно он отчаянно пульсировал, зовя на помощь, но сейчас сделался не просто недвижимым и безжизненным – он стал совершенно пустым. Незримая нить силы, соединявшая его с братьями, вручёнными подмастерьям, разорвалась.

Такого не случалось никогда и случиться не могло. Можно было закрыть кристаллы сильными отводящими магию чарами, сделать посылку вестей невозможной, но даже тогда его, Хедина, кристалл, главный кристалл бы не умер так, как умирал сейчас.

Случилось что-то поистине страшное и поистине небывалое. Даже если бы подмастерья погибли все до единого (что невозможно), даже если их кристаллы какими-то невероятно могущественными чарами растёрли в пыль – даже эта пыль отозвалась бы на зов главного камня.

И сам главный камень выглядел бы совершенно по-иному. По-иному бы ощущался.

Познавший Тьму замер на пару мгновений, не больше. А потом раздались его резкие слова, команда, которую услыхало всё войско:

– К маршу!..

...Это были какие-то очень странные окраины Упорядоченного. Сила там может течь бурно и яростно, словно горная река – но не сочтётся еле-еле. Конечно, на чары ему, Познавшему Тьму, хватит, а вот колдуны и шаманы его армии едва ли смогут сплести и самое простое заклинание.

Не важно. Он займётся этим странным феноменом после. Пока что – в дорогу, к Хьёрварду, прямым путём...

Прямого пути не было.

Познавший Тьму словно налетел со всего размаха на каменную стену, врезавшись в неё лбом.

Упорядоченное словно разрезали или поставили прямо поперёк него стену.

Стену... из Хаоса.

Чепуха! Чушь, такое невозможно!..

«Истинный Маг ничего не считает невозможным».

Кажется, так говорил Мерлин. Или так говорила Фелосте?

Кристалл утратил связь.

Исчезла ощущаемая Новым Богом прямая дорога к Хьёрварду.

А это могло означать только одно – непредставимое, но тем не менее.

Упорядоченное рассечено, и Хаос ворвался в рану.

Познавший Тьму замер, обратившись в статую. Рука тискала эфес.

Его не пытались «изловить» или «заточить». Этот враг оказался хитрее. Они решили, что им достаточно «сбросить» его в «отрубленную часть».

Что ж, ему за последнее время уже удалось одно «небывалое». Спаситель отступил из мира, который уже, казалось, был полностью в его власти.

Пришла пора показать, что чудеса этим не исчерпываются.

Эпилог

Локи глядел на Фенрира, а тот, замерев, на своего отца. Один за другим к новому Иггдрасилю подходили другие асы, наспех натянувшие одежду, возрождённую Старым Хрофтом вместе с сундуками и другим убранством Асгарда.

Тор, Сиф, Фрейя, Хеймдалль, Идун, Ньёрд, Тюр, Браги, Гевьон, Фулла, Видар, Эйр...

И другие.

Они собирались в благоговейном молчании, глядя на неподвижное тело Отца Богов.

Рыжебородый Тор растерянно замигал, Сиф прижалась к его плечу, утирая глаза.

– Нет, – вдруг сказал Локи. – Рано плакать. Великий Óдин вывел всех нас из смертной тени, и теперь настал наш черёд. Он тут, он недалеко, я чувствую его... Тор!

Извечный друг-соперник Локи, не раздумывая, встал рядом с богом огня.

– Что вы собрались делать? – сварливо осведомился посланец Дальних. – Старый Хрофт ушёл в смерть. Он так выбрал...

– Не оскорбляй, чужеземец, нашего отца и повелителя, – отрезал Локи.

– Он дал мне слово!..

– Значит, мы его исполним, – прорычал Тор, а молчаливый Видар, хоть и безоружный, беззвучно надвинулся на посла.

– Вы? Вы поведёте это воинство? Которые мы собрали с великими трудами?

– Может быть, и мы, – хладнокровно сказал Локи. – Наш повелитель вернул нам нас. Мы не допустим урона его чести.

– Только Старый Хрофт мог бросить вызов злобным и вредоносным сущностям, которые...

Над телом Отца Дружин медленно склонилась ещё одна фигура. Статная, величественная, настоящая Мать Богов.

Фригг.

Её пальцы легли на холодные виски мужа.

И она позвала.

...Старый Хрофт плавал в сером тумане. Он ощущал, что дело

сделано, что Асгард будет вновь полон жизнью, а что касается этого нового источника – Локи разберётся. Он хитроумный, он сможет.

Так хорошо, так спокойно. Долг исполнен, его род будет жить. Упорядоченное велико, всем хватит места.

Дети будут жить, ну а он – он уйдёт, может, на их место к Демогоргону, чтобы не так гневался великий дух, чьи границы они так непочтительно нарушили.

Сила плескалась вокруг него, ласково и нежно. Асгард, как и положено, плыл высоко над туманами смертного мира, мира Хьёрварда, где когда-то кипели свирепые битвы с grimтурсенами, где свистел, поражая врагов, молот его старшего сына; асы любили друг друга, ссорились, мирились, изменяли, ревновали – всё как у живых, несовершенных, но потому и живых, именно в этой несовершенности, неупорядоченности, неуравновешенности.

Где нет страсти, там нет движения, там наступает вечный покой.

Старому Хрофту казалось, что он видит под собой очертания материков и океанов Хьёрварда. Горные хребты, леса, широкие степи, города – всюду жизнь, она кипит и продолжается.

Она продолжается – а он отдал себя всего и должен уходить. Отдаться тихому потоку, дать унести себя прочь, по прямому пути, туда, где высится Великое Древо.

– Нет, дорогой...

Голос, так похожий на Фригг и так не непохожий. Признаться, Старый Хрофт гораздо больше привык к громовым его раскатам, когда законная супруга укоряла его очередной девчонкой-валькирией, явившейся в Асгард.

Только что горшками не кидалась, за неимением оных.

А сейчас – она звала негромко, завораживающе, словно имея власть над мёртвыми.

Да – она же имела! Имела власть именно над мёртвыми, хоть и не такую, как жуткая Хель!

Фригг звала его, шептала на ухо слова, которые знали только они двое и которые произносили только друг другу.

Сила вокруг Старого Хрофта дрогнула, взволновалась. Едва ощутимо, но он, пребывая меж жизнью и смертью, почувствовал.

Хьёрвард. Его мир, его люди в нём. Он был его задолго до ямертов и хединов. Он был там первым.

И сейчас Хьёрвард содрогнулся.

Спазм боли прокатился по миру, вырвался в Упорядоченное, достигая Асгарда.

Взгляд Старого Хрофта скрестился с другим взглядом, взглядом сущности, успевшей укорениться в Хьёрварде и готовой объявить его своим.

«И ты тоже мой», – казалось, говорил этот взгляд.

Всё – моё. Всё в меня вернётся и во мне пребудет.

Отец Дружин не мог поверить; и от спокойствия его, от умиротворённости не осталось и следа.

... – Локи! Помогай!

Фригг звала, тянула на себя незримый, но донельзя тяжёлый груз. Волк Фенрир вновь принялся лизать Старому Хрофту лицо, словно был и не волк вовсе, а верный пёс; меж ладонями Локи заматались языки пламени, он положил их на грудь названому старшему брату, и пламя исчезло, словно втянутое в сердце.

Тор осторожно и неловко взял владыку Асгарда за руку, крепко стиснул.

– Отец... не оставляй нас... отец!..

«Всевеликий Дух, могучий Демогоргон, – взмолился про себя Фенрир. – Прошу тебя и заклинаю – возьми то, что не даёт мне умереть, отдай его Отцу Дружин! Он нужен, я – нет. Помоги, прошу! И я по доброй воле приду к тебе, буду верно служить, куда будет тебе угодна моя служба!..»

Кто знает, услышал ли его Соборный Дух, но недвижные веки Старого Хрофта внезапно дрогнули.

...Он слышал их, слышал своих асов. И изо всех сил постарался всплыть из внезапно оледеневших глубин к поверхности, где воет ветер и «драконы» режут высокими носами белопенные волны.

Этот мир – мой!

И это – моя жена!

Мои сыновья и дочери! Мой род! Мои братья!..

Он знал Того, чей взгляд преследовал его, пытаясь затащить глубже в Смерть. Спаситель спустился в Хьёрвард – Старый Хрофт слишком хорошо знал, чем кончаются подобные пришествия.

А прямо сквозь Межреальность к Хьёрварду двигалось ещё и войско – войско мёртвых во главе с такой знакомой фигурой в тёмных доспехах.

Их туда тянул тот же взгляд, тот же приказ.

Ты никогда ничего не забываешь, Спаситель. Мёртвые служат тебе и помогают исполнить страшные твои пророчества.

Значит, он, Старый Хрофт, должен преградить им путь.

Нет, уходить нельзя, как бы ни хотелось!

Прости меня, Великий Дух. Я знаю, настанет день, когда я стану-таки твоим гостем, но пока...

Толчок, толчок, ещё один...

– Отец!

– Муж мой!..

– Брат... – последнее еле слышно произнёс Локи, пряча обожжённые ладони, хотя пламя, казалось бы, не должно вредить своему повелителю.

Старый Хрофт выпрямлялся, по груди, бороде, усам стекала вода, словно магия преобразилась, обретая обыденный вид.

В глазах всё ещё плыло, но впереди маячила фигура посланца, и глас Отца Дружин прогремел над Асгардом Возрождённым так, словно в дни Боргильдовой Битвы.

– Я поведу твоё войско, Дальний!.. Сейчас! Немедленно!..

notes

Примечания

«Старшая Эдда», «Речи Высокого» // Пер. с древнеисландского А. Корсуна. Под ред. М. Стеблина-Каменецкого. Библиотека всемирной литературы. Том 9. М.: Худож. лит., 1975.

См. роман «Хедин, враг мой», том 2, стр. 94. *«На первой же странице аккуратнейшим, каллиграфическим почерком мессира Архимага языком Долины было выведено: «Теоретические основы и практическая реализация совокупности заклинаний для пленения божественных сущностей любой силы».*

См. роман «Гибель Богов», стр. 90. «Вместе с Сухой Рукой они набрали лапника для подстилки и вернулись к угасшему костру. Луна светила прямо в лицо Хагену, свет ее показался тану непривычно ярким – приходилось чуть ли не жмуриться. Он бросил охапку веток на землю, повернулся... и замер.

Он отбрасывал две тени!

Две совершенно одинаковые, расходящиеся под небольшим углом друг к другу, слегка перекрывающиеся, совершенно четкие тени, словно позади него горели две ярких масляных лампы. Разумеется, никаких ламп на Холме Теней не было; Хаген подавил невольное желание обернуться и взгляделся пристальнее. Одна тень лежала совершенно неподвижно, как и положено, вторая же, напротив, чуть заметно колыхалась, временами по ней словно пробегала легкая рябь. Хаген медленно опустился на груды лапника – тени повторили его движение. Тан не ощущал никакой угрозы; тем не менее внутри у него все напряглось и оледенело. Раньше он никогда не слышал о подобном и, признаться, сейчас не знал, как поступить».

4

Menstruum universale – универсальный растворитель (*лат.*).